

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

Сергей Михеенков

**АРМИЯ,
КОТОРУЮ
ПРЕДАЛИ**

**ТРАГЕДИЯ 33-Й АРМИИ
ГЕНЕРАЛА М.Г. ЕФРЕМОВА**

1941—1942

**НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ**

Сергей Михеенков

АРМИЯ, КОТОРУЮ ПРЕДАЛИ

**ТРАГЕДИЯ 33-Й АРМИИ
ГЕНЕРАЛА М.Г. ЕФРЕМОВА**

1941-1942

**Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ**

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

М69

Серия «На линии фронта. Правда о войне»
выпускается с 2006 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Михеенков С.Е.

М69 Армия, которую предали. Трагедия 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. 1941—1942. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 351 с. — (На линии фронта. Правда о войне).

ISBN 978-5-9524-4344-0

Трагедия 33-й армии все еще покрыта завесой мрачных тайн и недомолвок. Командарм М.Г. Ефремов не стал маршалом Победы, он погиб под Вязьмой в тяжелом 1942 году. Защитник Москвы, освободитель Наро-Фоминска, Вереи и Боровска, сотен сел и деревень Московской, Калужской и Смоленской областей, он со своей армией дальше всех продвинулся на запад в ходе контрнаступления советских войск под Москвой, но, когда был окружен и возникла угроза плена, застрелился.

Историк и писатель Сергей Михеенков, долгие годы изучающий причины и обстоятельства гибели генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова и его армии, проливает свет на эти события. В своей книге, основанной на обширной архивной базе, он открывает неизвестные страницы истории второго Вяземского окружения, рассказывает о непростых взаимоотношениях, которые сложились у генералов М.Г. Ефремова и Г.К. Жукова.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

© Михеенков С.Е., 2009
© ЗАО «Центрполиграф», 2009
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполиграф»,
2009

ISBN 978-5-9524-4344-0

АРМИЯ, КОТОРУЮ ПРЕДАЛИ

**ТРАГЕДИЯ 33-Й АРМИИ
ГЕНЕРАЛА М.Г. ЕФРЕМОВА**

1941-1942

КТО НЕ БОИТСЯ УГРОЗЫ ГИБЕЛЬЮ...

Генерал-лейтенант М.Г. Ефремов не вошел в плеяду полководцев Великой Отечественной войны, которые довели своих солдат до чертогов Победы, за что заслуженно получили маршальские звезды, а также золотые и алмазные звезды орденов и медалей. Он остался в истории войны как командующий 33-й армией. Хотя в ходе боев командовал и 21-й, и 10-й армиями, был даже командующим Центральным фронтом.

Но именно с 33-й накрепко, теперь уже навсегда, связано его имя. По сути дела, эти две категории, два сочетания слов в их смысловом наполнении равнозначны: 33-я армия и генерал Ефремов. Потому что, когда говорят о 33-й армии, вспоминают и генерала Ефремова. Когда говорят о генерале Ефреме, вспоминают его погибших солдат.

В последние годы интерес к судьбе 33-й армии и имени ее командующего заметно возрос. Одна за другой выходят книги, в различных изданиях появляются новые исследования и публикации, создаются телевизионные фильмы, проводятся тематические научно-практические конференции. Историки, писатели и журналисты воссоздают события октября 1941 — апреля 1942 года. Уже расписан буквально по дням ход боевых действий дивизий и подразделений, входивших в состав 33-й армии. В Вязьме, Юхнове, Тарусе, Наро-Фоминске и других городах России созданы музеи. В народе о генерале Ефреме слагают легенды. Его так и называют — легендарный командарм.

Что же происходит с именем генерала? А может быть, этот вопрос необходимо опрокинуть в самих себя, глубже, чтобы он зазвучал еще и так: что же происходит с нами?

Жизнь человеческая конечна и до обидного коротка. Еще более короткой бывает память об умершем. Но есть судьбы, над которыми время теряет свою магическую власть и всепоглощающую силу, ту власть и силу, которая сродни слепой и неумолимой силе земли, дерна, со временем способных даже величайшую цивилизацию с ее развитой культурой превратить в ничем не примечательный пустынный рельеф.

Живую суть имени генерала М.Г. Ефремова возвысила его смерть. Его трагедия. Его стенания и страдания, которые слились со стенаниями и трагедией в вяземских и юхновских лесах двенадцатитысячной его армии.

Русский философ Борис Петрович Вышеславцев, много размышлявший об этике долга и этике творчества, писал: «Трагизм не убивает, а очищает, даже восхищает. В этом чудо трагизма: как может трагедия, т. е. гибель и смерть, восхитить и быть прекрасной? Странная диалектика трагизма состоит в том, что гибель героев и мучеников она превращает в победу, что конец она превращает в начало чего-то иного, — что в «безвыходности» она предчувствует выход. Трагизм как бы вырывает из жизни, из плоскости быта и ежедневности. В этом есть скрытая радость и упоение. Радость состоит в том, что в трагизме дух, т. е. подлинное глубинное «я», впервые переживает и сознает свое царственное достоинство, свою абсолютную свободу от всех низших ступеней бытия, от всякой природы, от всякой необходимости. Но это особое достоинство и особая свобода: она принадлежит только тому, кто готов пройти через трагизм, кто имеет абсолютное мужество не дрожать за жизнь. Кто не боится «угрозы гибелью» — тому дан «залог бессмертия».

Такова природа нашего пристального и, я бы сказал, почтительного интереса к личности генерала.

Но нам еще предстоит ответить и на второй вопрос: почему же именно нас и именно теперь так волнует эта трагическая личность? Ведь были в истории Второй мировой войны и другие эпизоды с другими героями, которые каким-то образом можно приложить к нашим размышлениям. Были герои и в нашей армии, и в другой.

В январе 1943 года, когда под Сталинградом судьба 6-й армии Паулюса была уже решена, когда немецкие генералы, находившиеся в котле, подчинившись року, ждали прихода советских автоматчиков, чтобы передать им свое личное оружие и тем самым смиренно принять статус военнопленных, — в эти самые минуты у железнодорожной насыпи южнее устья реки Царицы командир 71-й Нижнесаксонской пехотной дивизии, вытащив из окопавшихся рук замерзающего солдата карабин, стоял во весь рост, не пригибаясь и не прячась, и стрелял в сторону наступающих до тех пор, пока пулеметная очередь не сразила его. Тем последним сражающимся солдатом 71-й Нижнесаксонской пехотной дивизии был генерал-лейтенант фон Гартман. Кто из немцев помнит о нем?! Нам-то незачем восхищаться чужими подвигами... Но и немцы не помнят о генерале Гартмане. Однако они воздали почести героизму и мужеству генерала М.Г. Ефремова, отметив, что командующий и его солдаты «дрались как львы».

И я думаю, что настало время, когда наша народная мыслящая душа вызрела настолько, что может чувствовать необходимость размышлять о последних днях жизни генерала М.Г. Ефремова и его смерти в рамках тех этических и даже религиозных воззрений, в которых она рождена и воспитана. Как ни парадоксально это может прозвучать в приложении к конкретному человеку, который в своих приказах по армии столь широко и вольно применял большевистскую риторику. (Все дело в том, что в те годы большевизм цементировал русскую государственность. А в годы войны ее цементировал русский характер. Но это уже другая тема.)

И видимо, обретая только такую степень внутренней свободы думать и чувствовать, мы сможем наконец уловить ноту звучания прошлого, собственно истории, которая и поможет нам пристальнее всмотреться в это прошлое, чтобы понять настоящее. Всмотреться во все причины и следствия, в каноны и кануны. И почувствовать наконец природу своего восхищения, той «радости упоения», о которой говорил философ.

Есть некая закономерность того, что этот пристальный взгляд в прошлое, это осознанное внимание к голосу из 1942 года, это восхищение перед «царственным достоинством духа» происходит именно сейчас, когда страна и

общество переживают нелегкие обстоятельства исторического разлома, когда многое из повседневной жизни современника может быть приложимо к тем обстоятельствам, в которых действовал наш герой и его солдаты.

И последнее, о чем необходимо сказать несколько слов, — это собственно название книги и то, почему она названа «АРМИЯ, КОТОРУЮ ПРЕДАЛИ».

Невозможно выдумать судьбу. Она складывается. Точно так же сложилось и название книги, которую вы держите в руках.

И тем не менее я понимаю, что кого-то покоробит слово «предали». Этот глагол, за которым, как и за каждым глаголом, всегда — действие. У кого-то возникнут естественные вопросы: кто предал? как предал? почему предал?

По-первых, я и сам не смог ответить на многие вопросы. Более того, чем больше заминаюсь темой гибели Западной группировки 33-й армии и командарма М.Г. Ефремова, чем глубже погружаюсь в обстоятельства последних дней и часов жизни многих моих героев, тем больше возникает вопросов и тем труднее найти ответы на них. Да, в армии были предатели. Да, и самом штабе армии был человек или группа, которые работали на немцев. Во-вторых, в смысл названия я закладывал не столько это, сколько то, что происходило с историей трагедии армии и командарма потом. Как замалчивалась правда. Как доживали ветераны 33-й, многих из которых в беседах и военкоматах не признали даже участниками Великой Отечественной войны с предоставлением предусмотренных законодательством льгот и скромных бытовых благ. В-третьих: и теперь еще вокруг имени командарма-33 клубится очень много лжи и недо-молвок. Как будто кольцо губительного окружения вокруг 33-й армии и ее генерала еще не разорвано.

Трагедия 33-й и ее командующего не завершилась в апреле 1942 года в Шпыревском лесу, на Угре и в сосняке близ села Слободка с гибелью тысяч бойцов и командиров, пытавшихся вырваться из окружения. «Трагизм не убивает, а очищает...» И этот очистительный свет сейчас проливается в равной степени и на историю почти семидесятилетней давности, то есть на прошлое, и на наши лица и души, то есть на настоящее.

Глава 1

М.Г. ЕФРЕМОВ. ПРАПОРЩИК, КОМДИВ, КОМАНДАРМ

Детство в Тарусе. В Москве, на мануфактуре Рябова. Телавская школа прапорщиков. Первая мировая война. Революция. Снова в армии. Гражданская война и военная карьера. Штурм Баку и другие бои. Судьба наград Ефремова. Где хранится золотая сабля Ефремова. Судьба вазы с рубинами. Комдив, комкор... По делу П.Е. Дыбенко. Служба в военных округах. Внезапный вызов в Москву. «Я не виновен». Письма Ворошилову и Микояну. Встреча со Сталиным: «Поезжайте в Орел». 1941-й

Когда командарм вытащил из кобуры свой ТТ и приложил к виску, вся его жизнь мгновенно пронеслась перед глазами....

Он вспомнил себя ребенком на коленях у матери, теплых и уютных, как нагретая солнцем земля его родины. Он чувствовал то безмятежное счастье абсолютной защищенности и надежности мира, которое человек может чувствовать только в раннем детстве. Высокое неподвижное небо над старинным городком и рекой, которая бирюзовой лентой опоясывает тот городок, отделяя его от далей прятных лугов. Лица друзей, Пашки и Даньки Егоровых, тоже почему-то те, давние, тарусские, детские. И Пашка еще живой... Белый собор в Тарусе, мреющий от жары в прозрачном мареве июльского дня, когда городок наполняет запах скошенной травы и наполовину высушенного сена...

Белые камни булыжной мостовой, круто спускающейся к Оке, к плашкоутному мосту, где они втроем, три будущих генерала, которым предстоит умереть в будущей войне солдатской смертью, удили на быстрине пескарей. А вот мельница... Голос отца, окликающего мать... Москва... Первая девушка... Он запомнил запах ее волос и ладоней... Погоны прапорщика, Юго-Западный фронт... Вагон, вонючий, пропитанный злобой и матерщиной, битком набитый дезертирами того самого Юго-Западного фронта, который они несколько дней храбро защищали от атак кайзеровских войск, покачиваясь плывет по какому-то знакомому пригороду... Так это же снова Москва!.. Большевики... Баку... Сергей Киров и Анастас Микоян... Испуганные, виноватые глаза Павла Дыбенко... «Паша, зачем ты меня оговорил? Что с тобой?» Суровое лицо Сталина и небрежный его жест, которым он отталкивает на край стола папку с делом Ефремова... «Я невиновен, товарищ Сталин». И — согласный кивок, и улыбка сквозь табачный дым раскуренной трубки... Белое поле под Вязьмой... Белое-белое — в линзах бинокля, — еще не замаранное разрывами снарядов и мин. Белое... Как собор в Тарусе в знойный июльский полдень, глубоко наполненный сиянием неба и тишины...

27 февраля 1897 года в небольшом городке Тарусе Калужской губернии в семье бедных мещан Александры Лукиничны и Григория Емельяновича Ефремовых родился первенец, сын. Назвали его Михаилом. Родители вскоре перебрались в недалекое село Юрятино, на реку Протву. Григорий Емельянович нанялся на хлебную должность помощником мельника на знаменитой на весь уезд мельнице братьев Бобровых. Александра Лукинична тоже подрабатывала — кухаркой в имении мирового судьи Тарусского уезда и изобретателя первого российского телефона помещика средней руки Павла Михайловича Голубицкого. Миша некоторое время жил в Тарусе у бабушки, в деревянном доме в укромном Калужском переулке. Рядом, через несколько дворов, на Овражной, стоял дом Егоровых. С Павлом и Даниилом Егоровыми Михаил учился в Тарусской церковно-приходской школе.

Местом их забав, детских игр и развлечений была река Ока и луг за Земляным мостом у бывшего тюремного замка за речушкой Посередкой, где несколько лет назад Тарусское земство выделило земли под строительство домов для семей инвалидов Русско-японской войны. И трое друзей с любопытством слушали рассказы побывавших в боях солдат, еще не износивших своих армейских шаровар, как ходили они в атаку на засевших на склонах маньчжурских сопкок японцев, как лавой бросались в штыки под Порт-Артуром. Ветер трепал их пустые рукава, позванивали на гимнастерках медали с надписью древней вязью: «Да вознесет вас Господь в свое время». Место это в Тарусе сразу прозвали Порт-Артуром — и по принадлежности первых здешних поселенцев, и из-за крайней, как тогда считалось, удаленности от города¹.

Кто знает, что определяет судьбу человека и где он найдет свой рок. Во всяком случае, все трое друзей вскоре наденут солдатские шинели, а потом станут генералами Красной армии. И все трое погибнут в 1941 и 1942 годах: один под Рославлем, другой под Вязьмой, третий под Харьковом. В самых кровавых и самых неудачных для нашей армии и страны битвах, о которых долго будут помалкивать историки и публицисты. А многие ветераны тех безвестных сражений так и пронесут через всю жизнь знак героев то ли мифических, то ли позорных, то ли вовсе несуществовавших битв.

Отец Михаила, Григорий Емельянович, происходил из крестьян сельца Ольховец Новосильского уезда Орловской губернии. В Тарусу он приехал в поисках заработка. Здесь женился на местной девушке Александре Лукиничне, урожденной Ганьшиной. Нанявшись на работу к купцам Бобровым, Григорий Емельянович стал неплохо зарабатывать. Вскоре Александра Лукинична родила еще пятерых детей: Ивана, Василия, Владимира, Павла и Анастасию.

Однажды в Тарусу на отдых, поохотиться в здешних лесах, богатых дичью, порыбачить, похлебать на высоком

¹ Теперь этот квартал стал частью города Тарусы. Здесь расположены проспект Пушкина и улица Шмидта. И Порт-Артуром его называют разве что только в исторических путеводителях.

берегу у ночного костерка ушицы, приехал знаменитый московский купец Рябов. На Оке московскому рыбаку помогали тарусские мальчишки. Червей накопать, наловить живцов... Особенно ловким Рябову показался рослый Миша Ефремов, старший сын юрятинского мельника. Позже Рябов заехал в Юрятино, отыскал на мельнице Григория Емельяновича и сказал:

— Отдай мне парня. Я из него человека сделаю. А тебе, — кивнул он на лавку, которую по ранжиру оседлывали пятеро, мал мала меньше, — есть кого кормить.

В Москве в Большом Воскресенском переулке на мануфактурной фабрике Рябова Михаил Ефремов вначале работал подмастерьем, на побегушках. И до того порой это подневолье угнетало мальчонку, что однажды он даже решил бежать из Москвы домой, в Тарусу, на волю.

Но вскоре его взяли к себе в учение мастера-граверы. Эта работа ему сразу понравилась. Да и заработок здесь оказался более надежным. Из ночлежного дома переселился на квартиру. Мастер, у которого он учился граверному ремеслу, наставлял парня: малый-де ты смышленный, далеко пойдешь, если будешь учиться. И Михаил поступил на Пречистенские рабочие курсы, что на Остоженке.

Его учеба на Пречистенских курсах совпала с событиями 1905—1907 годов. В газетах писали о возмущениях рабочих. Поговаривали о расстрелах демонстраций. Бастовали и в цехах Рябовской мануфактуры. Михаил приглядывался к происходящему и ничего толком понять не мог. Рабочие скрипели зубами на Рябова, на его порядки. А Михаил видел в нем доброго, рассудительного человека, нескупого, совершенно лишенного барских замашек. И не раз убеждался в этом, сопровождая Рябова в Юрятино и Тарусу, куда тот каждое лето отправлялся порыбачить да похлебать вволю «демяновой ушицы», как в шутку он именовал водочку.

Однажды на Оке, ранним утром, они с Рябовым сидели в лодке и удили лещей. По реке косяком тянуло туман. Солнце никак не могло пробить его. В стороне Алексина слышалась гармошка, потом песни. Пели мужские голоса. Песни были то разухабисто-веселыми, то такими тоскливыми, что Рябов невольно отложил удочку и прислушался. Из тумана выползла баржа. На барже стояли и сидели солдаты.

- Куда вас, служивые? — спросил Рябов.
- Известно куда, — ответили ему с баржи. — На войну.
- На какую войну? — невольно удивился Рябов.
- На германскую. А вы что, не знаете? Вот народ в Тарусе живет! Война началась, а они не знают, рыбу ловят... Все им нипочем!

В сентябре 1915 года призвали и Михаила. Вначале попал в 55-й запасный полк. Затем, как имеющий шести-классное образование, он был откомандирован в Грузию, в город Телави, в школу прапорщиков. На фронте не хватало младших командиров. Весной 1916 года, сменив юнкерские погоны на погоны прапорщика, Ефремов сразу же отправился в действующую армию.

Юго-Западный фронт. Ефремов зачислен в тяжелый артиллерийский дивизион. И в его составе участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве в Галиции.

Военная служба ему нравилась. Дисциплинированный, требовательный к себе и подчиненным. Аккуратный, опрятный. Батарейцы его любили за то, что в бою он был всегда рядом, не чурался заменить хоть наводчика, хоть замкового, хоть подносчика снарядов, когда кто-либо из прислуги выбывал. Его орудия стреляли точно, грамотно. Вне боя не высокомерничал, как иные офицеры из благородных. Солдатскую душу понимал. И знал, что на батарее его за глаза называют «наш прапор».

Вскоре в окопах и на батарее появились листовки. Их приносили какие-то странные юркие люди. Одеты они были в солдатские шинели, но на солдат походили мало.

— Анархисты, — пояснил знакомый подпрапорщик из первой батареи. — Революционеры, агитаторы. Мутят воду... Сволочи...

А через несколько дней восстал 223-й Одоевский пехотный полк, который батарея прапорщика Ефремова всегда поддерживала в бою. Солдаты штыками закололи нескольких офицеров, вылезли из окопов и пошли брататься к австрийцам...

И — закурилось-завертелось. Солдаты, целыми ротами и батальонами, стали покидать позиции и дезертировать в тыл. Ефремову это не нравилось. Как можно оставлять фронт? Бросать окопы? Орудия? А присяга? Но вскоре стихия хаоса захватила и его.

— Сымай, прапор, погоны, — сказал ему пожилой батарец. — А то товарищи на штыки подымуть.

В Москве он разыскал старых друзей и знакомых. Вернулся на фабрику. Начались долгие рабочие дни с мизерной зарплатой, на которую почти невозможно было прокормить даже себя, не говоря уже о помощи родителям и семье. На заводах начались забастовки. И вот пронеслось:

— Керенский бежал!

— Юнкера засели в Кремле!

Михаил записался бойцом в один из замоскворецких рабочих отрядов. К счастью, в Замоскворечье обошлось без большой крови. Юнкера и студенты Коммерческого института, а также три школы прапорщиков вначале засели в Александровских казармах, а потом сложили оружие. Но через несколько дней Ефремову и его товарищам все же пришлось принять участие в уличных боях. Рабочие оказались неважнецкими стрелками. В основном палили для острстки, в белый свет как в копеечку. Михаил начал показывать, как правильно нужно обращаться с винтовкой. Как ее чистить. И как из нее вести прицельный огонь. Так когда-то в граверном цеху его учили держать рабочий инструмент. Но настало иное время. И основным его рабочим инструментом стала винтовка. Его назначили инструктором 1-го Замоскворецкого красногвардейского отряда. Так началась его карьера в новой армии, которую в те дни называли Красной гвардией.

Летом 1918 года Ефремова назначили командиром роты 1-й Московской пехотной бригады. С тех пор вся его жизнь будет связана именно с пехотой.

Командовал батальоном, а затем сводным отрядом под Новохоперском. 13-м Астраханским железнодорожным полком под Астраханью. Под Царицыном, в период боев, вступил в партию большевиков. Рекомендацию ему дал председатель Временного военно-революционного комитета Астраханского края С.М. Киров. Там он подружился с Мироничем. Вскоре получил новое назначение, став начальником обороны всех железных дорог, находящихся в полосе действия 11-й армии. Основной ударной силой, которой он в то время располагал, был особый отряд бронепоездов. Именно блестящим маневром бронепоездов Ефремов вскоре проведет ошеломляющую операцию по захвату Баку.

25 апреля 1920 года Ефремов получил приказ, подписанный командующим 11-й армией М.К. Левандовским¹ о начале операции. Четыре бронепоезда под общим командованием Ефремова должны были составить ударную группу Кавказского фронта, которым в то время командовал М.Н. Тухачевский². На головном бронепоезде во время ата-

¹ Левандовский Михаил Карлович (1890—1937) — командир 2-го ранга. Арестован вместе с другими высокопоставленными военными в 1938 г. и вскоре расстрелян. Его показания легли в основу обвинений, выдвинутых против П.Е. Дыбенко. Последний едва не утащил за собой М.Г. Ефремова.

² Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — из дворян. Окончил Александровское военное училище в 1914 г. с присвоением звания поручик. Участник Галицийской битвы, боев под Ивангородом и Ломжей. Получил орден Владимира 4-й степени с мечами. В 1915 г. под Кольно попал в германский плен. В плену познакомился с французским капитаном Шарлем де Голлем. Как утверждают одни биографы Тухачевского, в плену он проникся большевистскими идеями. Другие — что увидел возможность в новых условиях сделать стремительную карьеру. В 1917 г. бежал из плена. В 1918 г. командовал 1-й армией против чехословаков. Командовал также 8-й армией против казаков на Дону. С 5-й армией воевал против Колчака. В 1920 г. командовал Кавказским фронтом. Затем принял войска Западного фронта и двинул их на Польшу. Действовал самонадеянно и потерпел сокрушительное поражение под Варшавой. Отличился при усмирении бунтующей России: в ноябре 1920 г. разгромил белорусскую повстанческую армию Булак-Булаховича, в марте 1921 г. подавил восстание в Кронштадте, а в мае того же года — восстание Антонова на Тамбовщине. Имел прозвище Красный Бонапарт. Ему покровительствовал Л. Троцкий.

Когда-то Наполеон, поднимаясь к вершинам своей власти, в частности в тот момент к должности главнокомандующего, расстрелял из пушек восставших парижан. В Тамбовской губернии из тяжелых орудий войска разносили целые села, семьи повстанцев брались в заложники, расстреливались, заключались в концентрационные лагеря. Здесь были применены отравляющие вещества. 12 июня 1921 г. в своем приказе Тухачевский писал: «Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами. Точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось». В 1937 г. арестован по приказу наркома внутренних дел Н.И. Ежова вместе с группой высокопоставленных военачальников, осужден по обвинению в связях с немецкой разведкой и подготовке военного переворота в стране. Расстрелян летом 1937 г. Жена и братья вскоре тоже расстреляны. Остальные члены семьи и родственники сосланы в лагерь.

ки рядом с Ефремовым находился член Кавказского крайкома партии А.И. Микоян¹.

В Баку в то время брали силу националистические настроения довольно многочисленной группы местного населения — татар. Распад империи будил сепаратистские настроения. Татарская мусульманская партия (или, как ее называли большевики в своих листовках и на митингах, «бекско-ханская феодальная организация») Мусават провозгласила лозунг: «Закавказье — для закавказцев!» Попытка потеснить русских закончилась так называемыми Шамхорскими событиями. Татары попытались отнять оружие у русских воинских частей, прибывающих с фронта. Очевидец тех событий бывший кадет Б. Байков в своих «Воспоминаниях о революции в Закавказье (1917—1920 гг.)» писал: «Вынужденные двигаться в ту же сторону, то есть на Елизаветполь—Баку, воинские части, озлобленные участием своих боевых товарищей, пошли дальше уже как по вражеской стране, сметая по своему пути все татарское население, принимавшее и не принимавшее участие в кровавых шамхорских и иных нападениях. Местами войска шли боевым порядком, громя все из орудий и пулеметов». Попытка разграбить воинские эшелоны не удалась. Но вслед за этим татары устроили резню местных армян, в которой погибло до 20 тысяч человек. Турецко-азербайджанская армия под командованием Мурсала-паши обложила блокадой Баку и нефтеносные районы, населенные в основном русскими, а также армянами и другими народностями. Мусават опирался именно на эти штыки. Турецкую армию поддерживали немцы.

¹ Микоян Анастас Иванович (1895—1978) — государственный и партийный деятель. Окончил духовную семинарию. Участник Октябрьской революции и Гражданской войны. В 1941 г. — председатель Комитета продовольственно-вещевого снабжения Красной армии, член Совета по эвакуации, председатель Совета по эвакуации из прифронтовой полосы запасов продовольствия. В 1942—1945 гг. — член ГКО, контролировал организацию снабжения армии и руководил осуществлением поставок по ленд-лизу. В 1943—1946 гг. — член Комитета СНК СССР по восстановлению народного хозяйства в районах, освобожденных от фашистской оккупации. Награжден шестью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции и орденом Красного Знамени.

Рейд бронепоездов под командованием Ефремова положил конец и националистическим вожделям местной элиты, и интригам англичан и немцев, и агрессии турок.

За удачно проведенную операцию, закончившуюся установлением в Азербайджане советской власти, отважному командиру бронепоездов был вручен орден Красного Знамени и азербайджанский орден Красного Знамени № 1 с гравировкой на обороте: «Тов. М.Г. Ефремову за Баку. 1920 г.»¹.

Одновременно Реввоенсовет 11-й армии за образцовое выполнение боевого задания, который впоследствии войдет в историю Гражданской войны как Бакинский рейд, наградил Ефремова золотой именной саблей. В подарок от ревкома Азербайджанской Советской Социалистической Республики ему была вручена хрустальная ваза, оправленная драгоценными камнями. Второй орден Красного Знамени АССР он получил с гравировкой «За Ганджу».

История наград и подарков Ефремова требует отдельного исследования. Но известно следующее.

На фотографии 1939 года на груди у Ефремова: орден Ленина, орден Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени, два ордена Красного Знамени АССР и медаль «XX лет РККА». Еще один орден Красного Знамени ему будет вручен за Московскую битву. Судьба всех этих наград, кроме азербайджанского ордена № 1, неизвестна. Вазу украли махновцы. А саблю после войны Елизавета Васильевна Ефремова передала тогдашнему первому секретарю компартии Азербайджана Гейдару Алиеву в его знаменитую коллекцию холодного оружия. В той коллекции она хранится и поныне. Знаточи утверждают, что коллекция клинков Алиева одна из лучших в мире.

Вазу же украли бандиты. Вот как это случилось.

В 1921 году Ефремов вступил в командование 33-й стрелковой дивизией, которая дислоцировалась под Пятигорском и Кисловодском. 33-я стала первым крупным пехотным соединением, которым командовал Ефремов. 33-я армия — последним. О магия чисел! И вот молодой комдив со своей

¹ Орден хранится в фондах Центрального музея Вооруженных сил РФ.

юной женой отправились к новому месту службы. На поезд, в котором они ехали, напала банда. Ефремов и несколько командиров решили забаррикадироваться в тамбуре, чтобы дать им отпор. Но их перехватили в коридоре вагона, скрутили. Вытащили на платформу. Заставили снять шинели, сапоги. Связали их руки за спиной, примотали друг к другу попарно и повезли к атаману. Бандиты, оставив часового возле связанных, бросились грабить вагоны. Командиры вскоре развязали руки. Ефремов сказал часовому: «Земляк, у меня в кармане деньги. Порядочная сумма. Двух коней можно купить. Возьми эти деньги. Все равно сейчас твои дружки заберут». Часовой подошел к Ефремову. Когда тот нагнулся и начал отстегивать клапан нагрудного кармана, Ефремов сильным ударом свалил его с ног. Часового связали. И один за другим спрыгнули с платформы. Босиком, по снегу, они добрались до ближайшей деревни. В Пятигорск приехали уже другим поездом. Елизавета Васильевна ждала его на перроне. Они увидели друг друга и были необыкновенно счастливы, что живы и здоровы. Елизавета Васильевна успела спрятать ордена мужа. Их не нашли. А о вазе особенно не горевали.

В феврале 1921 года 33-я дивизия совместно с отрядом осетинских партизан, перейдя через снега Мамисонского и Гебского перевалов Кавказских гор, атаковала грузинские меньшевистские войска, оккупировавшие осетинские земли, и оттеснила их. В Грузии вспыхнуло большевистское восстание. 33-я дивизия занималась патрулированием освобожденной территории и дорог.

В том же 1921 году Ефремов участвовал в военной операции по усмирению крестьянского восстания Антонова в Тамбовской губернии. Хорошо понимая природу этого восстания, он разговаривал с пленными крестьянами, отсылал их обратно в отряды с целью уговорить односельчан доброй волей сложить оружие. И некоторые мелкие группы вскоре бросали оружие и расходились. Хотя подавление любого бунта, как известно, без крови не обходится. Здесь, на Тамбовщине, Ефремов командовал Московской отдельной курсантской бригадой.

С нею вскоре отбыл на север, в Карелию. Финны вторглись в пределы Советской Карелии. Шли бои с регуляр-

ными частями Красной армии. Реввоенсовет республики в спешном порядке создал Карельский фронт, разделив его на Северную завесу и Южную. Командование Южной завесой было поручено Ефремову. Здесь произошла неожиданная радостная встреча с другом детства: начальником штаба Южной завесы Карельского фронта Павлом Григорьевичем Егоровым, другом тарусского детства. К весне 1922 года финские войска были отеснены с территории Советской России. Началось укрепление границы.

В 20-х годах, когда наступило затишье, Ефремов занялся учебой. Окончил Высшие академические курсы. И сразу же получил назначение в 14-ю Московскую стрелковую дивизию. Затем был переведен в 10-й корпус и получил 19-ю дивизию. Корпусом командовал П.Е. Дыбенко, бывший председатель Центробалта. Тогда-то и завязалась их дружба.

Летом 1926 года Ефремов был срочно отозван в Главное управление кадров РККА с предписанием сдать дивизию для получения нового назначения. Новым назначением был Китай. В Китае, служа в качестве старшего советника Народно-революционной армии Китая, он познакомился с В.К. Блюхером.

Через год, после возвращения из Китая, получил 18-ю стрелковую дивизию, которой во время Гражданской войны командовал И.Ф. Федько. В 52-м полку этой дивизии начальником штаба служил П.И. Батов¹. После войны, вспоминая своего бывшего комдива, генерал армии П.И. Батов рассказывал, что Ефремов много внимания уделял тому, что-

¹ Б а т о в Павел Иванович (1897—1985) — генерал армии (1955). Дважды Герой Советского Союза. В Красной армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил курсы «Выстрел» и Высшие академические курсы при Военной академии Генштаба. В июне 1941 г. — генерал-лейтенант. В ходе войны — командир 9-го отдельного стрелкового корпуса в Крыму. Затем заместитель командующего и командующий 51-й армией. Одновременно заместитель командующего войсками Крыма. Командующий 3-й армией. В 1942 г. — помощник командующего Брянским фронтом. С октября 1942 г. командовал 65-й армией, с которой прошел всю войну. Награжден семью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 1-й степени.

бы офицеры, в том числе и штабные работники, овладевали смежными специальностями. К примеру, самому Батову пришлось стажироваться в должности наводчика, командира орудия, командира огневого взвода, батареи, дивизиона в 1-м артиллерийском полку, приданном дивизии. По итогам стажировки сдавали зачет по полной программе. Как правило, на зачетных занятиях присутствовал сам комдив Ефремов. И вот настал черед сдавать зачет Батову. Он отлично провел стрельбы и был удостоен высшей награды, учрежденной Ефремовым, — денежной премии в сумме 300 рублей с объявлением благодарности.

Но Ефремов и сам постоянно учился. Жадно читал военные журналы, книги. Умел учиться и у своих товарищей, и у своих командиров, и у подчиненных.

Вот какую характеристику получил комдив Ефремов Высшей аттестационной комиссией при РВС СССР. Документ датирован 28 мая 1929 года.

«Энергичный, инициативный, дисциплинированный работник. Общую военную подготовку имеет удовлетворительную. В оперативных и тактических вопросах разбирается. Имеет боевой опыт. Руководство подготовкой частей дивизии — правильное. Руководство хозяйственной жизнью частей — правильное, хороший администратор. С обязанностями единоначальника¹ справляется, однако, как единоначальнику, необходимо уделить внимание партийно-политической самоподготовке. Работает над собой, как по вопросам общеполитическим, так и военным. Хороший товарищ, скромный, не выпячивающий себя. Критически относится к себе. Указания начальника воспринимает и проводит в жизнь с должным вниманием. В обращении с подчиненными и во взаимоотношениях с начальниками весьма корректен. Заботится о подчиненных.

Общий вывод: должности комдива вполне соответствует. Может быть выдвинут в очередном порядке комкором»².

В 1929 году Ефремов получил предписание: выехать в Ленинград для обучения в Военно-политической академии

¹ Единоначальники в РККА совмещали две должности в войсках: командира и комиссара.

² ЦАМО. Личное дело М.Г. Ефремова. Д. 1780368.

им. Н.Г. Толмачева на факультете единачальников. В это время он снова встретился с Миронычем. Часто бывал у С.М. Кирова в гостях. Тот рассказывал о некоторых осложнениях в работе, которые возникли в последнее время.

Через год он вернулся в войска и получил 63-й стрелковый корпус.

А в 1930 году поступил в Особую группу Военной академии им. М.В. Фрунзе. В числе слушателей были С.М. Буденный¹ и О.И. Городовиков². Начальником и военным комиссаром академии в то время был Б.М. Шапошников³. Приняв дела высшего учебного заведения Советского Союза, Борис Михайлович значительно перестроил весь академический курс, отведя большую часть учебного времени оперативно-тактической подготовке слушателей. В воздухе пахло надвигающейся грозой. Лекции в аудиториях закрепились основательной полевой практикой на полигоне в Гороховецких лагерях.

¹ Буденный Семен Михайлович (1883—1973) — Маршал Советского Союза (1935). В Гражданскую войну командовал 1-й конной армией. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. В ходе войны член Ставки ВГК. Командующий войсками Юго-Западного направления, Резервного фронта, Северо-Кавказского направления. С 1943 г. командующий кавалерией РККА и член Высшего военного совета НКО СССР. Награжден восемью орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени.

² Городовиков Ока Иванович (1879—1960) — генерал-полковник (1940). Герой Советского Союза. В армии с 1918 г. В Гражданскую войну командовал кавалерийской дивизией в 1-й конной армии, а также 2-й конной армией. Окончил Высшие академические курсы, Военную академию им. М.В. Фрунзе. Во время войны руководил формированием кавалерийских частей. Летом 1941 г. и во время Сталинградской битвы находился на фронтах как представитель Ставки ВГК по использованию кавалерии. Награжден тремя орденами Ленина, шестью орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени.

³ Шапошников Борис Михайлович (1882—1945) — Маршал Советского Союза (1940). В Красной армии с 1918 г. В 1910 г. окончил Военную академию Генштаба. Участник Первой мировой войны. Участник Гражданской войны. В ходе Великой Отечественной войны начальник Генштаба. Занимал посты заместителя наркома обороны СССР, начальника Военной академии Генштаба. Награжден тремя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды. Автор многих военно-научных трудов.

В 1933 году Ефремов успешно окончил курс обучения и получил следующую аттестацию:

«Здоровый, энергичный, выносливый строевой командир. Пришел в академию с большим практическим стажем Гражданской войны, с ограниченными знаниями в области общей тактики и штабной службы, с достаточным политическим развитием, недостаточно грамотный.

Академический курс усвоил хорошо, значительно вырос в области тактического развития и оперативного искусства, хорошо изучил технику штабной службы. Пополнил политические знания, значительно повысил грамотность, изучил дополнительно английский язык¹.

За время нахождения в академии к обязанностям своим как слушателя, так и обязанностям курсового старосты относился с полной внимательностью. Дисциплинирован, тактичен, во взаимоотношениях с окружающими хороший товарищ. В работе ровный и спокойный, не растеривающийся в боевой обстановке.

Вполне заслуживает должности командира стрелкового корпуса, единоначальника. К штабной работе менее пригоден, по свойствам своего характера, безусловно, более будет полезным на строевой службе»².

На аттестационном листе есть резолюция Б.М. Шапошникова: «С аттестацией и выводами согласен. Достоин выдвижения на должность помкомвойск округа»³.

Затем была служба в должности командира 12-го стрелкового корпуса. Корпус дислоцировался в районе Саратова и Аткарска. В это время командующим Приволжским военным округом, в который входил 12-й стрелковый корпус, был П.Е. Дыбенко. Они продолжили не только совместную службу, но и дружбу. Их многое сближало: происхождение, Гражданская война, любовь к армейской службе, любовь к жизни. Они были под стать друг другу — оба под два метра

¹ В те годы военный конфликт с Англией считали более вероятным, чем с Германией, потому академический курс выстраивали в соответствующем направлении. М.Г. Ефремов впоследствии не раз пожалует, что изучать довелось не тот язык...

² ЦАМО. Личное дело М.Г. Ефремова. № 1780368.

³ Там же.

ростом. Сближали их и общее крестьянское происхождение, и полуголодное детство.

В свободное от службы время у них было общее увлечение: стрельба в тире. Третьим партнером-стрелком был комкор И.С. Кутяков. Стреляли на пари. Мишень — горящая сигарета, вставленная в мундштук. Побеждал тот, кто перебивал сигарету ближе к мундштуку, не повредив его. Проигравший покупал коробку шоколада. Так пишут биографы.

В мае 1937 года П.Е. Дыбенко получил назначение на Ленинградский военный округ. Отбывая к новому месту службы, исполняющим обязанности командующего Приволжским округом назначил своим приказом Ефремова.

Их дружба вскоре, со всеми ее подробностями, темами бесед, связями и прочим, станет предметом пристального интереса следователей НКВД...

Ему присвоили очередное воинское звание, комкор, и назначили командующим Приволжским военным округом. Но вскоре направили в другой военный округ — Забайкальский. В Куйбышеве его сменит сам маршал Тухачевский, неожиданно освобожденный от должности первого заместителя наркома обороны. Вот уж странное назначение, думал тогда Ефремов. На место комкора — маршал. С понижением. Что-то в стране происходило, чего он пока понять не мог. Разговаривать на эту тему, даже с близкими ему людьми, кому безгранично доверял, не любил. А любителям поговорить на эту тему замечал не без иронии: береженого Бог бережет, а болтуна конвой стережет...

И Мироныч погиб совершенно нелепо и непонятно.

Служба, однако, в Забайкалье оказалась недолгой. И прервана она была телефонограммой наркома обороны К.Е. Ворошилова: срочно прибыть в Москву.

Ехал в Москву и думал: или новое назначение, или суд скорый... В стране шли аресты. Уже расстреляны маршал Тухачевский, начальник Военной академии им. М.В. Фрунзе командарм 2-го ранга Корк, командующий Белорусским военным округом командарм 1-го ранга Уборевич. Уборевича тоже вызвали в Москву звонком и ссадили с поезда в пути, в Вязьме, а в Москву привезли на «маруське» — и прямо на Лубянку, во внутреннюю тюрьму НКВД... Замнаркома обо-

роны и начальник Политуправления РККА Гамарник был поспешно уволен из армии и застрелился. Газеты писали: «Бывший член ЦК РКП(б) Я.Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и, видимо, боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством». Расстрелян начальник Управления по начсоставу РККА комкор Б.М. Фельдман. Командующий Киевским военным округом командарм 1-го ранга Якир. Эйдеман. Примаков, Гай, Фельдман. Военно-троцкистский заговор... Все были признаны виновными. Измена Родине... Измена Рабочекрестьянской Красной армии... В составе Верховного суда, который рассматривал дело, — Блюхер, Шапошников, Буденный, Дыбенко. Ошибки быть не могло. В «Правде» был опубликован полный список заговорщиков и приговор.

Вспомнилось лето 1921 года... Тамбовщина... Операцией по ликвидации банд Антонова руководил тогда Тухачевский. Требовал жестоких мер. Выговаривал и ему, Ефремову, что либеральничает с мужиками. Вспомнился вырезанный под Златовкой Коммунистический интернациональный отряд имени Троцкого. У многих убитых торчали вилы. В одном селе крестьяне ему рассказали: Герасим Павлович Антонов — бывший народный учитель, а с ним еще двое — Авдеч, бывший прапорщик Авдеев, и Тулуп, парень из крестьян. Никакого зла, мол, им Антонов не чинит. А вот от губпродкомиссара Гольдина, который сидит в Тамбове и рассылает во все уезды и волости свои отряды, спасу нет. Зерно осенью из амбаров выгребли все подчистую! А зимой от голода дети перемерли...

С Якиром вместе служил друг детства Ефремова комбриг Д.Г. Егоров. После расстрела троцкистов 12 июня прошлого года в округе начались аресты. Даниила начали трепать по партийной линии. Нагрянула проверка. В отчетах появилось нелепое: «Враг народа...» Обо всем этом Ефремову рассказал Павел Егоров. Тогда начали думать: что можно сделать, чтобы отклонить абсурдное обвинение, спасти друга и брата. И Ефремов послал на имя С.К. Тимошенко¹,

¹ Тимошенко Семен Константинович (1895—1970) — Маршал Советского Союза (1940). Дважды Герой Советского Союза. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Окончил Высшие

который командовал Киевским военным округом, хороший отзыв о Егорове. Он написал, что комбриг Д.Г. Егоров — честный, преданный родине офицер, что знает его с детских лет, что служил с ним вместе в Карелии во время карело-финской войны 1922 года, что ручается за него. Тогда это подействовало. Дело закрыли.

А недавно арестован Павел Ефимович Дыбенко. Судьба его неизвестна. Заместитель командующего Приволжским округом Кутяков, с которым впоследствии они вместе учились в Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева, уже расстрелян. Вот уж кто любил поговорить на эту тему. Из их троих, игравших в тире на пари, на коробку шоколада, на свободе, при должности и орденах остался только он один.

В прошлом году, летом, этот громкий процесс и расстрел. «Военно-троцкистский заговор». Тогда в какое-то мгновение он тоже поверил в заговор. Но когда начались аресты в нижних эшелонах, когда люди из ведомства Ежова начали выхватывать командиров корпусов, дивизий... Ефремов хорошо знал комкора Кутякова. Какой он враг народа? Болтун — да. Но враг народа... Говорят-то другое, что Клим с Семеном испугались оппозиции, что их скоро потеснят люди помоложе. Вот и бросили в атаку свою 1-ю конную... Ефремов давно знал о неприязни Ворошилова к Тухачевскому. Избавился Клим от ненавистного ему «красавчика-дворянчика». В 1928 году, когда из Москвы с Казанского вокзала в запертом вагоне был выдворен Троцкий, именно Ворошилов и Буденный настояли перед Сталиным, чтобы, следом за своим покровителем, из Москвы убрался и Тухачевский. Что и говорить, конечно, Тухачевский провалил Варшавскую операцию, и 1-я конная кое-как спасала положение. Но судили-то его не за варшавский разгром...

академические курсы. Во время войны заместитель наркома обороны. Командовал Сталинградским, Северо-Западными фронтами. Как представитель Ставки, координировал действия Ленинградского, Волховского, Северо-Кавказского и других фронтов, а также Черноморского флота. Награжден пятью орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, пятью орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом «Победа».

Поезд наконец прибыл на Павелецкий вокзал. На вокзале Ефремова встречал порученец Генерального штаба и тут же на машине доставил к гостинице «Москва». Обычно Ефремов останавливался у родителей жены. Клавдия Тихоновна и Василий Федорович Воеводкины были добрыми и гостеприимными людьми и после того, как их дочь ушла к другому, начав новую жизнь, никакого предубеждения к бывшему зятю не испытывали. К тому же здесь Ефремов мог общаться с сыном Мишей, по которому очень скучал. Но теперь сопровождавший его офицер вежливо посоветовал комкору за пределы гостиницы пока, до особого распоряжения, не выходить. Ефремов тут же поинтересовался, кто, какое ведомство обладает этим правом особого распоряжения. И тут же получил ответ:

- НКВД.

А уже через час к нему в номер постучался офицер в форме НКВД и представился следователем по делу бывшего командующего Ленинградским военным округом...

Два с половиной месяца домашнего ареста, проведенные им в гостинице «Москва», были целой жизнью. Еще одной, чудовищной, мучительной, которую, впрочем, он прожил тоже вполне достойно. Не смалодушничал, никого не оговаривал.

Два с половиной месяца следователь задавал ему вопросы, по пять—десять раз одни и те же. То ли провоцировал Ефремова на взрыв, то ли сознательно, методично ломал его, склоняя подчиниться обстоятельствам, потому как, мол, весь ход событий, все показания обвиняемого Дыбенко сводятся к тому, что он, Ефремов, тоже участник заговора против Сталина, Родины, РККА. Но и у Ефремова было достаточно хладнокровия, твердости и убежденности в том, что вздор не может стать правдой, если даже его повторить тысячу раз.

Пока он не мог понять, в каком качестве его допрашивают: как свидетеля или как обвиняемого. В гостиницу с Лубянки за ним приезжали на машине. После очередного допроса или очной ставки снова увозили назад, в гостиницу, в той же машине.

Особенно потрясла Ефремова первая встреча с Дыбенко. Борода и усы были сбриты. И в первое мгновение он даже не узнал своего бывшего командира. Испуганный взгляд. Дрожащие руки. Ссутулившаяся спина и будто провалившиеся плечи. И такой же дрожащий голос, которым он лепетал невообразимое...

— Прошу вас, — с едва заметной улыбкой внутреннего торжества победителя сказал следователь, — повторите то, в чем вы признались. Я имею в виду показания в отношении товарища Ефремова, которые вы подписали.

Дыбенко какое-то время молча смотрел в угол и потом, когда следователь задвигал под столом ногами, проявляя явное нетерпение, откашлялся и, не поднимая глаз, тихо, без всякой интонации сказал:

— Признаю, что я завербован и что завербовал также своего друга, бывшего подчиненного комкора Ефремова Михаила Григорьевича. Произошло это в Куйбышеве, в апреле, в прошлом году.

— Павел Ефимович! — Ефремов вскочил со стула, но тут же услышал жесткий окрик сесть на место и уже спокойно спросил, глядя на дрожащего Дыбенко: — Зачем вы меня оговариваете, товарищ Дыбенко? Ведь это не поможет вам!

Когда следователь приказал увести Дыбенко, после некоторой паузы задал ему такой вопрос, который тоже, изо дня в день, будет методично повторяться все эти два с половиной месяца:

— Вы будете давать чистосердечные признания в совершенном вами преступлении?

И он твердо ответит:

— То, о чем вы говорите, — злой навет и вздор!

И так — два с половиной месяца.

Пережитое в те дни и ночи в гостиничном номере и кабинете следователя НКВД потом долго будет напоминать о себе жуткими ночными кошмарами.

В другой раз следователь заговорил с ним иным тоном:

— Послушайте, Михаил Григорьевич, вы ведь только вовлечены в заговор. И, я думаю, суд учтет, что степень вашей вины не столь велика, чтобы за это лишать вас всего того, чего вы добились трудом и кровью. Добровольное

признание и искреннее раскаяние будут свидетельствовать в вашу пользу как самый главный аргумент во всей этой истории.

«Эге, братец, — смекнул Ефремов, — ведь и я в тактике и стратегии кое-что смыслю. И даже академию окончил. И имею прекрасную аттестацию, подписанную самим Шапошниковым. Не тебе мне ловушки расставлять». И ответил коротко:

— Наговаривать на себя не буду ни при каких обстоятельствах.

17 апреля 1938 года в опостылевшем комфортабельном номере самой дорогой в Москве гостиницы, после тяжелых размышлений, он написал своим размашистым почерком письмо Ворошилову. Вначале он хотел обратиться лично к Сталину. Но вдруг почувствовал, что этого делать не надо. Обратившись непосредственно к Сталину, он сразу же вывел бы влиятельнейшего Ворошилова из своих потенциальных союзников и возможных спасителей. Клим, получив письмо, обязательно покажет его и хозяину.

«Климент Ефремович!

Последнее мое слово к Вам. Пусть оно будет и к тов. Сталину. Я перед партией Ленина—Сталина, перед страной, советским правительством совершенно чист. Отдавал жизнь за твердыни Советской власти и в годы Гражданской войны, и в национально-освободительной войне китайского народа против империалистов. И в любое время готов драться с врагами с такую же беззаветной преданностью и храбростью, как и раньше.

Если верите мне, то спасите от клеветы врагов народа. Их клевета, возведенная на меня, ни одним фактом не подтвердится. Я для партии большевистской был и остаюсь ее верным сыном. Время и мои дела это подтверждают на любом посту и при любой опасности. В любое боевое пекло можете послать меня — или погибну смертью храбрых, или возвращусь к Вам, и Вы встретите меня с объятиями.

Лгать на себя не могу, используя Ваше ко мне отношение и исключительное внимание и заботу. Я за эти дни так исстрадался, что буду рад любому Вашему решению в отношении меня.

Я отнюдь не сомневаюсь, что, если бы я был замешан в чем-либо нехорошем, я был бы прощен после того, как чистосердечно принес бы раскаяние мое Вам, но, повторяю, наговаривать на себя просто не могу.

Прошу простить меня за принесенную Вам заботу. Мне тяжело невероятно!

Всегда Ваш — *Ефремов М.*

17.04.38»¹.

Ворошилов прочитал это письмо и, как и предполагал Ефремов, передал на ознакомление Сталину².

Потом, через месяц, он написал другое письмо — А.И. Микояну. В апреле 1920 года они вдвоем стояли на бронированной площадке бронепоезда «III Интернационал». Бронепоезд возглавлял колонну атакующих. Они летели вперед, юные, бесстрашные, окрыленные общим порывом во что бы то ни стало выполнить задание командования, еще не зная, чем закончится их атака.

И его рука невольно вывела:

«Дорогой Анастас Иванович!

Обращаюсь к Вам, как к единственному боевому товарищу моему, который лично видел в боевой обстановке мою преданность...

...Убедительно прошу Вас вызвать к себе и выслушать меня. Вся клевета на меня будет опровергнута, и не будет в отношении меня в дальнейшем никаких сомнений.

...Я не виновен.

Ваш *Ефремов Михаил.*

20.05.38 г.

(Москва, гостиница «Москва»,
комната № 407, тел. К 3-09-42)»³.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1048. Л. 169.

² То, что Сталин читал это письмо М.Г. Ефремова, подтверждает резолюция, сделанная рукой К.Е. Ворошилова на обороте письма: «Т. Сталину. Направляю копию записки Ефремова на мое имя. К. Ворошилов. 19.IV.38». А также разговор, который вскоре состоялся в кабинете наркома обороны, в котором участвовали Сталин, Ефремов, Ворошилов, Микоян и следователь НКВД по делу П.Е. Дыбенко и в ходе которого, по существу, была решена судьба М.Г. Ефремова.

³ Там же. Л. 252.

То ли пришло время, и Сталин решил разобраться в деле Ефремова сам и поставить окончательную точку затянувшемуся разбирательству. То ли действительно сработал энергичный А.И. Микоян, понимая, что если следом за Дыбенко будет расстрелян и «враг народа» Ефремов, то из библиотек и программ военных академий будет изъят опубликованный и ставший классикой советского военного искусства рейд бронепоездов в операции по освобождению города Баку от мусаватистов и англичан. Среди организаторов и командиров этого рейда одним из первых значится имя А.И. Микояна. Нельзя, видимо, решил он, так расточительно поступать с героическими страницами своей биографии, которая уже давно слилась с биографией страны...

Как бы там ни было, но вскоре в кабинете наркома обороны К.Е. Ворошилова состоялась встреча пяти: И.В. Сталина, М.Г. Ефремова, К.Е. Ворошилова, А.И. Микояна и следователя НКВД.

Сталин ознакомился со всеми документами пухлой папки, представленной для разбирательства следователем НКВД. Накануне он прочитал заключение партийной комиссии, которая напрочь отвергла обвинения в адрес Ефремова.

Начался разговор. Сталин сказал, что Дыбенко все же упорно свидетельствует о виновности Ефремова. Как быть с этим? Ефремов тут же отреагировал, что Дыбенко находится в крайне подавленном состоянии духа, что в данном случае можно вести речь не об аргументах в пользу вымышленной его, Ефремова, вины, а о полном умопомрачении обвиняемого. Сталин вскинул глаза. И ткнул пальцем в документы, якобы подписанные Ефремовым и свидетельствующие о его участии в заговоре против Сталина и правительства.

— Я этого не подписывал, — сказал Ефремов. — Это не моя рука.

— Как вы можете это доказать?

— Я бывший гравер. И хорошо вижу отличительные и характерные черты любого почерка, каждой буквы, — сказал Ефремов, тут же взял бумагу, карандаш и начал писать слова и буквы, сразу же поясняя, где и в чем допущены ошибки фальсификатором «документа».

Рассказывая потом эту историю сыну Ефремова Михаилу Михайловичу, А.И. Микоян справедливо заметил, что это была еще одна битва героя взятия Баку — отважная битва за жизнь!

Ефремов настолько убедительно и наглядно опровергал одно обвинение за другим, настолько бесхитростно и естественно излагал свои аргументы и приводил все новые и новые факты, свидетельствующие о полной несостоятельности выдвинутых обвинений, что напряженная обстановка вскоре разрядилась смехом. И еще он был внешне совершенно спокоен. Как в бою. Это он выработал в себе еще на батарее в Галиции. На всю жизнь. Потом, через четыре года, под Вязьмой, именно это спокойствие и умение держать себя в руках, не теряться в самые трудные минуты и будет восхищать его подчиненных. И многие запомнят своего командарма в последние дни, часы и минуты его жизни именно таким — спокойным, сосредоточенным, действующим.

Ворошилов и Микоян в один голос твердили о «плохой работе» следователя. В какой-то момент, воспользовавшись потеплением общей атмосферы разговора, Микоян воскликнул:

— Иосиф Виссарионович, освободите Ефремова под мою ответственность!

Сталин снова вскинул глаза. Улыбки исчезли с лиц. И он задал вопрос, который уже предполагал ответ, но Сталину хотелось услышать, что же скажет этот упорный и спокойный комкор, к которому он испытывал явную симпатию и в виновность которого не верил с самого начала. Он спросил:

— Скажите, верна ли версия следователей, что вы, Ефремов, могли предать советскую власть?

— Как же я могу предать власть, которая меня, сына батрака, поставила на ноги, выучила, воспитала и доверила высокий пост командующего военным округом?! Я, товарищ Сталин, не могу предать такую власть.

И тогда Сталин снова улыбнулся. Ответ ему понравился. Он посмотрел на Ефремова и подумал: этот комкор умеет держать свою позицию.

И только в лице следователя не дрогнул ни один мускул. Дело рассыпалось. А это могло угрожать большими непри-

ятностями и ведомству, к которому он принадлежал и которое здесь представлял, и лично ему. Ведь что стоит хозяину и этого кабинета, и другого, повыше, сказать между прочим его шефу о плохой работе следователя по делу Дыбенко—Ефремова...

— Товарищ Ефремов, — с улыбкой на изрытом оспой лице сказал Сталин. — Мы подумали и решили поручить вам Орловский военный округ. В Читу вам ехать не надо. Поезжайте прямо в Орел, принимайте дела округа. Округ только что создан, и дел там много. А этому... — Сталин снова усмехнулся в усы, — этому делу место не в архиве... Клим, — обратился он к хозяину кабинета, — ты сюда бросаешь ненужные бумаги? — И Сталин бросил папку в корзину, стоящую у стола.

Следователь мгновенно сорвался со стула, поймал брошенную Сталиным папку, но, увидев его холодный взгляд и неодобрительный жест, тут же спохватился, завязал красные тесемки папки и сунул ее в корзину.

Делом Дыбенко и Ефремова занимались следователи-колуны» Ямницкий и Казакевич. Вскоре, буквально через несколько месяцев, когда на посту наркома НКВД Ежова сменит Берия, Ямницкого расстреляют. Казакевич выживет и при Берии. И в 1948 году в звании полковника выйдет в отставку с хорошей пенсией. В кабинете же Ворошилова присутствовал кто-то третий, чином повыше.

В гостиницу «Москва», в ненавистный номер, Ефремов возвращался пешком. Как хорошо и свободно было на душе!

В гостиничном коридоре его уже ждал сын Миша. Все эти дни он приходил к нему и был, пожалуй, единственным желанным гостем и собеседником. Миша жил у бабушки с дедушкой. Приносил пироги, которые передавала заботливая Клавдия Тихоновна, его несостоявшаяся теща, которую он уважал и любил, как мать. Миша был связующим звеном той нарушенной цепи, которая все эти два с половиной месяца, оборвавшись совершенно внезапно, разделила жизнь на две части. И одна часть, замкнутая здесь, в роскоши номера класса люкс, очень быстро стала тонуть в черных водах абсурда, хлынувшего через все видимые и невидимые щели бытия. Но Ефремов, всегда, в любых об-

стоятельствах умевший вовремя обнаружить опасность, решил не сдаваться и теперь. Как хорошо, что рядом был Миша!

Миша был больше похож на мать. Почти ничего ефремовского, вглядываясь в лицо и фигуру сына, думал Ефремов. У всех Ефремовых носы так носы, а у этого... Мама. Ефремов вздохнул. И ростом не в него. Разве что осанка его. Да целеустремленность. Ефремов знал, что сын после школы мечтает поступить в бронетанковое училище. Правда, выбор сына Ефремов не разделял. Видел: характер не тот, слишком романтичный, мамин характер.

Но сын станет военным. И будет лейтенантом воевать в Карелии, а потом в 33-й армии. Уже после отца.

— Миша, сынок, — сказал он сыну, когда тот впервые навестил его в гостинице, — принеси мне что-нибудь почитать.

— Что?

— А что вы сейчас изучаете в школе?

— Толстого. «Война и мир». Пушкина.

— Вот их и неси. И военные журналы. Список я тебе дам.

И Миша стал его книгоношей.

Ефремов не спал ночами. И если бы не журналы и книги, он сошел бы с ума. Толстой... Он впервые читал «Войну и мир» так, как эту книгу нужно было читать и понимать. Старый князь Болконский... Как он любил свою Родину! И умер вовсе не от старости, а оттого, что враг вступил в его Отечество и не находилось силы, чтобы остановить его. А капитан Тушин. Вот у кого надо учиться твердости и чести. Настоящий русский офицер. «Нет, — думал он, стиснув зубы, — надо жить, надо сражаться и не уступать врагу ни пяди своей территории. Я этой сволочи ничего не подпишу! Ничего!»

— Миша, сынок, спасибо тебе, — шептал он, как молитву, отложив на столик книгу и выключив ночник под желтым шелковым абажуром.

А через месяц М.И. Калинин вручил Ефремову орден Ленина: за выдающиеся успехи в боевой и политической подготовке войск. А также юбилейную медаль «20 лет РККА», которой Михаил Григорьевич гордился особенно.

4 мая 1939 года во время очередных учений войск Орловского военного округа случилось ЧП: в реку упал самолет Р-5. Бойцы и командиры тут же бросились спасать летчиков. Все были спасены, никто не погиб. В приказе М.Г. Ефремов писал: «Бойцы и командиры проявили чувство долга воина и гражданина, спасая самое ценное для нашей страны — жизнь человека»¹.

Все, участвовавшие в спасении летчиков, были отмечены благодарностью в приказе. И это тоже было учебой. Серьезной учебой перед суровыми испытаниями. Во время боев бойцы-пехотинцы, зачастую рискуя жизнью, будут вытаскивать из горящих самолетов и танков летчиков и танкистов, не отдавая их ни врагу, ни смерти.

Членом Военного совета округа в это время служил корпусной комиссар Ф.А. Семеновский. Они сохраняют дружбу на всю жизнь. Погибнут в одной местности. И будут похоронены рядом. Но это тоже будет уже потом...

В декабре 1939 года Ефремову было присвоено очередное воинское звание — командарм 2-го ранга.

7 мая 1940 года Президиум Верховного Совета СССР своим Указом ввел генеральские воинские звания для лиц высшего начальствующего состава Красной армии. В соответствии с этим Указом М.Г. Ефремову было присвоено звание генерал-лейтенанта.

Вскоре Ефремов был назначен командующим войсками Северо-Кавказского, а затем Закавказского военного округа.

Июнь 1941 года застал его в должности первого заместителя генерал-инспектора пехоты РККА. 22 июня он подал рапорт наркому обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко с просьбой направить его на фронт в действующую армию в любой должности на любой участок.

Ответа не последовало.

Знал, что многие его боевые товарищи и сослуживцы воюют. Пришло известие, что 14-й корпус, которым командует Даниил Егоров, своей 51-й стрелковой дивизией на судах Дунайской речной флотилии атаковал позиции румынской армии, захватил большие трофеи.

¹ ЦАМО. Ф. 25887. Оп. 39. Д. 1372. Л. 582.

В начале июля, так и не дождавшись ответа на первый свой рапорт, Ефремов подал второй — на имя председателя Государственного Комитета Оборона СССР И.В. Сталина.

В конце июля Ефремова вызвал начальник Генерального штаба Жуков и вручил предписание о назначении его на должность командующего 21-й армией. Поставил задачу: активными действиями сковать силы противника, действующего против фронта 21-й армии, и тем самым ослабить его наступление на Смоленском направлении. Глухая оборона. Наступать осторожно, только ограниченными силами на отдельных направлениях. Жуков предупредил, что соседи у него более слабые. Многие корпуса и дивизии недавно вышли из окружения, приводят себя в порядок.

К тому времени 21-я представляла собой весьма крупное соединение — 20, 28, 63 и 67-й стрелковые корпуса, 25-й механизированный корпус, 50-я и 55-я танковые дивизии, 219-я моторизованная дивизия и 696-й полк ПТО. 162 тысячи человек. Сила. Начальник штаба армии генерал-майор Гордов¹ доложил обстановку, расположение дивизий. И сра-

¹ Гордов Василий Николаевич (1896—1951) — генерал-полковник (1943). Герой Советского Союза. В армии с 1918 г. В Гражданскую войну командир полка. Окончил курсы «Выстрел», затем Военную академию им. М.В. Фрунзе. В начале войны — генерал-майор. Начальник штаба, а затем командующий 21-й армией. С июля по август 1942 г. — командующий Сталинградским фронтом. В октябре 1942 г. он принял 33-ю армию, в которой было еще много офицеров и солдат, воевавших под командованием генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова. В апреле 1944 г. — 3-ю гвардейскую, с которой и закончил войну. После войны командовал войсками ряда военных округов, в том числе Приволжским, куда прибыл в июле 1945 г. Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, орденом Красной Звезды. В 1947 г. арестован вместе с женой Т.В. Гурьевой-Гордовой. Жена дала на него показания, которые и стали формальной причиной того, что 24 августа 1950 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его, а также бывшего Маршала Советского Союза, к тому времени разжалованного в генерал-майоры, Григория Ивановича Кулика и генерала Филиппа Трофимовича Рыбальченко к расстрелу — за «антисоветскую деятельность, за изменнические и террористические намерения». Где приведен в исполнение приговор и где закопаны их тела, неизвестно.

зу же поехали на передовую, в войска. Гордов Ефремову понравился: оперативную обстановку знает хорошо, все акценты расставляет точно, недостатки не замазывает, правде в глаза умеет смотреть открыто. Они ехали тогда по пыльной дороге в сторону Рогачева, разговаривали и не знали, что судьба проведет их по одним и тем же дорогам. Что вскоре после гибели Ефремова под Вязьмой Гордов примет 33-ю армию и будет воевать с теми офицерами и солдатами, с которыми Ефремов держал фронт в 1941 году под Наро-Фоминском, а в 1942 года по январскому снегу маршем двинулся на Вязьму. Что сразу после войны его направят на работу в Приволжский военный округ, в Куйбышев, где и прервется его в общем-то блестящая карьера.

Прибыли в штаб 63-го стрелкового корпуса, который в предыдущих боях особенно отличился и на который снова ложилась основная тяжесть теперь уже оборонительных боев. Корпусом командовал генерал Петровский¹.

Ефремов знал его историю. Помнил и бывший свой 63-й корпус. Был знаком со многими командирами дивизий и полков. Наслышан был о новом командующем и Петровский. Но о своем недавнем прошлом ни во время этой встречи, ни потом, когда оставались одни и речь заходила о доме и друзьях, они не проронили ни слова. Береженого Бог бережет, а болтливого конвой стережет...

¹ Петровский Леонид Григорьевич (1902—1941) — генерал-лейтенант. В армии с 1918 по 1938 г. В Гражданскую войну командовал полком. В 1922 г. окончил Военную академию РККА. В 1928 г. — Курсы усовершенствования высшего командного состава. В 1938 г. уволен из рядов РККА и арестован. Ему помог случай: вскоре после ареста (7 декабря 1938 г.) в должность наркома НКВД вступил Л.П. Берия и начались чистки в рядах самих чистильщиков, а также пересмотр многих дел. В 1940 г. — комкор, командир 63-го стрелкового корпуса Приволжского военного округа. Корпус переброшен на запад и вошел в состав 21-й армии. В июле блестяще контратаковал Рогачев и Жлобин, отбив у немцев эти города. В августе 1941 г. был назначен командующим 21-й армией. Но в должность вступить не успел. Корпус находился в окружении. При выходе из окружения 17 августа Петровский был убит во время прорыва. Награжден орденом Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени (посмертно), Красной Звезды. На могиле Петровского в деревне Старая Рудня Жлобинского района Гомельской области установлен памятник.

Глава 2

ПОД ГОМЕЛЕМ И БРЯНСКОМ

Август 1941 года. Гибель генерала Петровского. Ликвидация Центрального фронта. Донос Пономаренко: «Он хвостун и лгун». Ответ Сталина: «Вы член Военного совета, а не наблюдатель...» Почему генерал Ефремов не стал пить водку с генералом Еременко. Формирование 10-й армии. Вызов в распоряжение Ставки

8 августа из Ставки пришла телефонограмма о его новом назначении: он вступал в должность командующего Центральным ¹ фронтом. Дела ему передавал генерал-полковник Кузнецов ¹, которого переводили с понижением в Крым — на 51-ю армию. Снова Ефремову пришлось принимать у Кузнецова дела. Две недели назад, прибыв в 21-ю, он сменил на посту командарма именно его, Федора Исидоровича. Ставку не устраивала медлительность и нерасторопность Кузнецова, его нерешительность как командующего объединением, которое сейчас должно было схватиться с крупнейшей группировкой противника, уже сконцентрированной в исходных районах и изготовившейся для удара.

Центральный фронт в тот период состоял из трех армий: 21, 13 и 3-й. Самой боеспособной была 21-я. 13-ю генерал Голубев ² только что вывел из окружения. В таком же по-

¹ Кузнецов Федор Исидорович (1898—1961) — генерал-полковник. В армии с 1918 г. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. Участвовал в советско-финляндской войне. С 1940 по 1941 г. командовал войсками Прибалтийского Особого военного округа. В ходе войны командовал Северо-Западным фронтом, 21-й армией, Центральным фронтом, 51-й армией. Затем был начальником штаба 28-й армии, заместителем командующего Западным фронтом. Командовал 61-й армией. С апреля 1942 г. — начальник Военной академии Генштаба. Затем заместитель командующего войсками Уральского военного округа. Награжден двумя орденами Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 2-й степени, орденом Красной Звезды.

² Голубев Константин Дмитриевич (1896—1956) — генерал-лейтенант (1942). В армии с 1918 г. В Гражданскую войну — помощник командира полка. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и Военную академию Генштаба. С 1939 г. на преподавательской рабо-

ложении находилась и 3-я. Приводили себя в порядок, пополнялись маршевыми ротами и призывниками, набранными в близлежащих районах военкоматами.

9 августа немцы атаковали. На участке ослабленной 13-й армии прорвали фронт и ввели в брешь более ста танков с пехотой. Голубев запросил разрешение на отход, в противном случае армии грозил полный разгром. Ефремов разрешил отход и срочно перебросил туда, под Хотимск, 155-ю стрелковую дивизию из состава 21-й армии. Если бы этот маневр запоздал, 45-й стрелковый корпус 13-й армии был бы раздавлен в окружении.

Остроту и трагизм событий тех дней может проиллюстрировать фрагмент из боевого донесения командарма-13 в штаб Центрального фронта. Генерал Голубев, только что вырвавший основные силы своих дивизий из окружения, сообщал следующее: «Армия вынуждена действовать при наличии противника с северо-востока и запада. Реальные силы армии — 155-я сд, 52-я кд, слабые части 4-го вдк и 50-й тд, которые в общей сложности имеют около 1600 штыков и 20 танков. Остальные силы ведут бой в окружении в районе Климовичей или выходят из окружения мелкими частями. В некоторых полках осталось по 100—150 штыков. Свои возможности формирования новых частей за счет тылов исчерпаны включительно до саперов и связистов. Оружие также не получаем»¹.

Во время этих боев произошло событие, которое впоследствии войдет в историю Великой Отечественной войны отдельным эпизодом. Но никто из историков и военных писателей не связывал его с тем, что произойдет под Вязьмой в апреле 1942 года. А связь между тем прямая. Судьба командира 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Петров-

те в Военной академии им. М.В. Фрунзе. В июне 1941 г. — генерал-майор. В годы войны командовал 10-й, 13-й, с октября 1941 по май 1944 г. — 43-й армией. Затем в распоряжении Ставки ВГК. В 1944—1949 гг. — заместитель и первый заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени. Весной 1942 г. на глазах у Голубева, практически перед фронтом его дивизий, под Юхновом, будет умирать 33-я армия во главе с бывшим его комфронтом.

¹ ЦАМО. Ф. 226. Оп. 648. Д. 24. Л. 17.

ского и судьба командующего 33-й армией генерал-лейтенанта Ефремова сойдутся в наивысшей точке проявления человеческого мужества и солдатского долга — в смерти.

63-й корпус 21-й армии тем временем дрался в полном окружении. Немцы настолько плотно закрыли горловину окружения, что стало понятно: корпусу в полном составе не пробиться. Ефремов, исчерпав все возможные средства вызволить из кольца обреченных на гибель и плен, послал в окруженную группировку самолет. Накануне во время авианалета на штаб 21-й армии был ранен исполняющий обязанности командующего генерал-майор Гордов. Летчик, направленный к Петровскому, имел пакет с приказом, в котором, в частности, было и следующее:

«...2. В командование 21-й армией немедленно вступить комкору-63 генерал-лейтенанту Петровскому.

3. В командование 63 ск вступить командиру по назначению Петровского.

4. О допущенном командиру для командования 63 ск Петровскому немедленно доложить Военному совету фронта»¹.

Ефремов знал характер Петровского и поэтому рассчитывал на то, что, получив новое назначение, тот вылетит из окружения, только чтобы выполнить приказ. Приказом о новом назначении Ефремов в какой-то мере убирал ту нравственную преграду, которую явно видел перед собой комкор.

Летчик Р-5 выполнил приказ, благополучно приземлился у села Святого, где находился КП 63-го стрелкового корпуса, вручил Петровскому приказ комфронта. Тот прочитал его и на обороте написал, что просит командующего отложить его назначение до выхода корпуса из окружения.

Когда самолет вернулся назад, начштаба генерал Санда-²лов с горечью сказал Ефремову:

¹ ЦАМО. Ф. 226. Оп. 648. Д. 24. Л. 8.

² С а н д а л о в Леонид Михайлович (1900—1987) — генерал-полковник (1944). В Красной армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе и Военную академию Генштаба. В июне 1941 г. — полковник. В ходе войны начштаба, затем командующий 4-й армией, начштаба Центрального, Брянского фронтов, 20-й армии, Прибалтийского и 4-го Украинского фронтов. Награжден тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, Красной Звезды.

— Петровский не выполнил приказ. Зря.

Ефремов внимательно посмотрел на своего начштаба и сказал:

— Петровский — настоящий офицер. И до того, как получить наш приказ, он отдал себе свой. И сейчас его исполняет. Как офицер, он имеет на это право.

В районе Чеботовичей близ Гомеля Петровский сосредоточил два полка 154-й и остатки 232-й стрелковой дивизии. И пошли на прорыв через порядки немецкой 154-й пехотной дивизии. Комкор погиб в бою при прорыве.

Центральный фронт просуществовал недолго, 25 августа он был расформирован, а управление и войска были переданы Брянскому фронту.

Перед тем как фронт был расформирован, произошло событие, о котором следует рассказать особо.

Военные люди на войне воюют. Солдат — в своем окопе. Офицеры — каждый на своем месте. Некоторые тоже в окопе, рядом с бойцами, некоторые на КП роты, батальона, полка и т. д. Но были во время Великой Отечественной войны высокопоставленные люди в военной форме, которые всегда видели проблему гораздо шире фронта того соединения, представлять от имени Ставки в которое были поставлены. Шире и, главное, глубже. Статистика свидетельствует, что они получали такие же полководческие ордена, которые получали действительно полководцы. Я имею в виду членов военных советов армий и фронтов. Как известно, ими были Мехлис, Хрушев, Булганин, другие. Мехлис, к примеру, умудрился получить все полководческие ордена, кроме ордена Богдана Хмельницкого. Даже Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, о котором вынужденно пойдет речь ниже, имел полководческий орден Суворова 1-й степени. Хотя военным никогда не был. Окончил Московский институт инженеров транспорта. В 1937 году принят в аппарат ЦК ВКП(б). Здесь, видимо, прошел ту партийную школу, которая и помогала ему потом в жизни добиваться высот, должностей, положения.

В августе 1941 года Пономаренко был членом Военного совета Центрального фронта. 8 августа Ефремов принял фронт. Надо полагать, какое-то время ему потребовалось, чтобы сдать дела в 21-й армии своему заместителю и на-

чальнику штаба Гордову. Какое-то — для того, чтобы принять фронт у отбывающего в Крым Кузнецова. Войска в это время находятся в постоянных боях. А в это время, 14 августа, Пантелеймон Кондратьевич, как бдительный член Военного совета Центрального фронта, отправляет в Москву, в Ставку, на имя Сталина телеграмму следующего содержания:

«Считаю абсолютно необходимым доложить Вам о следующем.

Кузнецов, будучи комфронтом, все время был связан с командармами, командирами корпусов и дивизий. Всегда точно знал обстановку на каждый момент. Малейшее шевеление частей противника становилось известно и вызывало контрмеры. В штаб непрерывно звонили с фронта. Кузнецов считал до каждого орудия и до каждой сотни человек. Люди работали с огромным напряжением, к ним предъявлялись большие требования, хотя часто в невероятно грубой форме. Пишу это не для того, чтобы оправдать Кузнецова, а для того, чтобы показать, товарищ Сталин, что делается сейчас. В штабах, несмотря на усложняющуюся обстановку, наступило успокоение. Стали нормально, а то и больше спать и ничего не знать. Звонки почти прекратились.

Руководство переведено главным образом на бумагу и поспекает в хвосте событий. Положение на фронте перестает чувствоваться, а поток необоснованных хвастливых заявлений увеличивается. Если раньше даже действия разведывательных групп противника становились известными в ближайших штабах армий и фронта, то теперь, например, в ночь на 13 августа 117-я дивизия, почти без причин, за ночь убежала с фронта на 30 километров, в результате чего противник занял Довск и Корму, что фронту стало известно только в 11 часов утра. Штаб 21-й армии и не узнал о бегстве целой дивизии, если бы она не наперла на штаб армии.

Товарищ Сталин, глубоко чувствуя свою ответственность, заявляю, что с Ефремовым не выйдет дело. Он хвастун и лгун, я это могу доказать. Сейчас дело с руководством стало в несколько раз хуже, и это все чувствуют. Даже командиры, страдавшие от невероятной грубости

Кузнецова, между собой говорят, что с Кузнецовым было тяжело работать, но воевать можно было уверенно¹.

Я просил Мехлиса передать вам, что назначение Ефремова будет ошибкой, и вносил кандидатуру Еременко. Конечно, независимо от информации сделаем все возможное для помощи Ефремову в улучшении руководства»².

Что же Сталин? А Сталин умел доверять тем, кто ему был предан и кому он однажды поверил. Как верно заметил историк Б.В. Соколов: «Среди тысяч своих генералов Сталин особо выделял некоторых, внимательно следил за их деятельностью, рассчитывая в будущем выдвинуть на более высокие посты. И к поступавшим на них доносам относился снисходительно, не давая делу хода».

¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 59. Л. 25.

В телеграмме несколько раз, с направленным явно в одну точку упорством, называется имя предшественника Ефремова генерал-полковника Кузнецова. Чувствуется, что Пантелеймону Кондратьевичу работать с Кузнецовым было легче. История взаимоотношений Ефремова и Пономаренко, их внезапной неприязни друг к другу, пока еще окутана историческим мраком. Но кое о чем все же догадаться можно. Видимо, не случайно телеграмма Сталину ушла 14 августа, когда в критической ситуации оказалась часть 63-го стрелкового корпуса, попав в окружение вместе с командиром корпуса генерал-лейтенантом Л.Г. Петровским. Главное для авторов таких «сигналов» было привлечь внимание. А там, если пришлют комиссию и прокурорскую проверку, на виновного можно повесить все, в том числе и гибель корпуса.

Что же касается собственно последней фразы и, в частности, «даже командиры... между собой поговаривают...» — это не что иное, как обкатанное в партийном обиходе, в практике борьбы тысячи раз испытанное «мнение трудящихся». Вызывает только удивление, каким образом человек настолько невоенный мог получить полководческий орден Суворова 1-й степени. К примеру, его боевой соратник генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, командовавший и фронтами, и армиями, был удостоен лишь 2-й степени этого ордена.

² Таким образом, можно предположить, что эта история имела и предысторию, что еще за несколько дней до 14 августа Пантелеймон Кондратьевич ходатайствовал перед всемогущим Мехлисом о нежелательности назначения Ефремова на должность командующего фронтом. Тогда возникает естественный вопрос: когда же Ефремов успел распустить войска, что это так сильно повлияло на их боевой дух? Партийные интриги. Хлопоты о себе и о своих. Ходатайства, устные и письменные. Не гнушались и клеветой, и доводами, которые трудно или невозможно было проверить. Ефремов был чужаком в этой особой полувоенной-полупартийной среде.

15 августа в штаб Центрального фронта пришли сразу две шифротелеграммы от Сталина.

Первая — Пономаренко: «Вашу шифровку об Ефремове получил. Ваше поведение непонятно. Почему Вы молчали, когда снимали Кузнецова. Теперь же, всего через несколько дней после назначения Ефремова, Вы сразу определили, что он лгун, хвостун и у него ничего не выйдет. Вы член Военного совета, а не наблюдатель и обязаны добиться повышения требовательности к командирам армий и дивизий со стороны т. Ефремова, добиться непрерывной связи с армиями, дивизиями, знать оперативную обстановку и своевременно реагировать на нее. Вы обязаны и имеете возможность заставить Ефремова работать по-настоящему.

Предлагаю Вам начистоту объясниться с Ефремовым по существу содержания Вашей шифровки, с которой я знакомлю Ефремова, и добиться того, чтобы фронтовая работа шла по-большевистски¹. К Вашему сведению сообщаю, что в ЦК имеются очень благоприятные отзывы об Ефремове таких товарищей, как Ворошилов и Микоян². Я уже не говорю о том, что Мехлис, ездивший для проверки, тоже хорошо отзывался о Ефремове³.

Вторая — Ефремову: «Я получил от Пономаренко шифровку, где он плохо отзывается о Вашей работе и думает, что Вы не сумеете руководить фронтом, так как Вы не требовательны к своим подчиненным и не умеете их подтягивать, когда это требует обстановка. Прошу Вас лично объясниться с Пономаренко и принять решительные меры к исправлению недостатков, имеющих в Вашей работе».

Видимо, отношения Ефремова и Пономаренко не сложились.

¹ Обратим внимание на это «по-большевистски», потому что оно потом будет время от времени появляться в подмосковных и Вяземских приказах Ефремова, когда он будет командовать уже 33-й армией.

² Папка с красными тесемками, которые так старательно завязал следователь НКВД в кабинете у наркома Ворошилова. Если она даже была выброшена, то это еще не значило, что о ней забыли. Эта папка была не только в голове Ефремова, продолжая отравлять ему жизнь. Как видим, о ней помнил и Сталин.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 26.

Ефремов прекратил во вверенных ему частях мордобой, излишний шелест всевозможных отчетностей. Известны случаи, когда, к примеру, в штаб дивизии из штаба армии приходит распоряжение о срочной отчетности по двадцати—тридцати пунктам, среди которых и откровенно несвоевременно глупые. И начальник штаба вместо того, чтобы думать о том, как лучше расположить полк, распределить его силы и огневые средства, чем усилить и как обеспечить, должен тратить время на эту бумажную канитель. Ефремов все это пресек. Видя, что штабные работники спят по три-четыре часа и от недосыпа плохо соображают и зачастую не могут ответить на элементарные вопросы или заговариваются, приказал ввести режим, который мог позволить им в условиях боев вести нормальную штабную работу. И тут же кое-кто остался не у дел и начал искать пути, чтобы все поставить на свое место.

По поводу всего этого можно полемизировать. Приводить доводы, контрдоводы. К примеру, тот же Б.В. Соколов о конфликте и его развитии во времени пишет следующее: «Федор Исидовович Кузнецов, с которым, по мнению Пономаренко, можно было «уверенно воевать», после Центрального фронта отправился командовать 51-й отдельной армией в Крыму, однако не спас ее от разгрома и в начале ноября был смещен со своего поста за полную потерю управления войсками во время беспорядочного отступления от Перекопа. Вряд ли наследие, оставленное им Ефремову, было лучше крымского».

Я не склонен разделять с историком субъективную правду последней фразы. Может, хуже, может, не лучше... Меня интересует другое. Психологическое состояние генерала Ефремова в этот период. Прошлое настигало его. Где-то в глубине, в темном подсознании, со скрежетом стальных дверей шевелились красные тесемки пухлой папки, в которой было все: и дружба с Дыбенко и Кутяковым, и близкое знакомство с Тухачевским, и многое другое, что, в изменившихся обстоятельствах, могло агрессивно восстать против него.

Надо было со всем этим конечно же считаться. В том числе и учитывать особенности характера и стиль работы постоянно находившегося рядом члена Военного совета.

Но бить по морде подчиненных, чтобы таким образом «их подтягивать», он не мог и в силу своего воспитания, и в силу природного характера, и в силу понимания того, каким должен быть офицер, генерал для своих подчиненных. И здесь мне сразу же вспоминаются рассказы ветеранов 33-й армии, участников одного боя, во время которого немцы окончательно замкнули кольцо окружения Западной группировки и пытались развить атаку в тыл, для уничтожения частей, захваченных врасплох. Ефремов со своим адъютантом майором Водолазовым ходил вдоль цепи залегших солдат и командиров, спешно собранных в тылах, и спокойным голосом ставил боевую задачу. И это его несуетливое спокойствие, и уверенный голос, как вспоминал тот бой бывший партизанский связной Николай Шибалин, «придавали уверенность в том, что мы отобьемся, не пропадем». Уже свистели пули, уже начался минометный обстрел, а он ходил вдоль цепи и говорил: «Вот твой участок. Окапывайся. Не робей».

Итак, Центральный фронт расформирован. Немцы овладели Смоленском, Рославлем. В окружении оказались многие наши дивизии. Оставлен Гомель. Конечно, Ефремов в какой-то мере не оправдал доверия Сталина. Не остановил продвижение немцев в глубь страны.

Правда, историки теперь спорят по поводу эффективности действий армий Центрального фронта в августе 1941 года и того, правильно ли поступила Ставка, расформировав его. Тем более что вскоре он вновь будет создан. Командующий Юго-Западным направлением Маршал Советского Союза С.М. Буденный был категорически против расформирования Центрального фронта и предлагал, наоборот, усилить его двумя-тремя армиями, о чем, кстати, постоянно просил Ставку и сам Ефремов.

Но в конце августа, когда немцы снова предприняли сильный нажим, Сталин позвонил командующему Брянским фронтом генералу Еременко и задал ему несколько вопросов, в которых, как всегда, уже содержались и многие ответы.

«Не следует ли расформировать Центральный фронт?

3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение соединенную 21-ю армию?

Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, две танковые бригады с некоторым количеством КВ в них и два-три танковых батальона. Очень ли они вам нужны?

Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать еще несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?»

Еременко: «Мое мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать. А это значит — прочно взаимодействовать с ударной группой. По этому плану 21-ю армию, соединенную с 3-й, подчинить мне... А насчет этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную вами, выполнить, то есть разбить его»¹.

Еременко конечно же без усиления его группировки трудно было разбить «подлеца Гудериана». Но и с армиями бывшего Центрального фронта задачу Верховного он не выполнил.

Ефремов был назначен заместителем командующего Брянским фронтом. Пономаренко — членом Военного совета. Две недели назад Сталин в довольно резкой форме одернул Пантелеймона Кондратьевича, однако теперь поступил точно по его рекомендации: командующим Брянским фронтом был назначен Еременко. Отношения Ефремова и Еременко не сложились с самого начала. Впрочем, было бы странным, если бы они сложились.

Ну, посудите сами. С одной стороны — взрывной, мужиковатый, привыкший хватать всякое дело за жабры, при этом не стесняясь в средствах, Еременко. При нем же — наблюдающий и все берущий на карандаш Пономаренко, которого, правда, вскоре заменил Мазепов. И с другой стороны он, Ефремов. Привыкший еще со времен службы прапорщиком в батарее в Галиции видеть в каждом солдате человека и всегда отдававший себе отчет в том, что, ставя командиру подразделения задачу, прежде всего необходимо обеспечить его всем необходимым для выполнения этой задачи.

¹ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 45-52.

Все предложения, которые вносил в ходе разработки операций и действий армий и частей Брянского фронта генерал Ефремов, отвергались командующим, зачастую в грубой форме. Еременко тоже чувствовал покровительство Сталина и потому на заседаниях Военного совета фронта не церемонился ни с кем.

19 сентября 1941 года, после того, как Брянский фронт пропустил через свои порядки «подлеца Гудериана» и позволил ему замкнуть котел под Киевом, где были разгромлены четыре наши армии и пленено 665 тысяч человек, Еременко, срывая злость по поводу собственных неудач, устроил разнос члену Военного совета 13-й армии Ганенко. В архиве сохранилось донесение в Ставку ВГК самого Ганенко:

«Находясь на передовой линии фронта истекшей ночью, мы с генералом Ефремовым вернулись в опергруппу штаба для разработки приказа о наступлении. Сюда прибыли командующий фронтом Еременко с членом Военного совета Мазеповым, при них разыгралась следующая сцена: Еременко, не спросив ни о чем, начал упрекать Военный совет в трусости и предательстве Родины, на мои замечания, что бросать такие тяжелые обвинения не следует, Еременко бросился на меня с кулаками и несколько раз ударил по лицу, угрожал расстрелом. Я заявил — расстрелять он может, но унижать достоинства коммуниста и депутата Верховного Совета он не имеет права. Тогда Еременко вынул маузер, но вмешательство Ефремова помешало ему произвести выстрел. После того он стал угрожать расстрелом Ефремову. На протяжении всей этой безобразной сцены Еременко истерически выкрикивал ругательства, несколько остыв, Еременко стал хвастать, что он, якобы с одобрения Сталина, избил несколько командиров корпусов, а одному разбил голову. Сев за стол ужинать, Еременко заставлял пить с ним водку Ефремова, а когда последний отказался, с ругательством стал кричать, что Ефремов к нему в оппозиции и быть у него заместителем больше не может, тем более что он не может бить в морду командиров соединений. Прошу принять Ваше решение».

Очевидно, набросившись на Ганенко, который вместе с Ефремовым прибыл с передовой, Андрей Иванович Ере-

менко негодовал и на Ефремова. И Ефремов прекрасно понял, кому были адресованы «тяжелые обвинения» в предательстве Родины. Но двухметровая глыба Ефремова внушала почтительное уважение даже такому драчливому забияке, как Андрей Иванович. Вот почему он не осмелился наброситься на Ефремова с кулаками, хотя обычно начинал свою атаку на очередного провинившегося именно с этого, а решил сразу стрелять. Но и выстрелить не посмел. Наверное, вовремя сообразил, что первым выстрелом может и не свалить Ефремова и тогда тот просто задушит его своими ручищами.

Решение Сталина было следующим. Ефремова отправили в тыл, формировать 10-ю армию. Еременко остался на своем месте, и его фронт был вскоре разгромлен «подлецом Гудерианом». При этом был сдан Орел, Белев. Штаб армии был рассеян. И командование фронтом для генерала Еременко вскоре свелось к управлению всего лишь одной 3-й армией, к КП которой комфронта прибился со своим адъютантом на второй день после потери штаба. С разгромом Брянского фронта создалась угроза флангового удара войскам Западного и Резервного фронтов. Ставка, пытаясь спасти положение, направила в распоряжение Брянского фронта довольно значительные резервы. Но «генерал Еременко так и не смог наладить управление войсками, а 13 октября во время налета немецкой авиации он был ранен. Ночью на самолете Еременко переправили в Москву, а его обязанности стал исполнять начальник штаба фронта генерал Г.Ф. Захаров»¹.

¹ Захаров Георгий Федорович (1897—1957) — генерал армии (1944). В армии с 1919 г. Участник Гражданской войны. Окончил курсы «Выстрел», Военную академию им. М.В. Фрунзе, Военную академию Генштаба. В начале войны — генерал-майор. Начштаба 22-й, затем командующий войсками Брянского фронта, заместитель командующего Западным фронтом, начальник штаба Северо-Кавказского направления, Северо-Кавказского фронта. Заместитель командующего Сталинградским и Южным фронтами. Командовал войсками 51-й, 2-й гвардейской армий. Командующий войсками 2-го Белорусского фронта, затем 4-й гвардейской армией. Войну закончил заместителем командующего войсками 4-го Украинского фронта. Награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 1-й степени, орденом Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, Суворова 2-й степени.

1 октября Ефремов приступил к формированию в тылу Южного фронта 10-й армии, которая вскоре войдет в состав Западного фронта. Но в бой она вступит с другим командующим. А его вскоре после вступления Жукова в должность командующего войсками Западного фронта вызовут в распоряжение Ставки.

Глава 3

ПОДМОСКОВНАЯ «БИТВА НА МАРНЕ»

Оптимизм Франца Гальдера. Свежие армии, бригады и батальоны Сталина. Последний батальон или взвод? Лучшие батальоны 33-й армии Жуков перебрасывает в район действий 16-й армии. Жуков — фон Бок: схватка на жестокость. Решение фон Бока: ударить на Кубинку

Изучая историю битвы за Москву, рассматривая ее частные эпизоды и фрагменты, а затем составляя из этой, зачастую причудливой мозаики событий единую картину, невольно восхищаешься ее величием и ужасаешься жестокости и упорству, с которыми обе противодействующих стороны стремились исполнить свой солдатский долг. Общая картина наряду с этим дает представление о том, на каких направлениях и какими силами вермахт стремился завершить логику операции «Тайфун». И, одновременно, каким образом и какими средствами Красная армия разрушила планы Гитлера на Востоке в этот момент войны, что, как известно, напрямую повлияло на общий ход и исход и Великой Отечественной, и Второй мировой войны.

На той грандиозной картине совершенно очевидны два крупномасштабных сражения, в ходе которых группа армий «Центр» стремилась выйти непосредственно к Москве и завершить окружение армий Западного фронта для последующего их уничтожения, как это произошло под Вязьмой, Рославлем и Брянском (август—октябрь 1941 года), под Смоленском (август 1941 года), Гомелем (август 1941 года), Минском и Белостоком (июнь 1941 года), где, по разным источникам, в результате ликвидации успешно созданных

и намертво замкнутых котлов было пленено 1 миллион 419 тысяч бойцов и командиров Красной армии, захвачено 8173 танка, 11 548 орудий.

Первым сражением было Истринско-Клинское. Вторым — Наро-Фоминское.

По поводу первого начальник штаба сухопутных войск Германии (ОКХ) генерал-полковник Франц Гальдер¹ 18 ноября 1941 года, то есть фактически на четвертый день начавшегося так называемого второго наступления на Москву, в своем знаменитом дневнике сделал следующую запись:

«13.30 — разговор с фон Бок: положение на фронте 13-го и 12-го армейских корпусов (4-я армия) продолжает оставаться напряженным. Все наличные резервы направлены в 13-й армейский корпус. 258-я пехотная дивизия² также брошена на юг. Организовать наступление 12-го армейского корпуса во фланг противнику, атакующему 13-й армейский корпус, невозможно из-за неблагоприятных условий местности и недостатка сил.

Фон Клюге выехал на фронт, чтобы выяснить, можно ли избежать отвода наших войск на рубеж рек Протвы и Лужи.

На мой вопрос, имеются ли вообще какие-то шансы на успех наступления, фон Бок ответил, что достижимой целью наступления северного фланга 4-й армии можно рассматривать пока лишь рубеж Истра— Клин. Вообще же фельдмаршал фон Бок, как и мы, считает, что в настоящий момент обе стороны напрягают свои последние силы и что верх возь-

¹ Гальдер Франц (1884—1972) — генерал-полковник. Участник Первой мировой войны. С 1938 г. — начальник Генерального штаба сухопутных сил Германии. Принимал активное участие в создании вермахта, в подготовке и осуществлении агрессии против Польши, Франции, Великобритании, Советского Союза. После поражения вермахта под Москвой ввиду личных и оперативных разногласий с Гитлером в 1942 г. снят с этого поста. После разгрома фашистской Германии пребывал в американском плену. Будучи начальником Генштаба ОКХ, вел подробные ежедневные записи, которые после войны изданы как «Военный дневник».

² 258-я пехотная дивизия. Запомним этот номер. Она еще нам встретится. Через две недели, 1 декабря 1941 г., именно ей будет отведена главная роль в атаке на порядки 33-й армии направлением на Кубинку с целью выхода на Минское шоссе.

мет тот, кто проявит большее упорство. Противник тоже не имеет резервов в тылу и в этом отношении наверняка находится в еще более худшем положении, чем мы».

Итак, в покуда еще оптимистичных записях Гальдера направление Истра—Клин фигурирует как направление наиболее реального успеха. Но надо заметить, что начальник штаба сухопутных войск Германии в своих планах и намерениях того периода сильно ошибался относительно «более худшего положения» войск Красной армии. После срыва первой попытки немцев овладеть Москвой, то есть еще в октябре, Ставка ВГК приняла решение о формировании в тылу страны десяти резервных армий. Но, как известно, формирование армии — дело, требующее достаточно продолжительного времени, а фронт жил, дышал, сражался и требовал пополнения после каждого боя, даже локального, которые принято было именовать боями местного значения. Поэтому одновременно с формированием армий Ставка спешно создавала еще 9 танковых бригад, 49 отдельных танковых батальонов и свыше 100 лыжных батальонов со сроком ввода в строй к 1 декабря. Кроме того, на усиление дивизий Западного и Калининского фронтов в те же сроки намечалось передать 90 тысяч маршевого пополнения¹.

Часть этих вновь сформированных подразделений вскоре вольется и в дивизии 33-й армии.

Резервы, направляемые Ставкой на наиболее угрожаемые участки, сыграли решающую роль, то есть ту роль, которую на них и возлагала история. 30-я армия Калининского фронта² получила четыре кавалерийские и стрелковые дивизии. 16-я и 5-я армии Западного фронта — две стрелковые дивизии и пять стрелковых бригад. В конце ноября на правое крыло Западного фронта на линию разграничения 3-й и 16-й армий были выведены и развернуты 1-я ударная и 20-я армии резерва Ставки. 2 декабря, когда создавалась угроза в центре, на Наро-Фоминском направлении (противник прорвался к Алабине) Ставка передала в рас-

¹ ЦАМО. Ф.132а. Оп. 2642. Д. 101. Л. 1.

² 17 ноября 1941 г. 30-я армия была передана в состав Западного фронта.

поражение Московского военного округа (командующий генерал П.А. Артемьев) четыре стрелковые, одну кавалерийскую дивизии и семь стрелковых бригад с задачей создания внешнего оборонительного пояса столицы¹.

На северном участке Западного фронта после упорнейших боев в районах Клина, Волоколамска, Солнечногорска и Истры, когда войска 3-й танковой группы генерала Рейнгартта подошли к Москве на расстояние пушечного выстрела, положение вскоре стабилизировалось. Контратака 1-й ударной генерала Кузнецова и 20-й армии генерала Власова увенчалась успехом. Противник был отброшен, фронт восстановлен.

В один из дней сражения на Истринско-Солнечногорском направлении Франц Гальдер занес в свой дневник следующую запись:

«22.11.1941 г. (154-й день).

...3. Фельдмаршал фон Бок лично руководит битвой за Москву с передового командного пункта. С его невероятной энергией он всеми средствами гонит войска вперед. Однако, как кажется, из наступления на южном фланге и в центре полосы 4-й армии ничего путного уже не выйдет. Войска здесь выдохлись. (К примеру, в моей старой 7-й дивизии одним полком командует обер-лейтенант, а батальонами — лейтенанты.) Но на северном фланге 4-й армии и 3-й танковой группы возможности для успеха еще имеются и они используются до крайнего предела. Фон Бок сравнивает это сражение с битвой на Марне, когда все решил последний брошенный в бой батальон. Враг и здесь подбросил новые силы. Фон Бок вводит в бой все, что только можно, в том числе и 255-ю дивизию из тылового района».

В это время Ставка ВГК тоже бросала в бой все имеющиеся у нее резервы. Особенно тяжело приходилось 16-й армии. Дивизии генерала Рокоссовского буквально истекли кровью и из последних сил сдерживали атаки танков и мотопехоты противника. Очень часто резервы для немедленного латания дыр в более опасных местах Ставка находила в соседних армиях, на фронтах которых в это время наблюдалось относительное затишье, в том числе и в 33-й.

¹ ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 76. Л. 24-25; Д. 60. Л. 3-21.

Подмосковная «битва на Марне» перемалывала новые и новые полки и дивизии. И судьбу ее должен был решить последний батальон.

Ниже мы увидим, что счет между противоборствующими сторонами велся уже не на батальоны и не на роты даже — на взводы.

Как вскоре покажет время и обстоятельства, которые отойдут потом в историю, у командующего группой армий «Центр» генерала-фельдмаршала Федора фон Бока того последнего батальона не окажется. Не найдется и твердости, а также той необходимой жестокости, которая предписывает маршалу воевать до последнего солдата.

Все это найдется у командующего Западным фронтом генерала армии Георгия Константиновича Жукова.

При этом осмелюсь предположить, что фон Боку и его генералам не хватило-то больше второго, то есть решительности и твердости. Это в какой-то мере подтверждается теми же записями Гальдера, сделанными им 1 декабря, на 163-й день войны:

«Невероятным для численно ослабленных частей является то, что они должны прорвать оборудованные вражеские позиции в ходе фронтального наступления. Действовать и продвигаться вперед придется только небольшими тактическими бросками, 12-й и 13-й армейские корпуса могут атаковать тогда, когда с противником справа и слева будет покончено.

Я подчеркиваю, что нам доставляет беспокойство также расход сил. Но следовало бы попытаться напряжением всех оставшихся сил сломить сопротивление противника. Если же станет окончательно ясно, что сделать это невозможно, надо принимать новые решения».

Весьма характерными здесь, на мой взгляд, являются фразы: «Нам доставляет беспокойство... расход сил» и «Если... сделать это невозможно, надо принимать новые решения». Немецкие генералы рефлексировали. Хотелось угодить всем. И фюреру, и истории. И при этом о себе не забыть, постараться сделать карьеру. Словом, с каждого деревца заветное яблочко сорвать... И с судьбой поторговаться, чтобы вырвать у нее побольше жизней своих солдат. Впрочем, мемуары — это не документ. Читая мемуары ге-

нералов и маршалов великой бойни XX века, с удивлением обнаруживаешь, какими человеколюбивыми людьми были все они.

У Жукова вариантов не было. Суровый смысл фразы политрука В.Г. Клочкова из 216-й стрелковой дивизии «Велика Россия, а отступать некуда: позади — Москва!» относился и к нему. Жуков не имел возможности торговаться. Ни со Сталиным, ни с историей. Он воевал. Как настоящий командующий — до последнего солдата. Зная, что последний батальон должен иметь именно он. Забегая вперед, с сожалением все же должен отметить, что для Ефремова, когда он будет управлять своей окруженной группировкой под Вязьмой, как раз и не найдется в нужный момент того батальона, который бы решил и судьбу армии, и судьбу командарма. Тот, не пришедший на помощь батальон резерва сохранил бы многим жизнь, а некоторым честь.

14 ноября из 33-й армии изъят и переброшен на северное крыло Западного фронта 539-й стрелковый полк 108-й стрелковой дивизии.

16 ноября в 16-ю к Рокоссовскому отбыл снятый прямо с позиций 539-й стрелковый полк 108-й стрелковой дивизии. При этом оголившийся участок фронта убывшего полка занимает всего лишь один батальон — 3-й батальон 444-го стрелкового полка, прибывший сюда из района Зверева и рассредоточенный на рубеже Бараки—Яковлевское—Долгино. Батальон имел задачу прикрытия Киевского шоссе. Имея в виду то, что основной целью противника был и остается именно выход к важнейшим магистралям, чтобы развивать затем успех в глубину в направлении на Москву, можно сделать вывод о том, что 3-му батальону ставилась задача не из легких.

17 ноября командующий Западным фронтом отдал приказ командарму-33 о немедленной переброске на север в распоряжение 316-й стрелковой дивизии 16-й армии одной роты бойцов, полностью экипированной и вооруженной, с восемнадцатью противотанковыми ружьями и боекомплектom к ним. Люди были взяты из состава 1-й гвардейской мотострелковой дивизии и 108-й стрелковой дивизии.

20 ноября по приказу Ставки ВГК штаб Западного фронта вывел из состава 33-й и передал на усиление 16-й ар-

мии 108-ю стрелковую дивизию. Когда стемнело, дивизия скрытно снялась с занимаемых позиций, и в полночь головной батальон миновал уже исходный пункт деревню Рассудово, откуда и начала марш на северный участок фронта.

23 ноября туда же убыли: 3-й стрелковый батальон 6-го мотострелкового полка, 1-й гвардейский мотострелковый полк, усиленный пятью танками и двумя противотанковыми орудиями.

27 ноября туда же, в 16-ю армию, направляются два батальона: 3-й стрелковый 479-го стрелкового полка 222-й стрелковой дивизии и 1-й мотострелковый батальон 175-го мотострелкового полка 1-й гвардейской мотострелковой дивизии.

29 ноября Жуков снова отдает приказ командующим 5, 43 и 33-й армиями, находящимся на «пассивных» участках обороны, выделить от каждой стрелковой дивизии по одному хорошо экипированному и вооруженному по полному штату стрелковому взводу под командой опытных лейтенантов. Они направлялись для пополнения 8, 9 и 18-й стрелковых дивизий. Из 33-й в помощь дерущимся под Крюковым, Дмитровом и Яхромой были отправлены четыре стрелковых взвода. Еще одна усиленная рота.

Таким образом, к началу второго наступления группы армий «Центр» на Наро-Фоминском направлении из состава 33-й армии были изъяты полторы дивизии, пять танков Т-34, два ПТО и восемнадцать ПТР.

О качестве прибывающего пополнения, которое должно было занять опустевшие окопы, могут свидетельствовать следующие факты. 18 ноября командир 113-й стрелковой дивизии полковник Миронов докладывал в штаб армии: «Прибыло пополнение — 120 чел. без оружия, 300 лошадей без амуниции и 104 коновода, 20 подвод»¹. Через девять дней в дивизию снова прибыло очередное пополнение: 365 человек — все без оружия. А тем временем немецкая разведка работала день и ночь. Перебежчики и захваченные языки, а также документы, найденные на поле боя в полосе атаки 3-й и 4-й танковых групп вермахта, свидетель-

¹ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 6. Л. 62.

ствовали о том, что сюда в качестве пополнения прибывают не маршевые подразделения резерва, как предполагалось ранее, а части, снимаемые с других участков советской обороны. Что в результате этих перебросок значительно ослаблен фронт, занимаемый 33-й и 5-й армиями. В какое-то мгновение фон Боку, должно быть, показалось, что Жуков латает тришкин кафтан и на большее ни русский тыл, ни русский генералитет не способны, И он обратил свой пристальный взор на Наро-Фоминское направление. Что ж, параллельный удар при удачном развитии событий может стать главным и действительно решающим. Так в штабе группы армий «Центр» родился следующий план: силами 4-й полевой армии прорвать оборону 33-й и 5-й армий в районах Звенигорода и Наро-Фоминска и, наступая по сходящимся направлениям на Кубинку и Голицыне, окружить и затем уничтожить в котле войска двух русских армий, составляющих центр Западного фронта. А там уже открывался оперативный простор для почти беспрепятственного марша на Москву по Минскому и Киевскому шоссе.

Глава 4

НАРО-ФОМИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Комбриг Онуприенко. Прибытие в армию генерала Ефремова. Положение дивизий. Позади — Москва. Паника в столице. Без вести пропавшие и дезертиры. Одна винтовка на двоих и ни одного автомата. 1-я гвардейская мотострелковая дивизия как самое боеспособное соединение армии. Трагедия 151-й мотострелковой бригады. «Устойчивость в бою слабая...» Бои за Наро-Фоминск: «Ваши действия по овладению Наро-Фоминском совершенно неправильны...» Попытка овладеть городом в ходе разведки боем 12 декабря 1941 года

Хронологически Наро-Фоминское сражение началось значительно раньше 1 декабря, еще в октябре.

13 октября 1941 года командующий Западным фронтом отдал приказ № 0345 «О повышении стойкости войск при защите г. Москвы», который заканчивался словами: «Ни

шагу назад! Вперед за Родину!» К этому времени Можайскую линию обороны и ее Волоколамский, Малоярославецкий и Калужский участки занимали: 16-я (генерал К.К. Рокоссовский), 5-я (генерал Д.Д. Лелюшенко, а после его ранения — генерал Л.А. Говоров), 43-я (генерал К.Д. Голубев), 49-я (генерал И.Г. Захаркин) армии. Управление 33-й армии Жуков вывел в район Наро-Фоминска, в свой резерв. Руководил управлением комбриг Д.П. Онуприенко.

Вскоре на Можайском УРе началось кровопролитное сражение. Основной удар наступающей армады группы армий «Центр» пришелся на 5-ю армию. Противник рвался к Минской автостраде, по которой танковые и моторизованные колонны могли бы маршем двинуться на Москву.

20 октября 1941 года в Москве и прилегающих к ней районах было введено осадное положение. Оборона столицы в стокилометровой зоне возлагалась на войска Западного фронта, а оборона города — на войска Московского гарнизона.

За три дня до этого комбриг Онуприенко получил из штаба Западного фронта приказ, подписанный Жуковым, Булганиным, Соколовским, в котором было следующее:

«Штабу 33-й армии к 8.00 18.10 перейти в Бекасово, выдвинув КП — Наро-Фоминск.

2. Иметь в виду объединение командованием 33 А действие войск на Верейском и Боровском направлениях с 18.10.41 г.

3. Выслать к 6.00 18.10 делегата в штаб Западного фронта для получения приказа»¹.

На Верейском и Боровском направлениях в то время вели бои 113-я, 110-я стрелковые дивизии и 151-я мотострелковая бригада, а также 9-я танковая бригада. Они-то и составили костяк 33-й армии.

Еще в период летних боев, а точнее, в июле командующим 33-й армией был назначен комбриг Онуприенко.

Дмитрий Платонович Онуприенко был очень молод, но, несмотря на свой юный для полководца возраст — ему шел тогда тридцать пятый год, — успел сделать довольно успешную карьеру.

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 7. Л. 1.

В 1928 году он успешно окончил Киевскую пехотную школу. Служил в 23-м погранотряде войск ОГПУ в городе Каменец-Подольске, выполняя обязанности помощника начальника заставы. Спустя четыре года назначен инструктором по строевой подготовке, а затем старшим инструктором 2-го погранотряда НКВД. В 1938 году окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе. И сразу же назначен старшим помощником начальника 1-го отделения отдела учебных заведений Главного управления Пограничных и внутренних войск НКВД. Затем переведен на должность заместителя начальника Главного управления конвойных войск НКВД. Во время советско-финляндской войны командовал особым отрядом войск НКВД Северо-Западного фронта, который действовал на Карельском перешейке. В июне 1941 года комбриг Онуприенко получил новое назначение — он стал начальником штаба Московского военного округа. Человек могущественного ведомства наркома внутренних дел Л.П. Берии, он сделал до начала войны поистине головокружительную карьеру.

И вот наступил 1941 год. Глубокая осень. Враг у ворот Москвы. Осень — не лето... И командующий Западным фронтом Жуков в тяжелейшие дни битвы за Москву назначает командующим 33-й армией, которой отведено важнейшее Наро-Фоминское направление, генерал-лейтенанта Герасименко¹, а заместителем — комбрига Онуприенко.

Но 19 декабря в штаб 33-й армии с предписанием вступить в должность командующего прибыл другой генерал-лейтенант — Михаил Григорьевич Ефремов.

О комбриге Онуприенко стоит, однако же, сказать еще несколько слов, кроме тех, которые еще скажутся в этой книге по ходу развития драмы под Вязьмой. После трагической гибели окруженной Западной группировки 33-й армии во 2-м Вяземском котле Онуприенко был направлен на учебу в Военную академию Генерального штаба. Окончил он ее по ускоренной программе и был назначен начальником штаба 3-й армии Калининского фронта. Армия

¹ Герасименко Василий Филиппович — генерал-лейтенант. В начале войны командовал 21-й и 13-й армиями. С сентября 1941 г. — заместитель командующего по тылу Резервным фронтом.

находилась в резерве, и на ее базе формировалась танковая армия, вскоре получившая наименование 2-й танковой. Командовал ею Герой Советского Союза генерал А.Г. Родин¹. Он высоко ценил своего начштаба и оставил следующую характеристику: «В бою ведет себя хладнокровно, в трудные моменты не теряется, штабную работу знает хорошо». В архивной пыли осталась и еще одна характеристика на начальника штаба 2-й танковой армии. Ее автор генерал М.С. Малинин², тогда начальник штаба Центрального фронта, в состав которого входила 2-я танковая. «Тов. Онуприенко, — писал генерал Малинин, — технического образования не имеет... Целесообразно использовать на должности заместителя командующего армией не танковой...» Очевидно, последняя характеристика в некотором роде решила судьбу Онуприенко: в июне 1943 года он расстался со штабной работой и был назначен командиром 6-й гвардейской стрелковой дивизии 13-й армии. И сразу же со своей дивизией попал на Курскую дугу. Затем, с нею же, участвовал в Битве за Днепр, в ходе которой был удостоен звания Героя Советского Союза. В Берлинской операции 1945 года генерал Онуприенко командовал 24-м стрелковым корпусом. Таким образом, военная его судьба сложилась блестяще.

Весь ход операции «Тайфун», характер больших и малых боев и сражений октября и первой половины ноября 1941 года говорили о том, что немецкие войска концентрируют свои удары по двум основным осям, по двум направлениям —

¹ Р о д и н Алексей Григорьевич (1902—1955) — генерал-полковник танковых войск. Участник советско-финляндской войны. В июне 1941 г. — полковник. В ходе войны был заместителем командира танковой дивизии, затем командовал 124-й гвардейской стрелковой дивизией. Заместитель командующего 54-й армией по танковым войскам. С июля 1942 г. командовал 26-м танковым корпусом. С февраля по сентябрь 1943 г. — командующий 2-й танковой армией. С сентября 1943 г. командовал бронетанковыми и механизированными войсками Западного, затем 3-го Белорусского фронта.

² М а л и н и н Михаил Сергеевич (1899—1960) — генерал армии. Герой Советского Союза (1945). Участник Гражданской войны. В советско-финляндскую войну начальник оперативного отдела штаба армии, заместитель начальника штаба армии по тылу. Войну начал в должности начальника штаба 7-го механизированного корпуса и в звании полковник. Затем начальник штаба 16-й армии, Брянского, Донского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов.

Волоколамско-Клинскому и Тульско-Каширскому. Однако разведка все чаще и настойчивее приносила сведения, которые говорили о том, что не исключен удар и на центральном участке фронта. Таким образом, создавались предпосылки для формирования третьего направления.

18 октября 1941 года в штаб 33-й армии из штаба Западного фронта пришло предварительное боевое распоряжение. По сути дела, это был первый приказ генерала Жукова генералу Ефремову, хотя формально, до прибытия в армию нового командующего, сутки исполнением распоряжения занимался комбриг Онуприенко.

«1. Противник во второй половине дня 17.10.41 ворвался в г. Верею и стремился развить успех на северном и северо-восточном направлениях.

2. 151 мсбр организует оборону по северному берегу р. Протва, Приказом войскам Запфронта 33 армия с 18.10.41 в составе: 222, ПО, 113 сд, 151 мсбр, 9 тбр и частей Наро-Фоминского гарнизона имеет задачу — отбросить противника из района Верея и Боровск и организовать упорную оборону на рубеже Архангельское—Федорино—Ишеино.

3. Командирам соединений немедленно выслать в штарм-33 — Ново-Федоровка представителей штадива с данными о состоянии соединения и положении частей на фронте.

4. Одновременно с представителем дивизии направить в штарм делегатов связи, обеспечив их подвижными средствами.

5. Начальнику связи к 18.00 18.10.41 установить связь со штабами соединений.

6. Боевой приказ штарму последует дополнительно»¹.

В день прибытия генерала Ефремова в район Наро-Фоминска и вступления его в должность командующего 33-й армией подразделения, вошедшие в состав новой армии, вели тяжелейшие оборонительные бои с частями противника, которые атаквали практически непрерывно.

151-я мотострелковая бригада на рубеже Годуново—Купелицы — опушка леса восточнее Загряжского (восточнее Вереи) отбивали атаки частей 258-й пехотной дивизии

¹ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 2. Л. 28.

вермахта. Бригада в буквальном смысле истекала кровью. Потери были огромными. Восполнялись они крайне слабо и нерегулярно. Снабжение подразделений, которые вот уже несколько суток не выходили из боя, было плохим. Вот что в этот день писал в своем донесении командир 455-го батальона:

«Указанный участок обороны — Ковригино—Загрязское — удерживаю прочно. Произвел разведку сел Самород, Волчанка, противник в этих селах не обнаружен. Северо-западнее нашей обороны противник находится около 200 метров. Наша разведка была обстреляна пулеметами и автоматами. Убитых нет. Раненых один человек.

Питанием и боеприпасами не снабжают. За все время с 16.10.41 получили только один хлеб. Истребительная рота, ввоз связи хлеб еще не получили.

Всю ночь противник подбрасывает на автомашинах подкрепление»¹.

222-я стрелковая дивизия, занимавшая в это время оборону по рубежу выс. 224,0 — Потарашенков—Смоленское—Березовка, отбивала атаки противника в направлении Назарьева.

1-я гвардейская мотострелковая дивизия своим 175-м полком, который только что прибыл на Наро-Фоминский участок, заняла оборону на окраинах Наро-Фоминска, закрыв его с юго-запада.

110-я стрелковая дивизия вела бой на рубеже Татарка—Инютино—Ермолино.

113-я стрелковая дивизия дралась по фронту Ермолино — восточный берег реки Протвы — Маланьино—Скуратово. Связь со штабом дивизии была неустойчивой. 19 октября никаких сведений от полковника Миронова с самого утра не поступало. Посланные к нему офицеры связи в шторм не возвратились.

Все дивизии действовали изолированно друг от друга, не имея с соседом ни локтевой связи, ни возможности взаимодействия в случае критических ситуаций. Точно в таких же обстоятельствах зачастую действовали полки. И бои тех дней имели характер перманентной критической ситуации,

¹ ЦАМО. Ф. 3391. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

которую переломить, выправить не хватало ни сил, ни средств и которая в связи с этим только усугублялась с каждым часом.

В таких обстоятельствах и вступил генерал Ефремов в должность командующего 33-й армией. Коротко изучив ситуацию, он тут же, не медля, предпринял несколько шагов по предотвращению неминуемого полного развала участка фронта, удерживаемого армией.

— Дмитрий Платонович, — спросил он комбрига Онуприенко, передававшего ему дела, — какие у нас резервы?

— Никаких, — ответил Онуприенко.

— А что за войска разгружаются на станции? — тут же поинтересовался он.

— Пополнение для 173-й дивизии. Дивизия теперь, как вы знаете, из состава 33-й армии выведена.

— Дивизия выведена, но пополнение прибыло сюда. Срочно направить в штаб фронта телеграмму с просьбой использовать это пополнение на угрожающем участке.

Телеграмма ушла. И вскоре из Перхушкова за подписью начштаба Западного фронта генерала Соколовского¹ пришел положительный ответ.

1750 человек пополнения, экипированного и вооруженного по полному штату, было маршем направлено в распоряжение полковника Новикова², два дня назад вступившего в должность командира 222-й стрелковой дивизии. Этой дивизии было труднее всего. Здесь командарм увидел опасность прорыва противника и потому усилил 222-ю тем, что оказалось под рукой.

¹ Соколовский Василий Данилович (1897—1968) — Маршал Советского Союза. В июне 1941 г. — генерал-лейтенант. Окончил Военную академию РККА, Высшие академические курсы. В ходе войны начштаба Западного фронта, одновременно начштаба Западного направления, командующий войсками Западного фронта, начштаба 1-го Украинского фронта, заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта.

² Новиков Тимофей Яковлевич — полковник. Вступил в должность командира 222-й стрелковой дивизии. Затем, 28 ноября 1941 г., переведен на должность командира 1-й гвардейской стрелковой дивизии. Ранен в одном из боев. Вернулся в свою дивизию 17 января 1942 г., когда она наступала на Верею. В эти дни ему было присвоено звание генерал-майора.

В первые же дни в дивизиях и полках поняли, что в должность командующего армией вступил человек, умеющий реально оценивать обстановку и принимать адекватные решения. Командиры почувствовали заботу о них и то, что каждый боевой приказ по возможности обеспечивается боевым ресурсом. Почувствовали и железную руку командарма.

Исследуя тему героического противостояния 33-й армии генерала М.Г. Ефремова врагу на ближних подступах к Москве, а затем ее не менее героический поход на Вязьму, завершившийся трагедией, размышляя о судьбах истории и конкретных людей, нельзя не коснуться темы смежной, а точнее, того, что происходило за спинами насмерть стоявших под Наро-Фоминском. Позади была Москва. Что в это время происходило там?

А Москву в эти дни охватила паника. В историографии и литературе 16 октября 1941 года называют днем беспорядков в Москве.

В своем добросовестном исследовании «Укрощение «Тайфуна», вышедшем в 2004 году, журналист-международник Л.А. Безыменский пишет: «Об этом дне не хочется вспоминать, но историк обязан это сделать». Далее автор приводит странички из дневника москвича Н. Вержбицкого:

«16 октября.

У магазинов огромные очереди, в магазинах сперто и сплошной бабий крик. Объявление: выдают все товары по талонам за весь месяц.

...Метро не работает с утра.

...Многие заводы закрылись, с рабочими произведен расчет, выдана зарплата за месяц вперед.

...Много грузовиков с эвакуированными: мешки, чемоданы, ящики, подушки, люди с поднятыми воротниками.

...У баб в очереди установился такой неписанный закон: если кто во время стрельбы бежал из очереди — обратно его не пускать. Дескать, пострадать, так всем вместе. А трус и индивидуалист (шкурник) пусть остается без картошки.

17 октября.

Сняли и уничтожили у всех парадных список жильцов. Уничтожили все домовые книги.

...Пенсионерам выдали на руки все документы.

...Постепенно вырисовывается картина того, что произошло вчера.

...Большое количество предприятий было экстренно приостановлено, рабочим выдали зарплату и на 1 месяц вперед. Рабочие, получив деньги, бросились покупать продукты и тикать.

Сейчас, после постановления Моссовета, эти закрытые предприятия с рассчитанными рабочими вновь начали работать.

...У рабочих злорадность против головки, которая бежала в первую очередь. Достается партийцам.

...Кто-то меня спросил:

— Не лучше ли служить немцам, чем англичанам, если вообще придется служить?

...С 7 часов вечера налеты один за другим.

...В церкви Преображения аккуратно — и всенощные, и литургии.

...По улице двигаются грузовики с бойцами. Из рупора, привычно:

«Ребята, не Москва ль за нами? Умрем же за Москву!»

Далее Л.А. Безыменский приводит странички из другого дневника, тоже москвича Г.В. Решетина:

«16 октября 1941 г.

Шоссе Энтузиастов заполнилось бегущими людьми. Шум, крик, гам. Люди двинулись на восток, в сторону города Горького.

Прибегает Иван Зудин. Он был одно время вместе с нашим отцом в народном ополчении. Его вскорости отозвали обратно на учебу в юридический институт. Институт эвакуирован в Саратов. Иван тоже должен был на днях уехать туда. Но сейчас все перепуталось. На шее у Ивана связка колбасы. Кладет на стол. Говорит, подобрал у магазина. Побежали вместе к магазину. Там уже ничего не осталось.

...Застава Ильича. Отсюда начинается шоссе Энтузиастов. По площади летают листы и обрывки бумаги, мусор, пахнет гарью. Какие-то люди то там, то здесь останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая их по земле.

Раздаются возгласы: бей евреев!

Вот появилась очередная автомашина. В кузове, на пачках документов, сидит сухошавый старик, рядом красивая девушка.

Старика вытаскивают из кузова, бьют по лицу, оно в крови. Девушка заслоняет старика. Кричит, что он не еврей, что они везут документы.

Толпа непреклонна.

Никогда бы не поверил такому рассказу, если бы не видел этого сам.

...Вечером 16 октября в коридоре соседка тетя Дуняша затопила печь. Яркий огонь пожирает книги, журналы. Помешивая кочергой, она одновременно без конца повторяет так, чтобы все слышали:

— А мой Миша давно уже беспартийный, да и вообще он и на собрания-то не ходил.

Бедная тетя Дуняша так перепугалась прихода немцев, забыла даже, что ее муж, очень неплохой мужик, тихий дядя Миша, Михаил Иванович Паршин, умер года за два до начала войны».

Историк, профессор Миллер записал в своем дневнике 16 октября 1941 года:

«Все резко сразу изменилось. («Известия» не вышли: говорят, эвакуировались.) Информбюро, первый раз приближаясь к истине, говорит о том, что на западном направлении положение резко ухудшилось. Прорыв центра. Сегодня поэтому Москва — муравейник. Но «муравьи» какие-то чужие. По всем направлениям идут загруженные кладью люди — явно огромное большинство рассчитывает на пешее передвижение. На него обречены даже эвакуирующиеся заводы и учреждения. Большинству же прямо дается расчет, иногда с уплатой, иногда с обещанием уплаты чего-то в жалованье. На улицах беспорядок; дворники не убирают подмерзлых тротуаров. Транспорт в полном расстройстве. Метро закрыто, и слухи о нем плывут зловещие: в толпе говорят, что метро взорвут или затопят. На «взрывание» будто бы обречено Садовое кольцо как основная артерия (ее так и создавали, по-видимому), а также разные неуезденные или недоразоренные заводы. Настроение толпы угрюмое, молчаливое, у иных легкомысленное: ходят как на ярмарке.

Колоссальные хвосты, ибо под предлогом эвакуации многим выдают продукты намного вперед, а кроме того, кажется, решили разбазарить последние склады продовольствия (продают муку, сахар по рыночным ценам; по рабочим карточкам дают пуд муки).

Трамваи переполнены и ходят реже. Автобусы тоже. Огромное количество их, по-видимому, угнано. На троллейбусах сидят даже на крыше.

В толпе говорят о приходе немцев в нынешнюю ночь, о том, что Москву хотят считать (как Париж) открытым городом, о том, что будто бы оборона от налетов снята (однако с 6 часов вечера уже слышны зенитки, видны на фоне темного неба рвущиеся снаряды)».

Очевидцы рассказывают, что в толпе кричали: «Должно быть, все очень плохо, раз нам начали выдавать муку!», «К черту муку! Лучше умереть от голода, чем допустить немцев...». И — снова о евреях, о том, что Москву нечем защищать, что евреи растащили весь хлеб и все винтовки...

Паника. И все-таки она не перехлестнула через край, после чего начинается дикий хаос.

Из «Решения Исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся» от 17 октября 1941 года:

«В этих условиях особо преступным, противогосударственным поведением является факт дезертирства из Москвы председателя Мосгорпромсовета т. Пасечникова и начальника Управления по делам искусств т. Фрумкина, которые бросили свои предприятия на произвол судьбы.

Исполнительный комитет Московского городского Совета депутатов трудящихся постановляет:

1. Поручить Московскому управлению НКВД вернуть немедленно тт. Фрумкина и Пасечникова в Москву.

2. Просить ЦК РКП(б) обсудить вопрос о партийности тт. Фрумкина и Пасечникова, как дезертиров.

3. За дезертирство тт. Фрумкина и Пасечникова предать суду Военного трибунала, как дезертиров».

Из отчета московской городской подпольной организации ВЛКСМ, созданной на случай сдачи Москвы для налаживания диверсионной и разведывательной работы, о ситуации в Москве в октябре 1941 года:

«13 октября наши войска оставили Вязьму.

...Аппарат райкома вооружили пистолетами. Ящики гранат и бутылки с горючим заносятся в подвалы по указанию. Комсомол напихал гранатами сейф.

...16 октября. В райкоме сногшибательные факты — как прямое следствие паники. У хлебного киоска на Трубной площади давка, хулиганство — ломают киоск. Рабочие молокозавода задержали директора с молочными продуктами. Продукты и машину отняли, директора окунули головой в бочку со сметаной. Водитель машины райНКВД привез к зданию райкома гражданина и докладывает начальнику:

— Товарищ начальник, примите. — Обращаясь к сидящему в машине: — Гражданин, выходите, приехали! Возьмите ваши три тысячи.

Водитель машины возвращался с рейса по заданию, его остановил этот неизвестный гражданин и «нанял» подбросить за три тысячи рублей до Горького...

...Вот Крестьянская Застава. Десятки тысяч народу. Машины стоят и движутся. Давка. Сотни милиционеров не в состоянии навести порядок, с ними расправляются, как с мальчишками. В одно мгновение и милиционера стащили с лошади. Вот мчится машина, сигналит. Публика преграждает путь, останавливает машину, вытаскивает шофера и выбрасывает вещи. Это не первая и не последняя. Пешеходы, запрудившие движение как на спортивном празднике, выбрасывают трюк за трюком. Зрелище здесь необычайное и страшно непонятное.

Опять в райкоме комсомола. Комитет ВЛКСМ милиции пришел почти в полном составе и принес решение на исключение из комсомола двух милиционеров за паникерство. (Сорвали петлицы, выпороли канты.) Вот они, жалкие трусы! Бюро РК подтвердило решение комитета. Тут же, не отпуская домой, райвоенкомат призвал их и зачислил в команду для отправки на фронт».

Можно предположить, что эти двое в запасной полк не попадут. Их отправят прямо в окопы. Что ж, «эти жалкие трусы» тоже были пополнением. И, надо заметить, война — органика сложная. Зачастую и судьбы людей она направляла по своим, особым, иногда причудливым путям. Кто знает, кем в этой гигантской плавильне человеческого ха-

рактера стали те милиционеры, споровшие петлицы перед предполагаемым вступлением в город немцев, а затем призванные и зачисленные в команду для отправки на фронт. Может, убиты в первом же бою где-нибудь под Тишинкой или Ермолином на Наро-Фоминском направлении. Может, перешли к немцам и воевали потом в составе Русского корпуса или Русской освободительной армии против своих же соотечественников и братьев, так и оставшись жалкими трусами. А может, стали хорошими солдатами и честно служили Родине, приближая Победу. Как говорят в народе, один со страху помер, а другой — ожил. Но в первом бою позади окопов с такими хлопцами конечно же надо было ставить заградительные отряды с пулеметами. Таковы законы войны.

Что же касается стихии беспорядков и жестокости расправы на московских заставах, где избивали бегущих и швыряли в пыль их добро... Москвичи, которым некуда и не на чем было бежать, останавливали малодушных, трусов и паникеров. В народе их называли просто — шкурники. Поэтому так легко, уже на следующий день, в городе был наведен порядок. 16 октября люди пытались навести его сами. Получилось очень неуклюже, жестоко, как в стихотворении Александра Блока: «Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет / В тяжелых, нежных наших лапах?» Бежавшие от народной судьбы, не желающие разделить с простыми бабами из очереди за картошкой страх быть убитыми осколками бомбы в основном были людьми интеллигентными, образованными и конечно же читавшими стихи русского поэта. Говорят, на востоке, в Горьком, в Куйбышеве, других городах, удаленных от театра военных действий, ловкие и влиятельные люди этой породы к тому времени уже смогли создать для себя и своих семей «запасные аэродромы»: сняли квартиры, заполнили подвалы продуктами длительного хранения, предусмотрели даже возможность продолжения обучения своих детей в школах, открыв для них специальные классы со своими учителями и своим бюджетом.

Вот уж воистину: кому война, а кому...

Во всяком случае, как о том свидетельствуют документы, тт. Фрумкин и Пасечников таки успели улизнуть из

столицы со всем скарбом, так что их пришлось разыскивать органам госбезопасности.

Сталин, узнав о происходящем на улицах и на предприятиях Москвы, лично распорядился немедленно навести порядок. И он, как известно, был наведен. Говорят, когда ему доложили обстановку, в том числе и о происходящем на городских улицах, Крестьянской Заставе и Заставе Ильича, он сказал спокойным голосом:

— Ну, это не так плохо. Я думал, будет хуже. — Потом, обращаясь к Щербакову, добавил: — Нужно немедленно наладить работу трамвая и метро. Открыть булочные, магазины, столовые, а также лечебные учреждения с тем составом врачей, которые остались в городе. Вам и Пронину надо сегодня выступить по радио, призвать к спокойствию, стойкости, сказать, что нормальная работа транспорта, столовых и других учреждений обслуживания будет обеспечена.

17 октября по московскому радио выступил первый секретарь Московского горкома партии и начальник Совинформбюро А.С. Щербаков: «Провокаторы будут пытаться сеять панику. Не верьте слухам!» Два дня спустя было введено осадное положение.

Удивительно другое: о панике в Москве 16 октября ровным счетом ничего не узнали немцы и, следовательно, не смогли этим никак воспользоваться. Это — к вопросу о том, как работала их агентурная разведка и как работали наши органы госбезопасности...

Кстати, о «работе» последних: в день московской паники в Москве на территории совхоза «Коммунар» по приказу Берии были расстреляны жены бывших высокопоставленных военных Нина Уборевич и Нина Тухачевская.

Не удалось найти в архиве документов, проливающих свет на то, почему же в 33-ю, вопреки назначению Жукова¹, прибыл генерал. Ефремов. Не потому ли, что обстановка буквально в последние несколько суток значительно ослож-

¹ Приказ штаба Западного фронта № 0347 от 17 октября 1941 г., в котором, в частности, есть такой пункт: «2. Командующим 33-й армией назначить генерал-лейтенанта Герасименко. Заместителем командующего армией назначить комбрига Онуприенко» (ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 177-178).

нилась, и последние московские события заставляли и Ставку, и Сталина бросать в прорыв более мощные ресурсы, а на ответственные посты назначать тех, кто не подведет, не дрогнет даже в безвыходных обстоятельствах.

А 33-я дралась. Как героически и стойко дрались все армии на всех фронтах. Но у 33-й была особая миссия: ее дивизии и батальоны стояли в центре удара, и острое бронированного потока, который получил в ставке Гитлера кодовое название «Тайфун» и который в последних числах сентября рванулся из-под Рославля на Москву, — это тяжелое копьё несло именно сюда, пронзая километр за километром и сметая на своем пути армию за армией.

Просматривая боевые донесения из дивизий и отдельных подразделений, командарм невольно обратил внимание на одну цифру, которая почти во всех сводках была неизменно высокой, — пропавшие без вести. Когда штабные офицеры всмотрелись пристальнее в проблему, выяснилось, что большой процент среди безвестных составляют москвичи. Например, в кадровой 222-й стрелковой дивизии пропавших без вести, согласно поступившим сводкам, было значительно меньше, чем в бывших ополченческих, получивших общевойсковые номера сравнительно недавно¹. Вскоре предположения подтвердились: заградзаставы и военкоматы начали возвращать дезертиров назад, на фронт. А 27 октября шифром из штаба Западного фронта поступила телеграмма следующего содержания: «Задержано более двух тысяч человек, ушедших с фронта. Срочно донести, почему Вами не приняты меры по наведению порядка и дисциплины в частях, вследствие чего люди 33 армии тысячами уходят с фронта в тыл»².

В одном из первых приказов генерал Ефремов обращался к своим командирам и бойцам: «Пусть поймет каждый командир, начальник, боец, что в нынешней обстановке в борьбе за Родину, за Москву лучше смерть храбреца, чем презренная трусость и паникерство»³.

¹ 26 сентября дивизии народного ополчения, так называемые ДНО, получили общевойсковые номера. Так 4-я ДНО стала 110-й стрелковой дивизией, соответственно 5-я — 113-й, 6-я — 160-й.

² ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1. Л. 17.

³ Там же. Д. 2. Л. 67.

Конечно же я далек от мысли о том, что все, по сводкам тех дней проходившие в строке «пропавшие без вести», были дезертирами и москвичами. Бежали и в другие края. Но большинство из пропавших без вести погибли и попали в плен. Попадали в плен, когда кончались боеприпасы, когда отходили соседи и открывали фланги, когда боец получал рану или контузию и какое-то время неадекватно воспринимал действительность. Но, что греха таить, часть из числа пропавших без вести дезертировала и в другую сторону — в немецкую. И об этом мы не раз еще будем размышлять в этой книге перед лицом документов и свидетельств.

В войсках не хватало вооружения. Архивы открывают любопытные данные, которые теперь, по прошествии многих десятилетий, проливают тот необходимый и неизбежный свет, который необходим для безошибочного чтения книги истории нашей страны и истории Великой Отечественной войны в частности. Вот документ, который озаглавлен так: «Сведения о боевом и численном составе соединений 33-й армии по состоянию на 25.10.41 г.»¹ Из этого документа мы, например, узнаем, сколько действующих штыков имела каждая дивизия и сколько, соответственно, вся армия. Сколько пополнения получено. И сколько и какое имела вооружение.

1-я гвардейская мотострелковая дивизия. При численном составе 8569 человек, включая и командный состав, имела 6732 винтовки, в том числе и автоматические², 92 станковых пулемета, 181 ручной пулемет, 57 минометов.

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 2511. Д. 24. Л. 323-324.

² На период описываемых событий на вооружении Красной армии состояли: 1) 7,62-мм автоматическая винтовка Симонова образца 1936 г. (АВС). Первая советская массовая автоматическая винтовка являлась усовершенствованным образцом опытной винтовки 1931 г. При автоматической стрельбе в качестве дополнительной опоры пользовался клинковый штык, который поворачивался на 90 градусов по отношению к оси ствола. Для уменьшения отдачи на ствол навинчивался дульный тормоз. Масса в боевом положении — 4,82 кг, боевая скорострельность: одиночным огнем — 25 выстр./мин., очередями — 40 выстр./мин., емкость магазина — 15 патронов, прицельная дальность стрельбы — 1500 м; 2) 7,62-мм самозарядная винтовка системы Токарева образца 1940 г. (СВТ). С 1940 г. СВТ, которая победила на

151-я мотострелковая бригада. При численном составе 1115 человек имела 942 винтовки, 3 станковых пулемета, 13 ручных пулеметов. Минометов не имела.

113-я стрелковая дивизия. При численном составе 1157 человек имела 1003 винтовки, 2 станковых пулемета, 6 ручных пулеметов. Минометов не имела.

222-я стрелковая дивизия. Кадровая, как ее называли в штабе 33-й армии. При численном составе 3392 человека имела 1934 винтовки, 17 станковых пулеметов, 25 ручных пулеметов и 6 минометов.

Отсюда нетрудно подсчитать общее количество стрелкового оружия всей армии. Но обратим наше внимание вот на какую цифру: 222-я стрелковая дивизия имела порядочное, хотя и недостаточное количество пулеметов, а вот винтовок...

Считаем так. В дивизии 42 пулемета. Умножаем на два человека. Хотя, надо заметить, вторые номера «Максима» и «дегтяря» должны были иметь винтовки. 360 человек начсостава. При 6 минометах могли состоять не более 30—35 человек. Таким образом, 937 человек ходили в бой «парами» или с гранатой.

Что это такое, мне рассказывали ветераны 49-й и 50-й армий Западного фронта. Можно не сомневаться, что и в 33-й было то же самое.

Из рассказа бывшего бойца 1-го батальона 1130-го стрелкового полка 336-й стрелковой дивизии 50-й армии Василия Ивановича Антипова (поселок Износки Калужской области. Запись 1986 года):

«Зачислен я был в роту связи. Экипировали нас не сразу. Я долго ходил в своем черном студенческом пальто, где-то с месяц так, в пальто, и воевал, Потом выдали гимна-

конкурсных испытаниях, была запущена в массовое производство. Она изготавливалась вплоть до 1945 г. Масса в боевом положении — 4,51 кг, боевая скорострельность — 25 выстр./мин., емкость магазина — 10 патронов, прицельная дальность стрельбы — 1500 м. В отличие от самой массовой винтовки Красной армии, 7,62-мм винтовки системы Мосина образца 1891/30 г., СВТ имела pistolетную ложу, как у немецкой винтовки системы Маузера, что делало ее более удобной в обращении. В 1940—1942 гг. выпускался снайперский вариант винтовки с оптическим прицелом ПУ.

стерку, ботинки неимоверно большого размера, шинель. Винтовку выдали тоже не сразу. Дали две гранаты Ф-1. Это и было мое личное оружие. Потом батальон подвели к передовой, в первый эшелон.

Была весна, 1942 год. Мы сменили на передовой наших товарищей. Нам досталась залитая водой траншея и блиндаж, в котором можно было только сидеть. Вначале было холодно. Закрыли вход плащ-палаткой, и вскоре в нашей тесной землянке стало даже душновато. Хотелось пить. Я взял котелок, вылез из блиндажа, зачерпнул воды из лужи неподалеку, напился вволю сам и зачерпнул еще — для товарищей. Утром, когда рассвело, выбрался я из блиндажа и вижу: в луже, где я набирал воду, вытаял немец, убитый, видимо, еще во время зимних боев. А нам ребята, которых мы меняли, сказали, что эта траншея немецкая, что ее отбили зимой. Тем временем из блиндажа, один за другим, вылезли остальные бойцы нашего отделения. Стоят рядом, тоже разглядывают. И кто-то спрашивает, вроде в шутку: «Антипов, ты, случаем, не из этой лужи воду ночью брал?» — «Из этой», — говорю. Эх, что тут началось! А я стою и смотрю: немец распух, лицо синее, пилотка сбилась набок, волосы примерзли к пилотке... Так я впервые увидел на фронте врага. Долго его обходили, перепрыгивали. Потом увидел лейтенант и приказал убрать. Стали мы его выдалбливать. А под ним — винтовка! А винтовок-то у нас вообще ни у кого не было. В дозор, когда надо идти в боевое охранение, давали автоматы. А в своей траншее так, с гранатами, и ходили. А тут — винтовка. Стали ее друг у друга из рук вырывать».

Из рассказа бывшего бойца 330-й стрелковой дивизии 49-й армии Петра Васильевича Демичева (поселок Бетлица Калужской области. Запись 1999 года):

«Наш 1111-й стрелковый полк формировался в Барятине. 8 сентября 1943 года мы были уже на передовой. Дивизия шла от Кирова. Освобождала село Мокрое и окрестности. Когда мы прибыли, Мокрое было уже очищено от немцев. Догорали дома. Дымились головешки. А Грибовку еще удерживали немцы. И вот пошли мы на них. А шли так: парами. Что это значит, сейчас расскажу. Винтовок-то не хватает. Одна на двоих! Нам с товарищем досталась ста-

ренькая, с лопнувшим прикладом, который мы кое-как подладили, стянули ремнями. Он побоевей меня был и говорит: «Петь, я пойду вперед. Давай мне патроны». Я отдал ему две обоймы. Когда нас подняли в атаку, он пошел вперед, а я за ним, шагов на пять—семь. Так и бежал следом и тоже «Ура!» кричал. Слава богу, товарища моего тогда не убило. А потом, на Снопоти, где немцы пытались удержать нашу дивизию, меня приставили к пушке-сорокапятке. Чтобы, мол, просто так не слонялся по передовой. Без винтовки. Вот тут-то я и понял, что пушчонка эта, сорокапятимиллиметровая, и вправду — «прощай, родина». Когда началась стрельба, артиллеристы сделали всего два выстрела. И сразу вокруг нас все разорвалось, ходуном заходило. Тут-то меня и ранило в бок».

Можно предположить, что и генерал Ефремов, наблюдая контратаки своих частей, видел подобные картины, когда стрелки шли в бой «парами». И поэтому им был издан приказ по армии, согласно которому бойцы и командиры должны нести строжайшую ответственность за личное оружие. Результат не замедлил сказаться.

Вот сведения о численном и боевом составе 1-й гвардейской мотострелковой дивизии по состоянию на 3 ноября 1941 года.

6-й мотострелковый полк при численном составе 1740 человек, включая начсостав и младший начсостав, имел: 23 пулемета, 13 огнеметов, 9 пушек, 77 автоматов и 2455 винтовок. Если применить тот же метод расчетов, то в полку имелся в наличии избыточный арсенал оружия, а именно: 965 винтовок. Что ж, этот полк мог принимать и невооруженное пополнение.

Надо заметить, что в октябрьских документах в дивизиях 33-й армии не числилось ни одного автомата. Их у бойцов просто-напросто не было. Воевали одними винтовками.

Самой боеспособной дивизией армии была 1-я гвардейская Московская Пролетарская мотострелковая дивизия. 21 сентября 1941 года она получила наименование гвардейской. Командовал ею полковник А.И. Лизюков. Именно на эту дивизию легла основная тяжесть боев непосредственно за город Наро-Фоминск. Немцы вошли в город 22 октября

после кровопролитных боев на западных окраинах, которые удерживали подразделения 175-го мотострелкового полка.

Во время одной из уличных перестрелок был тяжело ранен, а затем убит командир этого полка подполковник П.В.Новиков¹. Когда город был освобожден, тело подполковника П.В. Новикова похоронили в братской могиле в городском сквере. Посмертно он был награжден орденом Красного Знамени. Улица, где он погиб, названа его именем.

В 11.00 КП штаба в Ново-Федоровке был подвергнут бомбардировке немецких пикировщиков. Переждав авианалет, Ефремов приказал перенести штаб армии глубже в тыл: сперва в Кузнецово, а затем в Яковлевское.

1-я гвардейская мотострелковая дивизия сдавала город Наро-Фоминск. Сдавала медленно, с упорными боями, пытаясь ухватиться за каждый дом, за каждый переулок. Но удерживать кварталы ни сил, ни огневых средств не хватало. Немцы подводили новые и новые подразделения, в бой вводили орудия, минометы, огнеметы. Несколько раз дивизия пыталась контратаковать позиции противника, отбивала один-два переулка, а затем откатывалась на исходные. Но продолжала удерживать несколько плацдармов на западном берегу Нары. Контратаки существенных результатов не давали, они только истощали силы.

¹ Новиков Павел Вениаминович — подполковник. На войне с первых дней. Воевал на Березине, у Толочина, под Оршей. Неоднократно выводил свой полк из окружения. Из воспоминаний ветеранов 1-й гвардейской мотострелковой дивизии о своем командире: «Природный сибиряк, таежный охотник, прекрасно ориентирующийся в лесу и днем и ночью, он шел во главе дивизионной колонны и уверенно выводил ее из-под ударов. Находясь в окружении, он провел девять боев, которыми руководил лично. Однажды враг плотно сомкнул кольцо вокруг наших подразделений. Казалось, выхода нет. Но Новиков нашел его. Ночной атакой он разорвал сжимавшееся кольцо и вновь вывел нас на свободный путь. По ночам этот отважный человек частенько делал вылазки в немецкие окопы и в занятые врагом населенные пункты, захватывал боеприпасы, добывал продовольствие. Когда люди выбивались из сил, теряли бодрость духа, впадали в уныние, Новиков приходил к ним на помощь с шутками, остроумными рассказами. Когда нечего было курить, он отыскивал только ему одному известные корешки и листья, подсушивал их и затем предлагал всем самосад...»

В декабре, в период общего наступления под Москвой, именно 1-я гвардейская мотострелковая дивизия первой вернулась в город, вынудив немецкие части покинуть его обходом с флангов и угрозой окружения.

Двадцатые числа октября были тяжелейшими для обороны 33-й армии. В один из дней снова пропала связь с 110-й и 113-й дивизиями. Офицеры связи вскоре прибыли с донесениями, в которых сообщалось о том, что полки дерутся изолированно, некоторые окружены. В полках осталось от 90 до 175 человек активных штыков. Левый фланг был восстановлен. Хуже положение складывалось на правом фланге армии, где дралась 151-я мотострелковая бригада. Связной, прибывший из штаба 151-й, доставил донесение от комбрига Ефимова:

«В настоящее время части бригады в следующем положении: 200 чел. обороняют Симбухово (453 мсб и 1 рота 455 мсб), остальными частями обороняется рубеж Грибцово—Никольское. В состав частей, обороняющих этот рубеж, входят: ремрота, 455 мсб — всего в количестве до 100 чел. 185 сп, действующий с 151 мсбр, имея 22.10.41 г. 32 чел., к утру 23.10.41 г. потерял последних.

Тылы и матчасть из окружения выведены и собираются на Минском шоссе.

Прошу Ваших указаний о пополнении бригады личным составом, на базе имеющейся матчасти и постановке ее новой задачи, т. к. сейчас я выполнил задачу на участке 5 армии. Личный состав, обороняющий р-н Симбухово, прошу передать командиру 222 стрелковой дивизии.

В результате налета на штаб 151 мсбр ранены нач. связи и ком. роты управления, пропали без вести нач. артиллерии, нач. особого отдела.

Разбита рация, разбита легковая машина»¹.

Положение 151-й мотострелковой бригады было незавидным. Она находилась на правом фланге армии на стыке с соседней 5-й. Правое ее крыло прикрывала 32-я стрелковая дивизия полковника Полосухина, а левое — 222-я стрелковая дивизия полковника Новикова. Но, как показывают боевые донесения тех дней, фланги бригады и соседних

¹ ЦАМО. 388. Оп. 8712. Д. 4. Л. 44.

дивизий были оголены. И наши, и немцы дрались практически в полуокружении, смутно понимая свое положение. Все части перемешались. Действия артиллерии и авиации затруднялись тем, что можно было ударить по своим.

151-я, находясь на стыке, была атакована превосходящими силами противника, но пока еще держалась. Когда бой немного утих, немцы отошли и занялись очередной перегруппировкой сил, разведчики и связисты 33-й армии установили, что между левым крылом 151-й мотострелковой бригады и правым крылом 222-й стрелковой дивизии существует не занятый войсками участок шириной 4 километра. А между последним занятым окопом левого крыла 222-й стрелковой дивизии и первым «живым» окопом соседней 1-й гвардейской мотострелковой дивизии разрыв составил целых 14 километров. В эту, даже в масштабах фронта, огромную брешь впору было ставить еще одну полнокровную дивизию.

В штабе понимали, что только слабость противника, который атакует тоже из последних сил, и нерасторопность его разведки, которая еще не обнаружила эти бреши, не занятые никакими войсками, мешают немцам воспользоваться благоприятными для них обстоятельствами.

23 октября командарм принял решение: отвести дивизию на новый рубеж за Нару и укрепиться по обрезу восточного берега, плотно сомкнув фланги. При этом 1-я гвардейская мотострелковая дивизия оставалась на месте. Отходить ей было некуда. Противник уже оттеснил ее в Занарье и даже захватил на восточном берегу несколько плацдармов.

Основной марш-маневр должны были совершить 151-я мотострелковая бригада и 222-я стрелковая дивизия. Согласно новому приказу они отходили на рубеж река Нара—Маурино—Любаново, примыкая левым флангом к правофланговым частям 1-й гвардейской мотострелковой дивизии. Вторым потоком должны были отходить за реку полки 110-й и затем 113-й стрелковой дивизии.

Опыт отступления и отвода войск на новые позиции у Ефремова был. Во время летних боев он командовал

21-й армией¹. И тогда в его армии было значительно больше войск².

Река Нара спасала. Она стала естественным щитом для обескровленных дивизий 33-й армии, которые, располжившись на ее восточном берегу, тут же принялись зарываться в землю, чтобы, пока противник не завершил перегруппировку сил, создать новую надежную линию обороны.

Продолжая тему 151-й мотострелковой бригады, надо сказать, что, когда Жуков передавал Ефремову эту достаточно мощную в то время стрелковую бригаду, всю артиллерию он оставил у Говорова. Помните историю с более чем полуторатысячным пополнением, которое прибыло на усиление соседней армии и которое, воспользовавшись ситуацией, сумел подчинить себе командарм-33? Вот такими же телеграммами, просьбами и аргументами забрасывали штаб фронта и другие командармы, выхватывая друг у друга из-под рук пополнение и огневые средства. Говоров, в данном случае, сумел убедить штаб Западного фронта оставить артиллерию 151-й бригады у себя, укрепив таким образом позиции обороны 32-й дивизии Полосухина. Той самой дивизии, которая вскоре стремительным фланговым ударом спасет и свою 5-ю, и соседнюю 33-ю от прорыва танкового клина в глубину, к Минскому шоссе.

Что же оставил у себя генерал Говоров и чего не получил, принимая 151-ю, генерал Ефремов? Согласно сохранившимся документам бригада на тот период имела в своем составе: 509-й артиллерийский полк, 584-й артиллерийский полк ПТО, две батареи 84-го артиллерийского полка, дивизион 13-го минометного полка, дивизион 11-го минометного полка.

¹ 21-й армией М.Г. Ефремов командовал с 25 июня по 8 августа 1941 г. Именно в этот период корпуса и дивизии армии занимали новый участок обороны по левому берегу реки Днепр. Армия входила в состав вновь созданного в те дни Центрального фронта Западного направления.

² В состав 21-й армии в тот период входили: 20, 28, 63, 67-й стрелковые корпуса, 25-й механизированный корпус, 50-я, 55-я танковые дивизии, 696-й артиллерийский противотанковый полк. 63-м стрелковым корпусом командовал генерал-лейтенант Л.Г. Петровский.

Командир бригады майор Ефимов, оставшись без необходимого усиления, вынужденный драться против танков одной пехотой, настоятельно слал донесение за донесением в штаб о необходимости вернуть ему артиллерию. Вот одно из них, полученное в штабе Ефремова 25 октября в 20.30:

«Доношу, что приказ получен, задача ясна. Прошу уточнить: как могу использовать 454 сб, обороняющий Брыкино, вводить ли его в бой или оставить для прикрытия фланга? Без этого батальона я располагаю одним батальоном, который могу довести до 200 чел. Одновременно прошу: нач. артиллерии 151 мсбр подчинен командарму-5, получает задачи от 5 армии, несмотря на мои указания, которые отменяются 5 армией. Прошу уточнить данный вопрос, добившись распоряжения штаба-5 об откомандировании нач. артиллерии в бригаду.

На 17.00 25.10.41 г. положение бригады и противника: кавполк¹ ведет бой за Юматово, неся потери. 453 мсб выдвигается в исходное положение Головково—Радчино, данного р-на не занимает. Местонахождение его неизвестно. Противник в Юматове до двух рот. На 26.10.41 г. можно ожидать попытки со стороны противника перейти в наступление в направлении на Якшино, Еремино, шоссе Москва—Минск².

В это время очередным нажимом противника бригада была фактически смята. Штаб ее находился на значительном удалении от подчиненных ей батальонов. Управления почти не имел. И все же бригада продолжала удерживать участок фронта протяженностью почти 14 километров. Притом, что в батальонах едва насчитывалось до роты активных штыков. В это время по представлению военного прокурора и начальника особого отдела Западного фронта и по приговору Военного трибунала перед строем расстрелян комиссар 455-го мотострелкового батальона бригады Ершов. Ершов был первым командиром 151-й, кого поставили перед строем. Неудача предыдущих дней, когда бри-

¹ В составе 151-й мотострелковой бригады в это время действовал подчиненный ей 1-й отдельный кавалерийский полк.

² ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 4. Л. 49.

гада в беспорядке отступала, будет расценена как позорное оставление позиций.

Вместе с тем расположение батальонов бригады было таково, что ей предстояло немедленно, чтобы ликвидировать угрозу удара во фланг всей армии, отбить населенные пункты Крюково и Большие Горки. 27 октября майор Ефимов получил от начштарма генерала Кондратьева следующее распоряжение: «Командарм приказал во что бы то ни стало овладеть Бол. Горки. Исполнение донести»¹.

Чтобы читатель понял всю остроту ситуации, приведу текст боевого распоряжения майора Ефимова командиру 454-го мотострелкового батальона:

«Выполнение задачи по овладению Маурино—Горки является условием выполнения задачи всей армии.

П р и к а з ы в а ю :

Маурино—Горки овладеть во что бы то ни стало, любой ценой. Клицам, не выполняющим приказ, применять полностью все меры, используя все свои права.

Через каждый час связистам доносить положение б-на. Донесения присылать в штаб кав. полка — Жихарево»².

Приказ его был жестоким и недвусмысленным. После того как перед строем расстреляли военкома соседнего батальона, комбату-454 ничего не оставалось, как быть жестоким и неумолимым. Батальон имел в своем составе 270 штыков. Взять этими силами, без поддержки артиллерии, два населенных пункта, удаленных друг от друга на 5 километров, и при этом еще выбить противника из Крюкова, которое находилось непосредственно между Маурином и Большими Горками, являлось практически невыполнимой задачей.

Это было время выполнения невыполнимых задач.

Майор Ефимов знал, что уже ведется следствие по делу о самовольном оставлении позиций. Знал, что атака на Маурино и Большие Горки, а точнее, ее исход, скорее всего, поставит точку и в его судьбе: или пан, или пропал,..

¹ ЦАМО. Ф. 3391. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.

² Там же. Д. 2. Л. 7.

В ночь на 27 октября 454-й батальон скрытым маршем вышел на исходные в район Маурина. 1-й кавполк к тому времени провел тщательную разведку местности, определил силы и засек огневые точки противника, в том числе минометную батарею. В Маурине и его окрестностях немцы располагали силами до батальона, усиленного пушками и несколькими танками. Майор Ефимов мог противопоставить им лишь два ПТО кавполка.

О проводимом в отношении командира 151-й мотострелковой бригады следствии знал и командарм. Но чем он мог помочь ему? Майору Ефимову в этот момент мог помочь только командарм-5, усилив предстоящую атаку хотя бы частью тех средств, которые изъяс у бригады накануне. И тем не менее генерал Ефремов распорядился, чтобы одновременно с батальоном и кавполком на Маурино, с восточной стороны, начал атаку 774-й стрелковый полк 222-й стрелковой дивизии.

Этим полком командовал полковник Лещинский. Опытный офицер, бесстрашный и хладнокровный воин, он умел находить правильные решения в самых трудных обстоятельствах и доказывал это не раз. На него у командарма была особая надежда. Лещинский был единственным командиром полка в звании полковника.

— Если не осилит Ефимов, — сказал он Кондратьеву, отдавая приказ на усиление атаки с востока, — Лещинский, с его упорством, додавит немцев в Маурино.

Но случилось непредвиденное.

В то время, когда 455-й и 453-й батальоны бригады Ефимова уже завязали бой на окраине Крюкова и в районе совхоза «Головково», чтобы своими действиями отвлечь на себя силы противника, а основные подразделения 151-й изготовились к атаке, в бригаду прибыли представители особого отдела и военного трибунала Западного фронта, а также офицеры штаба. Они имели на руках копию директивы командующего фронтом. Командарм получил директиву еще утром, но решил: пусть Ефимов начнет атаку. Однако представители штаба Западного фронта имели другие санкции. Вместе с ними в бригаду прибыл новый командир бригады — майор Кузьмин и новый комиссар — старший политрук Яблонский.

Вот текст той директивы, подписанной Жуковым и Булганиным¹, содержание которой генерал Ефремов обязан был незамедлительно довести до сведения всех командиров всех подчиненных ему соединений и частей:

«Военный совет фронта рассмотрел решение Военсовета 33 армии от 23 октября 1941 года по вопросу об оставлении командиром 151 мсбр майором Ефимовым и военкомом бригады Пеговым своей бригады.

Военный совет 33 армии, квалифицировав поступок Ефимова и Пегова позорным бегством с поля боя и предательским действием, обрекающим 151-ю бригаду на полный развал, вместе с тем указанным свыше постановлением поручил Ефимову и Пегову немедленно выехать в соединение выполнять боевую задачу и собирать часть.

Военный совет фронта считает такое решение вредным и объективно провокационным, допускающим дезертирство и даже предательство с оставлением таких командиров и комиссаров на своих местах.

Решение Военсовета 33 армии в связи с этим отменить.

Прокурору фронта и начальнику особого отдела фронта немедленно выехать в 33 армию, произвести по этому поводу расследование и в случае подтверждения дезертирства с поля боя Ефимова и Пегова таковых немедленно расстрелять перед строем командиров.

Командарму 33 армии Ефремову и члену Военного совета 33 армии Шляхтину объявить строгий выговор с предупреждением, что и впредь за примиренческое отношение к такому позорному поведению командиров и политработников они сами будут сняты с постов и отданы суду.

¹ Булганин Николай Александрович (1895—1975) — генерал-полковник (1958). С 1918 г. в органах ВЧК. С 1922 г. на хозяйственной и советской работе. С июля 1941 г. член Военного совета Западного фронта, затем Западного направления. В 1944 г. — 2-го Прибалтийского, затем — 1-го Белорусского фронта. С ноября 1944 г. — заместитель наркома обороны СССР и член ГКО. В феврале 1945 г. введен в состав Ставки ВГК. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, Суворова 1-й и 2-й степени, двумя орденами Кутузова 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды.

Довести настоящее решение до сведения военных советов армий, командиров и комиссаров дивизий, соединений и частей»¹.

Не судьба была майору Ефимову и комиссару Пегову повести своих бойцов в атаку на Маурино 27 октября 1941 года. Вскоре их расстреляли «перед строем командиров», как того и требовала директива штаба Западного фронта. В это время и в других армиях Западного фронта шли показательные расстрелы «дезертиров», «трусов» и «панников» перед строем. Жестокая правда войны свидетельствует о том, что победа добывалась и так.

Новый комбриг 151-й майор Кузьмин бросил батальоны вперед. Но немцы отбили все атаки и в этот день, и в последующие. Трижды поднимал сомкнутые цепи своего полка полковник Лещинский. И всякий раз немцы заставляли батальоны откатываться назад.

Спустя некоторое время 151-я мотострелковая бригада была расформирована.

На других участках 33-й армии тем временем шли не менее упорные бои.

113-я, занимая оборону по восточному берегу реки Нары, время от времени переправлялась на западный берег и атаковала населенные пункты, занятые врагом, уничтожая его живую силу и технику. К концу октября она насчитывала 1330 активных штыков и 1052 винтовки.

110-я стрелковая дивизия вела боевые действия мелкими ударными группами, выдвинув их вперед. Основная же часть войск усиленно занималась тем, что приводила себя в порядок и основательно укреплялась на новом рубеже. 1287-й стрелковый полк продолжал удерживать деревню Горчухино на противоположном берегу реки Нары. Время от времени немцы оттесняли роты, которые обороняли эту деревню, но вскоре, в результате согласованной контратаки, Горчухино вновь оказывалось в наших руках. Дело доходило до штыков и прикладов. 1287-й стрелковый полк, накануне пополненный маршевым батальоном, прибывшим из Москвы, 27 октября атаковал село Атепцево. Во время боя полк понес большие потери: 30 человек убитыми и

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1. Л. 33.

100 ранеными. Командир дивизии полковник Матусевич докладывал в штаб:

«Основными причинами неуспеха являются:

а) недостаток огневых средств артиллерии, минометов и особенно пулеметов, имеющиеся 120-мм минометы минами не обеспечены;

б) отсутствие средств связи не дает возможности использовать стрельбу дивизионной артиллерии с закрытых позиций ОП. Стрельба с закрытых позиций невозможна, так как орудия минометным огнем противника выводятся из строя;

в) большой некомплект командного состава и его неумение управлять, руководить войсками, в результате чего, действуя в условиях лесных массивов, части подразделений по лесу расползаются и собрать их этот комсостав не может.

В результате крайней усталости при непрерывном ведении боевых действий, при недостаточном техническом оснащении, в штатном некомплекте, в постоянной доукомплектовываемое™ от разных подразделений красноармейцами, собираемыми заградотрядами, нерегулярности обеспечения продовольствием, отсутствии горячей пищи (нет кухонь, недостаточное количество транспорта, крайне тяжелое состояние дорог) — устойчивость в бою слабая.

Считаю необходимым:

1. Пополнение дивизии производить маршевыми ротами, сформированными в запасных полках с полным наличием командного и политического состава.

2. Обеспечение частей дивизии полностью штатными огневыми средствами и транспортом¹.

113-я стрелковая дивизия занимала оборону по восточному берегу реки Нары на прежнем рубеже: Каменское—Клово—Рыжково. Полки дивизии к тому времени еще не получили общевойсковую нумерацию и именовались условно: 1, 2 и 3-й. Потери в предыдущих боях были катастрофическими. К примеру, 1-й полк к началу ноября насчитывал 15 человек. 2-й — 108 человек. 3-й, который в последние дни не участвовал в изнуряющих атаках на Романово, насчитывал 220 человек. Если иметь в виду, что

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1. Л. 16-17.

113-я — это бывшая 5-я ДНО, основу которой составляли москвичи, то определенный процент убыли можно отнести на счет дезертирства.

Обеспечение воюющих подразделений всем необходимым, правильно организованный подвоз — это обеспечение успеха. Необеспечение дерущихся боеприпасами и продовольствием, медикаментами и вооружением — это обеспечение неуспеха. Трудности подвоза, которые испытывала 33-я армия в конце октября — начале ноября, хорошо иллюстрирует вышеприведенное донесение в штаб командира 110-й стрелковой дивизии. А вот что говорилось в оперативной сводке штаба от 27 октября: «Дороги в полосе действия армии труднопроходимы, даже для гужтранспорта, движение автотранспорта возможно только по шоссе. Доставка боеприпасов на левый фланг армии ПО и 113 сд производится вручную на расстояние 20—25 км»¹.

Рубеж обороны необходимо было укрепить основательно. Только так можно было повысить численность армии и ее огневую мощь. Солдат в правильно отрытом окопе, на хорошей позиции, которая к тому же тщательно замаскирована, соединена с соседней ячейкой ходом сообщения, может воевать за двоих. Так рассуждали в 33-й армии.

«На долю нашей армии выпала почетная и ответственная задача защиты нашей любимой столицы — Москвы от немецко-фашистских орд.

Враг упорно стремился прорваться к Москве, но, понеся большие потери, вынужден был перейти к обороне, используя это время для перегруппировки и подтягивания резервов, с тем чтобы начать новое кровавое наступление,

Об этом Военный совет армии неоднократно предупреждал командиров и комиссаров частей и соединений, требуя использовать временное «затишье» для возведения инженерных сооружений, укрепления занимаемого рубежа, на котором мы должны разгромить врага.

Однако произведенной в последние дни проверкой установлено:

1. В 108 сд в 1 гв. мед вместо окопов во многих случаях вырыты «ямки» неопределенной формы без брустверов,

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 8. Л. 68.

перекрытые хвоей и соломой, вместо ходов сообщения вырыты канавки, по которым невозможно передвигаться вследствие недостаточной ширины.

2. Воронки на дорогах сделаны недостаточной глубины.

3. Обзор и обстрел из окопов местами чрезвычайно ограничен.

4. Элементарные правила маскировки во многих частях не соблюдаются.

5. Темпы работ исключительно медленные.

6. Холода уже наступили, а многие землянки и блиндажи не отапливаются.

7. Командный состав, как правило, работами плохо руководит, переложив работы на младший комсостав.

8. Так же плохо руководят работой по возведению оборонительных сооружений начальники инженерной службы полков.

9. Партийно-политический аппарат оборонительными сооружениями не занимается.

П р и к а з ы в а ю :

1. Считать работы по возведению оборонительных сооружений задачей такой же важности, как и ведение боя, во время которого начальствующий состав находится в своих частях и подразделениях и руководит бойцами.

2. При производстве работ весь командный состав до командира и политрука роты включительно не имеет права оставлять свой оборонительный район, руководя работами и показывая личный пример.

3. За оборонительные работы и их тактико-техническое соответствие отвечают командир батальона и командир роты. Командир и военком полка ежедневно проверяют ход работы на всем полковом участке.

4. Окопы и их оборудование делать в соответствии с наставлением НИЖ-П-39, не делая лишь прищечных щелей, примыкая стрелковые ячейки непосредственно к соединительному ходу.

5. При производстве работ каждый красноармеец должен получать дневное задание, обязанностью командного состава является требовать его выполнение, широко развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий.

6. Комиссарам и начальникам политотделов дивизий в двухдневный срок лично ознакомиться с ходом оборонительных сооружений и принять все меры к мобилизации всего личного состава, прежде всего добиться, чтобы все коммунисты и комсомольцы, командиры и политработники показывали пример в производстве оборонительных работ и считали своим долгом повседневно руководить и возглавлять эти важнейшие мероприятия.

Еще раз напоминаю командирам и комиссарам всех степеней, что возведение оборонительных сооружений является важнейшим мероприятием — мы должны так укрепить занимаемый рубеж, чтобы фашисты не только не прошли через него, но нашли бы перед ним себе могилу»¹.

Приказ датирован 19 ноября 1941 года.

В этот же день произошло следующее. Противник подверг сильному артобстрелу позиции 222-й стрелковой дивизии. Сразу после полудня до батальона немецкой пехоты при поддержке танков атаковали правый фланг 774-го полка и левый фланг соседнего 113-го полка 32-й стрелковой дивизии 5-й армии. Стрелки и артиллеристы 774-го стрелкового полка открыли огонь и заставили противника залечь. Но сосед справа, не выдержав напора, попятился и вынужден был отойти в восточном направлении. В результате немцы заняли село Болдино. Последующие контратаки с целью возвращения утраченных позиций приносили только огромные потери с обеих сторон. К примеру, одна из контратак 457-го стрелкового полка, который все это время находился в полуокружении, увенчалась успехом: пехота противника была значительно отеснена, а на поле боя оставлено около 200 трупов.

Генерал Ефремов относился к тем полководцам, которые в период боев всегда старались быть ближе к передовой. В своих воспоминаниях генерал-полковник Л.М. Сандалов, который в августе 1941 года был начальником штаба Центрального фронта в период, когда им командовал Ефремов, написал: «Михаил Григорьевич всегда предпочитал руководить войсками непосредственно на поле боя».

В тот день командарм наблюдал за ходом боя в ближайшего НП командира 222-й стрелковой дивизии вместе со

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 2. Л. 178-180.

своим начальником штаба генерал-майором Кондратьевым. Вечером в штабной землянке в Яковлевском они просматривали донесения о результатах боя.

— Уже пятые сутки 3-я и 4-я танковые группы атакуют правое крыло Западного фронта, — сказал командарм. — После относительного затишья противник активизировал свои действия и на нашем участке. И заметьте, Александр Кондратьевич, они ударили не просто в стык полков и дивизий, но в стык армий. Что бы это значило?

— Вы думаете, это разведка боем? Что там, в глубине, в несколько эшелонов, сосредоточились для удара крупные силы?

— Да, именно так. Укрепляться, зарываться в землю, минировать подходы и дороги. Фон Клюге недолго будет ограничиваться атаками числом до батальона при поддержке взвода легких танков.

1-я гвардейская мотострелковая дивизия продолжала безнадежные бои за Наро-Фоминск. Полковник Лизюков уже прекрасно понимал, что отбить город теми силами, которые он имел, не удастся. Вряд ли удастся и удержаться на том плацдарме, который все еще занимал 175-й мотострелковый полк. И тем не менее прибывающее пополнение тут же переправлялось на западный берег реки Нары и бросалось в пекло. Из штаба фронта поступали раздраженные телеграммы по поводу того, что необоснованно оставлен город, что необходимо его вернуть в ближайшие часы. И из штаба в Перхушкове шли ответные телеграммы, в которых были такие слова: «1 мед — существенных изменений в расположении нет. Ведет упорные бои за окончательное овладение городом»¹. Дальнейшее продолжение уличных боев вело только к новым потерям, которые ни в коей мере не восполнялись прибывающим пополнением. Явно бессмысленные атаки к тому же ломали психику людей, подавляли дух, особенно прибывших с недавним пополнением.

Можно как угодно комментировать эти донесения командарма-33. Но можно сказать совершенно определенно, что Жуков получал от Ефремова вполне адекватные ответы.

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 13. Л. 66.

А Жуков стоял на своем: «Ваши действия по овладению Наро-Фоминском совершенно неправильны. Вместо окружения, изоляции противника в городе вы избрали затяжные, изнурительные уличные бои, в которых применяете и танки, в результате чего несете огромные потери в людях и танках».

«Ударом на фланги 1 гмсд отбросить пр-ка в южном и ю.-з. направлениях, изолировать противника, занимающую часть города, и блокировать часть сил, таким путем уничтожить в городе.

Применять танки в городе запрещаю»¹.

Утром 28 октября части 1-й гвардейской мотострелковой дивизии начали последний перед довольно продолжительным затишьем штурм Наро-Фоминска. Прибывшее в этот день в 113-ю стрелковую дивизию пополнение — маршевая рота в количестве 130 человек с винтовками — было тут же направлено в распоряжение командира 175-го мотострелкового полка. До позднего вечера на улицах шли бои. Ни бойцы, ни командиры еще не знали, что период изнурительных контратак с целью овладения где населенным пунктом, где улицей, а где просто отдельно стоящим зданием или развилкой дорог закончился, что штаб Западного фронта принял решение о переходе к глухой обороне с целью перегруппировки и накапливания сил.

Что касается попытки отбить Наро-Фоминск, то она была предпринята еще раз, 12 декабря 1941 года, когда фланги Западного фронта уже перешли в наступление, а центр еще стоял на месте, не имея приказа атаковать.

Штаб 33-й армии разработал подробный «План частной операции по захвату гор. Наро-Фоминск в ночь с 12 на 13 декабря 1941 года.

1. Цель операции — уничтожить противника на подступах к западной половине Наро-Фоминска и овладеть городом.

2. Способ действия — внезапным ударом в направлении выс. 193,8, разъезд 75 км, пруд, выйти к подступам гор. Наро-Фоминск и блокировать его»².

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1. Л. 32.

² Там же. Д. 2. Л. 277-279.

Далее в документе перечислялись подразделения с изложением боевой задачи, поставленной перед каждым из них.

Командарм понимал: приказ о начале наступления в штаб армии поступит со дня на день. Перед началом наступления, как тогда было принято, в любом случае необходимо провести разведку боем. А что, если попытаться убить сразу двух зайцев?

Не получилось.

Крупномасштабная разведка боем в центре фронта 33-й армии была проведена в ночь на 13 декабря. Вперед пошли части 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, усиленные лыжными батальонами. Сводным отрядом руководил командир 6-го мотострелкового полка полковник Гребнев.

Командарм во время проведения операции находился на НП командира 1-й гвардейской мотострелковой дивизии. Для организации взаимодействия в 222-ю стрелковую дивизию отбыл начальник оперативного отдела штарма полковник Киносян, в 110-ю — начальник разведотдела майор Потапов, в 113-ю — старший помощник разведотдела капитан Соболев.

Характерно, что за несколько часов до начала операции на главном направлении разведку боем начали разведотряды 222, 110 и 113-й стрелковых дивизий. Каждая — на своем фронте. До глубокой ночи шла стрельба на нейтральной полосе и вблизи населенных пунктов, занятых противником. Ни одна из разведгрупп проникнуть в расположение врага не смогла. Наблюдатели зафиксировали хорошо организованную систему ведения огня, которая позволяла немцам отражать как фронтальные атаки, так и возможные фланговые удары. Наличие на всех участках минометов поддержки позволяло массированно уничтожить противника еще на дальних подступах. На этих участках дивизиям 33-й армии противостояли 33, 351 и 81-й пехотные полки вермахта.

В 22.00 артиллерия 1-й гвардейской мотострелковой дивизии провела обработку передовой линии обороны противника на своем участке. Сводный разведдивизион, куда вошли также саперные подразделения, поднялся в атаку.

И сразу стало ясно, что обороны немцев не прорвать и здесь. Ночью связь с полковником Гребневым прекратилась. А утром, понеся большие потери, разведчики и саперы, усиленные лыжными батальонами, вернулись назад, на исходные позиции.

В этот же день, 13 декабря 1941 года, командарм получил приказ штаба фронта — перейти в наступление.

Но прежде чем перейти к повести о наступательных боях 33-й армии, необходимо рассказать об одном ярком эпизоде стояния армии Ефремова на Наре.

Глава 5

ПОСЛЕДНЯЯ АТАКА ФОН КЛЮГЕ

Язык сообщил: атака назначена на утро 1 декабря. Летчики подтвердили сообщения наземной разведки. Двойной удар фон Клюге. Трагедия 479-го полка. Уроки Жукова и сталинские лопаты. Как попал в плен полковник Лещинский. Немцы наращивают удар. Полосухин приходит на помощь. Бросок на Алабино. Командарм вводит в бой свои резервы. Помощь Жукова. Полки и батальоны дерутся в полуокружении. Немцы выдохлись. Трофеи

Ночью 29 ноября разведчики 113-й стрелковой дивизии успешно, без стрельбы, миновали нейтральную полосу, проползли мимо постов и углубились в территорию, занимаемую противником. Там, в ближайшей деревне, захватили немца, скрутили его и через несколько часов, когда уже светало, приволокли языка к своим окопам. Немец, как и большинство пленных, оказавшись в тепле жарко натопленной штабной землянки, где его еще и угостили горячим чаем, оказался словоохотливым и показал, что он из 92-го разведывательного батальона 20-й танковой дивизии, что дивизия основными своими частями из второго эшелона выведена к передовой линии и изготовилась для грандиозного наступления, цель которого — окончательный разгром русских и решительный бросок на Москву. Атака по фронту 33-й армии намечена на раннее утро 1 декабря.

Выслушав немца, командир дивизии полковник Миронов тут же распорядился привести в полную боевую готовность все подчиненные ему подразделения, заминировать проходы, выдать бойцам противотанковые гранаты и бутылки с КС. Начальнику штаба майору Сташевскому приказал немедленно отправить языка в штаб армии вместе с копией протокола допроса и всем, что при нем было обнаружено.

Генерал Ефремов допрашивал немецкого разведчика тоже недолго и отправил его срочным транспортом в Перхушково, до которого от Яковлевского было немногим более 30 километров. Таким образом, вскоре информацию о готовящемся грандиозном наступлении, окончательном и решительном, знал и генерал армии Жуков.

Отослав языка в штаб фронта, генерал Ефремов срочно затребовал всю информацию о наблюдении за противником в последние сутки. Из всех дивизий поступали примерно одни и те же сведения: никаких существенных изменений, редкий беспокоящий орудийный и минометный огонь.

— Есть ли что необычное? — спросил командарм своего начальника штаба.

— Есть и кое-что необычное, — ответил Кондратьев. — В период с десяти до двенадцати часов тридцати минут над расположением полков 222-й пролетели одиночные самолеты. Ни окопы переднего края, ни позиции артиллеристов, ни тылы не атакованы. Против обыкновения, не ответили и на стрельбу из траншей. Таким образом, можно сделать вывод, что противник произвел авиаразведку глубиной до 15—20 километров в направлении на Кубинку и Минское шоссе.

Картина стала более ясной, когда о наблюдениях сообщили из 110-й стрелковой дивизии: в населенных пунктах близ передовой слышна работа танковых двигателей, немцы усилили патрулирование по западному берегу Нары, активизировались на плацдармах, захваченных ими накануне.

В следующую ночь за реку на немецкий берег были направлены новые разведгруппы. Каждый полк послал в поиск по одной-две группы. Характерно, что полностью поставленную задачу не выполнила только одна. Как правило, немцы обнаруживали разведчиков еще на нейтральной полосе и открывали минометный и пулеметный огонь, после

чего разведчики уползли назад, уволакивая своих убитых и раненых товарищей. Немцы успели хорошо отладить систему боевого охранения, и наши разведывательно-диверсионные группы уже не могли так легко, как прежде, проникать в их расположение. К тому же наши группы действовали по шаблону: выходили, как правило, в одно и то же время, большим составом, двигались одними и теми же маршрутами. Неудивительно, что их боевая работа вскоре перестала давать сколько-нибудь реальные результаты. Успеха добивались там, где ломали шаблон, умело меняли тактику действия групп, как, например, в 113-й стрелковой дивизии генерала Миронова.

Первым поступило донесение от полковника Лещинского. Лещинский был назначен на должность комдива в конце ноября. Представление на него в штаб фронта подавал сам Ефремов. И вот пришло первое донесение, подписанное уже не исполняющим обязанности, а действительным командиром 222-й дивизии. Ефремов взял листок, прочитал:

«Произведенные налеты отрядов частей 222-й сд в ночь на 30.11.41 с целью уничтожения живой силы противника, технических средств и захвата пленных успеха не имели.

Противник, обнаружив действие отрядов, открыл сильный ружейно-пулеметный огонь, освещая всю местность ракетами, и поджогом зданий вынудил к отходу на исходное положение. В результате ночных действий уничтожена ОТ¹ противника.

Потери: убитыми — 3 человека, ранеными — 12 человек»².

Старший помощник начальника разведотдела штарма капитан А.М. Соболев доложил, что вернулась разведгруппа 1292-го стрелкового полка 113-й стрелковой дивизии. Действовала она в районе населенного пункта Мельникове. В результате налета на окопы передового боевого охранения противника огнем из стрелкового оружия и ручными гранатами группа уничтожила до отделения солдат противника. Захвачен пленный. Допрошенный пленный показал, что он относится к отдельному мотоциклетному батальону и что их срочно перебросили на передовую, собрав из не-

¹ ОТ — огневая точка.

² УАиМО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

комплектных частей и сведя в одно подразделение. В ранце немецкого солдата был обнаружен любопытный документ — типографским способом отпечатанное обращение командующего группой армий «Центр» к своим солдатам и офицерам: «Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу оружия, пройдитесь по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!» Мотоциклетный батальон, к которому принадлежал пленный, входил в состав 20-й танковой дивизии. В бою захвачены трофеи: 2 ручных пулемета, 10 коробок с лентами, 2 винтовки, документы и письма немецких солдат. Наша группа тоже имела потери: 11 человек убиты и ранены.

Накануне 33-й армии был придан авиационный полк, который по приказу командующего тут же начал разведывательные полеты. В журнале боевых действий армии среди записей за 30 ноября появилась и такая:

«Авиаполк в течение ночи одиночными самолетами производил поджигание и бомбометание населенных пунктов, занятых противником: Наро-Фоминск, Б. Горки, Таширово, одновременно производил разведку.

Боевой состав полка: 10 самолетов Р-5, 4 самолета Р-зет»¹.

Первые же донесения летчиков подтвердили скопления танков и мотопехоты противника в непосредственной близости к передовой.

Что касается наличия авиации в 33-й армии, то следует привести документ, свидетельствующий буквально о следующем:

«Во исполнение указаний Ставки Главного Командования КА по уничтожению населенных пунктов, занятых противником перед Западным фронтом,

п р и к а з ы в а ю :

1. Командующему ВВС Запфронта придать армиям по одной эскадрилье особого назначения, которые подчинить командующим ВВС армий.

2. Личный состав и материальную часть для указанных эскадрилий выделить:

...для 33 армии — 5 самолетов Р-5 из 686 лбп 31 ад.

Передачу эскадрильи закончить к исходу 20.11.41 г., штабы полков этих частей остаются в составе авиадивизии и довольствуют эскадрильи».

Ранним утром 1 декабря 1941 года из штабов дивизий начали поступать сведения о том, что противник задвигался. В 7.00 началась мощная артподготовка. Одновременно самолеты нанесли бомбовые удары по КП дивизий и полков, а также по тыловым коммуникациям. Ровно час длилась артподготовка. Еще не рассвело, когда перед полуразрушенными траншеями и дотами левофланговых 110-й и 113-й дивизий появились танки с мотопехотой. Но уже через час удар был нанесен по правому флангу, в стык 222-й стрелковой дивизии и 1-й гвардейской мотострелковой дивизии.

Фон Клюге рассчитывал на то, что Ефремов, ощутив сильный нажим на свой левый фланг, перебросит туда свои резервы, оголит участок 222-й стрелковой дивизии, и тогда он нанесет свой основной удар.

Под деревенькой Новой немцы прорвали фронт 222-й дивизии. В прорыв тут же вошла 258-я пехотная дивизия при поддержке до 80 танков 19-й танковой дивизии. Во втором эшелоне двигался 479-й пехотный полк. А следом за ними, с небольшим интервалом, выдвигались полки 292-й пехотной дивизии с задачей: совместно с танковым батальоном 27-го танкового полка 19-й пехотной дивизии развить наступление в направлении на Акулово и выйти на Минское шоссе в районе Кубинки. Ударная группировка 20-го армейского корпуса генерала пехоты Матерна насчитывала 8—9 тысяч человек. Правее их наступала 7-я пехотная дивизия. Она должна была отеснить правофланговые полки 222-й стрелковой дивизии и выйти во фланг фронту 5-й армии. Замысел, надо признать, был блестящим. Начало его выполнения тоже оказалось успешным.

Как же отреагировали обороняющиеся?

479-й стрелковый полк 222-й стрелковой дивизии, который оказался под гусеницами танкового клина, остался навечно в снегах Подмосковья. Отесненные 478-й и

458-й полки дрались в полуокружении в районах Иневки и Малых Семенычей.

На Кубинском шоссе движение немецкой колонны сразу замедлилось. Сработала хорошо подготовленная система минных полей и заграждений. Сразу несколько танков противника были выведены из строя.

Видя угрозу глубокого прорыва и понимая направление немецкого удара, Ефремов срочно связался с соседом справа. Генерал Говоров в это время находился на КП своей левофланговой 32-й стрелковой дивизии полковника Полосухина. Соседи тоже изготавились и ждали удара. На перехват танковой колонны он тут же выслал 17-й стрелковый полк и резервный полк ПТО.

Немцы тем временем вынуждены были свернуть с шоссе и двигаться по обочинам. Возле Акулова их уже ожидали успевшие занять позиции части 5-й армии. Немцы потеряли до батальона пехоты и около 20 танков. Атака была отбита.

Говоров все эти дни находился на КП своей левофланговой дивизии. А предыстория его появления здесь, под Акуловом, и такого старательного и упорного сидения здесь вот какова.

В своей книге «Солдатский долг» К.К. Рокоссовский, который в те дни со своей 16-й армией с трудом сдерживал танковые удары немцев, после войны писал:

«Как-то в период тяжелых боев, когда на одном из участков на Истринском направлении противнику удалось потеснить 18-ю дивизию, к нам на КП приехал комфронта Г.К. Жуков и привез с собой командарма-5 Л.А. Говорова, нашего соседа слева. Увидев командующего, я приготовился к самому худшему. Доложив обстановку на участке армии, стал ждать, что будет дальше.

Обращаясь ко мне в присутствии Говорова и моих ближайших помощников, Жуков заявил: «Что, опять немцы вас гонят? Сил у вас хоть отбавляй, а вы их использовать не умеете. Командовать не умеете!.. Вот у Говорова противника больше, чем перед вами, а он держит его и не пропускает. Вот я его привез сюда для того, чтобы он научил вас, как нужно воевать».

Конечно, говоря о силах противника, Жуков был не прав, потому что все танковые дивизии действовали против

16-й армии, против 5-й же — только пехотные. Выслушав это заявление, я с самым серьезным видом поблагодарил комфронтом за то, что предоставил мне и моим помощникам возможность поучиться, добавив, что учиться никому не вредно.

Мы все были бы рады, если бы его приезд этим «уроком» и ограничился.

Оставив нас с Говоровым, Жуков вышел в другую комнату. Мы принялись обмениваться взглядами на действия противника и обсуждать мнения, как лучше ему противостоять.

Вдруг вбежал Жуков, хлопнув дверью. Вид его был грозным и сильно возбужденным. Повернувшись к Говорову, он закричал задыхающимся голосом: «Ты что? Кого ты приехал учить? Рокоссовского?! Он отражает удары всех немецких танковых дивизий и бьет их. А против тебя пришла какая-то паршивая моторизованная и погнала на десятки километров. Вон отсюда на место! И если не восстановишь положение...» и т. д. и т. п.

Бедный Говоров не мог вымолвить ни слова. Побледнев, быстро ретировался.

Действительно, в этот день с утра противник, подтянув свежую моторизованную дивизию к тем, что уже были, перешел в наступление на участке 5-й армии и продвинулся до 15 километров. Все это произошло за то время, пока комфронтом и командарм-5 добивались к нам. Здесь же, у нас, Жуков получил неприятное сообщение из штаба фронта».

При всей грубости Жукова поражает его осведомленность. Всюду, где бы он в это время ни находился, самая свежая информация поступала к нему немедленно. И он реагировал мгновенно.

Такой штрих: в период битвы за Москву Жуков побывал во всех армиях, входивших в состав Западного фронта, кроме 33-й. Ни в документах, ни в мемуарах генералов и полковников, ни в воспоминаниях рядовых солдат я не нашел упоминания о том, что комфронтом побывал на этом участке своего фронта. Вот и попробуй, реши, что это было: уверенность в Ефремове как в командарме или что-то другое, с военным делом не связанное...

Но в тот же день Жуков сам попал под «разнос».

Дело в том, что в Ставке о прорыве под Наро-Фоминском узнали все же раньше, чем об этом сообщили Жукову. И на КП Рокоссовского, видимо, звонил уже Василевский, передавший приказ Сталина Жукову быть немедленно на своем КП в Перхушкове, так как противник уже движется танковой колонной к Кубинке. Вот почему командующий кричал на Говорова «задышающимся голосом».

А перед этим Сталин несколько раз звонил в штаб Западного фронта, спрашивал Жукова, но ему всякий раз отвечали, что Жукова нет, выехал в войска. Генерал Степанов, обеспокоенный прорывом немецких танков на Кубинку, откуда до Перхушкова полчаса хода, попросил разрешение Верховного перевести штаб в более спокойное место, на восток от Москвы. По воспоминаниям генерала Голованова, «повисла долгая тишина, и стало как-то не по себе».

— Товарищ Степанов, узнайте у товарищей, есть ли у них лопаты?

Снова напряженная пауза.

— Что, товарищ Сталин?

— Лопаты есть у товарищей?

— Товарищ Сталин, а какие лопаты, саперные или какие-то другие?

— Все равно какие.

— Товарищ Сталин, есть лопаты! А что с ними делать?

— Товарищ Степанов, передайте вашим товарищам, пусть берут лопаты и копают себе могилы. Мы не уйдем из Москвы, Ставка остается в Москве. А они никуда не уйдут из Перхушкова».

Нервы были на пределе у всех.

Во время прорыва немцев прервалась связь с КП полковника Лещинского. Ефремов с тревогой ждал сообщений из 222-й, но связь молчала. Он выслал офицера связи. Тот вскоре сообщил, что полковник Лещинский во время боя находился на КП 479-го стрелкового полка, что полк практически истреблен и что командование дивизией, то есть двумя уцелевшими полками, принял на себя начштадив подполковник Седулин.

Позже выяснилось следующее.

Когда противник стал проявлять активность, командир дивизии с офицерами связи перебрался на КП 479-го стрелкового полка. Он угадал направление главного удара. Вскоре ураган снарядов и мин начал сокрушать оборону полка. КП прикрывали земляные доты. Когда немцы пошли в атаку, пулеметы открыли огонь. А перед этим перетащили раненых с КП, куда попал снаряд. Ранен был и полковник Лещинский. Немцы подвели танки и расстреляли доты из орудий. Среди тел убитых немецкие автоматчики нашли одного живого, в гимнастерке с полковничьими петлицами. Бросили его на моторную решетку танка, чтобы не замерз. Некоторое время Лещинский считался без вести пропавшим. Потом о его пленении рассказал кто-то из уцелевших бойцов.

Лещинский был выдвинутцем Ефремова. Именно по его представлению приказом командующего фронтом полковник Лещинский был назначен командиром 222-й дивизии.

В конце дня из 113-й доложили: разгромлен штаб 1290-го стрелкового полка. Раненый командир полка майор Васенин попал в плен. Начштаба старший лейтенант Молчанов убит. Комиссар полка старший политрук Демичев, будучи тяжело раненным, застрелился.

Поступали сводки с других участков обороны.

На фронте 110-й стрелковой дивизии — тяжелые бои. Противник просачивается в тыл. Полки и отдельные группы числом до роты дерутся в полуокружении. Не хватает боеприпасов. 3-я рота 1787-го полка оставила деревню Горчухино, когда в ней осталось всего двенадцать человек, половина из которых раненые. Уничтожено до роты противника и несколько танков.

971-й артполк принял бой с пехотой противника, прорвавшейся в район деревни Савеловки. Огнем орудий противник остановлен. Бой продолжается.

1787-й полк майора Присяжнюка позиции удерживает.

Вместе с начальником штаба капитаном Латышевым все эти дни и ночи Присяжнюк будет находиться непосредственно в боевых порядках полка и отведет его в лес восточнее только спустя сутки, когда иссякнут боеприпасы.

А между тем немцы, не достигнув успеха в направлении на Акулово, перегруппировались и колонной ринулись на Рассудово в сторону Алабина.

Чтобы парировать этот удар, командарм срочно перебросил сюда свой резерв: батальон 183-го запасного стрелкового полка и роту курсантов армейских курсов младших лейтенантов и политруков.

Командарм понимал, что генерал Матерн уже импровизирует. Отбитый от Кубинки, от Минского шоссе, он теперь пытается перехватить Киевское шоссе в районе Рассудово—Алабино. Спустя некоторое время туда же, к Рассудову, где уже гремела канонада, ушли танки 5-й танковой бригады под командованием подполковника Сахно.

Немецкую колонну перехватили у Юшкова, всего в 18 километрах от Перхушкова, где находился штаб Западного фронта и откуда Жуков напряженно следил за развитием событий, хладнокровно решая, куда направить те немногочисленные резервы, которые имел. Именно отсюда ушел вскоре приказ последнему батальону, который и решил дело в битве на подмосковной Марне. В надежде на то, что не особенно погрешу против истины, осмелюсь предположить, что тем последним батальоном был лыжный.

Кстати, немецкая разведка так и не смогла определить, где же находится штаб Жукова. Точных данных она так и не добыла. Но предположения имела. По предположениям, штаб Западного фронта находился восточнее Москвы.

В ночь с 1 на 2 декабря от Жукова поступила телефонограмма:

«Особо важное.

Командарму 33 Ефремову.

П р и к а з ы в а ю :

группой, которая сейчас сосредотачивается в р-не ст. Кокошкино, Апрелевка, в составе 18 сбр, 2 лыжных б-на, 1 танк, б-н и дополнительно 15 танков, один полк ПТО, усилив ее артиллерией РС, нанести удар по противнику в направлении Юшкова.

Иметь дальнейшей задачей стремительно наступать в направлении Головенькино и восстановить положение.

Удар нанести с утра 3.12.

Руководство группой возлагаю лично на Вас.

Исполнение донести»¹.

¹ БЯМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 15. Л. 3.

Трое суток 33-я и части 5-й армии вели бои с прорвавшимися танками и мотопехотой противника практически в своем тылу. Противник часто менял направления своих ударов. Но вскоре эти переброски с одного участка на другой иссякающих сил стали напоминать метания загнанного в клетку зверя. Но зверь был все еще силен, опытен. И, надо заметить, постоянно контролировал открытую дверь клетки...

Для того чтобы закрыть брешь на своем правом фланге в районе Иневки и установить прочную локтевую связь с 32-й стрелковой дивизией соседней 5-й армии, Ефремов приказал 222-й стрелковой дивизии отойти восточнее и занять новый рубеж обороны. Но выполнить приказ командарма в точности дивизия не смогла. В два часа ночи прервалась связь. Часть батальонов к тому времени вышла в район Рассудова и Кубинки и сразу же вступила в бой. Другая часть вела бои в окружении на прежних позициях в районе Иневки.

В районе Юшково—Петровское—Бурцево прорвавшиеся танки были встречены тридцатьчетверками 136-го танкового батальона и поддерживающими их атаку бойцами Гб-го пограничного полка подполковника Алексева. Они остановили колонну, но удерживать долго не могли. Вот-вот на помощь им должна была подойти резервная группа, о которой и говорил в своем приказе Жуков.

Все эти дни и командарм-5, и командарм-33 находились непосредственно в войсках. Приказы отдавались тут же и корректировались в зависимости от меняющейся обстановки. Говоров — в районе Акулова, где действовала его 32-я стрелковая дивизия. Ефремов — в оперативной группе в районе Ааабина. Оба командарма гонялись со своими резервами за прорвавшимися группами немецких танков, опасаясь, что те могут выйти к Перхушкову и разгромить штаб Западного фронта. И для Ефремова, и для Говорова это конечно же было равнозначно прорыву противника к Москве.

На второй день ожесточенных боев отбитый от Акулова 475-й пехотный полк немцев занял Юшково и Бурцево. Полк был спешно усилен танками, которые немцы спешно подтянули сюда со всей группировки, действовавшей в

прорыве. Еще один бросок, и Киевское шоссе будет перехвачено.

Штаб 33-й армии разработал операцию по ликвидации прорвавшейся группировки противника, которая компактно сосредоточилась в районе Юшкова и Бурцева. Но резервы, посланные Жуковым, запаздывали. К примеру, 18-я отдельная стрелковая бригада только-только прибывала. Первые ее батальоны и техника разгружались на станции Апрелевка.

18-я отдельная стрелковая бригада в то время была внушительной силой. Три отдельных стрелковых батальона. Два артиллерийских дивизиона. Два минометных дивизиона. Несколько отдельных рот. Всего 4500 штыков. Вооружение бригады: 18 танков; 12 орудий ЗиС-3, 18 сорокапятков; 48 минометов разного калибра. В составе бригады роты, целиком сформированные из курсантов сержантских школ. Командовал бригадой подполковник А.И. Сурченко. И эта сила своим сосредоточением в район действий запаздывала. Не все дивизии 33-й армии имели такой состав и вооружение.

А медлить уже было нельзя. И командарм принял решение атаковать противника теми силами, которые на тот момент оказались под рукой. В бой пошли двумя группами. Первую и основную, на которую ложилась вся тяжесть операции, возглавил начальник автобронетанковых войск 33-й армии полковник Сафир. Бывший поручик и полный георгиевский кавалер умело повел в бой танки и пехотные подразделения, собранные по тылам и наспех сформированные в роты, и блестяще провел это локальное, но решающее сражение.

За этот бой Сафир был награжден орденом Красного Знамени. В наградном листе записано: «В боях с фашистами с 2 по 16 декабря 1941 г. в районе действий у высоты 210,8, деревень Петровское и Юшково, т. Сафир лично руководил действиями 5 танковой бригады, 136-м и 140-м отд. танковыми батальонами. Результатами умелого руководства операциями враг был разбит и начал поспешно отходить. Части танковой группы с приданными стрелковыми подразделениями полностью восстановили прежнее положение»¹.

Второй эшелон ударной 258-й пехотной дивизии генерала Хейнрици завяз в боях с окруженными полками 222-й стрелковой дивизии и не мог оказать существенной помощи подразделениям, действовавшим впереди. Отсюда снимались танки и огневые средства. День и ночь противоборствующие стороны бросались друг на друга в атаки и контратаки, изматывая и истощая силы и противника, и свои. Одни из последних сил нажимали вперед. Другие, тоже пересчитывая в подсумках последние обоймы патронов, последним усилием удерживали свои позиции.

Так прошли еще сутки.

Обещанные резервы все же подошли и с ходу вступили в бой. Начали восстанавливать утраченные позиции подразделения 110-й и 113-й дивизий. Залпы подошедших на левый фланг РС помогли пехоте немного продвинуться вперед.

К исходу дня 3 декабря 18-я отдельная стрелковая бригада одним своим стрелковым батальоном и ротой танков повела наступление в направлении лагеря Алабино, обходя Юшково с севера. Одновременно второй ее батальон с танками обходил село с юга. Однако, как отмечают историки, батальоны действовали нерешительно, продвигались медленно. И немцы успели выскользнуть из окружения и отойти западнее, сохранив живую силу и технику.

В это время танкисты полковника Сафира захватили несколько пленных. Имя одного из них, некоего А. Ваде, рядового, стрелка 9-й роты 478-го пехотного полка 258-й пехотной дивизии, история сохранила как автора ценных показаний, которые он дал на допросе. Вот текст этих показаний, записанных переводчиком 33-й армии:

«1 декабря 478 пп выдвинулся к р. Нара и сосредоточился в лесу, подготавливая наступление, совместно с остальными пп 258 пд на Кубинка. Слева от 478 пп наступал 479 пп, сзади правее 478 пп продвигался 458 пп. В связи с тяжелыми потерями каждому пп было придано шесть 105-мм самокатных пушек на гусеничном ходу, 10—12 легких танков и броневиков, четыре 105-мм орудия, 10 орудий ПТО 75 мм.

Встретив в р-не Акулово упорное сопротивление и понеся тяжелые потери, дивизия получила по выдвигению в

район Юшково—Петровское новую задачу — оборонять этот район до прибытия подкреплений. 1 батальон 478 пп в связи с тяжелыми потерями был разделен пополам между 2 и 3 батальонами. 9-я рота насчитывает в настоящее время до 40 человек. Имеется на вооружении 4—5 легких пулемета, 5—6 автоматов, 3 легких гранатомета¹. Каждый солдат, кроме карабина, вооружен 2—3 ручными гранатами. Ротой командует обер-лейтенант Лаве. В резерве полка находится 3 рота 1 батальона, насчитывающая до 50 чел. и имеющая на вооружении 10 легких пулеметов, 12 автоматов, 3 легких гранатомета. Штаб батальона находится в деревне в 10 км сзади Юшкова. К той же деревне подтягивается батальонный обоз. Обоз передвигается на конной тяге. Батальоном командует капитан Штедке, переведенный несколько дней назад из 479 пп на место м-ра Шмидт, который был ранен. Полком командует подполковник Мейер, назначенный на место убитого 2 мес. назад полковника Фонвольф². Дивизией командует генерал-майор Генрице³.

Поражает большое количество легких пулеметов, которое имела, к примеру, немецкая рота: в каждом отделении имелось два пулемета МГ-34. Пулемет МГ-34 считался основным пулеметом. Это очень эффективное и надежное оружие. Пулемет мог устанавливаться на специальном станке. Применялся также оптический прицел — как для точности стрельбы, так и для пристрелки. Во время интенсивного ведения огня ствол у МГ, как и у всех пулеметов, перегревался. Но пулеметный расчет на этот случай имел сменные стволы, которые находились в чехле-кожухе. Специальными асбестовыми перчатками пулеметчик за считанные секунды мог заменить перегревшийся ствол на свежий и вести огонь снова. В 1942 году появилась новая модифи-

¹ Видимо, имеются в виду легкие ротные минометы калибра 50 миллиметров.

² Видимо, правильно: фон Вольф.

³ Правильно: Хейнрици. Хейнрици Готтарт (1886—1971) — в период московских боев — генерал-лейтенант. На Восточном фронте с первого дня пересечения советской границы. В сентябре 1941 г. за умелое управление вверенной ему 258-й пехотной дивизией награжден Рыцарским крестом Железного креста. В 1943 г. произведен в генерал-полковники. Командовал группой войск «Висла». В мае 1945 г. пленен англичанами.

кация МГ. Скорострельность пулемета была доведена с 1200 до 1500 выстрелов в минуту.

Из непосредственных наблюдений за действиями ударных групп резерва, а также из донесений, поступавших из дивизий, дерущихся на своих участках, а также из информации, полученной от пленных немецких солдат, к исходу 3 декабря командарм понял: противник выдыхается, наступательный порыв его иссяк.

За ходом событий пристально наблюдал и командующий 4-й полевой армией вермахта генерал-фельдмаршал фон Клюге. После того как дивизии 5-й и 33-й армий отбили его удары, а в них он вложил всю силу и мощь, которыми он располагал в то время, из его штаба под Наро-Фоминск ушел срочный приказ на отход.

В ночь с 3 на 4 декабря 478-й пехотный полк, воспользовавшись внезапной передышкой, которая возникла вследствие невероятной усталости обеих противоборствующих сторон, отвел свои войска с угрожаемых участков.

Замечу, что немцы отступали грамотно: оставляли небольшие заслоны, позиции покидали тихо, так что наблюдатели за нейтральной полосой ничего не заметили и спохватились только утром, когда рассвело. Раненых немцы грузили на телеги и сани и вывозили в обозах. Вывезли и часть убитых. Подразделения второго эшелона удерживали коридор, по которому и осуществлялся отвод.

В это время успешно действовали самолеты 77-й авиадивизии. Наконец-то бойцы увидели в небе свои самолеты. Наконец-то почувствовали их помощь на поле боя. Это поднимало дух всей сражающейся армии.

Ранним утром 4 декабря еще не рассвело, когда танки 136-го и 140-го отдельных танковых батальонов с десантом 23-го лыжного батальона выдвинулись в район Акулова. Туда же, параллельной колонной, была направлена 18-я бригада с 24-м лыжным батальоном.

Немцы к тому времени уже отошли, оставив заслоны и бросив часть неисправной и поврежденной техники, эвакуировать которую возможности у них не было. Не встретив сопротивления, танки первой группы, которую возглавлял полковник Сафир, двинулись к Головенькам. Здесь колонну отбомбили свои самолеты, приняв ее за отступаю-

ших немцев. К счастью, обошлось без больших потерь. Это был уже второй налет летчиков 77-й авиадивизии ВВС Западного фронта на своих.

Обстоятельства и время вносили свои коррективы. Менялись в связи с этим и задачи. Во второй половине дня наступающие получили приказ командарма:

«18 осбр стремительным ударом окружить и уничтожить остатки противника в р-не Новая, Мал. Семенычи. Овладеть рубежом Мякишево, Любаново, (иск.) Таширово, прочно его удерживать.

Группе полковника Сафир (140, 136 тб, один лыжный б-н 5 тбр и сводный отряд 183 зап. полка) — окружить и уничтожить остатки противника в р-не пионерлагерь, МТС, овладеть Таширово и прочно удерживать за собой переправу через р. Нара.

Командиру 1 гв. мед совместными действиями с группой полковника Сафир уничтожить противника, проникшего на левый берег р. Нара, и полностью восстановить прежнее положение.

Командиру 222 сд к исходу 5.12.41 г. занять р-н Иневка, отдельные дома 3 км вост. Новая, Головеньки и подготовить его для упорной рбдроны.

К 17.00 5.12 привести части дивизии в полную боевую готовность. КП р-н Головеньки»¹.

222-я стрелковая дивизия продолжала бой в лесу западнее Малых Семенычей и восточнее Иневки. Остатки отдельных подразделений мелкими группами выбирались из леса и подтягивались к штабу дивизии.

110-я стрелковая дивизия истребляла отдельные отставшие группы немецких пехотинцев в своем тылу и готовилась к атаке на Таширово.

1-я гвардейская мотострелковая дивизия отбросила противника на западном берегу и прочно удерживала оборону по восстановленному рубежу. В ее тылах в это время тоже бродили группы отставших немцев. Видимо, они не ожидали, что русские так быстро восстановят свое положение и закроют фронт. Одна из таких групп вечером 4 декабря под покровом темноты пошла на прорыв. Ее вовремя об-

наружили дозоры 3-го дивизиона 486-го гаубичного артполка. Артиллеристы быстро развернули орудия и открыли по колонне огонь прямой наводкой. Часть группы была уничтожена, часть разбежалась. Любопытны трофеи, которые захватили артиллеристы: 30 винтовок, 40 тысяч патронов к ним, 1 пистолет, 1 миномет, 300 ручных гранат, 1 машина и 2 велосипеда. Да, видимо, солдатам 258-й и 292-й пехотных дивизий их командиры прочно внушили мысль, что уже завтра они будут кататься по Москве. «...Пройдитесь по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»

Связисты 1-й гвардейской мотострелковой дивизии в этот день перехватили радиопереговоры командиров частей 258-й пехотной дивизии:

«9.45. Почему не отвечают соседние рации? Что там такое происходит?»

9.55. От наступательных действий воздержитесь, беспокойте противника с флангов. Создавайте впечатление наступления, если только оно удастся, перебрасывайте резервы и переходите к действительным активным действиям. Решительный перелом в нашей операции должен быть создан, боеприпасы и резервы получите.

10.05. Доношу, что результаты наши весьма незначительны, инициативу мы потеряли вчера в 17.00.

10.15. Для эффективных действий в секторе с.-з. Нары у меня сил недостаточно. Прошу подкрепления и боеприпасов.

11.40. Наши силы движутся к нам на подмогу. Почему не отвечает танковая рация? Вызывайте.

Вызвал, она отвечает, что отходит в связи с отходом всей группы войск.

11.50. Вводите в бой русские КВ, их вначале примут за своих»¹.

113-я стрелковая дивизия продолжала атаки по восстановлению своих позиций. Ей в эти дни пришел на помощь сводный полк из соседней левофланговой 43-й армии. И немцев выбили с плацдармов за реку Нару. Дивизия начала занимать свои прежние окопы.

¹ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 15. Л. 35.

Пришло время подсчитывать трофеи. Первые данные, как правило, неполные. Но, как потом выясняется, именно они являются самыми достоверными. С 1 по 4 декабря армия уничтожила 2 тысячи человек живой силы противника, захватила 60 пленных. Также захвачено трофеев: 45 орудий разного калибра, 50 станковых и ручных пулеметов, 10 минометов, 400 винтовок, около тысячи снарядов. Уничтожено 20 танков, 2 бронемашины, 5 тракторов, 10 зарядных ящиков, 6 мотоциклов.

Так закончилась последняя атака группы армий «Центр» в начале декабря 1941 года. «Тайфун» был погашен именно здесь, под Наро-Фоминском.

Глава 6

ВПЕРЕД!

Гальдер: «События этого дня ужасающи и постыдны». Разведка боем — на Наро-Фоминск. 33-я переходит в общее наступление. 201-я стрелковая дивизия опаздывает к началу атаки. Немцы держатся. Бывший связист 1138-го стрелкового полка вспоминает. Новый командующий 4-й полевой армией вермахта. Успех на левом фланге 33-й. Немцы отрезают 1291-й полк

В тот день, когда 33-я армия генерала Ефремова подсчитывала свои трофеи и потери, когда в тылу, в районах только что затихшего боя собирали убитых и по приказу командующего производили братские захоронения, в Берлине начальник Генштаба генерал-полковник Гальдер педантично пополнил свой свод ежедневных записей следующей:

«Обстановка на фронте: никакого значительного продвижения наших войск.

Фон Бок сообщает: силы иссякли. 4-я танковая группа завтра уже не сможет наступать. Завтра он сообщит, есть ли возможность отвести войска».

На следующий день, 6 декабря:

«Обстановка на фронте вечером: в результате наступления противника на северный фланг 3-й танковой группы

создалась необходимость наших войск, располагавшихся южнее Волжского водохранилища. Их нужно отвести к Клину».

Запись 7 декабря: «События этого дня опять ужасающи и постыдны. Главком превратился в простого письмоносца. Фюрер, не замечая его, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКВ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того чтобы принимать принципиальные стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий «Центр» на рубеж Руза—Осташков».

Итак, правое крыло Западного фронта уже перешло в наступление. Командарм получил из Перхушкова указание: привести дивизии в порядок, восстановить положение, занимаемое батальонами на конец ноября, пополнить боеприпасы, провести глубокую разведку с целью выявления слабых участков в обороне противника. Это означало, что не сегодня завтра армия, занимавшая в оперативном построении Западного фронта центральное положение, тоже получит приказ перейти к активным действиям, то есть наступать.

В ночь с 12 на 13 декабря по приказу командарма была проведена масштабная разведка боем. Явного успеха армии эта ночь не принесла. Ни одной из ударных групп, наступавших и на городские кварталы Наро-Фоминска, и на левом крыле, где атаковали части 110-й и 113-й стрелковых дивизий, не удалось выполнить поставленную задачу по прорыву немецкой обороны. Стало очевидным: немцы успели основательно укрепиться, продумали систему фланкирующего огня, когда простреливались и те участки, которые не имели сплошной линии обороны, эффективно защищались системой отдельных опорных пунктов.

Ночью 14 декабря командарм получил из штаба Западного фронта следующую шифрограмму:

«Комфронта приказал:

1. 338 сд с 8.00 14.12 переходит в подчинение командарму-33.

2. Командарму-16 немедленно направить дивизию маршем в распоряжение командарма-33.

3. Командиру 338 сд с получением приказа немедленно организовать выступление и марш дивизии походным порядком в новый район сосредоточения, по маршруту: Мишино, Павшино, Глухово, Одинцово, Жаворонки, Власово, Бараки 1 км юж. Анкудиново, Алабино, Яковлевское, в дальнейшем поступить в распоряжение командарма-33.

4. Дивизии сосредоточиться в новом районе к 10.00 16.12.41 г.

5. Командарму-33 организовать встречу и сопровождение дивизии в район сосредоточения.

6. Штафронта доносить:

1. Командарм-16 — о времени выступления дивизии.

2. Командарм-33 — о прибытии дивизии.

3. Командиру 338 сд — докладывать по телефону при прохождении Одинцово, Жаворонки, Апрелевка»¹.

338-й стрелковой дивизией командовал полковник Кучинев². Дивизия форсированным маршем вскоре прибыла в заданный район и заняла оборону по линии Голохвастово—Архангельское—Белосово.

На период наступления приказом командующего Западным фронтом 33-я усиливалась также еще одной дивизией — 201-й. Но местонахождение ее было неизвестно. Командарму ничего не сообщалось и о сроках ее прибытия.

Архивные данные дают некоторое представление о том, как усиливалась ударная мощь войск перед наступлением. К примеру, если до середины декабря в 33-й армии бойцы стрелковых рот были вооружены одними винтовками, то ко дню наступления в дивизиях насчитывалось 350 пулеметов и 300 автоматов ППШ и ППД. Автоматов явно не хватало. Автоматные роты были вооружены винтовками. Но в декабре автоматы, пусть в небольшом количестве, все же появились. Теперь каждая дивизия могла вооружить ППШ целую роту.

15 декабря командарм отдал приказ дивизиям:

«1. Противник, перегруппировывая свои силы против центра и левого фланга армии, продолжает усовершенство-

¹ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 5. Л. 116.

² К у ч и н е в Владимир Георгиевич — полковник, командир 338-й стрелковой дивизии. Из бывших царских офицеров. Из окружения вышел.

вать и упорно оборонять рубеж по западному берегу реки Нара на фронте: Мякишево, Таширово, Наро-Фоминск, Атепцево, Слизнево, Чичково, Романово, имея корпусные резервы в районах: Верея, Боровск.

2. Справа 5 армия обороняет рубеж Асаково, Дютьково, Мякишево.

Слева 43 армия с рассветом 18.12.41 с рубежа Мельникове, Никольские Дворы наносит удар в направлении Романово—Балабаново.

3. 33-я армия (222 сд, 1 гв. мед, ПО, 338, 201, 113 сд) с рассветом 18.12.41 во взаимодействии с 43-й армией наносит удар в направлении Балабаново, Малооярославец с задачей разбить противостоящего противника и к исходу 19.12.41 выйти на рубеж: Таширово, Мишуково, Балабаново.

222 сд с 1289 сп (ПО сд), учебным батальоном 183 зап. полка, 500 ап ПТО (17 орудий), 1/486 гап (6 орудий), к рассвету 17.12.41 занять рубеж: Мякишево, Любаново, Таширово и далее по левому берегу р. Нара до юго-восточной окраины Наро-Фоминска. Задача дивизии — упорной обороной обеспечить наступление ударной группы армии, действующей южнее Наро-Фоминска. Для обхода города с юга во взаимодействии с 1 гв. мед, иметь на левом фланге ударную группу.

1 гв. мед с 2 и 3/480 гап (12 орудий) с рассветом 17.12.41 занять исходное положение для наступления (иск.) Наро-Фоминск, (иск.) Горчухино, в готовности с рассвета 18.12 атаковать и уничтожить противостоящего противника. К исходу дня выйти свх. Котово, Щекутино, имея задачу выйти к исходу 19.12 на рубеж Кузьминки, Татарка.

ПО сд (без 1289 сп) с 364 кап (12 орудий), 23 и 24 лыжными батальонами к рассвету 17.12 занять исходное положение Горчухино, (иск.) Атепцево, в готовности с рассветом 18.12 перейти в наступление с задачей уничтожить противостоящего противника и к исходу дня выйти на рубеж (иск.) Щекутино, Рождество. К исходу 19.12 выйти на рубеж Татарка, Мишуково.

338 сд к рассвету 17.12 сменить левофланговые части ПО сд, занять исходное положение для наступления — опушка леса 1 км сев.-вост. Атепцево и Слизнево с задачей

уничтожить противостоящего противника и к исходу дня выйти на рубеж — Рождество, Деденево. К исходу дня 19.12 занять рубеж (иск.) Мишуково, (иск.) Климкино.

201 сд с 102 гап (8 орудий) к рассвету 17.12 сменить части 113 сд на рубеже (иск.) Слизнево, (иск.) Мельниково, занять этот рубеж и быть готовым с рассветом 18.12 наступать в направлении Шилово, Лапшинка. Задача — уничтожить противостоящего противника и к исходу 18.12 занять рубеж (иск.) Деденево, Аристово и к исходу 19.12 занять Климкино, Балабаново.

113 сд после смены рубежа обороны 201 сд и правофланговыми частями 43 армии (участок Мельниково, Рыжково) и к 12.00 17.12 сосредоточиться в районе Ивановка, Савеловка, отм. 189,6, имея задачу наступать за 1 гв. мед в готовности отражать возможные контратаки противника в правый фланг и тыл 1 гв. мед.

4. В каждую дивизию нач. АБТВ выделить по 10 танков (кроме 222 сд) для действия совместно с пехотой.

5. Артиллерия: готовность 23.00 17.12.41.

Пристрелка 30 мин., артподготовка с 8.30 до 9.30.

Задача — подавление узлов сопротивления в районах Котово, Елагино, Атепцево, Слизнево, Чичково. Подавление артиллерии в районах Алешково, Котово, Рождество, Павловка.

6. Начало атаки — 9.30.

7. КП — Яковлевское.

Опергруппа с 13.00 17.12 — Могутово»¹.

Но приказы пишутся в штабах, а исполняются в окопах, в поле. Как видно из приказа командарма, в дело включалась и 201-я стрелковая дивизия. Но в самый последний момент, когда войска уже изготовились к атаке, пришли сведения о том, что 201-я ожидается прибытием не раньше утра 17 декабря. И командарм принял решение об оставлении на прежних позициях 113-й стрелковой дивизии. Таким образом, ее первоначальная задача наступать во втором эшелоне вслед за частями 1-й гвардейской мотострелковой дивизии отменялась. Сила удара слабела. Одноэшелонное построение войск в наступлении исключало возможность

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 26. Л. 27-29.

использования частей 113-й стрелковой дивизии в качестве резерва и для развития наметившегося успеха.

Во время артподготовки командарм находился на НП командира 1-й гвардейской мотострелковой дивизии полковника Иовлева. Он не отрывался от бинокля, не отходил от стереотрубы. Выслушивал поступающие донесения и тут же отдавал новые распоряжения. Командарм знал, что бой — это живой организм и необходимо постоянно реагировать на проявления этой «жизни».

После артподготовки батальоны 1-й гвардейской поднялись из своих окопов, миновали по льду Нару и ворвались в кварталы, занимаемые подразделениями 183-й пехотной дивизии вермахта.

С других участков наступления армии приходили следующие сообщения: 113-я дивизия сломала сопротивление частей 15-й пехотной дивизии противника и продолжает продвижение в глубину немецкой обороны, 338-я дралась в деревне Слизнево. На остальных участках оборону противника прорвать пока не удавалось.

Везде шло упорное сражение. По всему фронту 33-й армии. Следует, в связи с этим, отметить весьма характерный стиль наступления наших войск под Москвой. Удар Западного фронта наносился по всей ширине фронта, удары армий — по всей ширине своих участков. На это, на такие широкие удары, конечно же не хватало сил. А имеющиеся дивизии очень быстро выматывались и теряли свою боеспособность. Немцев отжимали от Москвы, отбрасывали, почти не используя маневр глубоких прорывов и фланговых охватов с последующим окружением. Правда, как гласит народная мудрость, брань дело кажет. И, исследуя ход дальнейших событий, мы увидим, что штаб 33-й армии все же разработал и провел несколько операций по охвату и окружению противника. Увидим и то, чем все это закончилось.

А пока драка и стон стояли по всему фронту 33-й и дальше. Потому что, как известно, в это же время наступали и левофланговая 43-я армия и правофланговая 5-я.

Вот фрагмент радиоперехвата переговоров немецких командиров в полосе атаки 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, который наиболее точно может характеризовать

степень ожесточенности боев 18 декабря, в день перехода центра Западного фронта в наступление:

«В 9.26. Свертывайте рацию, приближается опасность.

В 9.27. Защищаться до последнего!

В 9.31. Наши батареи выведены из строя.

В 9.40. Подтянуть все резервы к фронту!

В 10.17. Оттянуть тяжелую артиллерию назад, пехоту оставить с минометами.

В 11.10. Давайте боеприпасы! Почему молчат батареи?

В 11.30. Обстреляю группу и буду отходить. Противник подходит вплотную.

В 11.31. Рация, медь, повреждена»¹.

После полудня батальоны 1-й гвардейской заняли корпуса кирпичного завода. Но основная часть городских кварталов оставалась в руках противника. 113-я тем временем перешла на западный берег Нары и ворвалась в Чичково. Передовой 1138-й стрелковый полк 33-й стрелковой дивизии завяз в упорном бою в окрестностях Слизнева.

Когда я работал над этой книгой, дал сообщение в сорок газет и журналов о том, что разыскиваю ветеранов 33-й армии первого, ефремовского состава. Пришел всего один отклик — из Беларуси, от минчанина Владимира Петровича Гуда. В декабре 1941 года бойцу роты связи 1138-го стрелкового полка Гуду едва исполнилось 17 лет. Вот что рассказывал он о боях за Слизнево:

«Это село мне запомнилось особо. Здесь погиб мой друг Вася Ковалев. Пулеметчик, командир пулеметного расчета. Мы уже один раз атаковали Слизнево, но неудачно. К нам в помощь подвели курсантов офицерского училища из Моршанска. Все рослые красавцы. С винтовками. Подошли и говорят: «Мы их сейчас из этой деревни штыками выгоним». А как пошли...

Надо было преодолеть лошину. Там уже начинались огороды, за огородами дворы. И вот в этой ложине столько полегло курсантов, что весь снег казался красным. Мы успели перебежать ложину. Залегли, потому что носа из лошины высунуть было нельзя — сплошная стена огня. Вот это они умели создавать. Расчетам станковых пулеметов

было приказано выдвинуться вперед, на фланги, и, когда полк поднимется, поддерживать атакующих бойцов и кур-сантов своим огнем.

Командиры подали команду. Мы поднялись. Пулеметы заработали. Но пробежали мы вперед недалеко. Залегли и начали отползать назад. Кто отползал, а кто уже лежал в снегу мертвый. Немцы начали кидать мины. Тут и вовсе лихо стало. Мы отошли за лошину, к своим окопам. А Вася Ковалев продолжал стрелять из своего «Максима». Комбат смотрел на него в бинокль. Смотрел-смотрел, а потом и говорит: «Все. Конец. Убит». И правда, «Максим» замолчал. Только пар от него поднимается за лошиной. День стоял морозный. Немного погода мне комбат и говорит: «Ковалев твой друг?» — «Да», — говорю. «Тогда вот что: ползи к нему и, если он живой, тащи его сюда. А ребята тогда за пулеметом поползут. Если он мертвый, вытаскивай пулемет». Я комбату и говорю: «Я один ни его, ни пулемет не вытащу. Прикажите еще двоим со мной идти». Приползли мы к Васе. А он стоит на коленях перед «Максимом» и за ручки держится. Как живой. И глаза открыты. И на щеках замерзшие дорожки слез. Пуля ему попала прямо в лоб. Пулемет был установлен повыше, над обрывом оврага, а Вася стоял на коленях ниже, на стежке, которую, видать, там пробили летом коровы. И он со своим «Максимом» был как памятник. Он уже застыл. Пальцы так крепко держали ручки пулемета, что мы еле разжали их. Вытащили. И пулемет. И Васю».

77-я авиадивизия в этот день не могла помочь наступающим своими действиями: над полем сражения висела низкая облачность. Впрочем, это затрудняло действия и немецкой авиации.

В тот же день, 18 декабря, в штабе командующего группой армий «Центр» раздался звонок из Берлина: фельдмаршал фон Бок отстранялся от своей должности. Командующим группой армий Центрального направления стал генерал-фельдмаршал Ганс Гюнтер фон Клюге. Командующим 4-й армией назначили генерала горнострелковых войск Людвиг Кюблера. Это был один из лучших генералов вермахта. Но он был все же генерал горнострелковых войск. В начале войны Кюблер командовал 1-й горнострел -

ковой дивизией «Эдельвейс». В должности командующего 4-й полевой армией на Восточном фронте он продержится недолго. 21 января, когда дивизии 4-й армии будут выбиты из Вереи и расступятся перед маршем 33-й армии на Вязьму, Гитлер спешно заменит Кюблера на генерала Хейнрици, который под Наро-Фоминском командовал 258-й пехотной дивизией, а во время боев в районе Боровска и Вереи — 43-м армейским корпусом. С подмосковных равнин Кюблера фюрер пошлет снова в горы, на Балканы, командовать теперь уже 97-м горнострелковым корпусом. После войны генерал Кюблер будет расстрелян как военный преступник.

Новые командиры остановили отступающие войска. Уже на следующий день, 19 декабря, 33-я армия была контратакована.

Командарм-33 мгновенно отреагировал на эти контратаки. Из боевого распоряжения, отданного в тот день войскам:

«Первое: для ликвидации контратакующего противника на правом фланге 1 гв. мед и дальнейшего развития ее наступления немедленно выбросить один сп в направлении по согласованию с командиром 1 гв. мед и начальником штаба армии, находящегося на КП командира 1 гв. мед.

Второе: главные силы сосредоточить в районе Бараки (2 км юго-вост. Наро-Фоминск), Кирп (1 км сев.-вост. Горчухино) и лес 3 км юго-зап. Афанасовка в готовности нанести удар в направлении Алешково или развертывания из-за правого фланга 1 гв. мед в направлении Кузьминка или в стык 1 и 110 сд — в зависимости от обстановки.

Третье: выделенный отряд для переброски на автомашинах до особого распоряжения не расформировывать¹ и держать в районе расположения главных сил дивизии»¹.

Обстоятельства вносили свои поправки. Фронтальные атаки успеха не имели. И командарм-33 начал искать слабые места в обороне противника, чтобы пробить брешь и затем развить наступление резервами.

В какой-то момент успех начал намечаться в полосе действия 110-й стрелковой дивизии. Полки дивизии вклинились в оборону немцев в районе Елагина и Атепцева. Но противник тут же контратаковал. Елагино несколько раз переходило из рук в руки. Потери оказались огромными. И вскоре возникла необходимость замены дивизии другим подразделением. К тому же 1291-й полк, который прорвался вперед особенно далеко, при этом потеряв локтевую связь с соседними подразделениями, частью своих сил оказался отрезанным и окруженным в лесу восточнее Атепцева. Командовал полком капитан Лобачев.

Глава 7

ПОЛК КАПИТАНА ЛОБАЧЕВА

Два полка 110-й стрелковой дивизии в наступлении. Бои за Елагино и Атепцево. Атаки соседей успеха не имеют. 1291-й стрелковый полк отрезан и окружен. Бои в окружении. Капитан Лобачев контролирует узел коммуникаций. Командарм-33 пытается помочь окруженным. Разговор двух генералов: Соколовский—Ефремов. Разведгруппы пробрались к окруженным. Попытка пробиться. Помощь с воздуха. Капитан Лобачев действует. 93-я прорывает фронт. Противник оставляет Наро-Фоминск. Приказ по армии: бойцы и командиры 1291-го стрелкового полка — пример самоотверженности и стойкости

Об этом полку и истории его окружения стоит рассказать особо. Потому что в подобных обстоятельствах всего лишь через месяц с небольшим окажется Западная группировка 33-й армии, четыре лучшие ее дивизии во главе с командующим.

Что же произошло с 1291-м стрелковым полком?

Напомню, что 110-я стрелковая дивизия вместе со 113-й стрелковой дивизией составляли левое крыло фронта 33-й армии. В составе дивизии действовали только два полка. Третий, 1289-й стрелковый полк, переподчиненный вначале 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, а затем 222-й дивизии, дрался на правом крыле армии.

Вот что говорилось в дневной оперативной сводке штаба 110-й стрелковой дивизии за 18 декабря:

«2. Дивизия после часовой артиллерийской подготовки в 9.30 перешла в атаку противника, занимающего Елагино и западный берег р. Нара.

3. 1287 сп — вышел на линию реки Нара, преодолевая сильное огневое сопротивление противника.

4. 1291 сп — вышел на линию шоссе Горчухино, Атепцево, встречая сильное огневое сопротивление.

5. 971 ап и 364 кап ведут огонь по Елагино и по минометным батареям в овраге южнее Елагино.

Танковая рота в 5 машин в движении за 1291 сп...»¹

Первый день атаки полка завершился сплошным непрерывным боем. С наступлением темноты стрельба немного поутихла, хотя на отдельных участках продолжалась с прежним ожесточением. Именно тогда, под покровом ночи, батальоны соседнего 1287-го стрелкового полка, накануне переправившиеся через замерзшую Нару, захватили восточную часть Елагина. Одновременно 1291-й стрелковый полк повел наступление северо-западнее Атепцево. Но вскоре атака полка была погашена сильным пулеметным огнем противника. Батальоны, неся потери, вынуждены были отойти к шоссе Горчухино—Атепцево.

Утром атака возобновилась: 1287-й стрелковый полк бросился на западную окраину Елагина, а 1291-й, ночью произведя разведку и нащупав слабое место в обороне противника, прорвался между Елагином и Атепцевом и продвинулся вперед на глубину в полтора километра. Правофланговый 1287-й стрелковый полк тем временем завяз в изнуряющих атаках на сильно укрепленное Елагино, которое несколько раз брал и снова оставлял, выбиваемый артиллерийским и минометным огнем противника. К исходу второго дня полк потерял почти половину личного состава и вынужден был отойти на исходные. Соседний же 1291-й остался на своих позициях.

Немцы быстро воспользовались несогласованностью действий полков 110-й стрелковой дивизии. Ударом во фланг он разрезали 1291-й полк на две части, отеснив ударную его часть в лес недалеко от Атепцево.

Пока, по приказу командарма, потрепанные и практически утратившие боеспособность части 110-й стрелковой дивизии меняли подразделения вновь прибывшей 201-й стрелковой дивизии, немцы создали прочное кольцо вокруг отрезанного полка.

Тем временем 1134-й стрелковый полк 338-й стрелковой дивизии, охватив Атепцево, непрерывно атаковал укрепившихся здесь немцев, которые, получив приказ нового командования о запрещении отхода назад, стояли насмерть.

На третий день наступления в полосе действий 33-й армии существенных изменений не произошло. На некоторых участках ударные группы теснили противника. На других противник сам переходил в контратаки и отбивал оставленные накануне позиции.

В лесу в районе высот с отметками 195,6 и 196,7 круговую оборону держал полк капитана Лобачева. Их было около 400 человек. На вооружении — несколько пулеметов и ротных минометов, винтовки, трофейные автоматы. Но боеприпасы таяли с каждым боем, с каждой схваткой. Вскоре доели последние сухари. Закончились медикаменты.

В первую же ночь немцы обрушили на полк огонь тяжелых батарей, минометы обрабатывали каждый квадрат леса, занимаемого окруженными. В лесу, к счастью, земля промерзла неглубоко. Лобачев приказал рыть глубокие ячейки. Вскоре малыми саперными лопатами (другого шанцевого инструмента у бойцов не было) окруженные отрыли пункты обогрева для раненых, ячейки, землянки. Капитан Лобачев и комиссар полка Попов постоянно обходили линию обороны, подбадривали бойцов и командиров надеждой, что скоро к ним прорвутся, подвезут боеприпасы, придут полевые кухни, раненых эвакуируют и окажут необходимую медицинскую помощь.

Окруженные оседлали узел дорог и сковывали таким образом коммуникации противника. Вот почему немцы пытались истребить их как можно скорее. Капитан Лобачев со своим полком-батальоном мешал противнику производить необходимый маневр во время боя, когда атакующие дивизии 33-й армии нажимали то там, то здесь, и, чтобы парировать удары, необходимо было перебрасывать пулеметные и минометные подразделения, соответственно, то правее по

фронту, то левее. Для этого, как известно, нужны дороги. И капитан Лобачев вскоре это понял и, врывшись в землю, решил стоять насмерть.

Удивительно, но то, что происходило в лесу близ Атепцева, являлось прямым следствием событий в Берлине. 19 декабря Гитлер, утратив самообладание и доверие к своим генералам и фельдмаршалам и под впечатлением катастрофических событий под Москвой, принял на себя командование всеми сухопутными силами. Гальдер записал высказывания Гитлера на совещании 20 декабря: «Организация заградотрядов... Сжигать населенные пункты!.. Клоге должен остановить правый фланг 4-й армии. 4-й армии нельзя отступать... Держать оборону и сражаться до последнего. Добровольно не отступать ни шагу назад. Прорвавшиеся подвижные части противника уничтожать непосредственно в тылу».

Тем временем в Яковлевском тоже думали о том, как вызволить из кольца полк, чем помочь окруженным продержаться еще немного.

По приказу командарма летчики 77-й авиационной дивизии нанесли удары по артиллерийским позициям противника и тылам. Одновременно они точно определили местонахождение окруженных.

Тем временем наметился успех в полосе действий соседней 113-й стрелковой дивизии. Командарм немедленно приказал сформировать подвижную танковую группу под командованием полковника Сафира. В группу вошли: 18 танков 5-й танковой бригады, а также отдельные роты резерва из состава 338-й стрелковой дивизии. Но действия группы оказались крайне неуспешными. При подходе к Чичкову танки попали на минное поле. Две тридцатьчетверки были сразу же повреждены взрывами. Остальные попятились и отошли назад. Стрелки, видя, что остались одни, без танковой брони и огня пушек, залегли и начали окапываться в снегу. Несколько раз они бросались в атаку, но всякий раз пулеметные очереди прижимали их к земле. Вечером они отошли на исходные позиции.

Ночью 22 декабря генерал Ефремов имел неприятный телеграфный разговор с начальником штаба Западного фронта генералом Соколовским.

«Соколовский:

1. Почему 113-я стрелковая дивизия отошла от Иклинское?

2. Почему не было организовано взаимодействие с соседом слева, части которого подошли и ведут бой у Аристово?

3. Какое положение на остальных участках?

4. Почему ничего не доносите комфронтом на отданное им приказание? Дать объяснение об отходе 113-й сд от Иклинское.

Ефремов:

Докладаваю:

1. Противник подбросил из Малоярославца саперный полк в район Иклинское. Батальон вел бой в районе Павловки и сев. Иклинское, но был отброшен вследствие потери руководства и гибели в этих боях командира батальона, командира полка, потери руководства и отсутствия связи с командиром дивизии. Противник перехватил все пути к отходу батальона и заминировал дороги.

Желая развить успех, я направил с утра 21.12 группу танков и до полка пехоты на машинах, но при подходе к дорогам юж. Каменское, которыми хотел воспользоваться для развития успеха, на минах подорвались два танка, и все дороги оказались за ночь с 20 на 21.12 заминированными.

2. На правом фланге наступление развивается медленно, о чем я лично докладывал командующему.

3. Развивая наступление правым флангом, бросаю с левого фланга на правый, на участок 1 гв. мед и 201 дивизии, группу танков из района Каменское, так как здесь — на левом фланге армии наступление застопорилось, не развивается.

4. Во исполнение приказа комфронтом мною отдан приказ, копия Вам послана. Производится самая несложная перегруппировка ночью, с рассветом продолжаю выполнять приказ комфронтом № 0116.

5. Взаимодействие соседа слева и моего левого фланга к желаемым результатам не привело, так как левый фланг армии подброшенным саперным полком противника был заминирован. Буду развивать успех правым флангом армии в общем направлении на Боровск.

Соколовский:

В чем же выражается успех на Вашем правом фланге?

Ефремов:

Докладываю:

1. Несмотря на неоднократные контратаки противника из района Наро-Фоминска и лесов юго-западнее Наро-Фоминска, из района Котова, атаки были отбиты и мы овладели КЗ и разъездом на ж. д., вышли к совхозу юго-зап. разъезд 75 км и подходим к Котово.

2. Хотя и незначительными силами 222-й сд, город Наро-Фоминск — северо-зап. и юго-вост. окраины блокированы нами.

3. Прошу понять меня, что я на Наро-Фоминск отвлек силы за счет правого фланга ударной группировки, это сделано незначительными силами 222-й сд.

4. Надеюсь на больший темп продвижения 201-й и 110-й сд, в этом направлении принимаю меры.

201-я дивизия вчера и сегодня продвигалась очень медленно, особенно из-за боязни, что при движении сев. Елагино из Елагино противник контратакует их, но эта боязнь, считаю, сегодня у них прошла.

5. Товарищ Булганин обещал им здорово помочь снарядами. Это, несомненно, обеспечит более быстрое действие армии. Артиллерии достаточно, но снарядов и мин до сего времени было далеко не достаточно, так как мы прорываем сильно укрепленный район противника.

Противник этот район укреплял 60 дней и создал на нем сильные полевые фортификационные сооружения и огневую систему, которая мешает продвижению минометным огнем.

Но чувствуется, хотя бы и по небольшим трофеям, и по пленным, особенно по числу уничтоженных нами немцев, что в последующие дни операция армии должна развиваться более быстрым темпом.

Соколовский:

Для прорыва нужны не только снаряды, но и хорошее управление и четко отлаженное взаимодействие, чего у Вас и до начала операции и в ходе ее не сделано и не делается, судя по действиям 113-й и 201-й сд, последней — свежей, хорошей дивизии. Почему Вы не заставили свой аппарат и

дивизионные по-настоящему организовать бой, почему не заставите начарта расходовать снаряды не впустую, а по целям, ведь Вы стоите тут два месяца и все цели должны быть засечены заблаговременно и известны наперечет.

Судя же по действиям всей армии, получается, что снаряды выпускаются вхолостую и поэтому не дают никакого эффекта — цели не поражают. Ибо если бы они поражали, то выпущенными снарядами армии в течение этих дней все должно было бы быть уничтожено, а на деле этого не видно. Словом, безобразно подошли Ваши артиллеристы, инженеры и аппарат в целом дивизий и армия под Вашим руководством к организации наступательного боя на укрепившегося противника.

Комфронтом приказал Вам: заставить аппарат и управление дивизий и армии помочь в организации и ведении боя, иначе и в дальнейшем получатся разрозненные действия отдельных частей, которые повлекут за собой дальнейшие потери и не увенчаются успехом»¹.

В штабе фронта были недовольны действиями 33-й армии. После ликвидации прорыва к Кубинке у Ефремова забрали все фронтовые резервы. Прибывшие две дивизии едва закрывали фронт. С ходу брошенная в бой 201-я латышская дивизия понесла большие потери. В первые же дни был ранен командир дивизии полковник Я.Я. Вейкин. Командование принял начальник штаба полковник Г.Г. Паэгле. В бою под Елагином погиб комиссар дивизии полковой комиссар Э. Берзит. Были убиты и выбыли по ранению несколько командиров батальонов и рот.

Но генерал Ефремов продолжал атаки именно на этом участке. Поэтому прибывшее в эти дни пополнение, 1204 человека, было направлено в 113-ю дивизию.

В ночь на 21 декабря к окруженным пробилась две разведгруппы. Они доставили им некоторое количество продуктов, медикаментов и боеприпасов. Разведка прошла по незамерзшему болоту, где у немцев не было сплошной линии обороны.

Спустя двое суток, ночью, 1291-й стрелковый полк сосредоточился на северном участке обороны и предпринял

¹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 222. Л. 156-158.

попытку с боем пробиться к своим. Но пулеметный огонь противника был настолько плотным, что, потеряв несколько человек убитыми, полк снова вернулся в лес и занял свои окопы.

Командир 110-й стрелковой дивизии полковник Беззубов докладывал в эти дни в штаб:

«1291 сп в составе 375 человек находится в крайне критическом положении в отношении обеспечения продовольствием.

Все меры, принятые мной, посылка специальных групп не доходили до полка, встречая сильный пулеметный и минометный огонь, при попытке проникнуть в расположение противника группы, неся потери, вынуждены были возвращаться и 23 декабря с. г. 1291 сп, пробиваясь с боем, присоединиться к своим не мог и продолжает оставаться пятые сутки без продовольствия.

Способ доставки продовольствия полку — самолетами».

Беззубов ни словом не обмолвился о двух разведгруппах, которые все же пробрались к окруженным через незамерзающие болота.

Получив донесение командира 110-й дивизии, генерал Ефремов приказал в ближайшую же ночь самолетами доставить окруженным все самое необходимое. Пилот самолета Р-5, накануне производивший разведку этого района и хорошо знавший место дислокации полка капитана Лобачева, точно выполнил приказ и доставил в ночь на 25 декабря 500 килограммов груза: продовольствие, медикаменты, боеприпасы. Следующей ночью Р-5 снова сбросил окруженным несколько контейнеров. Часть груза захватили немцы.

Изучая оперативную карту, командарм сказал начальнику штаба:

— Александр Кондратьевич, а ведь этот отчаянный капитан со своим полком нам сейчас нужен именно там, где он теперь находится. 110-я ослаблена до крайности. Если немцы раздавят Лобачева и высвободят эти несколько рот, минометные и артиллерийские части, которые полк на себя постоянно отвлекает... Поддерживайте капитана Лобачева всем, чем можно. Полк должен держаться и выжить.

Разделив патроны и гранаты, капитан Лобачев начал беспокоить немцев частыми налетами на их опорные пункты.

Связь со штабом дивизии окруженные поддерживали посредством радиостанции.

Для осуществления блокады окруженных в районе узла дорог немцы вынуждены были держать несколько пехотных рот, минометные подразделения. Сюда же отвлекались артиллерийские батареи, авиация. Полк на развилке дороги на высоте 195,6 сидел костью в горле для немцев, которым катастрофически не хватало не только резервов, но даже солдат на переднем крае. И в ночь на 26 декабря была предпринята решительная попытка раздавить оборону горстки храбрецов. После артподготовки немцы пошли в атаку. Но капитан Лобачев по радиации корректировал огонь 971-го артополка. Атака была отбита с большими потерями для атакующих. Дивизионная артиллерия сделала свое дело.

Утром 26 декабря капитан Лобачев сформировал ударную группу и ударил на Атепцево с запада, в то время как с востока на село наступали роты 1287-го стрелкового полка. Но немцы дрались с упорством обреченных и отбили обе атаки. Продолжать попытки пробиться на этом участке было бессмысленно. К тому же после последнего боя увеличилось количество раненых, которые нуждались в срочной квалифицированной медицинской помощи. А потому капитан Лобачев принял решение продолжить марш направлением на Покровку, далее — на Слизнево.

Навстречу прорывающейся колонне был выслан транспорт для немедленной эвакуации раненых и обмороженных. Подполковник Беззубов лично принимал в перелеске у Слизнева выходящих из окружения.

Этой яркой личности следует уделить здесь несколько строк. Николай Александрович Беззубов в Красную армию попал по призыву рядовым бойцом — служил с 1924 года. Служба ему понравилась. Окончил курсы командиров. Участвовал в боевом походе в Западную Украину и Западную Белоруссию. Накануне войны окончил курсы «Выстрел». В июле 1941 года в звании майора принял полк в 4-й дивизии народного ополчения. С этим полком, который в кратчайшие сроки он смог сделать полноценным боевым подразделением, Беззубов несколько дней успешно отбивал атаки немцев, пытавшихся ворваться в Наро-Фоминск с севера. Вскоре от полка остался отряд. Беззубов продолжал

драться с ним в окружении. После выхода из окружения Военный совет 33-й армии представил его на должность командира 1289-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии. В полку в то время было до двух рот списочного состава — остатки 1289-го стрелкового полка и отряда Беззубова. 7 декабря, после ликвидации прорыва на Кубинку и в канун общего наступления 33-й армии на Боровск, подполковник Беззубов был назначен на должность командира 110-й стрелковой дивизии.

В этот день в полосе действий 33-й армии произошли еще два события, которые резко повлияли на ход дальнейшего наступления Красной армии в центре Западного фронта.

Переданная накануне в состав 33-й 93-я стрелковая дивизия генерала Эрастова с ходу вступила в дело и прорвала оборону противника в полосе действий 113-й стрелковой дивизии. Вместе со 113-й она начала успешное продвижение на Добрино, Денисово и Старо-Михайловское в направлении на Балабаново. В штабе генерала Эрастова во время прорыва находился генерал Кондратьев с задачей согласовывать и увязывать действия дивизии с левофланговыми частями соседней 43-й армии.

А тем временем в штаб из разведотделов 222-й стрелковой и 1-й гвардейской мотострелковой дивизии пришли сообщения: противник покидает Наро-Фоминск и, оставив сильные заслоны, начал отступление в направлении на Боровск.

А командарм-33 вскоре издал приказ по армии, в котором были и такие слова:

«Пример самоотверженности и стойкости в условиях исключительно тяжелой обстановки проявили бойцы и командиры 1291 сп ПО сд (командир полка капитан Лобачев и военком полка бат. комиссар Попов).

За восемь дней пребывания в тылу врага часть тт. Лобачева и Попова успешно провела ряд боев с фашистами, уничтожив немало немецких солдат и офицеров. Кроме того, были собраны важные сведения о местах расположения огневых средств и оборонительных сооружений противника. За проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками стойкость и мужество командиру и комиссару полка ка-

питану тов. С.Д. Лобачеву и бат. комиссару М.Т. Попову и всему личному составу полка, отважно действовавшему в тылу противника, объявляю благодарность»¹.

Из донесения капитана Лобачева в штаб дивизии следует, что потери ударной группы полка за период боев в окружении были следующими: 27 человек убиты и 36 ранены. Характерно, что пропавших без вести 1291-й полк в эти дни не имел. К теме без вести пропавших мы еще не раз вернемся.

Глава 8

ВЗЯТИЕ БОРОВСКА

Далеко ли немцы ушли от Наро-Фоминска? Прорыв к Боровску. Окружение Боровского гарнизона. Приказы Жукова и распоряджения Ефремова. Прорывы и окружения вместо фронтальных атак. 93, 201 и 113-я стрелковые дивизии блокируют Боровск. Штурм. Зачистка. 4 января Боровск взят. Потери и трофеи

В послевоенной литературе освобождение Наро-Фоминска расписано очень яркими боевыми красками. Но в последнее время, когда добросовестные исследователи, краеведы и историки стряхнули архивную пыль с документов того периода, стала совершенно очевидной несколько иная картина².

Немцы, чувствуя, что группировка их войск, находящаяся в Наро-Фоминске, в результате последних ударов противника на флангах может оказаться в западне, начали их отвод. Но ушли они недалеко. Всего в километре западнее города по опушке леса начали занимать заранее отрытые окопы.

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 57. Л. 7.

² Историк, полковник В.М. Мельников в 2006 г. выпустил капитальный труд под названием «Трагедия и бессмертие 33-й армии», в котором опубликовал и прокомментировал ежедневные сводки дивизий 33-й армии. Документы подтвердили также и факт оставления немцами Наро-Фоминска практически без боя.

Закрепившись на отсечной позиции, они простояли здесь довольно долго, не давая 1-й гвардейской мотострелковой дивизии продвинуться вперед и действовать на Боровском направлении.

А тем временем левофланговые дивизии 33-й армии провалили фронт и начали стремительное продвижение вперед.

113-я стрелковая дивизия полковника Миронова и 93-я стрелковая дивизия генерал-майора Эрастова прорвались к населенным пунктам Акулово, Комлево, Бутовка. Их попытки пробиться к Боровску успеха не имели. Противник создал вокруг города мощную оборону. Часто контратаковал при поддержке танков. Тем временем полки 201-й латышской стрелковой дивизии вели наступление с севера. Разведка доносила о том, что Боровск обороняет гарнизон числом до 500 человек 15-й пехотной дивизии вермахта, усиленный частями моторизованной группы полковника фон дер Шеваллери. Как впоследствии оказалось, разведка ошиблась: в городе находилось гораздо большее количество войск. Да еще танки Шеваллери...

Во всех источниках — отечественных и немецких — активно фигурирует так называемая «группа Шеваллери». Эта группа — не что иное, как остатки 10-й танковой дивизии, которая в ноябре прорвалась к Истре в полосе действий 16-й армии, резко сократив расстояние до Москвы. Именно там дивизия понесла значительные потери, особенно от обстрелов РС. В группу также входили 69-й и 86-й пехотные полки — остатки 29-й моторизованной дивизии.

Отведенная в конце ноября в наиболее спокойный участок фронта для приведения своих потрепанных частей в порядок, во второй эшелон, в конце декабря 1941 и начале января 1942 года группа оказалась на острие прорыва 33-й армии. В состав группы Шеваллери также входили: один артдивизион, один дивизион легких пехотных орудий, рота ПТО, ремонтная рота. Последняя в основном обслуживала танковые подразделения и артчасти. Полки к тому времени были сведены в батальоны. Но это были полнокровные батальоны. Одним из них командовал подполковник Торке.

Уже к исходу 1 января командарм получил донесение от генерала Эрастова: 51-й стрелковый полк и один батальон

266-го стрелкового полка ворвались в Боровск и ведут уличные бои, очищая от противника дом за домом.

Оперативные сводки тех дней позволяют судить о напряженности боев. Армия продвигалась вперед. Штабы находились в постоянном движении. Связь существовала только посредством конных офицеров. Каждый час с приказами командарма лейтенанты уносились в дивизии на своих заиндевевших, усталых лошадях и каждый час возвращались назад, доставляя в штаб донесения. Обстановка менялась стремительно. Вскоре стало очевидным, что немцы, оборонявшиеся в Боровске, отрезаны. 3 января 129-й стрелковый полк 93-й стрелковой дивизии обошел город с севера и перерезал дорогу в сторону Вереи в районе населенного пункта Совьяки. В условиях снежной зимы потеря этого важного коммуникационного пути, по которому осуществлялся весь подвоз и связь с основными силами, означала для гарнизона катастрофу. Чтобы предотвратить опасность деблокирующего удара немцев с севера, со стороны сильной Верейской группировки, командарм приказал прикрыть атакующие городские кварталы войска внешним фронтом.

В самый разгар уличных боев в штаб из штаба Западного фронта поступило распоряжение за подписью Жукова, в котором говорилось:

«Проверив ряд армий в организации ими боя, я пришел к выводу, что в своей массе командующие и командиры стрелковых дивизий недопустимо плохо организуют бой; в результате плохой организации боя часто топчутся на месте, не имеют успеха и несут большие потери. Наиболее ярким примером плохой организации боя является наступление 5-й армии (командующий генерал-лейтенант Говоров) в период с 22 по 25.12.41 г. и 16-й армии (командующий генерал-лейтенант Рокоссовский) с 26 по 30.12.41. Так, например:

1. Штаб 5 армии от направления главного удара находился в 18 км, а штаб 16 армии в 25 км, с этих штабов шло все управление — КП не было.

2. В результате недопустимой халатности в организации командиры батальонов и даже полков не знали, где находятся артиллерийские наблюдательные пункты, поддерживающей артиллерии, а командиры артиллерийских дивизи-

зионов не знали задач стрелковых батальонов и полков. Как правило, командиры стрелковых батальонов и полков не знают, какие танки им приданы или действуют в полосе их наступления (19 сд, 40 сбр, 20 тбр).

В процессе боя командиры стрелковых дивизий, бригад, полков изучают обстановку и, как правило, не знают, что происходит непосредственно на поле боя; в результате командиры рот, батарей, эскадронов предоставлены сами себе.

П р и к а з ы в а ю :

1. Командующим армий лично организовывать бой на направлении главного удара.

2. Командирам всех степеней помнить, что отдача приказа — это только начало организации боя. Необходимо непрерывно изучать обстановку в динамике и немедленно при надобности на нее реагировать. Как правило: командирам стрелковых батальонов, командирам стрелковых полков и командирам артиллерийских дивизионов размещаться на одном НП.

3. При наступлении иметь КП армии не далее 10—12 км, КП стрелковых дивизий-бригад не далее 3—4 км¹.

Любопытный штрих: командующий войсками Западного фронта Г. К. Жуков в период битвы за Москву побывал не только во всех подчиненных армиях, но и в полосе действия почти всех дивизий некоторых из армий, например 16-й. Изучая этот период, я не нашел сведений о пребывании Жукова в 33-й армии. К теме взаимоотношений Жукова и Ефремова мы еще вернемся.

Итак, Жуков учил своих генералов азам военной науки. Действительно, для многих командующих операции под Москвой, их развитие и исход стали большой наукой. В том числе и для самого Жукова. Впрочем, он и не скрывал того, что воевать тогда только-только учились.

Штаб 33-й армии в эти дни разослал с дежурными офицерами связи распоряжение следующего содержания:

«Командирам 222 сд, 1 гв. мед, 338, 201, ИЗ, 110 и 93 сд.

...1. Для успешного выполнения задач по преследованию отходящего противника, перехвата путей его отхода, обхода

¹ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 57. Л. 1-2.

узлов сопротивления с выходом во фланг и тыл командарм приказал:

1. Создать при каждом стрелковом полку подвижные отряды.

2. Задачи этим отрядам определять и ставить лично командирам полков.

3. Командирами и комиссарами отрядов назначить из лучших, смелых и энергичных командиров и комиссаров.

4. Личный состав отряда и материальную часть обеспечить автотранспортом или санями за счет тыловых органов. Бойцов и командиров отрядов поставить на лыжи»¹.

Судя по действиям штаба Ефремова, 33-я пыталась применить более эффективную тактику. Бросок полка капитана Лобачева, опыт его действий, реакция противника на подобные прорывы, события последних дней, огромные потери в дивизиях — все это было синтезировано в вышеприведенный приказ. По сути дела, первой успешной реализацией плана активного действия ударными группами была блокада Боровска и последующая ликвидация окруженного гарнизона. Немцы ведь не ожидали, что и Боровская группировка так стремительно будет отрезана от основного фронта обороны 4-й полевой армии. Боровск какое-то время должен был служить в качестве крупного опорного пункта, а затем, когда настанет время отхода, войска из него планомерно бы вышли без боя. Как это, кстати, немцы прекрасно продемонстрировали в Наро-Фоминске: спокойно ушли, оставив невыгодные позиции, и прочно закрепились на более выгодных, при этом не потеряв ни одного солдата.

Ефремов прекрасно понимал, что ведение боя по всей ширине фронта к реальным успехам не приведет, что возможности резервов не безграничны, что в результате прорывов и создания пусть небольших котлов противника можно обескровить и сломить гораздо быстрее.

И все же — учились. Трудно давалась, к примеру, командирам среднего звена наука управления подразделениями в бою. Очень часто роты и батальоны действовали изо-

¹ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 56. Л. 5-6.

лированно, полагаясь только на себя. Нередкими были случаи обстрела своих. Фронтовики о таких обстрелах говорили: когда по своим, получалось очень точно, с большими потерями. Так, к примеру, 2 января минометчики накрыли огневые 971-го артполка. В результате — много убитых, ранены почти все командиры батарей, тяжело ранен командир первого дивизиона старший лейтенант Майстришин, убит лейтенант Шаповал.

Всю ночь с 3 на 4 января в Боровске бушевали бои. Окруженные, понимая свою обреченность, дрались до последнего солдата. Особенно упорно немцы сопротивлялись в районе кладбища, а также хлебозавода. В крепости были превращены все городские храмы. Очень часто дело доходило до рукопашной.

Ранним утром 4 января из штарма в Перхушкове ушла телеграмма следующего содержания: «После ожесточеннейших пятидневных уличных боев за Боровск и на подступах к городу войсками 33 армии Боровск в 6 часов 4.01.42 года взят»¹.

Именно так — взят, а не освобожден.

Один из батальонов 93-й дивизии, еще когда все кругом полыхало и рвалось, прорвался в центр города и поднял победное красное полотнище над зданием горсовета. Сейчас можно говорить об этом что угодно, но тогда, во время боя, это было очень важно для поднятия духа бойцов. Высокий дух сохранял многие жизни. А если это красное победное знамя над Боровским горсоветом спасло хотя бы одну жизнь советского солдата, то его стоило затем поднимать в каждом освобожденном городе. Что, впрочем, и происходило.

В боях за Боровск отличилась и 113-я дивизия. Именно она 14 октября с боями оставляла этот город. И вот теперь ей пришлось брать его с бою. Ее же подразделения проводили, как теперь говорят о таком виде боевых действий, зачистку. В домах и подвалах еще прятались уцелевшие немцы, не хотевшие сдаваться. Каждый из них свято помнил приказ Гитлера, доведенный до них месяц назад, еще под Наро-Фоминском, в котором говорилось:

¹ ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 131. Л. 118.

«Девиз сегодняшнего дня — цепляться за каждый населенный пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего патрона и гранаты. Каждый занятый населенный пункт превратить в узел сопротивления и не оставлять его ни при каких обстоятельствах, независимо от того, обойден он противником или нет.

В случае, если местность должна быть оставлена по приказу вышестоящего начальника, — сжигать все дотла, печи взрывать.

Лишь так мы сможем победить.

Донести этот приказ немедленно до сведения всего личного состава без единого исключения».

Именно в эти январские дни столбик термометра опустился до своей низшей зимней отметки — 37 градусов ниже нуля. А поэтому немцы конечно же не хотели уходить из натопленных домов Боровска в промерзшие, продутые железными ветрами окрестные поля.

Из донесений, поступивших в эти дни в штаб, можно сделать некоторые подсчеты добытых трофеев. Вот, к примеру, выписка из журнала боевых действий 33-й армии:

«В результате боев за Боровск полностью разгромлена 15 пехотная дивизия противника, уничтожено 5522 фашиста. Только две дивизии, 93 и 113 сд, на подступах к Боровску за два дня уничтожили свыше 1200 фашистов.

На подступах к Боровску и в самом городе захвачены большие трофеи: орудий ПТО — 35, орудий разных 90, ст. пулеметов — 39, руч. пулеметов — 232, автоматов — 296, винтовок — 1585, ПТР — 37, минометов — 111, снарядов разн. калибр. — 11 488, винт, патрон. — 139 600, танков — 14, танкеток — 5, автомаш. грузовых — 1134, автомашин легковых — 70, мотоциклов — 115, велосипедов — 880 и прочее вооружение и военное имущество.

Наши потери: убитых — 3200, раненых — 10 158, без вести пропавших — 2863 человека»¹.

Без вести пропавшие — это в основном пленные. Есть сведения, что часть военнопленных, находившихся во время осады Боровска в самом городе, были расстреляны немцами в подвалах домов и церквей.

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 26. Л. 44.

Размышляя о событиях тех лет, надо понимать еще вот что: первая победа, разгром немцев под Москвой всколыхнул, в буквальном смысле, все народное море, и оно стало единым. Чужая боль становилась собственной болью. И с каждым днем это ощущалось острее. Официальная идеология всячески способствовала единению перед лицом фашистской агрессии. И на фронт шли единой силой, и воевали вместе, не деля друг друга ни по национальному признаку, ни по религиозному. И восстанавливали разрушенное сообща. Вот что писала 27 января 1942 года газета «Вечерняя Москва» — на второй полосе, в середине справа, под заголовком «Молотовский район шефствует над Боровским»:

«Жители Молотовского района столицы оказывают всяческую помощь населению Боровского района Московской области, освобожденного нашей славной Красной армией от немецко-фашистских захватчиков. Собрано значительное количество теплых вещей для взрослых и детей, а также хозяйственных предметов первой необходимости. На днях эти вещи будут отправлены.

Шефствуя над Боровским районом, Молотовский райком ВКП(б) и райисполком примут все необходимые меры для того, чтобы оказать пострадавшим максимальную помощь. Через два дня предстоит выезд руководящих работников Молотовского района в Боровск и ближайшие села для ознакомления на месте, чем надо помочь району в первую очередь. В Боровск на днях будет отправлено стекло, гвозди и хозяйственные вещи.

За время своего хозяйничанья немецко-фашистские захватчики причинили Боровскому району много бед. Нам придется выяснить, какие предприятия нуждаются в восстановлении или ремонте. Весьма возможно, что потребуются оказать помощь и городскому хозяйству Боровского района.

В самые ближайшие дни будет точно установлено, в чем нуждается подшефный район, и мы сделаем все, чтобы оказать ему необходимую помощь».

Заметка подписана председателем исполкома Молотовского района Московской области П. Шмаевским.

Глава 9

«В ТО ВРЕМЯ, КОГДА ВЕСЬ СОВЕТСКИЙ НАРОД...»

Приказ по армии. О стойкости латышей. Дезертир Бронислав Адамович Рейников. Трибунал 201-й стрелковой дивизии в действии. Немецкий шпион Толя Ларюшин

Когда нынешние истории и публицисты, размышляя об итогах той или иной битвы или о войне в целом, обвиняют в жестокости некоторых командующих фронтом или армией, они только удаляют нас от правды, от жестокой правды истории. Я уже рассказывал о сотнях и тысячах остановленных заградотрядами и возвращенных в строй, в пустующие окопы. И заградотряды, и особые отделы, и военные трибуналы продолжали действовать. В той числе и в 33-й армии. Вот документ, который был зачитан во всех батальонах и ротах наступавшей армии сразу после взятия Боровска, и в первую очередь в 201-й латышской дивизии:

«В наше время Великой Отечественной войны, когда весь советский народ проявляет небывалый подъем патриотизма, когда без различия рода занятий, будь то на заводе у станка, в верфи, в шахте, на фронте — словом, везде и всюду, — все как один отдают все свои силы на то, чтобы прогнать наглых фашистских оккупантов, — безусловно, не может быть места мелким шкурникам.

Тем более не может быть им места в среде храбрых бойцов нашей дивизии, и чем скорее такие личности будут искоренены из наших рядов, тем сплоченнее станем, тем большая боевая мощь проявится.

Для сведения шкурников и недостойных звания бойца РККА объявляю приговоры Военного трибунала 201-й сд:

Военный трибунал 201 сд в открытом судебном заседании в расположении части рассмотрел дело № 55 по обвинению:

к-ца 3-й роты 191 сп Рейникова Бронислава Адамовича, гражданина СССР, по национальности латыш, уроженец Звиргзденской волости, Лудзесского уезда Латв. ССР, рожд.

1910 г., по соцположению служащий, женат, б/п, с низшим образованием, в Красной армии с VIII—41 г., в совершении преступления, предусмотренного ст. ст. 193-14 п. «д» и 193-22 УК РСФСР,

у с т а н о в и л :

21 декабря 1941 г. красноармеец 3-й роты 191 сп 201 сд Рейников Бронислав Адамович, находясь на передовой линии фронта и будучи пулеметчиком во время боевых действий, бросил на поле боя пулемет, противогаз и шинель, самовольно ушел с поля боя, чем совершил преступление, предусмотренное ст. 193-14 П. «д» и 193-22 УК РСФСР.

На основании изложенного, признавая Б.А. Рейникова виновным в совершении вышеуказанного преступления, Военный трибунал 201 сд, руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР,

п р и г о в о р и л :

Рейникова Бронислава Адамовича на основании ст. 193-14 п. «д» УК РСФСР подвергнуть лишению свободы в ИТЛ на десять лет и на основании ст. 193-22 УК РСФСР подвергнуть высшей мере уголовного наказания — расстрелу, без конфискации имущества за отсутствием такового.

Меру пресечения — содержание под стражей — оставить без изменения. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит»¹.

Приказ подписал командарм-33.

Бронислава Адамовича Рейникова расстреляли где-то в окрестностях Боровска. Наверняка перед строем прибывшего пополнения. Так тогда было принято на войне. И это была тоже жертва войны. Просматривая ежедневные сводки действия дивизий и полков, я нашел и документы за 21 декабря. Это был один из самых трудных дней 201-й дивизии. 191-й полк атаковал северную окраину села Елагина, расположенного на Киевском шоссе. Немцы вначале встретили цепи латышей огнем, заставили их залечь, а потом мощно контратаковали. Во время боя на своем НП был тяжело ранен командир дивизии полковник Я.Я. Вейкин. Некоторые подразделения, не выдержав контратаки противника, который численно значительно уступал наступающим, бежали.

¹ ЦАМО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 20. Л. 18.

Дисциплиной латыши, надо заметить, не отличались. Как свидетельствуют документы, в бою были нестойкими. Особенно в первые недели. Вот еще один документ, характеризующий состояние воинского духа не только бойцов, но и командиров 201-й стрелковой дивизии:

«ПРИКАЗ

201-й латвийской стрелковой дивизии

№ 22

10.1.42 г.

В то время, когда весь советский народ, все как один, отдает свои силы на то, чтобы перебить фашистских оккупантов, находятся еще люди, которые самовольно оставляют поле боя и скрываются в тылу. Так, командир 7-й роты 191 сп лейтенант Дрель Мейер Гиршевич, зам. политрука 3-й пулроты 191 сп Ковалевский Борис Антонович 7-го января самовольно оставили поле боя, а зам. политрука саперной роты 191 сп мл. политрук Гросманис Арвин Жанович самовольно оставил свою роту и находился в г. Боровске с 4-го по 8-е января, болея, но не обращаясь к врачу.

Установлено, что все трое оставили свои части без каких-либо уважительных причин. Учитывая, что до совершения указанного проступка все трое добросовестно сражались с фашистскими оккупантами,

п р и к а з ы в а ю :

1. Лейтенанту М.Г. Дрель, зам. политрука Б.А. Ковалевскому и А.Ж. Гросманис объявить строгий выговор с предупреждением.

2. Предупредить указанных товарищей, что при совершении подобного проступка вторично они будут преданы суду Военного трибунала как трусы»¹.

Не всех расстреливали. Для кого-то достаточно было «строгого выговора с предупреждением», чтобы прекратились самовольные отлучки на четверо суток «в то время, когда весь советский народ отдает свои силы на то, чтобы перебить фашистских оккупантов».

Смею предположить, что судьбу этих офицеров решил командарм. Генерал М.Г. Ефремов был редким командиром. Умел быть требовательным и даже, когда это было не-

¹ ЦАМО. Ф. 1143. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

обходимо, жестоким. Но он не был жестоким человеком. Это проявилось и в бескровном штурме Баку во время Гражданской войны, и во время подавления восстания крестьян в Тамбовской губернии под предводительством Антонова. Не оставил он кровавого следа ни там, ни там. Напротив, очевидцы и его боевые товарищи свидетельствуют о том, что он ценил жизнь каждого солдата. За что и стяжал такую высокую и, я бы сказал, трогательную посмертную славу, которая с годами восходит и восходит. И в этом смысле Ефремов был среди генералитета «белой вороной». Многие генералы в штабных землянках имели при себе специальную палку, чтобы бить ею своих подчиненных, не выполнивших приказ. Ефремов такой палки не имел. Не бил с теми, кто такую палку имел. Пытался отстоять майора Ефимова, командира 151-й мотострелковой бригады, но не смог. А вот дезертиров расстреливал, точнее, подписывал приговоры. На войне всем — от рядового окопного солдата до генерала — была понятна простая истина: один побегал — у двоих дух отнял, а троих погубил. А если побегал пулеметчик, то, как минимум, он оставил без прикрытия отделение, а если это был станковый пулемет «Максим», то взвод. И как лихо побегал! Даже шинель бросил! А ведь 21 декабря, по данным оперативного отдела штарма, дневная температура воздуха была 12 градусов ниже нуля.

Усиленно работали в эти дни не только дивизионные трибуналы, но и особые отделы подразделений.

9 января в только что отбитой у немцев деревне Рябушки контрразведчики задержали подозрительного мальчика. Начали его допрашивать. И он тут же сознался, что, когда немцы в октябре захватили Наро-Фоминск, его эвакуировали в тыл, в деревню Митяево, что в нескольких километрах к северу от Боровска по дороге на Верею. Здесь его хорошо кормили и завербовали для работы на разведотдел одной из дивизий 4-й полевой армии вермахта. Он свободно ходил через линию фронта, примечал, где находятся советские орудия, где танки и минометы, где штабные землянки и прочее. «Погостевав» в расположении 33-й армии, он возвращался назад и тут же все выкладывал в немецком штабе. Последнее задание у девятилетнего Толи Ларюшина было следующее: выявить места расположения штабов в

Рябушках, а затем в Боровске. Имел он и версию на случай задержания: проживает, мол, в Наро-Фоминске, а сейчас разыскивает своих родителей.

Именно после истории задержания Толи Ларюшина штаб Западного фронта разослал во все армии распоряжение, в котором были и такие слова: «Не пропускать никого через линию фронта, в том числе и детей»¹.

В конце февраля 1942 года, когда Восточная группировка 33-й армии пыталась пробиться к Западной и восстановить коридор и коммуникации, произошел локальный бой у деревень Тихачево (Станки) и Лысково. Рота немецких лыжников выбила неожиданным ударом 7-ю стрелковую роту 1287-го стрелкового полка 110-й дивизии. Должного отпора со стороны 7-й роты не последовало, хотя рота, занимавшая здесь оборону, обладала большими силами и огневыми средствами. Проведено следствие. Выяснили, что первый взвод роты без боя оставил занимаемые позиции, открыл фланг и подставил под удар два других взвода. На месте боя были брошены 8 убитых бойцов и 2 пулемета. За допущенную в бою трусость, за невыполнение боевого приказа командир роты лейтенант Зайцев и командир взвода младший лейтенант Богданчиков преданы суду Военного трибунала. Командиры были расстреляны перед строем. В приказе по армии тогда говорилось:

«Изменники Родины Зайцев и Богданчиков, позорно бежавшие с поля боя, понесли заслуженную кару. Иного приговора для подобных трусов быть не может.

Разъяснить всему командному составу армии, что оставление без приказа лк}бой позиции будет и впредь караться как самое тяжкое преступление перед Родиной.

Приказ объявить всему командному составу до командира взвода включительно»².

Командир 329-й стрелковой дивизии полковник Корней Михайлович Андрусенко тоже попал под горячую руку генерала Жукова. Когда дивизия, войдя в коридор к Вязьме, вела бои непосредственно совместно с конниками генерала Белова, Жуков приказал «за бездеятельность при выходе

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 41. Л. 7.

² Там же. Д. 57. Л. 37.

дивизии из окружения» предать суду Военного трибунала. 6 апреля 1942 года суд приговорил полковника Андрусенко к расстрелу. Однако расстрел не состоялся. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила этот приговор, как необоснованный, заменив его на 10 лет лишения свободы с отправкой в действующую армию. Вскоре он получил 115-ю стрелковую бригаду. В январе 1944 года за мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, полковник Андрусенко был награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза. Войну полковник закончил в должности командира 55-й стрелковой дивизии. Генералом не стал, но грудь в орденах.

Война кровь любит. А еще в народе говорят: в поле две воли — чья сильнее? А где брать силу? Иногда — в жестокости. И к врагу, и к себе тоже. И все же думаю иногда: а что было бы, когда бы и тем лейтенантам и бойцам отменили расстрел, а заменили им их наказание хотя бы штрафными ротами. Может, и они смогли бы Родине послужить с оружием в руках. Но пуля пролетела, назад не воротится. А что было, то было, ничего уже не переиначишь...

Глава 10

ВЕРЕЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

От Боровска — на Верею. Жуков торопит Ефремова. Трудный разговор: Соколовский—Ефремов. Первый вопрос без ответа: почему Жуков испытывал неприязнь к Ефремову? Бои на подступах к Верею. В самый разгар боев у Ефремова забирают артполки. Штурм Вереи. В 113-й дивизии осталась одна рота бойцов. Новый приказ Жукова: на Вязьму

В десятых числах января, в самую пору рождественских и крещенских морозов, когда температура колебалась между 25 и 35 градусами ниже нуля, 33-я армия вела наступление на Верею.

Жуков торопил 33-ю — срочно взять Верею. Но не такто просто было выполнить этот приказ. Немцы отвели сюда основные силы, отбитые от Наро-Фоминска и Боровска.

Сюда же стекались части от Можайска, Калуги. Город и фронт по флангам занимали части 252, 292, 258, 183 и 15-й пехотных дивизий противника. Здесь же занимала оборону и группа фон дер Шеваллери. Понятно, что это были уже порядком потрепанные дивизии. Но немцы свели их в основном в двухполковой состав, и полки были вполне боеспособными. То же самое произошло в полках, батальонах и ротах: полки стали двухбатальонными, а батальоны сводили в две роты, а роты в два взвода соответственно. Но атаковали их дивизии, которые имели в лучшем случае полковой состав.

Жуков торопил, требовал. Он прекрасно понимал, что наступление выдыхается. Именно в эти дни он докладывал Сталину:

«За декабрь и 15 дней января Западный фронт потерял убитыми 55 166 человек, ранеными и больными 221 040 человек, а всего за 45 дней напряженных боев фронт потерял 276 206 человек.

За это время пополнения получено около 100 тысяч человек, из них в январе на 28.1 получено только 19 180 человек из занаряженных 112 тысяч.

Большинство дивизий и стрелковых бригад сейчас настолько обескровлены, что не представляют никакой ударной силы. Многие дивизии имеют по 200—300 штыков, а стрелковые бригады и стрелковые полки по 50—100 штыков.

В таком состоянии дивизии и стрелковые бригады Западного фронта дальше оставаться не могут и не способны решать наступательные задачи.

Прошу приказать немедленно подать Западному фронту пополнение, занаряженное по январскому плану, а в февралю прошу подать не менее 75 тысяч человек...»

Да, твердости характера Жукову было не занимать. И он знал, когда обращался с такими словами: «Прошу приказать немедленно подать Западному фронту пополнение...», что просьба будет воспринята адекватно, без лишних эмоций, как просьба солдата, который из окопа во время боя требует доставить ему патроны, без которых, как известно, нельзя вести огонь, а значит, выстоять в бою. Но почему же так эмоционально, до истерики, реагировали в штабе

Западного фронта почти всегда, когда командарм-33 запрашивал необходимое пополнение и боеприпасы? Я еще приведу впереди документы, которые проиллюстрируют этот мой вопрос.

Здесь же приведу стенограмму телефонного разговора командарма и начальника штаба Западного фронта. Кстати, Жуков почему-то не только сторонился личных встреч с командующим 33-й армией, но и по телефону старался общаться с Ефремовым через своего начштаба. Хотя, к примеру, с командующим 20-й армией Западного фронта генералом Власовым общался много, часто и довольно корректно. Чего только стоит вопрос, заданный им командарму-20. Когда Власов доложил Жукову, что один из участков трудно атаковать, маневрируя артиллерией, из-за отсутствия дорог, «а снежный покров достигает свыше 60 сантиметров и совершенно недоступен для действия артиллерии», Жуков сказал: «А что бы сказал Суворов на вашем месте, если бы он увидел перед собой 60 сантиметров снега: остановился бы или нет?»

Изящный разговор, не так ли? Почти из «Войны и мира», где Наполеон отдает приказы своим маршалам.

А вот совершенно иной образчик общения с командармом.

11 января. Недавно взят Боровск. Еще не очищены от противника коммуникации между Боровском и южными, ближними подступами к Верее, куда отброшен противник. Немецкие гарнизоны и отдельные небольшие подразделения, окруженные, а точнее, обойденные ударными группами наступающих войск, бродят по тылам. Иногда они буквально через несколько часов занимают те деревни, которые только что были взяты с бою, входя в них следом за ушедшими вперед ударными группами. В дивизиях в лучшем случае полковой списочный состав. И Жуков об этом прекрасно знает.

«У аппарата Ефремов.

У аппарата Соколовский.

Соколовский:

Здравствуйте.

1. Почему у Вас так затянулось со взятием Вереи, в чем дело?

2. Почему приказ командующего Вами до сих пор не выполнен?

3. Как организовали наступление по овладению Вереи?

4. Какие данные о противнике в Верее?

Ефремов:

Так, у Вас все?

Соколовский:

Да, все.

Ефремов:

1. Приказ комфронта выполняю. На подступах к городу Верея и южнее Вереи идет бой.

2. Наступление ведут южнее Вереи три дивизии — 113-я, 1-я гв. и 338-я, на этом направлении сосредоточено 8 артиллерийских полков.

3. Встретились с организованной обороной противника по р. Протве на южной окр. города Вереи и далее на рубеже Ястребово, Ново-Васильево, Дудкино и далее на юго-запад.

4. Войскам, наступая на Верею, одновременно приходится вести бой с обороняющимся противником справа на рубеже Протва, слева на рубеже Ястребово, Паново, Васильеве, Дудкино.

Противник продолжает вести упорные бои, и, ко всему этому, особенно затруднено движение артиллерии, которая сопровождает войска.

5. Веду бой с обороняющимся противником на указанных рубежах, дивизиями, наступающими на Верею, и подвижными арьергардами врага от пяти дивизий противника, усиленными танками.

6. Наступление идет непрерывно, но, по указанным мною причинам, медленно.

7. Противник проявляет большую упорность и предприимчивость на рубеже Симбухово, Варварино, перед Клино и далее по реке Исма.

8. Противник переходит почти перед всеми дивизиями в контратаки по несколько раз в сутки, мы отбиваем и медленно наступаем.

9. Вам наши трофеи показывают упорство врага, иногда приходится захватывать машины с работающими моторами и неостывшим оружием.

10. Приказ комфронта выполняется и будет выполнен.

Соколовский:

Тов. Ефремов, Вы не ответили ни на один из поставленных мною вопросов. Ваши разговоры — это разговоры вообще, к тому же неясные, из которых нельзя понять, что же делает армия, как командованием и штабом армии организован бой по овладению Вереи, где части и что они делают, какой противник перед нами и когда Вы намерены взять Верею во исполнение приказа комфронта.

Ваш доклад так же запутывает дело, как и сводки Вашего штаба, из которых в течение двух дней мы ничего не можем понять, что делается в 33-й армии.

Вы говорите, что противник имеет организованную оборону на рубеже Протва, город Верея, Ново-Васильево, Дудкино и далее на юго-запад, и тут же через некоторое время говорите, что противник прикрывается арьергардами от каких-то пяти дивизий, не называя даже их нумерации. Путь таница невероятная.

Я еще раз прошу ответить на следующие вопросы:

1. Какой перед армией противник, нумерация частей, где он находится и его сопротивляемость?

2. Где части 33-й армии ведут бой, начиная с правого фланга и кончая левым?

3. Как организовано наступление по овладению Вереи, кто управляет этим наступлением, где управление главной группировкой и какие силы привлечены для овладения Вереи?

4. Почему до сих пор не перерезана дорога противнику Верея—Можайск?

5. Почему все-таки не выполнили приказа командующего фронтом? Данное Вами объяснение совершенно неудовлетворительно.

Ефремов:

Если у Вас много свободного времени, я Вам еще раз повторю, но одновременно докладываю: я очень занят работой по выполнению приказа комфронта.

Очевидно, у Вас только что переданный мною разговор с Вами принят, я ответил Вам ясно. Повторяю:

1. 222-я дивизия наступает на правом фланге совместно с левым флангом 5-й армии — 32 сд.

222-я дивизия ведет бой на рубеже Симбухово, занимая его восточную половину и далее — Женаткино. Перед 222-й дивизией действуют части противника 292-й, 258-й пехотных дивизий.

2. 110-я стрелковая дивизия, наступая, ведет бой на рубеже Гуляева Гора и лес южнее Гуляева Гора. Дивизия в своем составе очень малочисленна. Перед 110 сд действуют части 183 пехотной дивизии.

3. По р. Исма занимает оборону группа полковника Шеваллери от Крестьянка до Сирино, Князевое. Это направление прикрывается одним полком 160 сд.

4. Главная группировка на левом фланге армии — 113-я, 1-я гвардейская и 338-я сд наступают на Верею с юга и юго-запада.

113 дивизия, 1-я гвардейская, преодолев оборону противника в полосе своего наступления, подошли к южной и юго-западной окр. Вереи.

Перед нами противник — части 15-й пехотной дивизии и 267-й дивизии.

267-я дивизия была не потрепана еще, переброшена из района Рузы сюда,

5. 338-я сд, сегодня переброшенная из района Лучны, Маломахово, Совьяки, сосредоточилась в районе Ново-Борисово и лесах западнее Ново-Борисово с задачей развить наступление вдоль дороги Егорье—Верея на западную окр. Вереи и этим самым помочь сломить сопротивление противника совместно с 113-й, 1-й гвардейской дивизиями, т. е. этим самым стремлюсь как можно скорее выполнить приказ комфронта.

6. 93-я дивизия, встретив организованную оборону противника на рубеже Перемешаево — Благовещенское — отм. 202,0 — северо-западнее Гольгяево — Егорье, ведет бой.

Левым флангом дивизия 51-м сп ведет бой за Валютино, Левино, нанося удар противнику в тыл.

7. Вывод: 33-я армия всеми имеющимися силами ведет наступательный бой.

8. Управляю операцией как командарм.

9. Управление свое приблизил к войскам. Все.

На какой еще вопрос теперь я Вам не ответил и что Вам еще не ясно?

Соколовский:

Вы не ответили на основной вопрос: как Вы организовали бой на местности со своим аппаратом управления? Потому что штаб Ваш и Вы не знаете точно, где находится 1-я гвардейская дивизия, не даете даже ответа на это.

Сосредоточено три дивизии за овладение Вереей. Они скупчились на узком фронте и на месте никем не управляются, идет управление только Вашими приказами из командного пункта, тогда как в этих условиях необходимо на местности разрешить вопрос организации и управления боем за Вереею.

Совершенно неясно, подтянута ли артиллерия или нет и кто этой артиллерией управляет в бою за Вереею. Чувствуется, что никто не объединяет работу артиллерии ударной группы против Верей.

Комфронтом спрашивает, когда Вы овладеете Вереей?

Ефремов:

1. Называю Вам точно, где сосредоточена 1-я гвардейская:

175-й сп — километр южнее Верей в лесу между МТС и отметкой 209.

6-й полк одним батальоном перехватил дорогу юго-западнее 1 км Верей, остальные силы в районе отм. 209 и западнее этой отм.

2. Артиллерия прошлую ночь и сегодня день и в настоящее время подтягивается, задержка — это сугробы.

Вся артиллерия объединена зам. командармом артиллерии генералом тов. Офросимовым¹.

3. Производил увязку действий, перегруппировку с командирами дивизий и штабами дивизий генерал Кондратьев с командирами штаба армии.

4. Все наступление армией, и на левом фланге на Вереею, организовано мною лично.

5. На вопрос, когда возьму Вереею, точный ответ дать не могу, возможно утром или днем 16.01.42.

6. Докладываю Вам: наступление организовано в соответствии с приказом товарища Сталина.

¹ О ф р о с и м о в Петр Николаевич — генерал-майор, заместитель командующего 33-й армии по артиллерии. Погиб во время прорыва из окружения в апреле 1942 г.

Без массированного кулака из артиллерии живые силы не хочу бросать в бой, так как и без того потери большие. Все.

Соколовский:

Приняты ли Вами меры?

Послан ли отряд лыжников, чтобы перерезать дорогу Верея—Можайск и лишить противника возможности подвоза питания и безнаказанного отхода на северо-запад?

Ефремов:

1. После донесли: путь перерезан. Поймите, я сижу ближе и все делаю для того, чтобы выполнить приказ командиром фронта как можно скорее.

2. Прошу доложить командиром фронта тов. Жукову, он, возможно, не знает, что из армии взяты все резервы Ставки, за исключением одного, и вчера еще взяты два артполка, которые очень нужны при наступлении армии при таком сопротивлении противника. Все.

Соколовский:

Взят один артполк, а не два. Об этом командующему известно. Обо всем доложу. До свидания.

Ефремов:

Тов. Соколовский, Вам неверно доложили. Из армии взяты 486-й и 320-й артполки и РС. Как видите, Вам докладывают неверно. Все.

Соколовский:

Взяты: один дивизион РС и взят один артполк.

У вас осталось три артполка и три отдельных артдивизиона. Силы вполне достаточны.

Прошу заставить штаб разобраться с противником, ибо в оценке противника Вы стоите на неправильной точке.

Группа Шеваллери — это батальон, который был брошен в бой у Боровска и потрепан уже давно.

267-я дивизия у вас не значит как дивизия, не исключена возможность, что у Вас есть отдельные небольшие подразделения этой дивизии, она у Говорова.

292-я пд в основном действует против Говорова. У Вас тоже небольшие подразделения.

15-я пд в основном тоже не у Вас, у Голубева.

Таким образом, по существу перед вами 183-я и 258-я пд, о которых Вы сами неоднократно докладывали, что они Вами разбиты.

Причем разбиты были, как Вы докладывали, уже несколько раз. Все.

Ефремов:

Прошу выслушать.

1. Повторяю, что из 33-й армии в 2 часа ночи отправил по приказанию артполки: 486-й и 320-й. РС отданы по приказанию 35, 42 и 33. Как видите, нашу армию ослабили сильно.

2. Пленных могу вам представить от двух полков — 467-го и 497-го 267-й пд, которая состоит именно из этих полков.

3. Противник перед фронтом армии, кроме 267-й пехотной дивизии, следующий: 252-я пд, 292-я пд — 507-й пехотный полк, из 258-й пехотной дивизии перед нами 458-й и 478-й полки, 183-й пехотной дивизии — полки 330-й и 351-й, 15-й дивизии — 88-й полк. Полностью от всех этих дивизий и их названных полков имелись и имеются пленные. Вам все ясно?

Соколовский:

До свидания.

Ефремов:

До свидания»¹.

Я привел этот длинный разговор полностью, сохранив стилистику, чтобы не обронить некоторых нюансов, которые могут быть важны для искушенного читателя, который, возможно, видит глубже меня и дальше меня. Тема 33-й армии первого состава и ее командующего генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова еще ждет своих строгих и беспристрастных исследователей. И этот телефонный разговор обнаруживает одну очень, на мой взгляд, важную подоплеку, суть которой пока неясна. Почему к Ефремову было такое неприязненное отношение со стороны Жукова? Ведь по ходу разговора становится понятным, что Соколовский разговаривает в присутствии Жукова, что комфронтом, возможно, даже подбирает командарму-33 «трудные» вопросы на засыпку, но не подходит к аппарату сам.

Это первый вопрос, который волнует многих исследователей темы 33-й армии и читателей. У вопроса, должно

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 279. Л. 6-11.

быть, существует некая предыстория. Она, к сожалению, неизвестна. Пока.

Жуков и Ефремов — земляки. Оба родились в Тарусском уезде. Детство провели на реке Протве. Стрелковка, родина Жукова, и Юрятино, где на мельнице купцов Мосоловых работали родители Ефремова, буквально в 10 километрах друг от друга. Земляков, однако, эти узы не сближали. А разъединяло нечто более сильное.

Разговор Соколовского и Ефремова заставляет задуматься о многом.

Командарм конечно же слышал и понимал в голосе Соколовского и его интонациях гораздо большее, чем та информация, которую мы можем теперь из этого диалога получить. Комментарии здесь могут быть различными. С акцентами крайне противоположного характера. Кто-то может упрекнуть командарма-33 за действительно скомканный, лишенный конкретики доклад. После чего Соколовский, очевидно воспользовавшись этой оплошностью Ефремова, устраивает настоящую инспекцию по телеграфу. Вопрос: «Где части 33-й армии ведут бой, начиная с правого фланга и кончая левым?» — звучит примерно как вопрос учителя русского языка десятикласснику: «А ну-ка, любезный, повтори мне весь алфавит от «А» до «Я»?» А прокурорская фраза: «Данное Вами объяснение совершенно неудовлетворительно»? Да, после этого обычно следует приговор. И заметьте вот еще что: Соколовский в начале разговора очень многословен, излишне даже многословен. Сорит военными терминами, которые были бы уместны при разговоре разве что с лейтенантом. Упорно лезет, как говорят, под кожу своими конкретными вопросами. Но когда Ефремов дает на них четкие и исчерпывающие ответы, одновременно переходя к отнятым у армии артполкам РС, Соколовский вдруг поспешно старается ретироваться. Что это? Ситуация очень напоминает ту, которая сложилась 1 декабря под Наро-Фоминском, когда моторизованная группа, усиленная большим количеством танков, прорвалась на Кубинку. Тогда Ефремов докладывал Соколовскому реальную картину прорыва, пояснив при этом, что ликвидировать его нечем, что все войска заняты. На это Соколовский отреагировал очень характерно:

«Ликвидируйте сами. У нас ничего нет. Повторяю еще раз, противника у вас очень мало. Обороняются ваши части плохо. У меня все. До свидания! Желаю успеха!» Когда полк капитана Лобачева попал в кольцо, Ефремову это тоже доставило много хлопот и неприятностей. Но он не посмел отречься от окруженных. Напротив: он приказал сделать все, чтобы блокированные получали все необходимое для жизнеобеспечения и возможность отбить атаки, сохранить свою жизнь. Потом, когда Жуков понял, что прорыв на Кубинку нештучный и что танки фон Клюге вот-вот могут атаковать штаб Западного фронта в Перхушкове, на ликвидацию прорыва были срочно выделены довольно значительные резервы. Но фразу Соколовского «Ликвидируйте сами» из истории тех событий уже не вымарашь...

Что касается арtpолков резерва Ставки ВГК, то здесь тоже стоит задуматься над словами Ефремова, который вдруг задает вопрос следующим образом: «Прошу доложить комфронта тов. Жукову, он, возможно, не знает, что из армии взяты все резервы Ставки...» Известно, что начальник штаба после разговора обязан доложить по его существу. По характеру вопроса можно предположить, что Ефремов был уверен в том, что Жуков не знал, что два арtpолка отозваны из состава 33-й армии накануне штурма Вереи. Кто их отозвал? Соколовский? Куда? Тогда Ефремов, задавая этот вопрос Жукову через Соколовского, встает на открытый путь конфронтации с последним, а возможно, и вражды.

Повторяю, диалог этот комментировать можно как угодно. Но совершенно очевидно одно, быть может самое главное: когда начальник разговаривает с подчиненным в таком тоне, в то время когда перед ними, и начальником и подчиненным, стоит одна и та же задача, такой разговор не служит делу выполнения этой задачи. Особенно отбивает руки такого рода «накачка» у подчиненного.

Командарм-33 обещал Соколовскому взять Верею 16 января. Верея была взята штурмом, который длился несколько суток, в 4.30 19 января 1941 года. Одновременно дивизии 33-й армии очистили от противника окрестные населенные пункты: Ершовку, Загрязское, Красную Слободу, Хрупинку,

Выплювку, Пафнутовку, Афанасьево, Кузьминское, Сотниково и Горки.

Непосредственно в городе дрались части двух дивизий: 110-й и 222-й.

В боях за овладение Вереей армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 2 тысяч человек. Здесь погиб командир 1289-го стрелкового полка 110-й дивизии полковник А.Я. Потапов. Тяжело ранен комиссар 1291-го полка батальонный комиссар С.Г. Саркисов.

Потери противника тоже оказались большими. Однако часть сил немцы все же успели вывести из города, когда создалась реальная угроза их блокады и последующего уничтожения, как это произошло в Боровске.

Об ожесточенном характере боев за Вереею свидетельствует то, что полки дивизий, брошенных непосредственно на штурм города, ворвались на окраины еще 16 января. И почти трое суток, без каких-либо оперативных пауз, шел непрерывный бой. Противник маневрировал танками. Но подведенная к городу артиллерия подавляла огневые точки врага, заставляла отойти танки либо уничтожала их. Пехота продвигалась вперед. Дом за домом, улица за улицей.

Кстати, разведка в эти дни установила, что «потрепанный батальон» Шеваллери во время этих боев располагал 21 танком. Пленные также подтвердили факт прибытия из района Рузы в район Верееи усиленной 9-й роты 21-го танкового полка 20-й танковой дивизии. Запомним номер этой дивизии. Она еще сыграет в судьбе 33-й армии свою роковую роль.

17 января в 16.40 в штаб от командира 113-й стрелковой дивизии полковника Миронова поступило сообщение:

«1. 1290 и 1292 сп в 12.00 16.1.42 с боем ворвались в Вереею с южной и юго-восточной окраины и вели уличные упорные бои с пехотой и танками противника.

2. Командиры полков с 12.30 16.1.42 потеряли связь с частями. КП полков были обстреляны противником, контратака отбита.

Участвовали в бою 643 чел., всего из них убито, ранено, без вести пропавших 408 чел. Осталось 185 чел. С остатками заняли оборону по северной опушке леса южнее Верееи. КП дивизии неоднократно подвергался артобстрелу.

3. 175 сп 1 гв. мед слева не установлен. Деденево, Волкове, Ястребово — противник»¹.

Вот вам, товарищ Соколовский, и три дивизии, которые, по вашим словам, скучились на узком участке фронта и не могут решить задачу взятия города. В дивизиях-то и по батальону штыков не осталось.

Немного забегая вперед, должен заметить, что именно в этот день, когда полковник Миронов со своими 185 бойцами лежал в снегу на северной окраине Вереи и вел огонь, отбивая очередную контратаку немцев, в штабм поступило боевое распоряжение № 605-ш от 17 января 1941 года, согласно которому 33-я должна была форсированным маршем наступать на Вязьму. В число четырех дивизий, которые составят ударную группировку армии, войдет и 113-я стрелковая дивизия.

Бои за город имели такой упорный характер еще и потому, что противник здесь создал хорошо продуманную систему обороны. И нашим войскам пришлось вначале очистить от него окрестности, в которых каждая деревня, каждое село были превращены в мощные опорные пункты. Они-то и подпитывали основной узел обороны — Верею. Снабжали боеприпасами, продовольствием. Отсюда подступали резервы. Поэтому взятие города приняло характер более широкой операции. Например, в бою за деревню Сотниково 1-я гвардейская мотострелковая дивизия подбила пять немецких танков.

Вечером 18-го числа командарм отдал приказ:

«1. Окончательный разгром Верейской группировки противника сильно затянулся.

2. В целях быстрой ликвидации противника в р-не Верея и успешного выполнения моего приказа № 021 от 17.1

п р и к а з ы в а ю :

а) 222, ПО и 113 сд с 1138 сп в полном взаимодействии уничтожить противника в р-не Верея, овладеть городом и к исходу 19.1 выйти:

222 сд — р-н Кулаково, Курлово, Ратово.

ПО сд — Федюшкино, Нов. Зыбинка, Каменка.

113 сд — Василево, Паново, Ястребово.

В дальнейшем выполнять мой приказ № 021.

б) 1 гв. мед немедленно повернуть дивизию на запад и во взаимодействии с 338 сд, уничтожив противника в р-не Василево, Паново, Горки, наступать в направлении Ново-Александровка, выполняя приказ № 021.

Принять меры обеспечения частей боеприпасами и продовольствием.

в) 338 сд, передав 1138 сп в оперативное подчинение ком. 113 сд, совместными действиями с 1 гв. мед, уничтожив противника в р-не Паново, Горки, к исходу 19.1 выйти в р-н Кременское, Троицкое, Дылдино. В дальнейшем выполнять мой приказ № 021.

г) 93 сд к исходу 19.1 сосредоточиться в р-не Горки, Жихарево, Свердлово и с подходом частей 1 гв. мед на рубеж Никитское, Львово, во взаимодействии с ней продолжать выполнение приказа № 021.

В целях ускорения продвижения частей на запад принять меры использования всего авто- и гужевого транспорта под перевозку людей¹.

Ночью был предпринят последний штурм, который и решил судьбу трехдневных боев. Город был взят.

После освобождения были обнаружены тела расстрелянных и замученных бойцов. Возможно, среди них оказались и те из 408 пропавших без вести бойцов 113-й дивизии. 25 трупов нашли в церкви в центре города. Церковь была превращена в концентрационный лагерь. Еще около сотни изуродованных штыками и прикладами тел были найдены на улице Школьной.

Верея, старинный русский город на реке Протве, ценою тысяч жизней бойцов и командиров 33-й армии генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова был возвращен к мирной жизни. 92 дня и ночи длилась немецкая оккупация. Первые дни после освобождения разбирать завалы и приводить городские улицы в относительный порядок горожанам помогали воины 110-й дивизии. Дивизия до поры оставалась во втором эшелоне, приводила себя в порядок, принимала пополнение.

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 56. Л. 42-43.

Глава 11

«НАЖИМАЙТЕ. МОЖЕТЕ ОТЛИЧИТЬСЯ...»

Ночной разговор с Жуковым. Как началась Ржевско-Вяземская операция 1942 года. О чем писала «Вечерняя Москва» в январе 1942 года. Жуков толкает 33-ю в коридор, к Вязьме. Немцы отбивают удары кавалеристов и десантников. Гальдер: «Войска готовятся к наступлению с целью ликвидации бреши у Медыни...» Невыполнимые приказы Жукова. Атака у Шанского Завода — первый звоночек.

Итак, 33-я еще штурмовала пригороды сильно укрепленной Вереи, а из штаба Западного фронта уже пришел боевой приказ о броске на Вязьму. Однако, как мы видим, командарм-33 решил вначале ликвидировать Верейскую группировку противника. Оставлять ее у себя в тылу было нельзя. Поспешность, с которой проводился штурм города, несогласованность действий многих частей, которые снова, как и под Наро-Фоминском, зачастую действовали изолированно, без локтевой связи с соседями, дали возможность противнику вывести из-под удара часть своих сил и зимними дорогами эвакуировать их на запад, в район Юхнова, Мятлева, Вязьмы.

21 января ночью Ефремова разбудил дежурный офицер и сказал:

— Товарищ генерал, на проводе Жуков.

Командарм взял трубку.

«У аппарата Жуков. Здравствуйте. Когда выйдут части в назначенный район? Это сейчас главный вопрос.

Здравствуйте, тов. командующий. У аппарата Ефремов.

1. 93 сд, находясь в Шумово, Дряблово, с наступлением темноты выходит в район сосредоточения Темкино.

2. 113 сд и 338 сд на рубеже р. Шаня.

3. 222 сд с 17.30 ведет бой в районе Юрлово за Юрлово и южнее.

222 сд перед собой имеет усиленный батальон противника 479 пехотного полка 258 пд.

4. Понимаю все значение нашего выхода в указанный вами район — все для этого делаю.

5. Все тормозит этот транспорт. Радиостанции и те отстали от командира дивизии.

День и ночь расчищаем дороги.

6. Наличие до двух тысяч противника в районе Передел, усиленного танками, вынуждает меня просить вашего разрешения начать переброску 160 сд в назначенный район из Боровска.

7. Все приложу, чтобы выполнить задачу. Все.

Жуков:

Если в Переделе действительно две тысячи с танками, то это очень хорошо, так как мы боимся, что все уже ушли.

Не ввязываясь в бой, надо стремительно выходить в назначенный район, связаться с десантом в районе Знаменка, Жеданье и быть готовым, не останавливаясь, к выходу в район западнее Вязьма.

Для обеспечения действий сейчас же подтягивайте армейские тылы, запасы и все материальное обеспечение и управление. Штабу армии от главной группировки не отрываться.

160-ю передаю в ваше распоряжение. Имейте в виду, она получила вооружение, и даем ей дополнительно пополнение, главные силы 222-й вывести из боя и двигать в назначенный район. Для преследования оставить усиленный батальон из 110-й стрелковой дивизии. Двигайтесь как можно быстрее и держите с нами непрерывную связь, чтобы мы могли вовремя поставить вам задачу и ориентировать обстановку. Из района Темкино выбросить разведку и передовые отряды на линии Лосьмина, Знаменка.

Ефремов:

Гов. командующий, все понятно, прошу лишь повторить: Вы не оговорились, назвав 110-ю дивизию? Она по вашему приказанию должна была оставаться в Верее до укомплектовываться.

Жуков:

Все ли ясно? Выделить для преследования батальон 110-й сд, усилив его отдельными орудиями. 110-й дивизии оставаться в районе Вереи и укомплектовываться.

222-я должна следовать в район сосредоточения, передав противника батальону ПО.

Все.

Будьте здоровы. Нажимайте. Можете отличиться на этом как никогда.

Ефремов:

Слушаюсь. Все понятно. Доброго здоровья»¹.

Так начиналась Ржевско-Вяземская операция 1942 года. Хронологически она проходила с 8 января 1941 по 20 апреля 1942 года. Эта хронология принята, должно быть, по причине того, что продвижение соседних армий к Вязьме и Ржеву началось значительно раньше марша основного действующего лица этой драмы — 33-й армии.

18 января 1942 года в 13.00 начальник штаба 4-й полевой армии вермахта по телефону сообщил в штаб группы армий «Центр»:

«По донесению авиации две длинные колонны противника движутся с севера на юг:

а) от станции Износки через Уварево на Пенязи;

б) от станции Кошняки на Семеново (голова около 12.00 у Горки).

4-я армия направляет перебрасываемый воздухом 313-й полицейский батальон и другие имеющиеся в своем распоряжении силы с прежнего юго-восточного фронта против этого противника, кроме того, как только будет возможно, — и передовой полк 52-й пехотной дивизии. Других сил в распоряжении 4-й армии нет».

Таким образом, немцы отреагировали на марш-маневр ударной группы 33-й армии мгновенно. Разгромить прорвавшиеся русские дивизии к Вязьме тогда же, в январе, на марше, они не могли по нескольким причинам. Главная — у них не было тогда ни сил, ни средств. А дивизии 33-й армии, как бы ни были ослаблены предыдущими боями, были тогда все же достаточно сильны, имели опыт удачных наступательных боев.

Любопытно просматривать газеты той поры. Газета есть газета, информация в ней конечно же просеяна через мелкое цензурное сито, да еще военное. Но тем не менее запах эпохи они передают поразительно точно. 27 января 1942 года «Вечерняя Москва» опубликовала очередную статью Ильи

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 279. Л. 22-23.

Эренбурга под заголовком «Великая битва». В качестве цитаты я привожу три абзаца из этой статьи, из которых последний особенно примечателен:

«Сейчас мы можем оглянуться назад. Враг в ноябре считал, что он выиграл битву. Я читал немецкий приказ: отдельным частям запрещается самовольно проникать в Москву. Они готовились к торжественному въезду...

В дни нашего наступления мы с благодарностью вспоминаем героев московской обороны. Командующий Западным фронтом генерал армии Жуков изо дня в день подтачивал силы врага. Мы тогда отходили шаг за шагом, это были тяжелые шаги, и каждый шаг стоил немцам тысяч жизней. Им дали взглянуть на Москву в бинокль. Они дорого заплатили за это зрелище. Не многие из обладателей биноклей унесли свои кости...

Битва за Москву кончена, выиграла ее мы. Начинается новая битва — за Вязьму, за Смоленск, за Белоруссию. Эта вторая грандиозная битва будет битвой за Россию. И мы ее выиграем».

Илья Григорьевич Эренбург, прошедший военным корреспондентом Испанию, где общался с Хемингуэем, был человеком осведомленным. Он писал о том, о чем можно было писать, то есть следовал цензурным соображениям. Но знал гораздо больше. И это знание и осведомленность так или иначе просачивались. Как просочилось слово «Вязьма» в ряд, который вроде бы случаен: Москва—Вязьма—Смоленск—Белоруссия. Кстати, потом именно этим маршрутом и пойдет на запад 33-я армия. Правда, поведут ее в большой Победе уже другие командующие.

В январе значительного успеха добились войска Калининского фронта. 11-й кавкорпус генерала Соколова к 26 января с севера прорвался к Вязьме, обходя ее с северо-западной стороны. Учитывая сложившиеся обстоятельства, Жуков шифровкой № к/83 от 26 января 1942 года ставит задачи командующим 33, 43 и 50-й армиями, а также командиру 1-го гвардейского кавкорпуса:

«1. Командарму-33 — форсированным маршем выйти 28.01.42 г. в район Красный Холм, Гредякино, Подрезова, где и войти в связь с авиадесантом 4-го ВДК и конницей Калининского фронта.

2. Тов. Белову — прорваться через Варшавское шоссе и не позднее исхода 29.01.42 г. выйти в район Семлево.

3. Тов. Голубеву, Болдину быстрее овладеть Юхнов и, оставив часть сил для окончательной ликвидации противника, главными силами быстро выходить в назначенные районы юго-западнее г. Вязьма».

Красный Холм — это в 4—5 километрах от Вязьмы. Сейчас там Поле Памяти. Ряды могил, в которых перезахоронены останки бойцов и командиров многих армий, сражавшихся здесь и в дальних и ближних окрестностях города в 1941, 1942 и 1943 годах. Вязьмичи построили и освятили часовню. Проезжающие по шоссе Калуга—Вязьма могут остановиться и поставить свечу в память о погибших, вспомнить кого-то из своей родни, кто погиб вот в таком же поле.

Место это магическое. Как правильно и мудро кто-то, еще в прошлые времена, решил здесь положить нравственное и материальное начало мемориалу в память погибших. Представьте себе пологий холм. Красным он назван, видимо, в очень давние времена — отсюда видны храмы Вязьмы. Красный Холм — это деревенька в несколько дворов. Два или три дома с постройками. Кладбище. И — во все стороны поле. Широкое, просторное поле, на горизонте обрамленное лесом. Слева от шоссе, ровными рядами, солдатские могилы.

Когда случается бывать в Вязьме, всегда останавливаюсь здесь. Холм продувается сильным ветром. Кругом простор. Осенью поля вокруг уставлены скирдами. Тишина. И только ветер свистит и, гудя, катается в травах окрестных лугов. Если ты один, то одиночества здесь не почувствуешь. Почувствуешь прошлое. А прошлое красного Холма — это история 1941 — 1943 годов.

Здесь зимой 1942 года был НП Западной группировки 33-й армии. Здесь лежат многие ефремовцы.

Итак, до Вязьмы всего несколько километров, один бросок. Но его-то и не смогли преодолеть изнуренные маршем, лишенные обеспечения, усиления танками и авиацией дивизии 33-й армии. До Вереи и Боровска отсюда более 100 километров. И это расстояние дивизии должны были маршем пройти за два дня. По снегам, под огнем. В это время снова активизировалась авиация противника. Немцы начали приходить в себя.

27 января 1942 года Гальдер в своем дневнике сделал следующую запись: «На фронте группы армий «Центр», прежде чем вести наступление через Сухиничи в северном направлении, необходимо ликвидировать группировку противника в районе к западу от 53-го армейского корпуса. Восстановление положения в районе брешки между 4-й танковой и 4-й армиями (район восточнее Медыни) по-прежнему связано с большими трудностями. Части противника, отрезанные в результате нашего удара под Ржевом, а также 3-я и 4-я ударные армии противника начинают заметно активизироваться в районе к северу от шоссе на дороге Смоленск—Вязьма. Принимаются меры по прикрытию дороги».

Таким образом, немцы начали парировать удары наших войск. Вначале был отбит 11-й кавкорпус. Непревзойденный мастер обороны, командующий 9-й полевой армией вермахта Вальтер Модель выстроил оборону с севера, надежно прикрыв Вязьму от угрозы охвата со стороны Калининского фронта.

2 февраля Гальдер записывает: «Войска готовятся к наступлению с целью ликвидации брешки у Медыни. Удар должен быть нанесен завтра. 5-я танковая дивизия уничтожает группы противника, просочившиеся в наш тыл. Эти бои за линией фронта носят комически-уродливый характер и показывают, что война как таковая начинает вырождаться в драку, далекую от всех известных донныне форм ведения войны. То же можно сказать о бессмысленной переброске большого количества дивизий от Осташкова в тыл, за фланг группы армий «Центр». В оперативном отношении это совершенно бессмысленно, ибо таким образом часть наших сил временно сковывается, а никакого успеха не достигается».

Вывод Гальдера любопытен еще и тем, что, возможно, точно так же размышлял и другой военный стратег — генерал Жуков.

И наконец, запись 3 февраля: «Брешь к западу от Медыни на фронте группы армий «Центр» ликвидирована».

Немцы сомкнули фронт, отрезав четыре дивизии 33-й армии. Началось окружение. Но об этом чуть позже. А пока вернемся к маршу армии генерала Ефремова на Вязьму.

Теперь, изучая документы, которые ранее не были известны по причине их секретности, сопоставляя факты, приходишь к выводу, что Ржевско-Вяземская операция двух фронтов — Западного и Калининского — была импровизацией штабов этих фронтов. Ни больше ни меньше. Приказы отдавались решительные, предполагавшие глубокие проходы соединений в оборону противника, широкие охваты с последующим окружением. Но все эти действия изначально не имели одной весьма важной составляющей, без которой ни одна операция, даже менее масштабная, обречена на провал. Обеспечения. Приказы не обеспечивались и потому тут же вырождались в риторику, в пустые слова.

Жуков понимал, что наступающим дать нечего. Ни свежей танковой бригады, ни одного дивизиона РС. Более того, как мы уже знаем, из 33-й буквально накануне забрали большое количество артиллерии, а также 201-ю латышскую стрелковую дивизию и 1-ю гвардейскую мотострелковую дивизию.

Боевой приказ Жукова от 26 января 1942 года ни одной из дивизий 33-й армии, а также 43-й, 50-й армиями и 1-м гвардейским кавалерийским корпусом выполнен не был. И тем не менее 30 января 1942 года, буквально через два дня после контрольного срока, комфронтом направляет командарму-33 новый приказ:

« П р и к а з ы в а ю :

1. Ударной группой армии, без задержек, наступать в направлении Красный Холм, Соколово, куда выйти не позднее 1 февраля 1942 г.

В дальнейшем, взаимодействуя в гр. Белова, овладеть Вязьмой, охватывая ее с юго-запада.

2. Фронтной резерв — 9-я гв. сд, следующая в район Кукушкино, — подчиняю Вам.

3. Ударную группу иметь в составе ИЗ, 338, 160, 329-й сд и 9-й гв. сд.

4. Силами ПО, 222, 93-й сд быстрым охватывающим ударом разгромить группировку противника в районе Селенки, Угрюмово, Шанский Завод, после чего наступать ими через Дубна, Селенки на Вязьму. 110-ю сд держать на уступе в районе Дубна для обеспечения фланга.

5. Всемерно ускорить выдвижение вперед 329-й сд и 9-й гв. сд. Ударной группой не топтаться перед слабыми заслонами противника.

Сил Вам дано много, и только от стремительности их действий зависит конечный успех.

Вам быстрее выехать в 113-ю сд, откуда управлять ударной группой».

Жуков — удивительный полководец! Отдавая команду армии боевой приказ, предписывал почти до батальона, кто и куда должен передвигаться. В более поздних и зрелых приказах этой мелочной опеки, этого мельтешения уже не было. Война отшлифовала стиль будущего маршала.

Что значило «не топтаться перед слабыми заслонами противника»? Дорога одна. По другой, параллельной, тем временем продвигается другой полк или дивизия. На пути — село. В селе немецкий гарнизон. Десятки, а то и сотни солдат. Пушки, танки, минометы. Как обойдешь их, если противник уже обнаружил марш и открыл огонь? Как оставлять противника в тылу? Чтобы ударил в спину? Или перехватил обозы с обеспечением?

В это время в должность командующего 4-й полевой армией вместо убитого на Балканы горнострелкового генерала Кюблера вступил генерал Хейнрици. Быстро пошла в гору карьера этого генерала. Старый знакомый Ефремова, именно он со своей 258-й пехотной дивизией в декабре прорвал оборону, смяв один из полков 110-й стрелковой дивизии у Малых Семенычей, и при поддержке танков устремился к Минскому шоссе. Во время боев за Боровск он уже командовал 43-м армейским корпусом. И вот — новое назначение. Командующим же 9-й полевой армией вермахта, которая находилась севернее и прикрывала Ржевское направление, в это время был генерал Модель.

Вступив в свою должность, генерал Хейнрици издал любопытный приказ, в котором подробно расписал для своих солдат все: как действовать в условиях зимы, как относиться к местному русскому населению, сколько иметь каждому солдату и пулеметчику патронов в качестве необходимого боекомплекта, как вести наступление и как обороняться. Вот выдержки из этого приказа:

«НАСТУПЛЕНИЕ

[...]

б) Часть должна быть подготовлена к наступлению, т. е. оружие должно быть подготовлено для введения в действие при больших морозах. Все имеющееся в наличии оружие: пулеметы, минометы, противотанковые пушки, пехотные орудия — подвозить на санях. Части должны быть обеспечены значительно большим количеством боеприпасов, чем летом; на каждую винтовку — по 120 патронов, на каждый пулемет — 3000 патронов. Стремиться обеспечить части маскхалатами, шубами, валенками, двумя подшлемниками, двумя парами перчаток. Каждая рота или каждый батальон должны стремиться к организации лыжных разведдозоров.

в) Вступление в бой. О наступлении на отдельный объект не может быть и речи до тех пор, пока не будет сломлено организованное сопротивление противника. Наступление можно вести только на отдельные, особо важные участки местности, как то: населенные пункты, высоты. Постоянно стремиться вести наступление с трех сторон; вводить в бой на фронте слабые силы, на обоих флангах крупные силы. Цель — окружение противника с четырех сторон. Благодаря такому распределению сил слабые части могут уничтожить превосходящего противника, в то время как при фронтальном наступлении крупные силы остаются на месте, вследствие сильного огня обороняющегося противника. Исходя из теперешнего боевого состава наших частей, наступление следует вести по меньшей мере в составе пехотного полка. Частное наступление отдельных батальонов или даже рот приводит в большинстве случаев к большим потерям и почти не имеет успеха.

г) ...Рекомендуется обеспечить внешние фланги охвата большим количеством пулеметов. Пулеметы предназначаются для завершения окружения и преграждения противнику пути к выходу из окружения.

ОБОРОНА

5) Большинство крупных русских населенных пунктов, за исключением немногих домов, должны быть сожжены для того, чтобы лишить противника укрытия. Оставшиеся дома (из которых удобно вести огонь) подготовить для круговой

обороны путем создания благоприятных условий наблюдения. Кроме того, отдельные гнезда (дома) должны быть взаимоприкрыты. Противник, внезапно прорвавшийся в одном месте, должен быть немедленно встречен огнем из соседних домов. Комендант опорного пункта должен иметь в резерве ударную группу для контратак, вооруженную ручными гранатами, пистолетами и пулеметами. 20-мм зенитные орудия в большинстве случаев установлены плохо, для них необходимо выделить дома, снимать перекрытия, укреплять полы, насыпать снег у стен дома так, чтобы он имел вид бруствера и достигал уровня ствола. Таким образом, эти орудия могут действовать по воздушным и наземным целям. По возможности, во всех опорных пунктах иметь артнаблюдателей. Если не удастся утеплить боевые сооружения, то в особых теплушках нужно создавать возможность для обогрева команд. Целесообразно окружить опорные пункты снежными валами и для прочности полить эти валы водой, стремиться закладывать тяжелые мины на дорогах, ведущих от противника. Положение мин должно быть точно известно гарнизону.

[...]

7) Посты нужно снабдить ракетами, снабдить гарнизоны опорных пунктов боеприпасами и продовольствием с тем, чтобы они могли вести бой в окружении по меньшей мере двое суток. Если дневное наступление русских останавливается огнем перед позицией, тогда они имеют обыкновение зарываться в снег и лежать без движения, ожидая темноты для отхода. В этом случае выгодно выдвижение пулеметов и стрельбой трассирующими пулями помешать вставанию и отходу русских или, по крайней мере, затруднить это».

Как видим, противник не собирался стоять в поле. Он основательно укреплялся в населенных пунктах, создавая тщательно продуманную систему обороны, при которой даже численно небольшой гарнизон, взаимодействуя с артиллерией, ведущей огонь с закрытых позиций, мог удерживать перед собой значительную колонну, нанося ей большой урон.

Кроме того, как свидетельствуют донесения из дивизий, в это время на войска 33-й армии, находящиеся на марше, везде, по всей протяженности, от Износок до Лосьмина, начала активно воздействовать авиация люфтваффе.

Дороги на Вязьму необходимо было не только расчищать, но еще и разминировать.

Таким образом, можно предположить наверное, что задача для марша на Вязьму войскам 33-й армии со скоростью 40—50 километров в сутки была невыполнимой. А как выполняются невыполнимые задачи и к чему это приводит, мы увидим дальше.

Но дивизии шли вперед. Что же происходило в пути их следования?

По рассказам очевидцев, местных жителей сел и деревень, через которые маршем двигались на Вязьму войска 33-й армии, их появление было совершенной неожиданностью. Иногда немцы разбегались, не принимая боя. Обычно это происходило так: по радиации они принимали информацию о подходе русских, запрашивали разрешение на отход и, получив его, быстро грузили на сани и автомобили пулеметы и минометы, цепляли орудия и уезжали западнее, вливаясь таким образом в более крупные гарнизоны. Там принимали бой или снова отходили. Но не везде срабатывала связь. И зачастую такие заставы становились объектами атаки ударных групп ефремовцев. Лыжные группы авангардов были вооружены, как правило, автоматическим оружием, пулеметами. Имели ПТО на лыжном ходу и на конной тяге. Они уничтожали эти заслоны и открывали для колонн путь в глубину, к Вязьме.

Жители встречали своих освободителей слезами радости. Многие еще и не знали о том, что под Москвой произошла битва колоссальных масштабов и теперь родная Красная армия наступает, ведет преследование противника по всем направлениям.

Стоит просмотреть и оперативные сводки, которые поступали в эти дни непрерывного снежного марша вперед, из дивизий в штаб. Здесь, в штабе, они тщательно анализировались. И вскоре в сокращенном виде — только самое важное — уходили в штаб Западного фронта. Таким образом, Жуков знал полную картину событий на пути к Вязьме.

«23 января — из 222-й стрелковой дивизии: с 4.00 23.01 из района Лыково, Хорошево в движении на Передел и далее в направлении Дубна. По пути движения захвачено

6 фашистов. По показанию пленных, перед фронтом дивизии отходит 583 пп в составе 400 человек, 2-х танков, 4 ПТО, 18 орудий. Этот полк ранее не отмечался. Противник, отходя, уводит с собой местное население.

В тот же день — из 93-й сд: дивизия всеми полками вышла в район Износки. Артиллерия в движении в этот же район. Автотранспорт, не имея горючего, стал. Получение горючего ожидается сегодня. В районе Шанский Завод в 18—19.00 22.01 до 300 немцев произвели налет из Шивнево на Шанский Завод. Противник был отброшен. По данным местных жителей, противник производит оборонительные работы на рубеже Луково, Игнатьево, Копылово. Дивизия продолжает выполнять задачу, согласно боевому распоряжению № 031. Штадив — Износки.

В тот же день — из 338-й: к 18.00 22.01 двумя полками достигла Зубово, Поджаровка. Один полк находился в движении головой Ивлево. Разведка дивизии к этому времени была на рубеже Челищево, Юрьево. Артиллерия отстала. Штадив — Беклеша.

Положение 113-й сд: в связи с налетом автоматчиков противника на Шанский Завод одним полком прикрывает этот район с севера, остальные полки в движении в направлении Износки. К утру последние два полка Беклеша. Дивизионная артиллерия отстает на 15—20 км ввиду трудной проходимости дорог. По данным местных жителей: Шивнево, Водопьяново, Кузово, Павлищево заняты противником. Сведения подтверждаются обстрелом минометным огнем Шанского Завода. Имеются потери. Штадив — Никулино. Дивизии поставлена задача выполнять боевое распоряжение № 031.

Положение 160-й сд: из района Боровск с утра 23.01 на марше в район Дубна. Головной полк в составе двух батальонов на автомашинах в 11.00 23.01 проходил Павлищево. Остальные части следуют пешком.

Положение 110-й сд: имея один полк Сносновицы, с задачей разведать и прикрывать правый фланг 222-й сд, остальными силами занимает прежнее положение».

Далее штаб информирует Жукова о следующем:

«По данным, требующим проверки, с направления Мятлево (доклад политрука кабельно-шестовой роты, устано-

вившего противника в районе Шумово — 10 км сев.-зап. Медынь) противник отдельными группами прорвался в направлении Шанский Завод. По докладу того же политрука, из Медынь по дороге на Шанский Завод выступила группа наших танков на уничтожение прорвавшегося противника.

По донесению командиров дивизий (93, 338 и 113 сд) ВВС противника значительно повысили свою активность.

22.01 наши части подверглись налетам одиночных бомбардировщиков противника; одновременно противник ведет, вчера и сегодня, воздушную разведку»¹.

Итак, в районе Шанского Завода прозвучали первые колокола судьбы 33-й армии. Командарм мгновенно уловил их тревожные звуки. Начал предпринимать некоторые действия для того, чтобы обезопасить движение колонн и следующих за ними тылов. Жуков остался глух к первому сигналу. Подтверждением тому — приказы, которые он издал один за другим буквально через несколько дней, суть которых сводилась к одному: вперед, вперед, вперед! Одним словом: «Нажимайте! Можете отличиться».

А с севера тем временем над правым флангом 33-й армии нависла сильная группировка противника. И она уже начинала пробу своих сил.

Глава 12

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛСЯ ШТУРМ ВЯЗЬМЫ

Вязьму немцы решили не отдавать. Осада города. Состав нашей группировки. НП на Красном Холме. Немецкая разведка знала все. Силы атакующих. Силы обороняющихся. Попытка совместной атаки. Если бы даже ворвались в Вязьму...

Ефремов был опытным полководцем, он хорошо понимал, чем может закончиться неподготовленный марш по глубокому коридору на Вязьму. Много позднее, в 1966 году, маршал Жуков в беседе с группой историков в редакции

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 131. Л. 120-122.

«Военно-исторического журнала» признался, что «шапка была набекрень у всех тогда...». У всех, да не у всех...

Командарм-33, практически постоянно находясь в войсках первого эшелона, видел, с каким упорством сопротивляется противник и какой ценой достигался каждый километр освобожденной земли. Он чувствовал пульс происходящего в передовых окопах и той и другой стороны. И в какой-то момент почувствовал, что сопротивление противника ослабло. Немцы начали отходить. Они отводили свои войска, оставляя заслоны. Усиленные танками и зенитной артиллерией, с тщательно продуманной системой пулеметного и минометного огня, эти заслоны изматывали к тому времени и без того очень ослабевшие подразделения 33-й армии. Основные же силы дивизий, противостоявших дивизиям его армии, оторвавшись от преследования, вели перегруппировку на новых позициях. Более интенсивными стали налеты авиации противника. И все это свидетельствовало о том, что немцы уже преодолели шок, что они приводят себя в порядок, налаживают взаимодействие пехоты, танков, артиллерии и авиации. Участились полеты самолетов-разведчиков.

Удивительное дело. В различных источниках я нашел свидетельства о том, что в это время, февраль—апрель, в Вязме находились полевые управления, то есть штабы трех немецких армий: 4-й полевой, 4-й танковой и 9-й полевой. Ими командовали: 4-й полевой — генерал-лейтенант Хейнрици; 4-й танковой — генерал-лейтенант Рихард Руофф¹; 9-й полевой — генерал-лейтенант Вальтер Модель. Все трое на свои высокие должности были назначены недавно, с повышением, поэтому горели желанием подтвердить делом доверие Гитлера. Таким образом, Вязму немцам сдавать было нельзя. Иначе как бы расценил это поражение фюрер? Вязму было кому защищать. Один только генерал Модель чего стоил. В немецком Генштабе вскоре его на-

¹ Р у о ф ф Рихард (1883—1967) — участник Первой мировой войны. Награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса, Рыцарским крестом 1-го класса, Рыцарским крестом вюртембергского ордена Военных заслуг. За летнюю компанию 1941 г. получил Рыцарский крест Железного креста. В должность командующего 4-й танковой армией вступил 8 января 1942 г.

зовут «гением обороны» и «пожарным фюрера». В Вязьме и вокруг нее было слишком много генералов вермахта, да и солдат тоже, чтобы, пусть и довольно многочисленная, сорокатысячная, группировка русских так просто, с марша, почти без артиллерии и без поддержки авиации и танков, захватила ее.

Наверное, все же главной составляющей неудачи Ржевско-Вяземской операции Западного и Калининского фронтов была несогласованность действий всех подразделений, брошенных на выполнение этой непростой задачи. Корпуса, кавалерийский и воздушно-десантный, дрались изолированно. 33-я тоже имела свой фронт.

Летом 1942 года группа офицеров Генерального штаба под руководством полковника К.Ф. Васильченко провела детальный разбор действий подразделений Западного фронта в ходе Ржевско-Вяземской операции. Отчет сейчас широко публикуется, кочуя из издания в издание. Надо заметить, что это добротный, профессионально составленный документ-исследование. Советы хорошие, но все — задним числом. В нем есть и такие выводы: «Командующий Западным фронтом разбросал почти что равномерно свои силы и средства по огромному пространству, не имея ни на одном направлении ярко выраженной группировки для нанесения сокрушительного удара по противнику. Он также не имел у себя мощных резервов, которыми мог бы влиять на ход операции в зависимости от сложившейся обстановки на том или ином направлении».

Сейчас, с расстояния лет, можно, пожалуй, внести в эти конечно же верные и справедливые слова одну поправку. Она тоже будет верна: не только командующий фронтом, но и Верховный главнокомандующий, и Ставка, и вся страна не имели тогда тех «мощных резервов», которыми можно было бы «влиять на ход операции в зависимости от сложившейся обстановки на том или ином направлении...». Станки, демонтированные в Москве и Подольске, еще не стали цехами и заводами по производству снарядов, мин и патронов. Они еще двигались к местам назначения на заснеженных платформах. Вот почему Жуков не мог обеспечить войска необходимым количеством боеприпасов.

Давайте же посмотрим, что происходило в районе Вязьмы зимой—весной 1942 года, как действовали наши войска, выполняя приказы своих штабов.

11-й кавалерийский корпус Калининского фронта под командованием генерал-майора С.В. Соколова наступал с севера. Он имел в своем составе: 18, 24, 82-ю кавалерийские и 107-ю мотострелковую дивизии. 5800 человек, 5 тысяч коней. Вооружение: две гаубицы калибра 122 миллиметра, 47 орудий калибра 45 и 37 миллиметров, 35 минометов калибра 82 и 120 миллиметров, 27 противотанковых ружей и 7 танков КВ-2¹. Однако во время Вяземского рейда танки из-за отсутствия горючего не применялись. 1-й гвардейский кавалерийский корпус имел в своем составе: 1-ю, 2-ю гвардейские, 41, 57 и 75-ю кавалерийские дивизии, три лыжных батальона численностью до 900 человек. Всего около 6500 человек.

Генерал Белов входил в прорыв через Варшавское шоссе в районе Барсуков и сосредоточился в Стрельне. Немцы вскоре ударили вдоль шоссе с запада и с востока и закрыли коридор, так что с кавалеристами и лыжниками не смогли войти в прорыв две стрелковые дивизии, танковая бригада и вся дивизионная артиллерия двух кавдивизий, полк РС, зенитные артдивизионы. Гвардейцы свои пушки протаскать успели. Надо отметить такой факт: во время нахождения в окружении беловцы оказались очень находчивыми воинами, они с помощью местных жителей отыскали больше двадцати исправных советских танков, много орудий, в том числе крупного калибра, снаряды к ним. Все это было брошено во время октябрьской катастрофы 1941 года.

4-й воздушно-десантный корпус состоял из двух парашютно-десантных батальонов и стрелкового полка. Высажены они были в районе Знаменки и Желанья. Вскоре было высажено еще 3745 человек. Десантники были вооружены автоматическим стрелковым оружием и винтовками. Имели также на вооружении: 31 пулемет, 10 из которых — ручные, 34 миномета и 2 сорокапятки. В конце

¹ *Разгром немецко-фашистских войск под Москвой.* М., 1964. С. 325.

января 1942 года десантники вместе с подразделениями 329-й стрелковой дивизии 33-й армии присоединились к кавалерийскому корпусу Белова. Десантирование прошло не вполне удачно. Часть десантников и грузов оказались на занятой противником территории. Был убит в самолете командир 4-го корпуса генерал А.Ф. Левашов. В командование вступил начальник штаба полковник А.Ф. Казанкин.

33-я армия в составе четырех дивизий имела около 11 тысяч человек, 5 противотанковых орудий, 12 зенитных орудий, 112 полевых орудий и 99 минометов. Артиллерия и минометы имели минимальный боекомплект. На день боя порой отводился всего один снаряд на ствол. Танков не было.

Итак, 11-й корпус блокировал Вязьму с севера и северо-запада, 1-й гвардейский корпус — с юга, 33-я армия подступила с востока и юго-востока. 26 января первыми к Вязьме подошли части 11-го кавкорпуса. Уже через два дня они заняли важный опорный пункт Якушкино и перехватили магистраль Москва—Минск. Были захвачены большие трофеи. Корпус продолжал двигаться к Вязьме и вскоре подошел к ней на расстояние 12 километров.

Тем временем, прямо с марша, дивизии 33-й армии перехватывают дорогу Гжатск—Юхнов и вступают в бой под Дашковкой и Песочней на юго-восточных подступах к Вязьме. В ночь с 30 на 31 января на новый КП в районе Красного Холма прибыла оперативная группа штарма. В ее составе были командующий армией генерал-лейтенант М.Г. Ефремов, начальник оперативного отдела полковник С.И. Киносян, начальник разведотдела армии подполковник П.А. Гладченко с группой офицеров, начальник связи полковник Н.К. Ушаков с аппаратом работников отдела связи и средствами связи, заместитель начальника политотдела армии полковой комиссар А.Ф. Владимиров с другими полтработниками, старший помощник 1-го отделения оперативного отдела штарма майор П.Ф. Толстиков, военный инженер подполковник Петере и офицеры 8-го отдела штаба в количестве восьми человек, прикомандированный к штабу армии офицер Генерального штаба РККА подполковник Н.Н. Борисенко, начальник особого отдела НКВД

33-й армии капитан госбезопасности Д.Е. Камбург¹ с группой сотрудников, адъютант командующего майор М. Водолазов. Через несколько дней, уже через немецкие боевые порядки, на самолете прилетели: заместитель командующего армией по артиллерии генерал-майор П.Н. Офросимов, начальник отдела укомплектования штаба армии полковник И.Г. Самсонов, а уже 5 апреля вместо заболевшего начальника оперативного отдела полковника СИ. Киносяна прилетел начальник 1-го отделения оперативного отдела штаба полковник М. Олехвер. СИ. Киносян все это время, по существу, исполнял обязанности начальника штаба окруженной Западной группировки.

Согласно директиве штаба Западного фронта частям 33-й армии был задан темп, при котором полки должны были продвигаться вперед до 50—60 километров в сутки. Быть может, для кавалерии такой марш был бы выполнимым делом. Но для измотанной пехоты, которой приходилось еще тащить на своих плечах матчасть, это было невыполнимо. Тем не менее 33-я осадил Вязьму, перерезала железную дорогу Вязьма—Брянск и в первых числах февраля вела непрерывные атаки.

Немцы к тому времени успели подготовиться к отражению атак. Они знали, в том числе, и силу нашего возможного удара. Их разведка уже знала все.

Вот разведсводка 5-й танковой дивизии от 5 февраля 1942 года. Кстати, той самой дивизии, о которой в своем дневнике упоминает Гальдер.

«ДИСЛОКАЦИЯ ПРОТИВНИКА ПРОТИВ 4-Й ТА

При отступлении танковой армии на Восточном фронте враг только там добился существенных результатов, где ему позволили условия. В общем, он слабо ударил.

Впервые за последние дни начинает вырисовываться картина сил противника.

В целом расположение противника следующее.

¹ Камбург Давид Ефимович — капитан госбезопасности, начальник особого отдела 33-й армии. Родился 3 июня 1903 г. в Витебске. Член ВКП(б). Пропал без вести во время выхода из окружения Западной группировки 33-й армии. По некоторым версиям, погиб в последнем бою рядом с командармом.

Южный фронт

Неприятель всеми наличными силами 43-й¹ и 33-й армий прорвался через брешь между 4-м ак и 4-й тк и длительное время затем препятствовал их соединению.

Его цель — ввести возможно большие силы в тыл танковой армии в общем направлении на Вязьму, что частично им уже достигнуто. Для того чтобы держать открытой сравнительно узкую брешь, он использует значительные силы и подтянул все имеющиеся в наличии резервы. Сам продвигается через брешь в северо-западный район глубокого тыла, будучи вынужден поддерживать с боями свои коммуникации. Но 3.2 брешь была нами закрыта.

Район юго-восточнее Вязьмы

В указанную брешь в район Дрожжино—Лосьмино прошли 338-я и, по всей вероятности, 113-я стрелковые дивизии.

В соответствии с главным направлением наступления противник выбросил десантом некоторое количество парашютистов (части 8-й вдбр), чтобы затем выполнить главную задачу; гражданское население принуждается к вступлению в партизанское движение-или зачисляется в солдаты. По-видимому, это ему в большей степени удастся. Из показаний пленных следует, что боеспособность прорвавшихся сильно ослабленных дивизий восстанавливается из этих источников.

Район юго-западнее Вязьмы

Около двух недель накапливаются сообщения о высадке парашютистов в район южнее жел. дороги, идущей западнее Вязьмы. Всего до настоящего времени сброшено с парашютами или десантировано на землю более 20 подразделений парашютистов. Все пленные, взятые до настоящего времени, принадлежат к 8-й вдбр. По-видимому, они тоже получают значительное пополнение из партизан.

¹ Разведанные отдела 1ц 5-й танковой дивизии очень точны. Но есть некоторые промахи. К примеру, 43-я армия в прорыв не вошла. Вообще, тенденция немецких разведсводок — некоторое сгущение красок, небольшая переоценка сил противника. Видимо, это следствие недооценки наших сил в октябре—декабре 1941 г., следствием которого было поражение на ближних подступах к Москве.

Перед 5-й ТД

Расположены следующие силы арага:

338-я сд с 1134, 1136, 1138-м сп и 910-м ап выявлена в районе Лосьмино—Дмитровское—Дашковка.

160-я сд с 1293, 1295 и 1297-м сп и с др. подразделениями выявлена у Блохино.

222-я сд угадывается в районе Блохино¹.

1-я гв. кд (5-я кд) с конными полками 11, 95, 118, 131, 160, 218-м выявлена с юго-восточного направления у Подрезово—Стогово.

2-я гв. кд (9-я кд) с конными полками 34, 72, 108, 136-м также выявлена с юго-восточного направления у Мишино, Песочня.

Эти силы врага готовятся к упорным боям. Из-за больших потерь они сильно измотаны и из разрозненного состояния перегруппировываются. Пока еще стрелковый полк насчитывает 100 штыков, эскадрон кавполка большей частью состоит из 5—15 сабель. При этом они рассчитывают пополниться за счет партизан и местных жителей. Их оружие: винтовки, автоматические винтовки, пулеметы, минометы; имеется небольшое количество противотанковых орудий. Артиллерия почти полностью отсутствует и отстает из-за сильных снежных заносов.

В бою эти подразделения упорны, беспощадны и презирают смерть. Достигнутый нами местный успех взятием Дяглево, Пастихи и Михайловка может быть ими снова восстановлен.

Основные силы кавгруппы Белова после неудачи у Пастихи и Михайловки, видимо, были переброшены в юго-западном направлении. Выявлена новая 57-я кавдивизия с полками 212, 218 и 225-м. Сведения о силах неприятеля, приведенные в разведсводке № 8, подтвердились.

¹ 222-я действовала в районе Износок в составе Восточной группировки 33-й армии. В этом районе наступала, а затем держала оборону 338-я стрелковая дивизия и части 329-й стрелковой дивизии. Возможно, немцы были введены в заблуждение тем, что к ним в плен попали бойцы, ранее воевавшие в составе 222-й стрелковой дивизии. Во время обороны под Наро-Фоминском, а затем в период наступления некоторые роты, батальоны и даже целые полки продолжительное время находились в оперативном подчинении соседних дивизий.

329-я сд с полками 1110, 1112, 1114 и 613-м инженерным батальоном, как было упомянуто, после занятия шоссе Вязьма—Блохино была рассоединена со своими обозами и подразделениями снабжения, которые отрезаны восточнее Блохино. Связь со штабом поддерживается связными и разведгруппами.

Дивизия готовится с боем прорваться на восток к своим. По показаниям пленных, ранее очень сильно оторвавшийся полк численностью почти 600 человек присоединился к своей дивизии. Дивизия, штаб которой должен находиться в Панфилово, ведет бои с запада на Блохино. С востока ей помогают повторяющимися, но тщетными атаками силы русских на Блохино и на местности, расположенной севернее шоссе, с целью воссоединения.

Прибыло подкрепление 250-му вдп из частей другого пехотного полка, как стало ясно, 92-й сд, которое было высажено между 25 и 30 января возле Луги (50 км южнее Вязьмы). Численность должна составлять около 800 человек. Боеспособность личного состава полка может быть вряд ли выше, чем у 329-й сд.

338-я сд, кроме ранее упомянутых частей и подразделений, имеющая принадлежащий ей 479-й батальон, 409-ю разведроту, 425-ю роту химзащиты, и 113-я сд (стрелковые полки: 1289, 1290, 1292 и 972-й артполк) понесли большие потери в боях у Дашковка, Ястребы, Юрино 5—6 февраля. Как уже упоминалось, 338-я сд со всеми тремя стрелковыми полками 13 февраля выявлена у Ивашутино. Давление противника у Дашковки значительно ослабло. Кроме того, в районе юго-восточнее Вязьмы находятся остатки противника, о которых уже сообщалось, — части 160-й сд. Следовательно, мы имеем дело с тремя несколько ослабленными боевыми группировками противника.

Нужно считаться с тем, что они намереваются соединиться с кав. группой Белова¹. Путь к этому ведет через Блохино.

¹ Немцы конечно же боялись объединения всех действующих под Вязьмой советских группировок в одну, сильную, под единым командованием, которая могла бы выполнять согласованные операции. Этого желали и генерал Белов, и генерал Ефремов. Но об этом молчали в штабе Западного фронта. И немцы начали бить наши группировки по одной.

Общие результаты, достигнутые дивизией у Вязьмы за время с 1 по 14 февраля, выражаются в следующих цифрах.

Пленных — 180; насчитано убитых: 1800—1900.

Трофеи: 3 полевых орудия, 18 ПТО, 22 миномета, более чем 50 пулеметов, 17 автоматов, 4 ПТР, 9 автоматических винтовок, большое количество саней, полевые кухни и др. имущество.

При этом на бои у Юрино—Ястребы—Дашковка приходятся все 3 орудия, 12 ПТО, 16 минометов, 28 пулеметов, 300 винтовок и большое количество др. имущества; около 15 пленных, насчитано 800 убитых (округлено).

ТАКТИКА ПРОТИВНИКА ПРОРЫВ ПРОТИВНИКА К ВАСИЛЬКИ

1. Ход боев.

После разведывательной деятельности, предпринятой противником 28 января, начались действия отдельных штурмовых подразделений в течение 29.1 — уже была отбита атака силой до роты. Оживленные действия русских артиллерией и авиацией ведутся и теперь.

31.1, после очень сильной артиллерийской подготовки, поддержанной бортовым оружием самолетов, была успешно отбита атака противника силой до полка¹.

В ночь на 1.2 противник предпринял три атаки численностью до роты и достиг временного успеха. Контрударом положение было вновь восстановлено. Не обращая внимания на высокие потери, понесенные от артиллерийского огня и авиации, противник продолжил атаки днем и ночью, пока, наконец, не прекратил их в ночь с 3 на 4 февраля. После своего усиления 7.2.42 противник прорвал вторую оборонительную (отсечную) линию и смог взять Васильки. Теперь противник пытается накапливать живую силу, подвести танки и продолжить с этого рубежа вклинение на север и юг, а особенно на запад.

¹ А утром, после этого кровопролитного боя, когда ефремовцы напролом, перешагивая через трупы своих товарищей, лезли к Вязьме, Жуков докладывал Сталину: «33-я армия, продолжая наступление, в 10.00 31.01.1942 передовыми частями Западной группировки армии овладела Дашковкой (7—8 км юго-восточней Вязьмы), развивая наступление на северо-запад».

2. Поведение противника.

Прорыв у Васильков в своем временном развитии и применении тактики характерен для русского наступления против оборудованной обороны. При этом следует особо отметить:

- а) наступление русских начинается активными действиями разведывательных и штурмовых групп;
- б) характерной является концентрация артиллерии, особенно там, где противник слаб;
- в) неиспользование авиации против наших объектов;
- г) постоянное повторение однообразных атак днем и ночью, несмотря на сильные потери, при этом другие участки фронта оголяются.

3. Мероприятия против прорыва русских:

- а) отсечение прорвавшегося противника недостаточно, его необходимо немедленно уничтожить контрударом;
- б) для этого следует постоянно держать наготове группу для контрудара за линией фронта; своевременно подтянуть предназначенные для этого силы с других спокойных участков фронта; для всего этого, как показывает ход боев, требуется время;
- в) объединить огонь возможно большего количества артиллерии; стоит своевременно занять исходное положение к наступлению для уничтожения и одновременно перекрытия места прорыва русских.

В трофейном приказе одной русской армии приведены особенности боевых действий: «Главное новое состоит в том, что бои, в сущности, ведутся вне дорог. На холоде, среди снежных заносов, широко использовать обходы, охваты, а также окружение противника с целью его уничтожения и захвата его вооружения».,

Были сформулированы следующие требования: упорядочить ведение боя, определить направление главного удара; внезапность и стремительность наступления; атака должна вестись не фронтально, а главным образом против флангов противника, и в первую очередь против флангов противника, против занятых противником господствующих участков местности; тесное взаимодействие пехоты и артиллерии; обеспечение разведкой и связью — основа успеха.

Много раз наблюдалось, что противник в своем расположении разворачивает работы по сооружению снежных

коридоров, которые не просматриваются наземным наблюдением. Поэтому следует использовать наблюдение с деревьев и с занимаемых постоянно высот.

4. Показания пленных.

Из показаний пленных о настроениях населения при продвижении русских по вновь занятым ими районам следует, что население, которое пострадало от реквизиций, произведенных немецкими солдатами, высказывается о них отрицательно. При этом оно вполне понимает необходимость войсковых реквизиций. Однако оно и само без скота жить не может.

Следует заметить, что при «диких» реквизициях отдельные солдаты население не щадят, русские могли бы даже с похвалой высказываться по поводу обращения с населением немецких войск».

К этому времени немцы сперва блокировали в районе шоссе Москва—Минск, а затем отбили от Вязьмы 11-й кавкорпус и принялись за беловцев, ефремовцев и десантников. Таким образом, произошло следующее: кавалеристы Калининского фронта атаковали подступы к городу на несколько дней раньше. После того как они отошли под ударами контратакующих немцев, свои попытки взять Вязьму начали 33-я армия и кавкорпус генерала Белова. Вот почему Жуков гнал Ефремова и Белова в район сосредоточения, ставя такие невыполнимые задачи — марш по 50—60 километров в сутки. Жуков видел свое. Ефремов и Белов — свое. А солдаты в окопах под Дашковкой и Васильками — свое.

Под Вязьму, кроме уже упомянутой 5-й танковой, немцы пребросили 11-ю танковую. Тут же находились части 203, 246, 98, 225, 23-й пехотных дивизий и 20-й танковой дивизии, а также полк СС и штрафной офицерский батальон. Немцы использовали инженерные и фортификационные сооружения, построенные нашими оборонявшимися частями летом—осенью 1941 года. В сохранившихся дотах установили пулеметы.

4 февраля 33-я армия и 1-й гвардейский кавкорпус провели совместную операцию. В ночь на 4 февраля части 113-й стрелковой дивизии скрытно, без артподготовки, под покровом ночи подошли вплотную к немецким позициям возле опорного пункта деревни Песочня. В это же время левее пошли в атаку кавалеристы. Немцы открыли огонь. Ата-

ки следовали одна за другой. Но ни одна из них успехом не увенчалась. Генерал П.А. Белов впоследствии писал в своей книге «За нами Москва»: «Ожесточенный бой длился несколько суток и стоил нам больших жертв, каждая наша атака встречалась сильным артиллерийским и минометным огнем. На поле боя то и дело появлялись фашистские танки. Немецкая авиация с утра до вечера бомбила и обстреливала нас».

Таким образом, нашим частям не удалось пробить немецкую оборону и ворваться в Вязьму.

Историки и военные, размышляя об итогах Ржевско-Вяземской операции 1942 года, в один голос твердят следующее: если бы даже Ефремову и Белову удалось взять Вязьму, удержать ее было бы еще труднее. Правда, в штабе Западного фронта в это время рассчитывали на то, что, если Ефремову, Белову, Казанкину и Соколову удастся взять Вязьму, немецкий фронт под Юхновом и Ржевом распадется сам собой. Как бы не так. Немецкий фронт даже под Берлином не распался, его пришлось прорывать и уничтожать боем.

Но судьбе было угодно провести 33-ю армию по пути самых тяжелых страданий и потерь.

Глава 13

ОКРУЖЕНИЕ

Немцы закрывают коридор. Полк СС действует. Немедленная реакция командарма. Майор Жабо пытается спасти положение. Покаяние комбрига Онуприенко. Пленные немцы показывают, что и они на пределе. План Руоффа. Боевая группа «Тома». Голод. Дивизии пополняются за счет партизан, местного населения и «зятьков». Пьяный генерал Кондратьев подписывает приказ. Немцы присылают ультиматум. Боевой участок «Износки». 43-я должна была помочь, но не помогла. Жуков выговаривает генералу Голубеву, но ничего не делает для генерала Ефремова. Схватка Ефремова с Жуковым. «Я — начальник, ты — дурак». Честь и достоинство выше орденов и Звезд

В те дни, когда дивизии 33-й армии своими передовыми полками буквально бежали к Вязьме, чтобы с ходу вступить в бой на рубеже Юрино—Дашковка—Мелихово, немецкие

танки и мотопехота уже выходили на исходные в районах станции Угрюмово, сел Ивановское, Захарово, Савино. В операции по ликвидации коридора участвовали: с севера — 183-я пехотная и 20-я танковая дивизии; с юга — 4-й полк СС. Бой продолжался всю ночь и весь день. 3 февраля в 20.40 в штаб группы армий «Центр» поступило донесение о том, что русских удалось потеснить.

Фланги в основании коридора держали несколько батальонов и отрядов. Группа подполковника Витевского из 9-й гвардейской стрелковой дивизии, имевшая приказ держать Захарово и окрестности, потеряла опорный пункт и отошла в район Колодезей на соединение с основными силами. Батальон 266-го стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии отошел к Савину, а затем был загнан в лес восточнее Коркодиново. Батальон 1134-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии, усиленный минометным взводом, отошел к Пинашину. В Пинашине в это время находился отдельный батальон особого назначения майора В.В. Жабо. Майор Жабо подчинялся напрямую комфронтом, боевые задания получал непосредственно из штаба фронта.

Из журнала боевых действий 33-й армии: «3.2.42. Противник силою до 200 человек в 2.00 атаковал с юга Захарово и, потеснив батальон 266 сп, занял его. В дальнейшем, при поддержке 3-х танков и авиации, повел наступление по магистрали Гжатск—Юхнов одновременно с юга и севера и к исходу дня, кроме Захарово, овладел Савино, Пинашино, перехватив пути сообщения главной группировки армии. Один батальон 266 сп и 1293 сп принимают меры к ликвидации противника в этом районе...»¹

Командарму.на НП в Красном Холме, где он занимался разработкой операции по прорыву обороны на подступах к Вязьме, доложили о происшедшем в тылу у Западной группировки. Он мгновенно отреагировал. 9-ю гвардейскую у него забрали. Кроме нее, более или менее боеспособной оставалась 93-я дивизия генерала Эрастова.

В 4 часа утра за подписью начальника штаба армии генерала Кондратьева в 93-ю поступило боевое распоряжение:

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 26. Л. 60.

«По непроверенным данным, противник занял Захарово.

Командарм п р и к а з а л :

1. 1293 сп сменить частями 93 сд, полк направить в распоряжение командира 160 сд.

2. Командиру 1293 сп из р-на Буканово немедленно выступить по маршруту — Малиновка, Гриденки, Белый Камень, Савино, выбить противника из Захарово, восстановить положение, после чего продолжать продвижение в р-н сосредоточения 160 сд, где и поступить в подчинение командира дивизии».

Таким образом, командарм хотел очистить коридор и распереть войсками его фланги для осуществления коммуникации.

Но то, чего немцы в первые сутки достигли с тремя танками, они уже удерживали с восемью. И постоянно, с каждым часом наращивали свои силы, увеличивая ширину фронта блокады. Начала действовать штурмовая авиация. Активно применялась артиллерия и минометы.

Был момент, когда все еще можно было поправить. Майор Жабо поднял по тревоге свой батальон и совместно с 1134-м полком 338-й стрелковой дивизии и минометным взводом принял бой. В середине дня 3 февраля к месту боя прибыл генерал В.А. Ревякин. Он был направлен сюда комбригом Онуприенко, который в это время фактически командовал восточными дивизиями 33-й армии, так как генерал Кондратьев пребывал в жестоком запое. Бой длился 15 часов. Потери были большими с обеих сторон. Немцы подводили все новые и новые резервы. Генерал Ревякин вскоре приказал подчиненным ему подразделениям отойти к Белому Камню.

Майор Жабо доносил в штаб фронта на имя Жукова:

«Доношу, что 29.01.1942 получил от Вас лично задачу. Батальон в составе 294 человека 2 февраля 1942 года выступил из штаба 33-й армии к линии фронта на выполнение поставленной задачи. В 2.00 3 февраля 1942 года батальон достиг деревни Пинашино, где было сообщено, что противник (в каком составе — неизвестно) занял деревни Воскресенское и Савино, перерезав коммуникацию 33-й армии к наступающим ее соединениям. Учитывая важность данной дороги, отсутствие войск от деревни Износки до

деревни Пинашино, я решил отклониться от поставленной задачи и в 3.00 3 февраля 1942 года вступил в бой с противником, имея целью:

1. Очистить дорогу от противника и дать возможность движения по ней транспорта 33 А;

2. Не дать возможности противнику напасть на штаб 33 армии;

3. Уничтожение противника, т. к. имел сведения, что в данном районе он немногочислен.

Бой длился в течение 17 часов, т. е. до 20.00 3 февраля 1942 года. Общее руководство я принял на себя, т. к. в Пинашино, кроме моего батальона, находился батальон 1134 сп 338 сд, состоящий из 60 человек, и минометного взвода 120-мм минометов. В 12.00 на мой КП прибыл генерал-майор В.А. Ревякин, который возглавил ведение данной операции до конца боя. К исходу дня пришлось по приказу генерал-майора Ревякина отойти из деревни Пинашино в деревню Белый Камень.

Как я впоследствии выяснил в разведотделе 33 армии, против нас действовал 4-й полк СС, усиленный пятью танками и мощной авиацией, т. е. в один полет действовало до 17 самолетов штурмовой и бомбардировочной авиации, действовавшей в течение целого дня. Кроме того, против нас действовали отдельные группы финнов силою 20—30 человек каждая. Результаты боя: противник на рубеже Воскресенское, Савино был остановлен на 17 часов. Подбит один танк».

Владимир Владиславович Жабо — личность легендарная. Ему было в то время 32 года. В РККА с 1929 года. С октября 1941 по февраль 1942 года командовал отрядом особого назначения, который действовал на оккупированной территории. В ноябре 1941 года он со сводным отрядом красноармейцев и партизан совершил налет на штаб 12-го армейского корпуса 4-й полевой армии немцев в с. Угодский Завод. Это — родина Г.К. Жукова. Теперь — город Жуков. В феврале 1942 года отряд особого назначения развернут в полк. Впоследствии Жабо командовал 4-й воздушно-десантной бригадой, затем 3-й гвардейской мотострелковой дивизией, 49-й механизированной бригадой. Погибнет он 8 августа 1943 года в бою за деревню Дуброво Хотынецкого района Орловской области в ходе Курской битвы.

Именно о таких, как Владимир Владиславович Жабо, в конце войны говорили — офицер во славу русского оружия.

Мне думается, что если бы боем под Пинашином командовал не генерал, а майор, то исход мог бы быть иным.

Из оперативного отдела штаба 20-й танковой дивизии вермахта в штаб 20-го армейского корпуса ушла телеграмма:

«1. За период с 23.1 по 1.2.42 г. 20-я танковая дивизия приняла на себя защиту южного фланга 4 танковой армии, при этом в ожесточенном бою она расширила предместное укрепление и занимает положение: Истра до линии Мал. Ивановское—Букари-Тулизово, и захватила населенный пункт Буканово.

2. 2.2—3.2.42 г. 20-я танковая дивизия атакой на юг установила связь 4 танковой армии с 4 армией и отрезала части противника, пробившиеся на запад. В ожесточенных боях, с большими потерями, против русской 9-й гвардейской дивизии противник был отброшен с позиции Малое Ивановское, Пинашино и Савино.

3. За период с 4.2 по 26.2 20-я танковая дивизия в районе по обе стороны и севернее Пинашино отбила большое количество атак противника, проводимых превосходящими силами соединений русских 33-й и 43-й армий, и одновременно расширила плацдарм к 4-й армии в тяжелых местных боях до реки Угра по обе стороны Прудки. Несмотря на ожесточенные атаки при поддержке танков, русским не удалось восстановить потерянную связь со своими отрезанными дивизиями.

4. После того как 20-я танковая дивизия 26.2.42 г. на своем западном участке заняла исходные позиции для атаки на запад, она повернула на восток для ликвидации русского прорыва в районе Гречищенки. Здесь также в упорных боях ей удалось отбить численно превосходящие атаки противника и помешать ему вновь объединиться с прорвавшимися дивизиями.

За этот период времени было получено пополнение лишь 1151 человек, из них 8 офицеров. Противник за этот же период времени понес значительно большие потери».

Таким образом, операция по отсечению Западной группировки 33-й армии и расширению фронта блокады немцам тоже обошлась дорого. Но наши потери были все же несоизмеримо большими. А впереди была гибель всей группировки, в том числе и двух генералов.

Летом 1942 года, когда шло разбирательство по поводу причин гибели Западной группировки 33-й армии, комбриг Онуприенко в личном письме генералу Жукову писал:

«По прибытии в штаб 33 армии бывший член Военного совета М.Д. Шляхтин мне передал: «Командарм приказал Вам лично заняться ликвидацией северной группировки противника». Эта задача мною была выполнена силами 222-й и 110-й стрелковых дивизий. Считаю своей ошибкой, что по прибытии в штаб я лично не проверил, как надежно прикрыт стык и коммуникации со стороны 43-й армии, а поверил докладу и сводкам, что 43-я армия в двух местах перерезала дорогу Гжатск—Юхнов.

Правда, к этому времени основную опасность составляла северная группировка противника, т. к. там он был на удалении 3-х и даже 2,5 км от коммуникации. В дальнейшем, когда противник захватил Захарово и Пинашино, необходимы были мои самые решительные и немедленные меры по его ликвидации.

Перед Вами и страной я в большом долгу за 33-ю армию; я этого никогда не забываю...»¹

«Перед Вами...» — это значит перед Жуковым. Да, перед командующим Западным фронтом Онуприенко, несомненно, виноват — не обеспечил коридор для ушедших на запад четырех дивизий. Не выполнил приказ командарма. Можно предположить, что комбриг и в скором времени генерал Онуприенко не раз мысленно просил прощения у своего бывшего командарма...

О том, как быстро начала ухудшаться обстановка в окруженной группировке, читатель сможет узнать из воспоминаний бойцов и командиров, которые претерпели все эти муки. Воспоминания публикуются в приложении. Но о некоторых фактах здесь все же необходимо сказать.

¹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 101. Л. 875-878.

Бои не прекращались. Это увеличивало потери убитыми и особенно ранеными. Лазареты переполнялись также больными и обмороженными. Стояли сильные морозы. Списочный состав дивизий начал быстро сокращаться. К середине февраля, к примеру, 113-я стрелковая дивизия насчитывала всего 1724 человека. На вооружении дивизии числилось: 1105 винтовок, 34 автомата ППШ и ППД, 14 ручных и станковых пулеметов, 6 минометов. Не хватало медикаментов, бинтов. Как вспоминают очевидцы, у жителей окрестных деревень не осталось ни одной простыни — все пошло на перевязочные материалы. Начали сокращать продуктовое довольствие. Поштучно выдавали патроны.

Справедливости ради надо сказать, что и у противника дела шли уже не столь блестяще. В середине февраля в районе Замыцкого сторожевой пост 113-й стрелковой дивизии задержал нескольких немцев, шедших под дороге прямо на их секрет. Они оказались из 7-й роты 21-го пехотного полка 17-й пехотной дивизии противника. Во время допроса один из перебежчиков показал следующее:

«21 пп имеет задачу оборонять д. Березки. Полк двухбатальонного состава, в каждом батальоне 3 стрелковые роты и по 3 станковых пулемета. Численность каждой роты — 50 человек. Полком командует полковник Прей, 2-м батальоном — обер-лейтенант Гейер, 1-м батальоном — лейтенант (фамилии не знает), 7-й ротой — фельдфебель Вютнер.

В 7-й роте более половины солдат не имеют шинелей и вынуждены завертываться в одеяла. Ежедневного пайка не хватает. Унтер-офицеры еще раньше пугали всех русским пленом, но мы с товарищами все-таки решили сдаться в плен и пришли к вам сами».

Западная группировка была уже отрезана. Уже обречена. И тем не менее немецкие солдаты сдавались в плен. Устали. Устали воевать. Немцы тоже были на пределе. Командующий 4-й танковой армией генерал Руофф 9 февраля телеграфирует в штаб группы армий «Центр»:

«Фронт, построенный для охраны города Вязьма и железной дороги западнее Вязьма, который почти сплошь имеет соприкосновение с противником, составляет в настоящее время около 120 км. Здесь в распоряжении танковой армии, кроме обозных частей, имеется:

9 отчасти очень слабых пехотных и стрелковых батальонов, 5 батальонов охраны с несколькими тяжелыми орудиями и небольшой, отчасти неподвижной артиллерией. Два лыжных батальона переводятся сюда маршем. В противоположность этому до сих пор отмечены следующие силы противника:

на севере: группа Горина в составе 18, 24 и 82-й кавалерийских, 107-й моторизованной дивизий. Последний имеет даже 7 танков 52 тонн, которые в настоящее время являются неподвижными ввиду нехватки горючего;

на юге и востоке: 8 парашютная бригада в составе четырех батальонов.

1 гвардейский кавалерийский корпус (Белов) с 1-й, 2-й гвардейскими кавалерийскими дивизиями, 57-й, 41-й кавалерийскими дивизиями и, возможно, согласно донесениям агентов, еще 2-я гвардейская танковая бригада, основные части 338, 113, 329-й стрелковой дивизии и тылы 160-й дивизии, 250-й воздушный полк. Кроме того, имеются неконтролируемые группы партизан. При приблизительной оценке пехотные силы этих соединений должны составлять около 12 000 человек. По сравнению с этим численность наших пехотных соединений (без обозных частей) составляет 7000 человек.

Это численное соотношение сил является для нас неблагоприятным.

Русские силы являются более подвижными в зимних условиях и имеют отличных связистов и разведчиков, которые в своей стране очень быстро ориентируются и информируют о наших медленно осуществляемых передвижениях войск.

Этот недостаток не может быть полностью компенсирован тем, что русские имеют очень мало артиллерии. Но, несмотря на это, возможно, что отдельные группировки противника будут разбиты одна за другой. Для этого необходимо, однако, помешать русским в переброске новых сил и снабжении воздушным и сухопутным путем. Согласно имеющимся до сих пор неоднократным донесениям, русские, главным образом воздушным путем (десант) в районе Луги, а также сухопутным транспортом через Богородицкая, постоянно получают подкрепления людьми и, предположительно, различной матчастью.

4-я танковая армия со своими силами не в состоянии пресечь этот приток в корне, так как обе базы подвоза находятся далеко за пределами ее участка.

Поэтому следует убедительно требовать, чтобы армия как можно скорее приняла на себя эту задачу. С другой стороны, достаточное охранение района Вязьма ставится под вопрос, а окончательное очищение этого района вообще является невозможным».

Командующий 4-й танковой армией видел проблему, надо признать, глубоко и широко. Опасался русских танков, которые к Вязьме так и не пришли. Опасался объединения и согласованных действий русских, чего так и не произошло. И сразу же понял, что «отдельные группировки противника будут разбиты одна за другой». Что впоследствии немцы и сделали. Разгрома избежал только 1-й гвардейский кавкорпус генерала Белова. Можно предположить, что вышеприведенная телеграмма генерала Руоффа вскоре легла в основу плана ликвидации окруженных.

Задача у немцев была не из легких. Необходимо было удерживать и внешний фронт, и внутренний. Ведь и Восточная группировка 33-й армии, и 43-я армия продолжали попытки прорваться к окруженным. Для устранения угрозы прорыва с востока и юга в угрожаемом участке фронта на стыке 4-й полевой и 4-й танковой армий группа армий «Центр» сформировала боевую группу «Тома». В нее вошли: 17-я, 255-я пехотные и 20-я танковая дивизии.

А для окруженной Западной группировки 33-й армии начался период выживания. Атаки на Вязьму вскоре были прекращены. И по причине бесперспективности, и по причине того, что атаковать было уже нечем и некуда.

Почти весь февраль командарм удержал свои дивизии на прежних рубежах. В этот период в штабы дивизий уходили жесткие и краткие приказы, суть которых сводилась к одному: держаться.

Солдат — это не боевая машина с винтовкой в отрытом окопе. Солдат еще и человек. Обыкновенный человек, организм которого требует отдыха, сна, еды, крыши над головой, тепла. Случались периоды, когда бойцы не смыкали глаз по двое-трое суток. Почти все дома в деревнях были

разбиты или сожжены. Начались перебои с продовольствием, которые в марте переросли в голод.

В начале апреля, когда окончательно стало ясно, что дни окруженных сочтены, начальник особого отдела НКВД Западного фронта комиссар государственной безопасности 3-го ранга Л. Цанава на основании докладов своих сотрудников сделал спецсообщение начальнику Управления особых отделов НКВД СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга В.С. Абакумову:

«За последнее время положение частей ударной группы 33 армии стало еще более затруднительным. Отрезанность ее от баз снабжения чрезвычайно осложнила положение со снабжением боеприпасами, продовольствием и лишила возможности частям группы пополняться личным составом.

В результате такого положения значительная часть артиллерии законсервирована из-за отсутствия горючего и боеприпасов.

Потери с 1.02 по 13.03.1942 года составляют:

убитыми — 1290 человек;

ранеными — 2531 человек.

Пополнение личным составом не производится. Особенно напряженное положение со снабжением частей группы продовольствием. Питание личного состава состоит из небольшого количества разваренной ржи и конины. Соли, жиров и сахара совершенно нет. В 338-й сд личному составу выдается разваренная рожь и жидкий суп. 13 и 14 марта бойцы 1297 стр. полка 160-й сд получили по 60 грамм сухарей и бульон из конины. На почве недоедания участились случаи заболевания бойцов. В 160-й сд зарегистрировано более 40 случаев кишечно-желудочных заболеваний. В 338-й сд имеются бойцы, у которых от недоедания появилась опухоль. В ночь на 15 марта 1942 года в 1138 стр. полку умерли от истощения два бойца.

На посту от истощения замерз боец из артподразделения.

В отряде полковника Кириллова¹ из 160-й сд с 10 по 15 марта 1942 года имело место 6 случаев освобождения са-

Кириллов в тот период имел звание подполковник.

нитарной частью бойцов от несения службы вследствие сильного истощения».

Надо признать, что ведомство Абакумова располагало довольно точными данными. Неокругленные цифры потерь — свидетельство того, что здесь оперировали правдивой информацией.

Основным видом транспорта в окружении были лошади. Машины стояли на приколе с начала февраля. Лошадь горючего не требует, но ее надо кормить. 27 февраля в оперативной сводке из 329-й стрелковой дивизии в штабм общалось буквально следующее:

«Настоящим доводим до Вашего сведения, что в районе расположения гарнизонов боевого участка 329 сд все внутренние ресурсы фуража для конского поголовья использованы полностью и в настоящее время конское поголовье находится фактически без кормов (на озимой соломе). Такое положение привело к сильному истощению всего конского поголовья нашей дивизии и уже начался падеж конского поголовья от истощения, в частности 26.2.42 г. в транспортной роте 2 сп пала 1 лошадь, 27.2.42 г. 2 лошади, аналогичная картина и в других подразделениях нашей дивизии. Фактически конское поголовье на 45—50% неработоспособное.

Всего в районе расположения боевого участка 329-й сд имеется 914 лошадей.

Просим принять все зависящие от Вас меры в обеспечении конского поголовья фуражом.

По данным нашей разведки, в районе расположения гарнизонов капитана Майницкого имеются большие запасы сена, поэтому просим Вас ходатайствовать перед командованием нашей армии о выделении нам фуража из запасов гарнизона капитана Майницкого или из других Вам известных источников»¹.

Майницкий был из «зятьков» — окруженцев, обосновавшихся здесь с октябрьского окружения 1941 года. Отряд его занимал несколько деревень. Он провозгласил себя здешним атаманом и не пускал на свою территорию ни немцев, ни бойцов 33-й армии. (Подробно о нем см. воспоминания

командира партизанского отряда «Народный мститель» В.И. Ляпина.)

Каждый день шли бои. Каждый бой редко обходился без потерь. Потери, потери, потери. Не убитыми, так ранеными. Роты таяли, как апрельский снег. В селах и деревнях, которые заняла 33-я армия, в это время находилось много мужчин призывного возраста. Некоторые вернулись домой из окружения. Некоторые осели в селах и деревнях «зятками» после минувшей осени, когда здесь были уничтожены, пленены и рассеяны десятки советских дивизий. Кроме того, в лесах активно действовали партизанские отряды и группы. 12 февраля командарм издал приказ, в котором говорилось:

«1. В целях укомплектования частей за счет красноармейцев, командиров и партизан, которые организованно укрывались в тылу противника, и мобилизации местного населения в возрасте от 18 до 45 лет для укомплектования тыловых частей ИЗ, 160 и 338 сд приказываю:

а) в каждой дивизии создать комиссию;

б) на дивизионные комиссии возложить обязанности... отмобилизования лиц, пригодных для укомплектования частей и тылов дивизии;

в) оружием и обмундированием обеспечить всех отмобилизованных за счет резервов дивизии, местных ресурсов и госпиталей;

г) граждан, предусмотренных настоящим приказом, но проживающих в населенных пунктах, занятых противником, всеми мерами призвать на активную борьбу с немецкими захватчиками.

2. Комиссиям к работе приступить немедленно и закончить не позднее 17 февраля сего года»¹.

В работу по призыву мужского населения для пополнения 33-й армии активно включились и местные органы власти, которые тут же начали налаживать жизнь. Заместитель председателя Темкинского райисполкома А.А. Ковзун, председатели местных колхозов И.А. Тимофеев, Я.А. Сорокин, Н.Ф. Шибалин, И. Власов, руководитель партийного актива Знаменского района Ф.Ф. Зимонин тут же при-

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 82. Л. 159.

ступили к организации снабжения армии продовольствием и фуражом, а также к расчистке дорог от снежных заносов. В деревнях нашлись механики и оружейники, которые ремонтировали военную технику и оружие. Крестьяне занимались перевозками, транспортировкой раненых. Многие тяжелораненые были расквартированы в домах местных жителей. Здесь их лечили, поднимали на ноги.

Но положение ухудшалось с каждым днем.

Командарм бывал в дивизиях и полках, наблюдал за действиями своих передовых подразделений. Однажды в 160-й дивизии подошел к полевой кухне и попросил повара налить ему в котелок солдатской похлебки. Командарму подали ложку. Он начал хлебать. И вдруг спросил повара:

— Почему похлебка дегтем пахнет?

Повар помялся-помялся и сказал, что заварена она на картофельных очистках. Туда же мелко нарезаны конские гужи.

— А что говорят солдаты? — спросил генерал.

— Солдаты довольны, — ответил повар.

Командарм дохлебал похлебку и сказал:

— Ну, ничего, покончим с немцами и будем кормить людей как положено.

Ефремов видел, что в лесах, где стояли в обороне роты его армии и в тылах, обломаны все макушки сосенок — люди жевали молодую хвою, чтобы хоть как-то поддержать слабеющий организм. Наблюдать за тем, как голод, нехватка боеприпасов, холода и угнетенная атмосфера блокады уничтожают его армию, командующему было невыносимо. А тут еще сразу в нескольких дивизиях вспыхнул тиф.

19 февраля Ефремов обращается к Жукову с просьбой наладить переброску в окруженную группировку лыжных батальонов. Дело в том, что в эти дни партизаны лесными укромными дорогами сделали несколько поездок в Износки, вывезли некоторое количество раненых, а назад вернулись с продовольствием, боеприпасами, медикаментами и оружием. По этому же маршруту прибыл офицер связи от Жукова. И он телеграфировал комфронтom:

«1. Нет сил наносить удар на восток, но есть возможность по маршруту от вас посланного Героя Советского Союза Харитонова провести к нам части на лыжах.

2. Вне населенных пунктов по лесам на лыжах к нам пройти возможно. С этим надо спешить, пока нас отделяют 3 (три) километра».

Жуков раздраженно ответил: «Мы не можем нормально питать Вас, а Вы предлагаете еще подать к Вам части. Это несерьезно с Вашей стороны.

До тех пор пока пути не будут открыты, части пройти не могут. Пролод лыжников и пускать части — это две вещи разные»¹.

Жуков стоял на своем. На своем стоял и Ефремов.

Поражение — тяжелое испытание для полководца. В это время, когда он окончательно осознает невозможность иного исхода, кроме гибельного, судьба посылает ему искушение бегством. Потом это можно назвать как угодно: эвакуацией, отступлением и т. д. Но поражение выявляют у полководца и сильные стороны его и полководческого дара, и человеческого характера. Неизвестно, какие мысли и образы витали в его сознании в те дни, когда обстоятельства погружали его в размышления о судьбе армии и своей собственной судьбе. Вспоминал ли он толстовского капитана Тушина, до конца упорно стоявшего на своей позиции? Думал ли он о погибшем комкоре Петровском, который в августе минувшего года не выполнил его, Ефремова, приказ и не вылетел из окруженной группировки на самолете?

У командарма было еще несколько разговоров с комфронтом. Во время одного из них, как вспоминает шифровальщик штаба лейтенант И.В. Якимов, они перешли на мужской тон. После того разговора Ефремов, положив трубку, сказал: «Тебя бы сюда хотя бы на недельку...»

Видимо, после этих переговоров с Жуковым Ефремов понял, что он, командарм, остался со своими солдатами один на один с врагом, который к тому времени превосходил его таюшие дивизии кратно. Начался период жестоких приказов. Вот один из них, датированный 19 февраля:

«Сегодня личной проверкой боевой готовности частей 338 сд убедился, насколько низка боевая дисциплина в этой дивизии.

¹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 157. Л. 358.

Как можно допустить, чтобы боевое оружие, находившееся на огневых позициях, не было готово к открытию огня? Как можно допустить, чтобы командиры и комиссары частей и подразделений оставляли свои места в бою и уходили в тыл? Так преступно поступили командир 1138 сп — капитан Мысин и командир роты — младший лейтенант Солодов.

При наличии в подразделениях весьма ограниченного количества людей в 338 сд, в ближайших тылах можно увидеть очень многих бойцов, командиров и политработников вне боя, без дела. Даже парторганизация умудрилась в момент боя созвать партсобрание.

И неудивительно, что 17.2 1138 сп в панике отошел от занимаемых позиций.

5. В 160 сд 18.2 имел место вопиющий факт дезертирства с поля боя командира минометной батареи — лейтенанта Толмачева и политрука Холстинникова, в результате чего брошенный ими на произвол судьбы отряд в составе 54 человек в неравном бою потерял 43 человека.

6. В сложных условиях боя потеря чувства ответственности, паникерство и упадничество руководителя равносильно предательству. Большевик тем и отличается, что он не боится трудностей, смело идет вперед, преодолевая трудности.

П р и к а з ы в а ю :

8. Мобилизовать весь личный состав и всю боевую технику на борьбу с врагом; вести самую решительную борьбу с паникерами, нытиками, предателями; навести большевистский порядок во всех подразделениях, частях и в тылу.

9. Лейтенанта Толмачева, политрука Холстинникова, капитана Мысина и младшего лейтенанта Солодова арестовать и предать суду Военного трибунала»¹.

По стилю видно, что приказ продиктован по горячим следам увиденного и пережитого. Армию необходимо было удерживать от распада. И Ефремов держал ее, в том числе и крайними мерами.

Тем временем Восточная группировка 33-й армии продолжала попытки атаковать немцев в районе Пинашина с

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 59. Л. 74-75.

целью деблокады своей Западной группировки. 19 февраля в упорном бою, в ходе которого обе стороны понесли большие потери, в том числе и в танках, батальоны 266-го и 129-го полков 93-й стрелковой дивизии ворвались на окраины Пинашина. Но удержаться там не смогли. Стрелкам помогала армейская авиация. Было сделано 24 самолето-вылета. Артиллерия выпустила 828 снарядов. Потери: 298 раненых. По поводу числа убитых в донесении сказано: «Данные о числе убитых могут быть уточнены только при светлом времени...» Как будто не было списков рот и батальонов, участвовавших в бою, а надо считать убитых по черным бугоркам в поле перед Пинашином... Далее в донесении: «Части дивизии до 4-х раз поднимались в атаку. Но каждый раз были прижаты к земле сильным арт, мин. и пуль, огнем. Танки 5 тбр (2 Т-34), ходившие в атаку на Пинашино, в результате боя имеют потери: 1 Т-34 — сгорел; 1 Т-34 — разбита башня прямым попаданием снаряда большого калибра, Т-26 подбит. Остальные танки участия в атаках не принимали, так как разбитые танки (Т-34 и Т-26) закрыли вход на окр. Пинашино».

Среди причин, которые препятствовали выполнению приказа по взятию Пинашина, генерал Эрастов называл следующие: основная масса солдат, брошенных на Пинашино, состояла из необученного пополнения, которое прибыло в дивизию накануне боя, и не была обучена хотя бы стрельбе из винтовки и метанию ручных гранат, отсутствие командного состава взводного и ротного звена, боязнь арт-огня. «Командиры не могли поднять залегших под огнем противника бойцов и повести их в атаку. Многие командиры, поднимавшие бойцов для броска в атаку, были вынуждены ходить от бойца к бойцу, в результате чего огнем противника были выведены из строя». Далее:

«Противник с момента накапливания частей на исходном рубеже создал перед передним краем своей обороны сильный НЗО из арт-, мин- и пулюгня, не позволяя пехоте подняться для броска в атаку и отсекая пехоту от наступающих танков. Засечь ОП артиллерии и минометов противника для их подавления не представлялось возможным ввиду отсутствия средств разведки в артчастях дивизии. Большинство стреляющих арт. и мин. батарей противника

вело огонь с участков соседней (особенно из района Игнатьево, Ивановское, Букари), которые одновременно с нами наступление не вели, чем давали противнику возможность концентрировать свой огонь в районе Пинашино.

Задачу по овладению Пинашино продолжаю выполнять вне зависимости от причин, указанных выше, принимая самые жесткие меры против трусов и шкурников, не желающих продвигаться вперед.

Для оказания помощи командирам частей в выполнении задачи в части брошены все наличные силы командиров штаба и политотдела.

Части дивизии вновь атакуют Пинашино в 8.00 20.02.42 г.

Прошу приказаний соседу справа о более активных действиях на своем участке для сковывания противника»¹.

Но и на следующий день опорный пункт Пинашино взять 93-й не удалось.

В середине 80-х годов теперь уже прошлого века я побывал в тех местах. Застал очевидцев тех страшных боев. Старик, бывший железнодорожный стрелочник, рассказывал, что, когда наступила весна 1942 года и начал таять снег, убитые вытаивали тремя слоями. Они лежали буквально друг на друге перед деревушкой Пинашино. А теперь ее уже и нет на свете, той деревни, за которую погибли сотни бойцов 93-й стрелковой дивизии.

Комбриг Онуприенко — это можно понять по ходу и характеру боев, которые все эти дни и месяцы шли под Угрюмовскими высотами, Пинашином и Захаровом, — пытался пробиться к окруженным, чтобы исправить свою первоначальную ошибку, которая оказалась роковой. Но ничего у него, одного с тремя слабыми дивизиями, не вышло.

А генерал Кондратьев в это время беспробудно пил.

2 апреля 1942 года член Военного совета 33-й армии М.Д. Шляхтин телеграфировал в штаб Западного фронта: «Кондратьев продолжает пьянствовать. Сегодня напился до того, что работать был не в состоянии».

6 апреля 1942 года руководитель комиссии, присланной специально для проверки работы генерал-майора А.К. Кон-

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 77. Л. 207-209.

дратьева, начальник Политуправления Западного фронта В.Е. Макаров в итоговом документе по результатам работы комиссии записал: «Кондратьев совершенно разложился. Человека, которому можно было бы поручить руководство штабом, сейчас нет. В интересах дела считаю необходимым Кондратьева немедленно снять и прислать из фронта человека на должность начальника штаба армии. Безобразий в штабе много».

11 апреля новый член Военного совета армии Р.П. Бабийчук, прибывший в Износки вместо Шляхтина, характеризовал начштаба так: «В работе вял, совершенно безынициативен; работой отделов товарищ Кондратьев не руководит. В результате работа оперативного отдела поставлена плохо, еще хуже — работа разведотдела. Состояние этой работы в частях совсем плохое. Кондратьев систематически бывает пьян. 6 марта 1942 года он в пьяном виде подписал явно невыполнимый боевой приказ. В результате части понесли ненужные потери. 3 апреля 1942 года он явился на доклад к бывшему члену Военного совета Шляхтину при сильном опьянении, а на следующий день это категорически отрицал. О пьянстве и безделье Кондратьева знают все в штабе и частях, в силу чего авторитета Кондратьев никакого не имеет».

Имея под рукой ежедневные сводки боевых действий, можно посмотреть, что же происходило в окопах и на снежных полях под Износками и под Вязьмой в те дни, когда подписывал свои «Пьяные» приказы Кондратьев.

6 марта 1942 года: полки 110-й, а также 24-й лыжный батальон атаковали в направлении высоты 164,0 в районе Игнатьева; на рубеже реки Истры были встречены мощным огнем противника, который не был подавлен артиллерией; атака захлебнулась, потери: 28 человек убитыми и 115 ранеными. 222-я стрелковая дивизия 774-м и 479-м стрелковыми полками повела наступление в обход разъезда Угрюмово в направлении высоты 178,0 с задачей: перехватить коммуникацию Юхнов—Гжатск севернее Ивановского. Встречены сильнейшим перекрестным пулеметным огнем. Ни одна из огневых точек не была подавлена артиллерией. Полки понесли большие потери. На следующий день командарм телеграфировал в Износки из-под Вязьмы: «Боль-

шей глупости не придумаешь, как наступать днем и губить людей. Ночью, только ночью наступайте и наносите удар врагу. Не губите зря людей и не поощряйте врага своими неудачами»¹.

2 апреля 1942 года: 110-я и 222-я после пятиминутного огневого налета поднялись в атаку; 110-я вскоре залегла на подступах к Тулизову, два полка 222-й прошли 100 метров и были остановлены возле заграждений из колючей проволоки. Снайперы Западной группировки Рыжков и Григорьев (338-я стрелковая дивизия) в этот день уничтожили восточнее Цинеева 5 немецких солдат. Дивизии держали оборону на прежних позициях.

3 апреля 1942 года: в этот день в окруженную группировку немцы сбросили ультиматум о капитуляции. Командарм немедленно шифром переслал его в штаб Западного фронта.

«1. Германское командование сбросило к нам письмо на мое имя с предложением о капитуляции войск со сроком переговоров 3.04.42 г.

2. Прошу покрепче продолбить район с врагом: Лосьмино, Кр. Татарка, Стар. Греково, Кошелево, Ломовка, Ежевицы, Бесово, Мелихово».

В архиве сохранился этот документ с резолюцией Жукова:

«Тов. Худяков, 3.04.42 года.

3.04.42 года всю авиацию бросить на указанные пункты. 3.04.42 года на Болдина не работать»².

А вот текст ультиматума, сброшенного в район штаба 33-й армии немецким летчиком:

«Главнокомандующему 33 армией генерал-лейтенанту Ефремову и командирам 113, 160 и 338 стрелковых дивизий.

Германский солдат и германское руководство питают уважение к мужеству окруженной 33-й Красной армии и подчиненным ей 113, 160 и 338 стрелковым дивизиям.

Эта армия храбро сражается. Она была окружена с начала февраля благодаря тому, что Советское правительство

¹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 159. Л. 45.

² Там же. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 98. Л. 10.

не сумело оценить значение германской военной мощи. Все попытки вашей армии прорвать образовавшееся вокруг нее кольцо оказались безрезультатными. Они только вызвали огромные жертвы. Также и в будущем этим трем храбрым дивизиям не удастся прорвать германские линии. Эта армия ждет своего избавления от 43-й армии и остатков 33-й армии, которые, придя с востока, должны прорвать немецкие линии у реки Угры и Вори.

Попытки к этому уже потерпели неудачу и принесли много лишних жертв.

Так и в будущем они потерпят неудачу. Три дивизии и один полк 9-й гвардейской дивизии окружены с начала февраля.

Скудное питание для себя эти дивизии могли брать только из деревни.

Германскому командованию известно, что в рядах вашей армии свирепствует голодный тиф, число заболевших тифом уже велико и оно увеличивается с каждым днем. Кроме того, и раненые имеют за собой плохой уход. Этим самым боевая сила армии с каждым днем слабеет.

329 стрелковая дивизия, ранее принадлежавшая к 33 армии, была окружена южнее Вязьмы и затем уничтожена.

Командир ее, полковник Андрусенко, отклонил почетную капитуляцию. В благодарность за это руководство Красной армии отдало его под суд Военного трибунала.

Наверное, этот храбрый солдат, который до последней возможности боролся за безнадежное дело, уже расстрелян.

Командиры Красной 33-й армии, это также будет и Вашей участью, потому что полное уничтожение истощенных и больных дивизий есть только вопрос времени.

Германский солдат считает недостойным солдата делом бороться с безоружным противником.

Генерал Ефремов!

Командиры!

Подумайте о своей судьбе. Опасная заразная болезнь свирепствует в армии. Голод опустошает ряды солдат изнутри. Эта ваша армия идет навстречу своему уничтоже-

нию. Ничто, никакие ваши усилия не смогут предотвратить вас от неизбежной гибели.

В благодарность за вашу храбрость вам будет устроен Военный трибунал. Германское Верховное командование армии, которая держит вас в окружении, предлагает вам сдаться.

Жизнь всех командиров и красноармейцев будет гарантирована.

Германский солдат не убивает пленных. Это ложь.

Раненые и больные получают немедленную помощь.

До 18-ти часов 3-го апреля 1942 года мы будем ждать ваших посредников для переговоров.

Они должны идти по дороге от Горбы к Красной Татарке или к Лосьмино. Идти только днем, махая белым флагом»¹.

Говоря о роли генерала Кондратьева в трагедии 33-й армии, необходимо сказать, что, несмотря на очевидную необходимость его немедленной замены, он был отстранен от должности начальника штаба много позже, в мае 1942 года. Генерала Ефремова уже месяц не было в живых. Запойного пьяницу направили на учебу — в Академию Генерального штаба. Хотя...

А может, генерал Кондратьев пил потому, что понимал всю чудовищную картину, очертания которой уже начали проступать на западе, где еще дралась, огрызалась Западная группировка, окруженная со всех сторон танками и мотопехотой. Война протащила генерала Кондратьева по самым своим трагичным дорогам отступления. 22 июня 1941 года он встретил в должности начальника штаба 3-й армии. Армия удерживала укрепрайон по линии Гродно—Лида—Новогрудок. Вскоре была окружена. При выходе почти полностью утратила материальную часть. Остатки вышли. Вышел из окружения и он. Ранение, госпиталь. Затем была 24-я армия, которая в октябре того же 1941 года гибнет западнее Вязьмы вместе со своим командующим генералом К.И. Ракутиным. Он, начальник штаба, с остатками одной из дивизий 24-й армии загнанный в Семлевский лес, пытается организовать оборону участка, а затем

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 5879. Д. 27. Л. 453-454.

руководит прорывом. Прорыв удался. Он с группой бойцов и командиров выходит из-под Вязьмы. Снова ранение, госпиталь. И вот — новое назначение, новая армия. Которая тоже явно терпит катастрофу. Невольно запьешь. Но за каждым решением генерала — люди, их жизнь или смерть.

К сожалению, алкоголь сильнее человека, властнее генеральских погон и должностей...

В архивах сохранилась объяснительная записка, написанная А.К. Кондратьевым по требованию Военного совета Западного фронта сразу же после 3 февраля, когда немцы закрыли коридор. Приведу ее целиком, чтобы у читателя была возможность самому сделать кое-какие выводы относительно роли генерала Кондратьева в событиях под Износками и Вязьмой в январе—апреле 1942 года.

«По существу дела оставления д. Захарово 3/266 сп — докладываю:

1. Всю важность и значение не только Захарово, но и всей коммуникации армии от Шанского Завода до рубежа р. Воря (Ивановское, Захарово) я сознавал и сознаю по настоящее время.

Я и нач. оперативного отдела полковник Киносян докладывали Военному совету, что без прочного обеспечения коммуникации, а точнее, без ликвидации Северной группировки противника, занимающего рубеж Водицкое, Юсово, Троена, Клины, Костино, Кменка, Волково, Буканово, Тулизово, раз. Угрюмово, дальнейшее выдвижение главной группировки армии на запад в район Вязьмы чрезвычайно опасно и может повести к очень большим неприятностям. Фронт от Водицкое до Мал. Ивановское, идущий параллельно основной и единственной дороге армии и удаленный от нее на 2—4 км, равняется 48 км. Этот фронт оборонялся активными действиями ПО, 222 и 93 сд, по своему составу очень малочисленными.

Из сведений о численном составе 33-й армии видно, что этот 45-километровый фронт по состоянию на 5.02.42 защищался 1545 чел. (активные штыки), при общей численности этих дивизий в 15 539 чел., т. е. активных штыков на

километр фронта приходилось 34, а всех бойцов с обозниками и нестроевыми 345 человек¹.

2. Военный совет армии, учитывая важность всей коммуникации армии и, в частности, важность пункта Захарово (горловина шириною в 4—5 км), приказал выдвинуть один батальон от 93 сд в район Захарово, с задачей обороны этого пункта с юга.

На основании этого приказа 29.01.42 мною был вызван командир 266 сп майор Уральский, и я ему поставил задачу — двумя батальонами оборонять Каменку (2,5 км сев. Износки) и один батальон выслать в Захарово для упорной обороны последнего. Общая численность этого полка в то время была около 800 чел., а активных штыков, по докладу командира полка, насчитывалось около 150—180 человек.

Других средств, а тем паче резервов, в руках командарма не было.

3. Учитывая серьезность положения на фронте, и особенно в районе Износки, решением Военного совета был создан специальный боевой участок «Износки», во главе которого сначала был поставлен полковник Сафир, а позже задача обороны Износки была возложена на полковника Бычкова.

4. О серьезности положения на фронте Беклеши, Износки можно судить по тому, что медсанбат 113 сд, рас-

¹ Понятно, что воюющего с винтовкой в руках солдата, который сам себе, без посторонней помощи, отрыл себе окоп, должен кто-то обеспечивать едой, боеприпасами, кто-то должен разрабатывать операции, стирать в тылу белье, лечить раненых, ремонтировать оружие, кормить и лечить лошадей и т. д. Но не может такого быть, чтобы за спиной одного солдата с винтовкой суетились в тылу десять человек, целое отделение, за каждым взводом — целый батальон, а за полком — дивизия. И при этом у воюющего солдата то патронов нет, то жрачку вовремя не подвезли, то рану перевязать нечем. Организация боя у немцев выгодно отличалась от нашей. В трудные минуты, когда не хватало людей, они быстро умели мобилизовать все штабные и тыловые резервы. Все шли на передовую и отрывали окопы. Именно так они удержались под Павловом против 43-й армии. Именно так они удержали и Темкинский коридор. А когда не хватало своих людей, бросали в дело полицейские части и спецподразделения, сформированные из бывших бойцов и командиров РККА.

положенный в Зубово и донесший, что противник ведет наступление со стороны Костино, вынужден был занять оборону, а мною, кроме того, туда было выброшено до 65 человек из роты охраны штарма для того, чтобы хоть чем-нибудь прикрыть основной путь армии.

Кроме того, противник начал проявлять особую активность с севера в направлении Каменка, Износки. Учитывая это обстоятельство, в Износках были приняты чрезвычайные меры:

а) комначсостав штарма был собран, и из него была сформирована особая рота, которая, поступив в распоряжение начальника обороны Износки, заняла оборону сев. Ефаново;

б) все части и отдельные бойцы, находящиеся в Износках, были подчинены начальнику обороны Износки полковнику Бычкову;

в) выделить в этот момент что-нибудь из района Износки для обороны Захарово или какого-нибудь другого пункта, кроме выделения 65 человек из роты охраны на захват Костиково, не представлялось возможным.

5. На вопрос — почему Захарово, Савино были сданы противнику, — ответить не могу. Полагаю, что 3-й батальон 266 сп, имея 60 бойцов, не смог выдержать натиска противника, в 4—5 раз превосходящего силы этого батальона.

6. На вопрос — какие меры были предприняты для того, чтобы предотвратить захват противником Захарово, Савино, — мною уже ответ дан: туда был выслан 3/266 сп.

Достаточными силами группа полковника Бычкова не располагала, так как эти силы были брошены на оборону Каменка, Костино.

Доказательством этому может служить то, что комначсостав штарма занял оборону сев. Ефаново.

Указанные «силы» отряда полковника Бычкова появились не сразу, а постепенно, путем вытаскивания отдельных бойцов из разных частей, различных дивизий.

Кроме того, из этого отряда велась боевая разведка во всех направлениях и часто из указанных «сил» Бычкова трудно было выделить десяток человек для производства разведки.

И наконец, перехват частями 43-й армии дороги Гжатск—Юхнов в районе Приселье, Строево, наступление ее частей на запад давали основание предполагать, что с юга, где противник находился под постоянным воздействием соседа слева (43-й армии), ожидать больших неприятностей нет оснований.

Значительно большее опасение у меня постоянно вызывала Северная группировка противника, где отмечалось наличие частей 292, 267, 183, 255 и 258 пд, 20 тд и 49, 63 сап. батальонов, которая буквально нависала над всей группировкой армии, а сосед справа (5 армия) не мог оказать на нее непосредственного влияния.

7. На 4-й вопрос — почему не был выполнен приказ главкома о захвате Савино, после сдачи этого населенного пункта противнику — ответить очень трудно; во-первых, этот приказ нами не был получен, и, во-вторых, не было сил (группа Бычкова имела в своем составе: 65 человек роты охраны и 65 этой же роты находились в районе Костино; 138 чел. школы мл. начсостава 93 сд, из коих вооруженных было только 30 человек; 21 чел. санитаров санбата 113 сд, 30 чел. артиллеристов 403 ап; и роты сапер в 90 чел. 346 сап. батальона, и только значительно позже эта группа Бычкова пополнилась 58 чел. мотоциклетной роты 93 сд, которая и была выброшена в район Пинашино).

9 гв. дивизия, будучи относительно полнокровной и имея в своем составе 6146 чел., не смогла сразу захватить эти пункты и до настоящего времени продолжает бой за Захарово.

Штаб же армии, не имея в своем составе резервов, прибегнул к последнему средству — выделению своего комначсостава на оборону Каменка.

Производство перегруппировки за счет ПО и 222 сд требовало значительного времени, а кроме того, вытащить из состава этих дивизий даже минимальные средства и силы было совершенно невозможно, так как они выполняли серьезную задачу обороны коммуникации армии от Шанско-го Завода до Износки»¹.

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 132. Л. 41-44.

Отчет, сделанный генералом Кондратьевым, производит впечатление достаточно правдивого и честного документа. От письма комбрига Онуприенко, который посыпал голову пеплом и покаялся перед Жуковым, отличается большей содержательностью. Начальник штаба дал подробный анализ причин и следствий. Основные усилия Восточной группировки противника 33-й армии были направлены на то, чтобы удержаться самим. Кондратьев к тому же хорошо понимал, что, если они войдут в коридор с попыткой распереть его с обеих сторон, Северная группировка противника обрушится на них всей своей мощью. Да и как удержать пятикилометровый участок с ротой штабных работников и какими-то отдельными ротами...

Можно предположить, что подобным образом размышляли и соседи справа и слева.

История войн знает несколько классических примеров, когда одна армия, не желая рисковать своими солдатами и тем выгодным положением, которое создалось в ходе предыдущих боев, хладнокровно наблюдает за тем, как соседи, вырвавшиеся вперед и отрезанные внезапным контрударом противника, гибнут перед их фронтом. Хотя достаточно было бы двух-трех переходов, чтобы образовать общий фронт и поражение соседей превратить в общую победу. Так было в Восточной Пруссии в начале Первой мировой войны, когда 1-я армия генерала Ренненкампа, разгромив немцев под Гумбиненом, остановила наступление и начала закрепляться на достигнутом рубеже, тогда как 2-я армия генерала Самсонова, прорвавшаяся глубже, была отсечена и погибла в окружении.

Не то же ли самое произошло в январе—апреле 1942 года в районе Износки—Юхнов, когда 43-я армия генерала Голубева как вкопанная остановилась по рубежу рек Угры и Рессы, в то время как 33-й приказано было форсированным маршем выдвинуться почти на 80 километров вперед и с ходу атаковать Вязьму? 33-я атаквала, веря в то, что соседи тоже подтянутся и не бросят их в беде.

Просматривая различные документы того периода, замечаешь, что в какой-то момент (февраль, первая половина марта) все же была надежда на 43-ю армию. Документы марта 1942 года свидетельствуют о том, что Жукова начали

раздражать медлительность и топтание на месте генерала Голубева. Однако вытолкнуть вперед Голубева даже Жукову не удалось.

К концу марта положение в котле стало катастрофическим. Участились случаи самоубийств и перехода на сторону противника. Жуков начал предпринимать более энергичные меры для оказания помощи окруженным. В ночь на 2 апреля фронтовая авиация доставила на полевой аэродром 33-й армии довольно много грузов. Назад «Дугласы» вывозили тяжелораненых. В те же дни Жуков телеграфировал генералу Голубеву:

«Приказ тов. Сталина об очистке тылов Ефремова к 27.03.1942 года Вами не выполнен в срок, установленный к 30.03.1942 года. Сегодня 02.04, а у Вас абсолютно нет никаких успехов. Видимо, вместо энергичного и добросовестного выполнения приказа в армии крепко укоренилась система лживых заверений и невыполнений поставленных задач. Военный совет армии и командиры всех степеней в армии обязаны точно и беспрекословно выполнять поставленные задачи в назначенные сроки. Если это у Вас не делается, то это только свидетельствует об отсутствии элементарных основ дисциплины и полной потере чувства ответственности. Более какой-либо другой армии, фронт Вам оказывает помощь пополнением и боеприпасами, но Вы вместо разумного и бережного отношения к людям, боеприпасам подходите к этому исключительно легкомысленно и расточительно: для 5 гв. сд было дано 3500 человек пополнения. Вы умудрились за шесть дней боя потерять 2370 человек, не добившись никакого результата.

За невыполнение поставленной приказом тов. Сталина задачи объявляю Вам выговор и предупреждаю, что, если в течение ближайших трех дней задача не будет выполнена, я поставлю перед тов. Сталиным вопрос об отстранении Вас от командования армией»¹.

Почти за месяц до этого Ефремов, видя бесперспективность усилий 43-й армии по деблокаде его группировки, обратился в Москву к начальнику Главного политуправле-

¹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 157.

ния Л.З. Мехлису. Вскоре получил от члена Военного совета Западного фронта Хохлова шифрограмму следующего содержания:

«Вы жалуетесь в Москву на Голубева, на то, что он якобы плохо дерется и до сих пор не открыл Вам коммуникации, просите Мехлиса воздействовать на Голубева. Первое: оценку Голубеву и 43-й армии может дать только Военный совет фронта, главком и Ставка, а не сосед. Второе: 43-я армия действовала и действует лучше 33-й армии, что касается Голубева, мы также его ценим очень высоко. Следствие показывает: не Голубев виноват в том, что противник вышел на тылы 33-й армии, а Военный совет и штаб 33-й армии, оставивший только 90 человек без артиллерии и минометов на прикрытие своих тыловых путей, которые при появлении противника разбежались...

К сожалению, Вяземская группа 33-й армии до сих пор ни на один шаг не сдвинулась и это осложняет обстановку для Голубева на правом фланге.

Голубеву направлена категорическая задача в ближайшие 1—2 дня с Вами соединиться. Это, видимо, 43-й будет сделано, если только Вы не будете врагу сдавать своих тыловых путей. Боеприпасов по мере возможности Вам будем подбрасывать. Пошлите своих людей к Жабо и согласуйте с ним свои действия».

Судя по стилю, это были слова самого Жукова. Хохлов их только подписал.

Сосед-то как раз и может дать оценку соседу, потому что приходится драться плечом к плечу. Хотя, по уставу, и не должен. Но вышестоящие командиры, зная эту оценку, как мне кажется, должны в первую очередь воздействовать на противника, затем — на того, кто подает признаки имитации активных действий, и только потом уже устраивать внутренние разборки и одергивать «зарвавшегося» генерала, который некорректно ведет себя по отношению к соседу.

По своему тону телефонограмма Хохлова очень напоминает телеграфные монологи бывшего начштаба Западного фронта генерала Соколовского. Новый начштаба, генерал Голушкевич, таким тоном с командармом-33 не разговаривал.

Ефремов ответил в штаб Западного фронта примерно в том же духе:

«Ни на кого я не жалею, а по-большевистски сказал, что есть, и не кому-нибудь, а тов. Мехлису, что очень хочу скорейшей очистки коммуникаций 33-й армии.

Находясь под Вязьмой по Вашему приказу, я тыл никак не мог прикрыть, что Вы прекрасно понимаете — состав дивизий Вам был до выхода под Вязьму известен, как и растяжка коммуникаций 33-й армии.

Поймите, мы каждые сутки ведем бой вот уже полтора месяца почти без боеприпасов и уничтожили несколько тысяч немцев. Сами имеем три тысячи раненых. Воюем.

Не могу понять одного, как можно месяцами стоять перед какой-либо деревней, и терпеть не могу, когда свою вину сваливают на других. Эта система приносит огромнейший вред...

В последний раз Вам, как Военному совету, докладываю: положение дивизий армии тяжелое, я сделал и делаю все, чтобы врага бить и не допустить разгрома нас врагом.

Спешите дать боеприпасы, нет у нас боеприпасов».

В ответ на это Жуков отреагировал немедленно: «Вам не дано право вступать в полемику с Военным советом фронта и наводить критику на командарма-43». Ответ его выдает крайнюю степень раздражения. В нем ни слова по существу. Ни о боеприпасах, ни о помощи раненым. Такую шифрограмму в окруженную группировку легче было бы не посылать вовсе. В ней ничего существенного нет, кроме «я — начальник, ты — дурак». Чем она помогла, эта телефонограмма командующего Западным фронтом, окруженной армии этого фронта?

В остальном это был обмен монологами на равных. Это был разговор не с Хохловым. Как и под Наро-Фоминском и Вереей Ефремов разговаривал не с Соколовским. Это, как говорил Гоголь в повести «Тарас Бульба», волновались характеры сильные. «Война» с Жуковым продолжалась. Не мог Ефремов, подобно Онуприенко, поспешно склонить голову пред грозными очами комфронта. Честь и достоинство иногда выше орденов, званий и новых назначений, дороже жизни. И обстоятельства ближайших недель подтвердят это кровью командарма-33.

Глава 14

КОННИКИ ГЕНЕРАЛА БЕЛОВА

Генерал Белов — генерал-легенда. Состав кавкорпуса. Бои на подступах к Вязьме. Причины неудач. Стояние под Веходами и Дорогобужем. Корпус пополняется. Оружие лежало в лесах, под снегом. Весна. Немцы проводят операцию «Ганновер». Немцы гарантируют жизнь сдавшимся политрукам. Корпус выходит на Киров. Операция «Зейдлиц»

В ходе Ржевско-Вяземской операции 1942 года 1-й гвардейский кавкорпус сыграл особую роль. Да и личность его командира, генерала Белова, тоже вызывает восхищение.

Павел Алексеевич Белов родился в 1897 году. Таким образом, он и Ефремов были одногодки. Умер в 1962 году, имея звание генерал-полковника, которое получил еще во время войны в 1944 году. Герой Советского Союза. В армии с 1918 года. Но в партию вступил не сразу, а спустя семь лет. Участник Гражданской войны. Окончил Военную академию им. Фрунзе (1933) и Высшие академические курсы (1949). Война застала его в звании генерал-майора. Воевал на Юго-Западном, Брянском, Центральном, Западном, 2-й Белорусском, 3-м и 1-м Прибалтийском, 1-м Белорусском фронтах. Командовал 2-м кавкорпусом, который вскоре получил наименование 1-го гвардейского кавкорпуса. В июне 1942 года, когда его измотанный, но все еще боеспособный корпус вышел из окружения в районе Кирова, после непродолжительного отдыха генерал Белов получил 61-ю армию и с нею прошел дорогами войны до Победы. Редкий, надо заметить, случай. После войны командовал рядом военных округов. Руководил ЦК ДОССАФ. Награжден пятью орденами Ленина, тремя — Красного Знамени, тремя орденами Суворова 1-й степени и орденом Кутузова 1-й степени. Характер имел сложный. Любил рубануть правду-матку, за что порой страдал по службе. Солдаты его любили, хотя с ними он бывал суров.

А выведенный им из окружения корпус уже в августе 1942 года дрался под Сухиничами, отражая атаки немецкой мотопехоты.

Как было уже упомянуто, корпус вошел в прорыв не в полном составе. За Варшавским шоссе остались две стрелковые дивизии, все танки, почти вся артиллерия, дивизионы «Катюш», тылы.

Корпус, таким образом, состоял из 1-й и 2-й гвардейских, 41, 57 и 75-й кавдивизий, а также нескольких лыжных батальонов.

1-й гвардейской кавдивизией командовал Н.С. Осликовский. Численность этой дивизии на 20 января составляла 5754 человека.

2-й гвардейской кавдивизией командовал В.К. Баранов. Численность дивизии — 5751 человек.

Три легкие рейдовые кавалерийские дивизии, сформированные по сокращенным штатам 1941 года, были намного слабее гвардейских.

41-я имела 1291 человека.

57-я — 1706 человек.

75-я — 2760 человек.

Лыжные батальоны по различным данным имели от 800 до 2 тысяч человек.

Таким образом, корпус насчитывал 19 262 человека.

Корпус устремился на Вязьму с юго-восточного направления.

Бои начались 14 января на линии Лобково — станция Желанья. В это время 33-я армия еще стояла под Верей и вела упорные бои, готовясь к штурму сильно укрепленного города. Непосредственно на подступы к Вязьме передовые части корпуса вышли 4 февраля.

В этот день была осуществлена, пожалуй, единственная совместная атака на Вязьму силами кавкорпуса и пехотными полками 33-й армии. Немцы отбили и эту атаку. В дальнейшем атаки группировок имели разрозненный характер. Можно предположить, что уже после 4 февраля генерал Белов понял, что Вязьму не взять и, чтобы выжить, необходимо подготовить район, пространство для новой дислокации. Этим районом стал партизанский край от Выходов до Дорогобужа.

6 февраля беловцы все же повторили атаку. Они ворвались в опорный пункт деревню Зубово. Очистили ее от неприятеля и начали закрепляться, подтягивать новые силы

и тылы. Но со стороны Вязьмы тут же последовала контратака. Немцы обработали оборону кавалеристов из тяжелых орудий и пошли в наступление. Удар пришелся на 75-ю кавдивизию. Дивизия не дрогнула. Но вскоре стало понятно, что ее стойкость привела только к неприятности — дивизия была окружена. Белов приказал призвести тщательную разведку. После того как были определены силы и огневые точки противника, кавалеристы пошли в атаку с обеих сторон, прорвали кольцо и вышли в расположение основных сил. В результате этих боев корпус был отброшен от города на 15 километров. Корпус понес значительные потери. Но, самое главное, была утрачена инициатива.

Корпус был удален от своих тылов и баз питания на 120 километров. Кроме того, вынужден был держать в тылу для прикрытия флангов 41-ю кавдивизию.

П.А. Белов в своей книге «За нами Москва» впоследствии писал, объясняя причину своих неудач в ходе проведения Ржевско-Вяземской операции: «Подступы к Вязьме со всех сторон заняты противником в радиусе от 10 до 20 километров, а железная дорога и автострада Вязьма-Смоленск заняты противником на всем протяжении и упорно обороняются. Вязьма не взята корпусом потому, что не по силам, железная дорога не захвачена корпусом, хотя и пересекалась, потому что противник превосходит в технике и силах. Корпус в наличном составе в состоянии делать набег, но не в состоянии удерживать захваченные населенные пункты».

Стоит прокомментировать некоторые мысли генерала Белова.

«Вязьма не взята корпусом потому...» Как видно из этого заключения, взятие Вязьмы генерал Белов считал делом кавкорпуса. С его стороны решительных шагов для объединения сил с соседом справа, 33-й армией, не последовало. Как вспоминают ветераны 33-й армии, кавалеристы смотрели на пехоту свысока. Что и говорить, положение со снабжением у них было лучше. На лошадях удалось завести порядочное количество продовольствия, боеприпасов. Лошади также были продовольственным резервом. Кроме того, беловцы обнаружили большое количество оружия, патронов и снарядов. Корпус представлял собой более

внушительную силу, чем 33-я армия, которая насчитывала 12 780 человек.

«Корпус... в состоянии делать набеги, не в состоянии удерживать захваченные неселенные пункты». Вряд ли бы Белов и Ефремов удержались и в Вязме, возьми они город штурмом. Ведь и деревни они не могли удержать, когда немцы подводили артиллерию, обрабатывали огневые точки из минометов, штурмовали с воздуха, а потом пускали пехоту с танками.

Белов пытался соединиться с частями 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта, который в это время воздействовал на оборону противника с севера. Однако и этого сделать не удалось. В результате боев в направлении на север 41-я кавдивизия и действовавшие совместно с нею части 8-й воздушно-десантной бригады попали в окружение. Только 27 февраля им удалось пробиться к своим. Снова с большими потерями.

Когда на другом крыле, правее, были окружены части 329-й стрелковой дивизии 33-й армии и 250-й полк десантников, Белов приходит к ним на помощь, прорывает кольцо и выводит окруженных в расположение своих войск. С этой поры десантники и полк 329-й стрелковой дивизии действовали в составе корпуса. С ним эти подразделения и выходили из окружения летом 1942 года на Киров. По воспоминаниям П.А. Белова, в состав его корпуса из состава разгромленной 329-й стрелковой дивизии влилось около 400 бойцов и командиров.

И все же Белову было легче, чем Ефремову. Во-первых, конники — это не пешцы. На коне солдат имеет больше шансов выжить. На коне можно перевозить запасы продовольствия и боеприпасов. Конные части мобильнее в наступлении и более подвижны в обороне. 33-я действовала на территории, где осенью 1941 года не велось активных боевых действий и где в лесах не было столько брошенного оружия, боеприпасов и даже продовольствия.

После того как немцы сдавили кольцо окружения вокруг 33-й армии и в середине апреля уничтожили ее колонны на марше в районе Шпырева—Буславы—Жаров, 1-й гвардейский кавкорпус, пополненный за счет приставших к нему ефремовцев, десантников, а также партизан и мобилизо-

ванных полевыми дивизионными военкоматами «зятьков» и местных жителей, долгое время действовал юго-восточнее Вязьмы, удерживая довольно обширную территорию. Это был партизанский край. Кавалеристов кормили, лечили, вооружали. 11 тысяч человек влились в его полки и эскадроны.

Вяземские и угранские краеведы собрали богатейший материал о действиях в их районах кавалеристов генерала Белова. К примеру, есть данные о сборе оружия для вооружения пополнения.

Так, жители Бражинского сельсовета собрали в окрестных лесах 200 винтовок, 3 станковых и 2 ручных пулемета, 2558 гранат, 1240 запалов к ним — около миллиона патронов, 20 тысяч мин для минометов, 1486 снарядов разного калибра.

Жители Сафоновского района — 800 винтовок, 63 станковых пулемета, 87 ручных пулеметов, 27 противотанковых ружей, 33 орудия, 78 минометов, 1602 мины, 8046 снарядов.

Жители Дорогобужского района собрали и передали корпусу 64 станковых, 232 ручных пулемета, 23 орудия, 5249 винтовок, 2074 гранаты, 50 минометов, 6 танков, 12 тракторов.

Во Выходском и Дорогобужском районах были созданы ремонтно-механические мастерские. Здесь ремонтировали поврежденную технику и стрелковое оружие. К концу апреля в этих мастерских было отремонтировано 18 танков, много орудий, минометов. Танки и орудия тут же шли в бой. В мастерских было приведено в боевое состояние дальнобойное орудие. По приказу генерала Белова оно было установлено у села Гришина и время от времени вело огонь по железнодорожной станции Вязьма. Эти обстрелы настолько досаждали немцам, что они начали охотиться за пушкой. Подойти к позиции они не могли. В партизанский край их не пускали. Тогда авиация начала делать регулярные налеты на подозрительные объекты. Орудие так и не было обнаружено. Расчет, зная, что за ними началась охота, часто менял огневую позицию. Обстрелы станции прекратились только тогда, когда артиллеристы, не рассчитав силы заряда, положили слишком много пороха, и казенник

орудия разорвало. Две батареи гаубиц калибра 152 миллиметра продолжительное время, до середины лета 1942 года, вели огонь по немецким позициям южнее Выходов.

К маю 1942 года территория партизанского края, в которой действовал кавкорпус, охватывала довольно обширный край от станции Угра на востоке до Соловьевой переправы на западе и от Дорогобужа на севере до Ельни на юге.

Корпус в это время насчитывал до 20 тысяч человек. 15 тысяч воевали в составе партизанских отрядов и бригад.

В конце мая немцы, накопив сил, решили уничтожить кавалерийский корпус и, заодно, местных партизан. Дольше терпеть их в тылу группы армий «Центр» было невозможно. Началась операция «Ганновер», в ходе которой войска 4-й полевой армии должны были покончить с 1-м гвардейским кавкорпусом, партизанами Дорогобужского края, а также частями 11-го кавалерийского корпуса и 39-й армии Калининского фронта, окруженными севернее Вязьмы.

Над районами дислокации корпуса были разбросаны листовки следующего содержания:

«Комиссары! Политруки!

Для окруженных частей генерала Белова настал последний час! Вам лучше, чем простому красноармейцу, известно истинное положение, в котором находится ваш корпус. Ему не избежать участи 33-й армии.

Вам, комиссарам и политрукам, добровольно перешедшим к нам, даруется жизнь и имена не оглашаются.

Вам нечего бояться!

Приходите к нам и ведите с собой ваших красноармейцев»¹.

Если уже гарантировалась жизнь политрукам, добровольно сдавшимся немецкой армии, то можно себе представить, насколько досаждал генерал Белов со своими конниками группе армий «Центр» самим фактом своего стояния в лесах в тылу у крупной группировки, сконцентрированной у Сухиничей и Мосальска.

Характерно, что Гальдер о намеченной операции говорит в своем дневнике следующее: «Наступление против войск

¹ ЦДНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 80. Л. 166.

[совесткого генерала] Белова предполагается начать 24.5 (операция «Ганновер»).

Итак: «Против войск генерала Белова...» А ведь в окруженных группировках было несколько генералов. Но начальник штаба сухопутных войск германии называет именно Белова.

24 мая 1942 года Гальдер делает следующую запись: «Наступление группы армий «Центр» против русского кавалерийского корпуса генерала Белова привело к хорошим результатам (даже без авиации и танков, которые из-за плохой погоды, по всей вероятности, вообще нельзя было бы использовать). Противник упорно обороняется. Усилилась деятельность его артиллерии».

25 мая 1942 года: «В полосе группы армий «Центр» из-за плохой погоды и вызванных ею транспортных затруднений операции против партизан южнее Вязьмы дали лишь незначительные результаты».

26 мая 1942 года: «В полосе группы армий «Центр» наступление против войск Белова из-за метеорологических условий развивается весьма медленно. Противник подтягивает сюда силы из Дорогобужа».

И наконец, 27 мая 1942 года: «Противодействие войскам Белова приносит успехи. Здесь противник... расчленен на мелкие группы, которые частично оказывают упорное сопротивление».

Но уже в следующие дни записи более сдержанные. И снова фигурирует «корпус Белова».

9 июня 1942 года: «В центре войска Белова прорвались на юг».

10 июня 1942 года: «Прорвавшиеся войска Белова преследуются».

11 июня 1942 года: «Ликвидация остатков противника в тылу 4-й армии проходит успешно. К сожалению, основные силы кавкорпуса Белова и 4-й авиадесантной бригады уходят на юг».

16 июня 1942 года: «На фронте группы армий «Центр» войска русского генерала Белова снова прорвались в направлении на Киров. Нам это не делает чести!»

17 июня 1942 года: «Кавалерийский корпус генерала Белова действует теперь западнее Кирова. Как-никак он отвлек на себя в общем 7 немецких дивизий».

После назначения генерала П.А. Белова командующим 61-й армией корпус принял генерал Н.С. Осликовский, который и довел его до Победы. Кавалеристы воевали героически.

Когда, размышляя о судьбах погибших дивизий 33-й армии, говорят о том, что, мол, зря генерал Ефремов не пошел на юго-запад, к Белову, обычно не учитывается тот факт, что путь туда был перекрыт тем же двойным фронтом, что и путь на запад. Не было случаев, чтобы после гибели командарма одиночки и мелкие группы пробивались к Белову под Вихоры и Угру. А вот на позиции 43, 49, 50 и 33-й армий продолжали выходить. Путь к Белову 33-й армии преградила 5-я танковая дивизия.

Другое дело, если бы обе группировки — кавкорпус и 33-я армия — объединились сразу. И вместе бы потом пошли на выход.

Но произошло то, что произошло. И что должно было произойти.

Теперь это уже история. А история не имеет сослагательного наклонения.

Генерал Белов вывел свои войска.

Но на севере от Вязьмы, в Вадинском партизанском краю, где действовали 11-й кавкорпус и 39-я армия Калининского фронта, немцы достигли больших успехов. Для проведения операции «Зейдлиц» противник задействовал 4 пехотные дивизии, 2 танковых батальона и кавалерийскую бригаду СС. Через две недели упорнейших боев с окруженными было покончено. 39-я армия и часть И-го кавкорпуса разделили судьбу 33-й армии. Только масштабы катастрофы здесь оказались значительно больше: в плен было взято 50 131 человек. При выходе из окружения погибли и пропали без вести 22 749 человек. Погиб начальник штаба 39-й армии П.П. Мирошниченко, начальник политотдела Юсин. Вследствие тяжелого ранения умер заместитель командующего армией генерал-лейтенант И.А. Богданов. И армия, и кавкорпус после выхода из окружения были расформированы.

Потери Красной армии в ходе Ржевско-Вяземской операции оказались гораздо большими, чем общие потери во время проведения Сталинградской наступательной операции.

Глава 15

ДЕСАНТНИКИ ПОЛКОВНИКА КАЗАНКИНА

Что сообщала немецкая разведка о русском десанте. Сроки высадки. Боевая задача. Неудачи

В разведсводке отдела 1ц 5-й танковой дивизии в 5-й танковый корпус от 5.02.42 о советском десанте говорится следующее:

«Вооружение одиночного бойца: карабин или автоматическая винтовка, 300 патронов, 2 ручные гранаты, 300 грамм взрывчатки, детонаторы и капсули.

На 14 человек: ручной пулемет.

Обмундирование обычное, сверх того — ватная одежда, маскхалаты, валенки. Продовольствие на 3 дня. Каждая рота имеет лыжи, сброшенные также с самолетов. Оповестительные сигналы: одиночки друг с другом — свисток, ночью — зеленый свет. Сбор внутри роты — красный свет, внутри батальона — красный и белый свет. Однако имеются и другие световые сигналы. Речь идет о сигналах для парашютистов, выброшенных до этого времени и захваченных нашей разведкой. Парашютисты — в большинстве молодые люди около 20 лет, прошедшие кратковременное пехотное обучение: как правило, имеют по одному прыжку с парашютом или не имеют ни одного прыжка. Взятые до настоящего времени пленные производят впечатление неопытных бойцов с низкой боеспособностью.

Наблюдается регулярное снабжение десантникам по воздуху: сбрасывание производится с самолетов на зеленые ракеты, а также на горящие костры, выложенные треугольником или по четыре — углом».

Эти данные разведка 5-й танковой дивизии получила от пленных второго десанта.

18 января на снежном поле близ районного центра Знаменка приземлились несколько самолетов. Они доставили два взвода десантников, которые тут же принялись готовить полевой аэродром для приема других самолетов. Через два дня с помощью партизан и местных жителей полевой аэродром был готов. Но погода испортилась, и самолеты не

прилетели. На третью ночь на востоке послышался рокот моторов. Десантники зажгли костры.

За пять ночей с 18 по 22 января 1942 года на полевой аэродром близ Желанья прибыли 1643 человека. Это были два парашютно-десантных батальона и стрелковый полк. Вооружение их составляли автоматы ППШ, ППД, автоматические винтовки системы Токарева. Кроме того: 21 пулемет «Максим», 10 ручных пулеметов, 34 миномета и 2 орудия калибра 45 миллиметров.

В конце января — начале февраля высажен еще один десант — 8-я воздушно-десантная бригада 4-го воздушно-десантного корпуса. Вместе с бригадой под Вязьму вылетел командир корпуса генерал А.Ф. Левашов. При перелете через линию фронта самолет, в котором летел генерал, был обстрелян ночным истребителем. Пуля смертельно ранила А.Ф. Левашова. Командование десантом принял на себя полковник А.Ф. Казанкин, начальник штаба 8-й бригады. Второй десант насчитывал 2100 человек. Задача, которая стояла перед десантниками: перехватить железную и шоссейную дороги на Вязьму и удерживать их до подхода частей 1-го гвардейского корпуса и 11-го кавкорпуса. Десантироваться предполагалось прямо на районы атаки. Но штурманы не рассчитали курс, разбросали бригаду по большой площади. Некоторые подразделения оказались под Дорогобужем на удалении от Вязьмы до 50 километров. Многие попали на территорию, занятую противником, и были сразу же уничтожены или захвачены в плен (см. приложения). Генерал Белов в своей книге об этой операции вспоминает следующее: «Командир бригады сумел собрать в назначенном месте только около 800 бойцов и командиров — треть своего личного состава. Около 200 человек удалось собрать нашим кавалеристам и партизанам. Через две недели эти люди были переданы в свою бригаду. Позже было собрано еще 300 человек». Половина сброшенных грузов тоже была потеряна.

Таким образом, десантная операция 1942 года под Вязьмой прошла крайне неудачно. Большие потери. И — практически нулевой результат в выполнении боевой задачи.

Вскоре, израсходовав боеприпасы и съев все сухари и консервы, десантники вынуждены были влиться в состав кавкорпуса Белова.

Некоторое время подразделения 8-й воздушно-десантной бригады действовали совместно с 329-й стрелковой дивизией полковника Андрусенко. Храбро сражался 250-й воздушно-десантный полк майора Солдатова. После мартовских боев, когда немцы приступили к проведению операции по сжатию кольца вокруг Западной группировки 33-й армии с последующей ее ликвидацией, 250-й полк оказался в полосе действия 5-й танковой дивизии вермахта. После упорных боев 75 десантников во главе со своим командиром майором Солдатовым все же пробились в расположение кавкорпуса и соединились с ним.

Глава 16

ШПЫРЕВСКИЙ ЛЕС

Жуков дал разрешение на выход, когда вскрылись реки. Последний самолет. «С солдатами сюда пришел, с солдатами и выходить буду». Тысячи раненых сковывали марш. Два вопроса к генералу Жукову. Командарм готовит свои войска к прорыву. Приказ № 027. 338-я не выполнила приказ. Немецкие танки давят обозы с ранеными. Главная группа прорывается в Шумихинский лес. Полки и группы арьергарда сражаются в Шпыревском лесу до последнего. «Бранденбург-800» действует. Раненый в Шпыревском лесу после войны считался врожденным уродом

До январских боев в районе Вереи 33-я армия действовала как одна из армий Западного фронта, имея задачей очистить от противника территорию перед своим фронтом. Задачу эту она выполнила. Но потом, когда командование Западного фронта поставило перед ней боевую задачу овладеть Вязьмой, 33-я стала не просто одной из армий своего фронта. Она стала главным действующим объединением Западного фронта в ходе начатой Ржевско-Вяземской операции. А на ее командующего судьба наложила печать ответственности за проведение и исход этой операции.

События развивались стремительно. Генерал Жуков топил с сосредоточением в заданном районе. Когда пришла

шифrogramма с требованием командующего фронтом срочно выехать вперед, к Вязьме, Ефремов кинулся в коридор, чтобы догнать дивизии первого эшелона. Он видел, сколь узок и ненадежен коридор, по которому вслед за войсками двигались тылы. Видел, как активизировалась авиация противника и что в ее налетах появилась система. И когда, прибыв на Красный Холм, увидел результаты атак и то, как легко немцы их отбивают, понял многое. Бывают в ходе проведения крупной операции такие мгновения, когда полководец вдруг видит на первом плане всю картину, весь сюжет завязавшихся событий, а там, дальше, в перспективе, перед его искусственным взором уже начинают проясняться очертания иного сюжета со всеми его мрачными подробностями и деталями неизбежного исхода. Должно быть, такие минуты командарм переживал в первое свое утро на Красном Холме.

И вот наступил апрель. Разрешения на выход нет. Уже начинает пригревать весеннее солнце, растапливать снега. Овражки наполнились талыми водами. Аэродромы уже не могли принимать самолеты. 7 апреля с аэродрома близ деревни Дмитровка за линию фронта улетел последний самолет. С этого дня самолеты армейской и фронтовой авиации в окруженной группировке больше не садились. Хотя полеты продолжались. Грузы сбрасывались с воздуха. Не всегда точно, не всегда в распоряжение Западной группировки. Но все же кое-что доставалось и ефремовцам.

На этом последнем борту должен был вылететь из окружения командующий. Говорят, был устный приказ Сталина: вылететь на последнем самолете... Генерал Ефремов приказал погрузить знамена частей, попрощался с начальником оперативного отдела штаба армии полковником Киносяном, улетавшим на Большую землю, и сказал летчику, когда тот еще раз напомнил командарму о приказе Сталина: «С солдатами сюда пришел, с солдатами и выходить буду».

К 10 апреля положение Западной группировки стало критическим. Ночью командарм отправил в штаб Западного фронта шифrogramму.

«1. Обстановка сильно ухудшилась: противник усиленно стремится сжать наше кольцо.

2. С 13.00 10.04.1942 года враг бросил на сжатие кольца танки и пехоту, нацелив их на каждый укрепрайон.

3. 4 танка и более сотни пехоты нами уничтожены.

4. Веду напряженные бои, будучи прижат противником к реке Угра. На левом фланге 338 сд. 113 сд противник отрезает от реки Угры, она ведет бой на рубеже Тякино, Неонилово и перелесках юго-западнее Дмитровка. 160 сд ведет бой на прежних рубежах.

5. Стремлюсь организовать оборону на реке Угра.

6. По Вашей шифротелеграмме будет более правильное решение — собрав все силы, пробиваться через Шпырево, Жолобово, Королево.

7. Этим самым и будем помогать 43 и 49 [армиям] соединиться с нами.

8. К Жабо мы не прорвемся, так как нас разделяют танки врага с пехотой.

9. Прошу вашего скорейшего утверждения плана, пока противник не разгадал наш замысел»¹.

Через несколько часов пришел ответ командующего фронтом, очень лаконичный:

«1. Главные силы собрать в районе Красное, Жолобово, Шпырево. v

2. Оборону построить на запад на реке Угра, противника попытаться отбросить на север за реку Угра.

3. Ведите разведку и готовьте удар на соединение с Голубевым и Захаркиным»².

Войска начали спешно готовиться к маршу на восток.

Потепление превратило дороги в сплошное месиво. Началось таяние снегов. Зима была на редкость снежной. Ожидался небывалый паводок.

К моменту выхода 33-я армия в результате атак противника оказалась расчлененной на три части.

11 апреля, когда дивизиям нужно было сосредоточиться в указанных районах, почти все они вели тяжелые бои в полной изоляции.

113-я дралась в районе Дмитровки, Медведева и Морозова. Бойцы дивизии подбили два танка, заставили залечь

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 6712. Д. 157. Л. 50.

² Там же. Л. 51.

перед своими позициями немецкую пехоту. 1288-й стрелковый полк сражался во внутреннем окружении.

338-я удерживала населенные пункты Коростели, Высокое и Красное, которые находились на восточном берегу Угры. Противник пытался обойти с фланга в районе Дрожжина и Александровки. Во второй половине дня немцы форсировали реку по льду и ворвались в Красное и Коростели.

160-я ночью наконец-то смогла вырваться из окружения и выйти в район сосредоточения. Но утром ее полки снова вступили в бой на рубеже Жолобово — лес, 2 километра северо-западнее Буславы.

Задача, по замыслу командарма, стояла следующая: собрать оставшиеся войска в одном районе, нанести удар в направлении выхода и таким образом прорвать оборону противника и выйти к своим.

Приказы пишутся на бумаге. Чернилами или карандашом. Последние приказы 33-й армии написаны кровью по снегу. Сплошной кровавый след на несколько километров от Шпыревского леса до Угры.

Еще раньше, когда подспудно готовились к прорыву, уже чувствуя, что приказ на выход вот-вот поступит из штаба фронта, командарм старался как можно больше раненых переправить через фронт на самолетах. Запрашивал побольше прислать самолетов. И вот накануне выхода из штаба фронта пришла шифровка за подписью начальника тыла Западного фронта полковника Виноградова, в которой тот просил доложить о положении с ранеными. Раненые... Их набралось больше 2 тысяч. С таким обозом какой прорыв? Лошади истощены до крайности. Дороги проваливаются. В раздражении Ефремов в ответ Виноградову продиктовал следующий текст: «Если Вы не сделали ничего в отношении раненых тогда, когда была полная возможность для этого, то есть всех эвакуировать, теперь же этого сделать невозможно. Вы довели до невозможного состояния — всюду здесь танки врага рыскают и погода плохая».

Это была телефонограмма не только начальнику тыла, но и командующему Западным фронтом.

Последнюю в этот день шифровку в штаб фронта он отправил через несколько часов.

«1. При создавшейся крайней тяжелой обстановке ждать больше невозможно.

2. Тяжелый выход ожидается, крайне тяжелый выход, но это все же лучше разгрома. За два с половиной месяца боев в окружении войска сильно обескровели.

3. Спасение было в пополнении, но его получить оказалось невозможно.

4. Единственный выход, считаю, двигаться навстречу 43 и 49 армиям.

5. Жду вашего скорейшего решения».

В этом последнем донесении он сказал Жукову, своему земляку из Угодского Завода, все: и о тяжелом выходе, и о двух с половиной месяцах страданий, и о том, что они в окружении так и не дождались пополнения.

До своих по прямой было около 10 километров. Но с обозами раненых...

11 апреля 1942 года Военный совет Западного фронта подписал директиву № 619.

«1. Ввиду невыполнения 43-й и 49-й армиями поставленных задач по очищению от противника тыловых путей 33-й армии и соединению с группой Ефремова, в связи с отходом 113-й и 338-й сд группы Ефремова из района Тякино, Стуколово, Вяловка на восточный берег р. Угра создается угроза изолированного поражения группы Ефремова.

2. В целях недопущения разгрома группы Ефремова п р и к а з ы в а ю :

а) командарму-43 т. Голубеву в течение 12 и в ночь на 13.04 выйти главными силами на рубеж Мал. Виселево, Жары и, закрепившись на этом рубеже, в течение 14.04 захватить Бол. Виселево, Нов. Михайловка;

б) командарму-49 т. Захаркину в течение 12 и в ночь на 13.04 захватить высоту 180,5, Стенанки и, закрепившись на этом рубеже 14.04, захватить Мосеенки, Дегтянка, Тибейково;

в) командарму-33 т. Ефремову в ночь с 12 на 13.04 скрытно прорваться через завесу противника, нанести удар в направлении Родня, Мал. Бославка, Нов. Михайловка, Мосеенки, где и соединиться с частями 43-й и 49-й армий. В авангард и боковые отряды выделить лучшие части, усилив их артиллерией, орудиями ПТО и саперными частями.

При встрече с противником в затяжные бои не вступать и немедленно обходить противника по закрытой местности. Движение совершать главным образом ночами. Арьергардными частями при отходе местность приводить в непроезжее состояние, минировать и устраивать завалы. Все дороги и подступы к основному маршруту движения главных сил также минировать, для чего заранее выбросить отборные команды. При отходе местный конский состав, обоз и мужчин от 16 до 55 лет забрать с собой;

г) командующему ВВС т. Худякову — всю авиацию фронта и ближайших армий, кроме группы № 4 Верховного Командования, бросить на обеспечение действий группы Ефремова. В течение 12.04 авиацией бомбить и штурмовать противника в Буслава, Беляево, Щелоки, Родня, Дорки, Шумихино, Греково. В ночь на 13.04 нанести удар по Борисенки, Греково, Шумихино.

д) командующему 43-й армией с наступлением темноты в ночь на 13.04 огнем дальнобойной артиллерии дать отсечный огонь по району Греково, Козлы, Нов. Лука. В течение 13—14.04 дать отсечный огонь по ставке Ефремова.

Командарму-49 в то же время дать отсечный огонь по району Слободка, Якимцево. Днем 13 и 14 вести огонь по тем же районам»¹.

Годы работы над изучением темы гибели 33-й армии и командарма Ефремова научили читать все документы той поры пристально. И всякими лучами порой просвечиваешь ту или иную бумажку, пытаясь взглянуть на нее и глазами солдата, и глазами командарма, и глазами того, кто ее писал, и того, кому она адресована. У нас есть возможность взглянуть на тот или иной документ с двух очевидных позиций: с позиции времени, почти семидесяти минувших лет, и с позиции тех обстоятельств, в которых он создавался. Да, верно сказано: большое видится на расстоянии. А высота в шестьдесят семь лет — это достаточная высота для того, чтобы взглянуть и увидеть картину во всех ее главных проявлениях и деталях, в причинах и следствиях. Вот и директива штаба Западного фронта прочитывается сейчас иначе, чем тогда, в 1942 году. Но давайте попытаем-

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 125. Л. 93.

ся ее прочесть все же сперва оттуда, а вернее, там, под Вязьмой. Хотя, уже и не под Вязьмой. От Вязьмы 33-ю отжали основательно. И кочующий котел переместился уже в район Знаменки, к Шпыревскому лесу. А это примерно между Вязьмой и Юхновом.

Приказ Жукова требовал от 33-й армии маршем пробиться к Угре. А плацдармы на реке для их приема должны были тем временем отбить ее 43-я и 49-я армии. Вот оно, спасение. И 33-я армия верила в это спасение. Потому так яростно и ломилась к Угре. Где, как потом выяснилось, ее никто не ждал. Кроме немецких пулеметов.

А теперь вернемся к тексту директивы. В сегодняшний день. И посмотрим на события с расстояния. Начинается документ словами: «Ввиду невыполнения 43-й и 49-й армиями поставленных задач по очищению от противника тыловых путей 33-й армии и соединению с группой Ефремова...» В этой фразе уже все и сказано. Жуков все продумал, все понял. Понял и свою оплошность, недооценку сложности положения группы Ефремова, и то, что генералы Голубев и Захаркин, возможно, два с половиной месяца водили его за нос. Он давал им новые и новые пополнения, а они губили их на небольшой глубине в полтора-два километра от своего фронта, посылая ему сводки: попытка атаковать с целью прорубить коридор к Ефремову снова окончилась неудачей...

Жуков в директиве вновь поставил генералам Голубеву и Захаркину боевую задачу захватить Мосеенки, Дегтянку, Тибейково, Новую Михайловку, Большое Виселево, Жары. Если бы войска 43-й и 49-й армий вышли на этот рубеж, судьба армии и генералов Ефремова и Офросимова была бы иной. Ведь на этот рубеж с западной стороны как раз и вышли основные группы прорывающихся, в том числе и штабная группа. И тут возникает два основных вопроса к генералу Жукову (к маршалу Жукову у меня вопросов нет):

1. Почему ни генерал Голубев, ни генерал Захаркин не выполнили боевой приказ командующего Западным фронтом?

2. А может, Жуков отдавал командующим 43-й и 49-й армиями заведомо невыполнимый приказ?

Не хочется об этом думать. Но и не думать невозможно. Потому что наступило такое время, когда картину хочется и необходимо видеть во всех ее красках и сюжетах, в том числе и не очень талантливых и красивых. Если проблема заключается в неразрешенности первого вопроса, то возникает еще один: почему, как раз в этот период, Жуков дает, по сути дела, блестящую характеристику на генерала Голубева и почти уничтожающую на генерала Ефремова? Если же правомерен второй вопрос о заведомой невыполнимости приказа, то... То комфронтом этой директивой просто губит и 33-ю, и ее генералов, одновременно прикрывая себя.

Горькие выводы. Горькие. Но, повторяю, и обойти это молчанием уже нельзя. Славу Жукова как лучшего полководца Великой Отечественной и Второй мировой войны это не умаляет.

Да, воевать тогда только-только учились. И генерал Жуков, быть может, учился быстрее других. Потому и будет по праву и по заслугам удостоен маршальских звезд и орденов с алмазами. Не хочу я никого мазать черными красками.

Говорят: смерть всех уравнивает. Нет, не уравнивает. Во время Великой Отечественной войны погибло много генералов. Ракутин, братья Егоровы, Качалов, Ершаков, Городнянский, Кирпонос, Богданов, Ватутин, Черняховский, другие. Но вряд ли о ком-нибудь из них в последние годы говорят так много и с таким почтительным уважением, как о генерале Ефреме. Память народа, этот коллективный организм, очень прихотлива в своей избирательности. Уж как пытались некоторые историки, политики и политисторики стереть, вытравить из этого организма имя Зои Космодемьянской, а ничего не вышло. Народная память хранит этот трогательный, возвышенный теперь уже до эпических высот народный образ. Зоя Космодемьянская погибла в полсе действий именно 33-й армии, под Наро-Фоминском. (каждым годом все выше и просветленнее в народной памяти становится и образ генерала Ефремова. Почти каждый год о нем и его армии выходит новая книга или телевизионный фильм. Я думаю, настанет время, когда мы узнаем все о гибели командарма. Явью станут и те темные пятна, которые пока еще скрывают некоторые черты подвига 33-й армии. Но об этом разговор еще поведем и мы.

М.Г. Ефремов в годы Гражданской войны

М.Г. Ефремов (*четвертый слева*) после установления советской власти в Баку. Конец апреля 1920 г.

Командование 33-й стрелковой дивизии. *Сидят*: второй слева — начдив М.Г. Ефремов, справа от него — начальник политотдела дивизии В.С. Сокол. *Стоят*: в центре — комполка М.С. Хозин, справа от него — комбриг Б.В. Лавровский. 1921 г., Северный Кавказ

Начдив-33 М.Г. Ефремов (*крайний справа*). 1921 г.

Два друга. Ефремов и Ворошилов. 1924 г.

Военный советник в Китае. 1927 г.

Семья М.Г. Ефремова — жена Елизавета Васильевна и сын Миша

М.Г. Ефремов и С.М. Буденный (в *центре*) на маневрах 1940 г. Закавказский военный округ

Начальник особого отдела 33-й армии капитан госбезопасности Д.Е. Камбург. Пропал без вести во время выхода из окружения

Военком 910-го арtpолка 338-й стрелковой дивизии Н.И. Загоруйко. Погиб во время прорыва

Радистка-разведчица Западного фронта М.А. Козлова

Санструктор 326-й стрелковой дивизии О.К. Кожухова. Во время операции немцев по отсечению Западной группировки армии от тылов была ранена и оказалась в госпитале в Восточной группировке

ОПЕРАЦИИ 33 и 43 АРМИЙ НА ВЪЗДЕМКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Обстановка на фронте 33 Армии к 17.1.42 г.

Карта
Р I

Войска ЗАПАДНОГО фронта продолжали наступление по всему фронту.

33 Армия в течение дня 17.1 основными силами вела бой за г. ВЕРЕЯ. Одновременно часть сил уничтожала оставшиеся в тылу опорные пункты противника.

222 сд двумя полками в 13.00 начала атаку противника на с-вост. окраине г. ВЕРЕЯ. Третий полк остановлен огнем противника на восточном берегу р.ПРОТВА перед МИЛЯТИНО.

110 сд, встретив сопротивление противника в ЗАГРЯДСКОЕ в 12.00 двумя полками начала обход населенного пункта с ЮГО-ЗАПАДА.

160 сд сосредотачивается в БОРОВСК.

113 сд двумя полками в течение дня продолжала вести уличные бои на южной окраине г. ВЕРЕЯ. Третий полк после упорного боя в 15.30 овладел опорными пунктами противника ВАСИЛЬЕВО, КОЛОДЕЗИ.

Мер же противодействия никаких не принимается. Забота командующего Зап. фронта одна — торопить 33 арм к последнему движению " без задержек " вперед, на запад !

Поставленные задачи перед 33 армией и на этот раз были ничем не-обеспеченные и без учета сложившейся обстановки. Поэтому они не могли быть выполнимы — так в действительности и получилось.

Ударная группировка 33 Армии продолжала добросовестно выполнять поставленные перед ней задачи, без оглядки назад, при малейшем удобном случае двигалась и днем и ночью вперед.

Противник безнаказанно, авиацией ее интенсивно бомбит так как марш ударной группы с воздуха не прикрывался.

Тылы и артиллерия сильно отстали, движение идет по плохим дорогам и по бездорожью, войска напрягают все усилия для того, чтобы быстрее войти в назначенный район.

Такое огульное движение продолжалось включительно до

Доклад об операции 33-й и 43-й армий Западного фронта в январе—апреле 1942 г., составленный сотрудниками Оперативного управления Генерального штаба РККА

Командир 1-го гвардейского кавалерийского корпуса П.А. Белов ставит задачу разведчикам. Март—апрель 1942 г.

В центре — командир 338-й стрелковой дивизии В.Г. Кучинев. Из окружения вышел раненым. Вывел группу бойцов

Полковой комиссар А.Ф. Владимиров. Погиб во время прорыва

Начальник артиллерии 33-й армии В.С. Бодров. В период Московской битвы и боев под Вязмой — начальник артиллерии 113-й стрелковой дивизии. Вывел из окружения группу бойцов и командиров

Начальник штаба 1192-го стрелкового полка 113-й стрелковой дивизии П.И. Побегайло. Из окружения вышел

Командир 1136-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии Андреев. Погиб в Шпыревском лесу во время прорыва

Военком 1192-го стрелкового полка 113-й стрелковой дивизии Г.Ф. Мусланов. Из окружения вышел. Стал Героем Советского Союза. Участник Парада Победы на Красной площади в 1945 г.

Командир дивизиона 910-го артполка 338-й стрелковой дивизии П.П. Юношев. Пропал без вести во время выхода из окружения

Командир 1245-го стрелкового полка 160-й стрелковой дивизии Н.Н. Озоблин. Погиб в феврале 1942 г. под Вязьмой

Капитан Д.Н. Митягин. Погиб во время прорыва

Начальник политотдела 160-й стрелковой дивизии старший батальонный комиссар М.К. Ламакин. Погиб в апреле 1942 г. во время прорыва

Старший инструктор по пропаганде и агитации политотдела 113-й стрелковой дивизии батальонный комиссар В.С. Кузьмин. Пропал без вести в марте 1942 г.

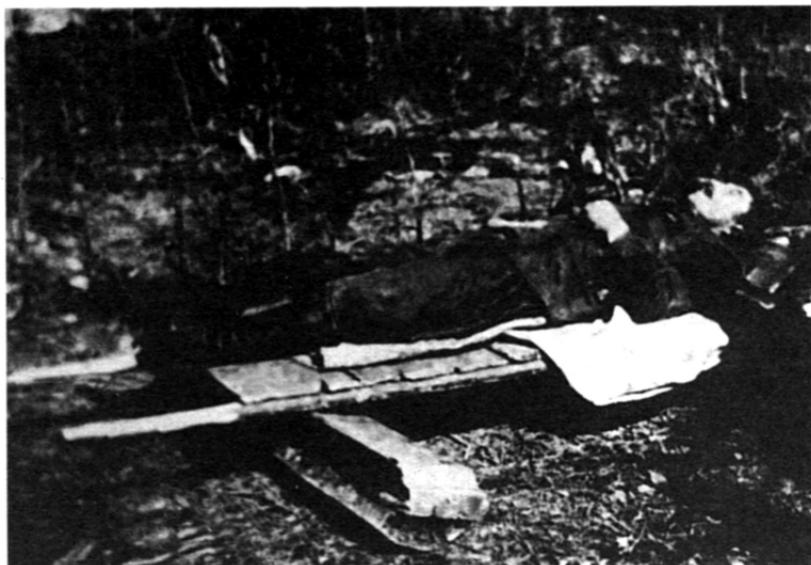
Начальник политотдела 113-й стрелковой дивизии полковой комиссар Н.И. Коншин. Вышел из окружения. Вывел большую группу бойцов и командиров

Начальник продовольственного снабжения 1288-го стрелкового полка 113-й стрелковой дивизии М.М. Ищенко

Член Военного совета 33-й армии Р.П. Бабийчук (*сидит в центре*) после вручения боевых наград командирам и красноармейцам 110-й стрелковой дивизии (Восточная группировка). Лето 1942 г.

Тело командарма М.Г. Ефремова перед погребением. Апрель 1942 г. Деревня Слободка

Шпыревский лес. Фотография сделана поисковиками в 1970-х гг.

Вязьма. Памятник М.Г. Ефремову, установленный в 1946 г. по инициативе И.В. Сталина. Отлит из гильз, собранных на полях сражений под Вязьмой

Сын М.Г. Ефремова капитан Михаил Ефремов (*слева*) и полковник В.И. Иванов на могиле командарма в деревне Слободка сразу после освобождения района Вязьмы. Осень 1943 г.

Могила М.Г. Ефремова после переноса на Екатерининское кладбище Вязьмы. 1952 г.

Командарм-33 Михаил Григорьевич Ефремов. 1939 г.

Жуков, ставя в своей директиве задачу Ефремову, предписывает ему: «В авангард и боковые отряды выделить лучшие части, усилив их артиллерией, орудиями ПТО...» Какими еще ПТО, когда уже не осталось ни одного снаряда? В приложениях к основному тексту вы найдете среди воспоминаний свидетельства о том, что во время прорыва зачастую и винтовки-то использовались как дубинки — не было патронов. И Жуков прекрасно знал, что боеприпасов к противотанковым орудиям нет. Да и как те орудия тащить по лесам, по тяжелому апрельскому снегу, будь даже снаряды? Эти 10 километров надо было пробежать налегке, одним-двумя бросками. «Тебя бы сюда хоть на недельку...» Побудь Жуков пусть даже и не недельку, а сутки-двое в окруженной группировке, директива на выход наверняка была бы иной. И главная поправка была бы в дате выхода. Все ветераны в один голос твердят, что «по сухому снегу» они бы вышли, обязательно бы вышли...

Что касается пункта «г» директивы, то авиация в эти дни из-за плохих погодных условий и низкой облачности не работала. И этот приказ Жукова не был выполнен. Хотя экипаж По-2, который доставил в район прорыва радистку Марию Козлову, все же взлетел с Мятлевского аэродрома.

Ночью с 11 на 12 апреля в штабе генерала Ефремова собрались командиры дивизий и боевых групп. Была зачитана директива штаба Западного фронта на выход. Командарм выслушал доклады. Положение становилось все хуже. Немцы сдавливали кольцо. Отдельными группами проникали в расположение частей.

Прорыв назначили через сутки. Походную колонну армии выстраивали в два эшелона. Первый: 338-я и 160-я стрелковые дивизии. В течение суток эти две дивизии должны были сосредоточиться в лесах южнее Красного и Шпырева. Эти дивизии должны были обеспечить боковые боевые охранения и заслоны, чтобы прикрыть движение обозов с ранеными. Они же формировали усиленные группы прорыва. Во втором эшелоне должна была двигаться 113-я стрелковая дивизия. Ей предназначалась роль арьергарда.

В ту же ночь каждому командиру были розданы письменные указания для проведения в частях, подчиненных

им, необходимые приготовления. В приказе также давались указания о том, как действовать во время выхода.

«1. Постоянно действовать сильной разведкой в каждом полку.

2. Иметь истребителей танков, включая в состав отряда саперов, знающих минную тактику по уничтожению танков.

3. Иметь разведку пути с лопатами.

4. Всем повозочным иметь лопаты.

5. Всем выздоравливающим иметь лопаты.

6. В санбаты дать запасных лошадей.

7. Увеличить число офицеров связи.

8. Разъяснить всем командирам и политработникам, что он за потерю управления своими людьми несет строжайшую ответственность, боец же за потерю своего командира привлекается к строжайшей ответственности — тоже один другого ни при какой обстановке терять не смеет.

Обязательно составить списки в ротках, командах и копии их иметь у командиров батальонов и штабах частей.

9. Иметь постоянно сильное боевое охранение флангов при нашем наступлении.

10. Взаимодействуя с соседями, наносить удары во фланги врага и тыл смело, дерзко. Пехоту врага отрезать от танков и уничтожать ее.

11. При появлении танков и авиации противника продолжать наступление через леса.

12. Бесперебойно держать связь с соседями.

13. Не потерять ни одного раненого.

14. Всех убитых вывозить с собой.

15. Строжайшая секретность должна быть сохранена о нашем наступлении — ударе с тыла по врагу».

Характерно то, что командарм настраивал своих офицеров на то, что это не отход, не бегство, а наступление. Однако наступления не получилось. Обстановка менялась с каждым часом, и это не только вносило существенные коррективы, но зачастую и ломало ранее намеченные планы.

Однако высокий дух стойкости в армии сохранялся до последних минут ее существования. Ни свидетельства выживших, ни немецкие трофейные документы не обнаружи-

вают ни одного факта коллективной сдачи в плен. Не сдавались до последнего. О том же, как выполнялся во время прорыва пункт 8-й инструкции, свидетельствуют такие факты. Когда разрозненные группы теряли надежду на выход и командир стрелялся, тут же на поясных ремнях вешались солдаты. Это было. Жутко, но это — правда.

Тема самоубийств во время неудачного прорыва продолжена и в приложениях. На ней, этой теме, кстати, пытался играть и тот человек, чья роль в судьбе командарма и всей штабной группы, а может, и армии, еще остается предметом исследований.

Утром 12 апреля в дивизии и на боевые участки ушел приказ командарма № 027 — на выход.

«1. Противник, занимая Песково, Буслава, Беляево, Щелоки, Реутово, активными действиями прикрывает свою группировку на р. Угра с запада.

2. Во исполнение приказа главкома № К/217 для одновременного разгрома противника совместно с 43 и 49 армиями и соединения со своими армиями наша группа войск наносит удар в ночь с 12 на 13.04.42 с тыла по врагу общим направлением через Мал. Виселево, Мосеенки, Стененки на Бол. Устье, Косая Гора, Русиново.

Главный удар через Родня, Шумихино, Нов. Михайловка, Мосеенки.

3. 338 сд наступать в полосе: справа — (иск.) Реутово, (иск.) Ступники, (иск.) Слободка, (иск.) Андреенки, Русиново; слева — (иск.) Беляево, (иск.) Родня, Шумихина, (иск.) Нов. Михайловка, (иск.) Мосеенки, Косая Гора.

4. 160 сд наступать в полосе: справа — Беляево, Родня, (иск.) Мал. Бославка, Нов. Михайловка, Мосеенки, (иск.) Косая Гора; слева р. Угра.

5. 113 сд, составляя арьергард группы войск, прикрывать наступление группы войск.

Действовать методами подвижной обороны — уничтожая наступающего врага, разрушать, минировать пути за собою, устраивать завалы. Противник должен всюду встречать непреодолимые и труднопреодолимые препятствия.

6. В авангарды и боковые отряды выделить лучшие части, снабдив их артиллерией, орудиями ПТО, минометами и саперными частями.

При встрече с противником в затяжные бои не вступать, а немедленно обходить противника по закрытой местности.

Движение совершать главным образом ночами.

Все дороги к основным маршрутам главных сил также минировать, для чего заранее выбросить отборные команды саперов.

При нашем наступлении местный конский состав, обоз и мужчин от 16 до 55 лет забирать с собой.

7. Дивизиям 338 и 160 иметь сильные авангарды, постоянно действовать в полосе своего наступления усиленной разведкой из лучших отборных сил. Организовать сильные боковые отряды. Дивизиям иметь свои арьергарды на случай просачивания врага в тыл действующих дивизий и для охраны раненых.

8. Начало общего наступления приказанием командарма, письменно или лично. Наступление внезапное — без артиллерийской подготовки.

9. Требую от командиров и комиссаров всех степеней решительных, смелых и дерзких действий.

Тщательно продумать и отработать все вопросы взаимодействия, организовать четкое управление частями и подразделениями. Каждому командиру до командира дивизии включительно иметь двух заместителей.

10. Мои заместители: первый — генерал Офросимов, второй — полковник Олихвер»¹.

В этот день 113-я стрелковая дивизия, накануне пробившая брешь в кольце окружения, пошла на прорыв остальными своими частями и, совершив марш, сосредоточилась в лесу западнее Дмитровки. Особенно отличился во время рейда 1288-й полк. С боем он подошел к броду через Угру в полутора километрах северо-восточнее Дрожжина, на глазах у противника форсировал по льду реку и с ходу атаковал немецкий ганизон в Молоденах. Противник был целиком уничтожен, захвачены трофеи: станковый пулемет, винтовки, автоматы, гранаты, патроны. Были также захвачены пленные. Весь день, до вечерних сумерек, вели бой бойцы 1138-го полка. Они удерживали село Красное, прикрывая

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 59. Л. 125-126.

отход двух других полков и тылов с обозами и ранеными. Таким образом, 113-я прибыла в район сосредоточения к ночи. Измотанные долгим, изнурительным переходом бойцы тут же попадали в снег и уснули. Шпыревский лес последнюю ночь стерег их покой. Но отдохнуть бойцам 113-й пришлось недолго. Через несколько часов их подняли и маршем направили на рубеж Высокое—Красное, чтобы контролировать переправу через Угру во время выхода колонн.

Командарм собрал штаб. Было принято решение отложить выступление на сутки. В штаб фронта ушла телефонограмма, а в дивизии с приказом об отсрочке выхода на прорыв тут же отправились офицеры связи.

Оперативная группа и командарм в эти дни находились в селе Шпыреве.

Весь день и всю ночь в штабах уничтожали документы. Приказано было привести в негодное состояние технику и вооружение, которую нельзя было взять с собой. Часть орудий и машин закопали.

С собой решили взять только то, что легко можно было переносить на руках: стрелковое оружие и противотанковые ружья.

Командарма волновали раненые. Полковник И.Г. Самсонов к вечеру доложил:

- Медсанбаты и раненые готовы к выступлению.
- Сколько у нас раненых? — спросил Ефремов.
- Всего 2193 человека. Медперсонал, врачи, ездовые — 371 человек. Охрана — 93 штыка.
- Сколько подвод?
- 199, товарищ генерал. Семь заводных лошадей.
- Хорошо. Проинструктируйте ездовых, весь персонал и охрану, чтобы в пути следования ни в коем случае не создавали заторы и пробки. Пусть гонят лошадей из последних сил. Раненых нужно вывезти всех до одного человека.

13 апреля в 9.00 в штаб Западного фронта ушла последняя шифровка.

«1. В силу затяжных боев на участке 338 и 113 сд в ночное время с 12.04 на 13.04.1942 года время потеряно.

2. Организирую прорыв на участке Реутово, Щелоки, Дорки, Беяево и Буслава в ночь на 14.04.1942 года.

3. О часе общего наступления донесу дополнительно.

4. В Красное большое скопление пехоты противника с артиллерией. Допускаю наличие в Красное до 10 танков противника.

5. В 22.00 прошу бомбить Щелоки, Дорки, Беляево, Буслава, Песково.

6. На участке 160-й сд ведется обстрел расположения наших частей.

Готовлю прорыв».

Накануне авиация фронта удачно отбомбила немецкие войска на дорогах и в деревнях, оставленных отходящими дивизиями 33-й армии и тут же занятых противником.

К 18.00 подразделения 113-й стрелковой дивизии сменили части 160-й и 338-й стрелковых дивизий, заняв рубеж Красное—Федотково протяженностью около 10 километров.

160-я к 21.00 вышла в район Шпырева.

И в это время происходит новый сбой: 338-я сбилась с пути, заблудилась и вышла в район сосредоточения только к вечеру. Времени на отдых не оставалось.

Полковник Кучинев к этому времени еще не вполне оправился от ранения, которое получил в февральских боях во время атак на Вязьму. Дивизией он не командовал. Начальник штаба полковник Тетушкин, сославшись на свои преклонные лета и нездоровье, от командования дивизией отказался и, имея легкое ранение, с каким бойцы даже не покидали окопов, на одном из последних самолетов улизнул за линию фронта в расположение Восточной группировки. Узнав о бегстве полковника под видом тяжелораненого, командарм отправил в штаб в Кондратьеву шифротелеграмму:

«1. Нач. штаба 338-й сд Тетушкин плохо руководил участком обороны. 31.03.42 сдал врагу Мал. Коршуны, Цинеево, свою радиостанцию, бежал с поля боя, был ранен. Плутовским путем он от меня эвакуировался на самолете.

За дезертирство с поля боя Теткушкина судить.

2. Перебросьте сильного нач. штаба дивизии на 338 сд скорее»¹.

Судьба полковника Тетушкина после гибели командарма сложилась так. В мае 1942 года по предсталению штаба За-

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8713. Д. 13. Л. 12.

падного фронта Я.П. Тетушкин был назначен командиром 143-й стрелковой дивизии Воронежского фронта. Т.К. Жуков под суд полковника не отдал, но и рядом терпеть не стал, отослал подальше. На командной должности шаркнувший по-цыгански из-под Вязьмы себя не проявил и вскоре был отправлен на другой фронт и некоторое время руководил курсами младших лейтенантов. Что ж, от своего хвоста не уйдешь...

В 23.00 войска Западной группировки пошли на прорыв.

В журнале боевых действий 33-й армии в этот день появилась следующая запись:

«Части Западной группировки вели бой на прежних рубежах и готовились к выполнению боевого приказа № 027 в ночь с 13 на 14.4.42 г.

Авиация армии бомбардировала скопление войск противника в Беляево, Староселье.

Дороги в районах расположения дивизий и тылов армии труднопроходимы для транспорта.

Связь с дивизиями Западной группировки по радио через опергруппу¹.

Первые километры колонны 33-й армии преодолели благополучно. Движение происходило двумя параллельными маршрутами.

Основная колонна имела следующее построение: впереди 400 человек авангарда — ударная группа, за ними штабная группа и оперативный отдел, затем главные силы 160-й стрелковой дивизии, затем тылы штаба армии, обоз с ранеными и тылами дивизии. Части 338-й стрелковой дивизии, которые в последних боях понесли самые тяжелые потери, должны были двигаться параллельным маршрутом. 113-я — в арьергарде.

Начало выхода казалось успешным. Прошли несколько километров без единого выстрела. Вышли на большак Беляево—Буслава. Эту дорогу нужно было перейти как можно быстрее, потому что разведка доносила: по ней время от времени курсируют одиночные танки и бронетранспортеры с пехотой.

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 26. Л. 96-97.

Головная группа миновала большак. И тут каким-то образом впереди нее оказались части 338-й стрелковой дивизии, которые должны были идти параллельным маршрутом. Войска смешались. Движение замедлилось. В некоторых местах произошли заторы. Тем временем штабная группа, выйдя из Шпыревского леса, ступила на открытое пространство. И тут с двух сторон ударили пулеметы. В первые же минуты были убиты десятки бойцов и командиров. Произошло мгновенное замешательство, как бывает в ближнем бою. Живые, видя смерть своих товарищей и муки раненых, которые стонали в кровавом снегу, попятились назад. Видя неладное, командарм тут же подал команду ближайшим офицерам поднимать бойцов и идти на прорыв. И сам, выхватив свой ТТ, стрелял в сторону пулеметов, кричал: «Вперед! Братцы, вперед! Тут пропадем! Спасение — там!» И поднимал залегших, и вместе с этой, хлынувшей через дорогу лавиной вскоре достиг леса впереди. Смяли, уничтожили несколько пулеметных гнезд. Там пули уже реже ранили бежавших. А дорога позади стонала стоном сотен израненных, искромсанных пулями тел. Вскоре поток иссяк. Немцы создали сплошную стену огня, преодолеть которую было уже невозможно. Мины начали рваться на дороге и в лесу.

Часть сил 160-й стрелковой дивизии, штаб дивизии, ее обоз, а также подразделения 338-й стрелковой дивизии остались на западной стороне большака. Командир 160-й стрелковой дивизии полковник Якимов собрал ударную группу и несколько раз пытался атаковать в том же направлении, в котором вышла группа командарма. Но успеха добиться не удалось. Более того, немцы усилили огонь, и колонне пришлось повернуть назад, в Шпыревский лес.

Обстоятельства усугублялись еще и тем, что командиры 160-й и 338-й стрелковых дивизий были ранены. Полковник Якимов руководил боем в бинтах, превозмогая боль. Ранен он был в конце марта, рана еще не зажила. А полковник Кучинев и вовсе находился в обозе раненых и дивизией при выходе фактически не управлял. Вот почему 338-я выходила беспорядочно и во многом нарушила общий порядок выходящих колонн.

В лесу остался и санитарный обоз. И в это время на просеке, по которой проходила дорога, появились танки.

И начали гусеницами кромсать сани, лошадей, людей. Врачи и санитары стаскивали с саней тяжелораненых, несли их в лес. Охрана отстреливалась из винтовок от автоматчиков, которые двигались за танками. Из всего санитарного обоза, в котором вместе с обслуживающим персоналом насчитывалось около 3 тысяч человек, осталось несколько десятков. В основном уцелели те, кого санитары успели вынести в лес.

Прорвавшиеся подразделения из состава 160-й, 338-й стрелковых дивизий и штабной оперативной группы общей численностью около 2 тысяч человек продолжали движение направлением на Родню, к Угре, где, как говорилось в директиве Западного фронта, должны были ждать их войска 43-й армии.

Вскоре добежали до Шумихинского леса. Тащили раненых. Никого не бросали. Командарм уже видел счастливые улыбки своих солдат. Некоторые из них плакали от радости — вышли! Вышли!

А в Шпыревском лесу тем временем шел бой. Немцы обстреливали из орудий и минометов чащу. Автоматчики прочесывали перелески и лощины. Добывали раненых. Тут и там возникали схватки с группами бойцов, которые не хотели сдаваться в плен. Пока оставались патроны, те отстреливались, отступая в глубину леса. Ревели испуганные коровы, привязанные веревками к деревьям. Метались женщины и дети. Вместе со своими мужьями и братьями из деревень уходили семьи партизан и мобилизованных в 33-ю армию. Оставаться им здесь было нельзя. Люди знали, что их не пощадят. И командарм, приказавший вначале взять с собою только мужчин от 16 до 55 лет, видя, что к обозам присоединяются почти целиком некоторые деревни, разрешил вместе с бойцами двигаться и гражданским.

Стоявшая в арьергарде 113-я стрелковая дивизия полковника Миронова еще не знала о том, что произошло впереди, на большаке Беляево—Буслава. Полки дивизии упорно держались на рубеже Федотково—Семешково. Эту часть приказа командующего она выполнила до конца. Другую же часть — на выход — выполнить в той мере, как это предполагал приказ № 027, она уже не имела возможности. Хотя списки вышедших из окружения свидетельствуют о

том, что именно 113-я дивизия выходила более организованными и многочисленными группами.

Шпыревский лес до сих пор в народе называют Черным лесом. Сюда не ходят ни за грибами, ни за ягодами. Страшный лес. В нем кости не только солдат 33-й армии, но и жителей окрестных деревень.

Ликвидацией последних групп ефремовцев в Шпыревском лесу занимались подразделения полка СС и рота из полка особого назначения «Бранденбург-800». О последнем мы еще поговорим.

И тем не менее именно те, кто во время выхода был отрезан и остался в Шпыревском лесу, впоследствии смогли выйти более многочисленными и организованными группами. Здесь, сосредоточившись, дрался 1136-й стрелковый полк. Дрался уже после смерти своего отважного командира майора Андреева. Рядом с ним держал оборону 1297-й стрелковый полк 113-й стрелковой дивизии старшего лейтенанта Степченко. Комиссаром этого полка был Григорий Федорович Мусланов, будущий Герой Советского Союза. Когда в Москве будет открыт памятник на Могиле Неизвестного Солдата, именно он, бывший комиссар стрелкового полка 33-й погибшей ефремовской армии, зажжет Вечный огонь, доставленный из Ленинграда, с Марсова поля. Дралась группа подполковника Мирнова из 113-й стрелковой дивизии. Все они вскоре выйдут из окружения. С большими потерями. Но — выйдут.

А пока лежали в рыхлом весеннем снегу и стреляли из-за сосен, отбиваясь от атак, которые следовали одна за другой. Ночами подмораживало, снег становился льдом, и они, последние участники и действующие лица, герои и жертвы Шпыревского леса, вмерзали в него своими шинелями, ватниками и телами. Некоторые — навсгда.

В Шпыревском лесу, говорят, до сих пор слышны стоны. Поисковик Александр Краснов, который, по существу, и поднял из забвения в 70-х годах трагедию 33-й армии, месяцами вел здесь раскопки и исследования. Но никогда не ночевал в этом Черном лесу.

Много тайн хранит этот мрачный, непроходимый лес. Много легенд и историй рассказывают о нем в народе, о тех днях, когда здесь немцы истребляли ефремовцев и местных жителей.

Одна из тайн Шпыревского леса — сейфы с документами 33-й армии. Сейфы, в которых лежат многие разгадки и ответы на самые тяжелые вопросы. В том числе и о том, кто же все-таки выдал штабную группу.

Одна из историй: утром, после того как танки до ночи давили и утюжили остатки обоза, снова появились немцы, но были они какие-то странные, и вскоре эта странность стала понятна — немцы шли в атаку в стельку пьяными. Какая психика могла выдержать эту резню? Вот и накачали себя алкоголем, когда снова командиры послали их убивать безоружных.

А вот другая история.

Из воспоминаний бывшего бойца 1136-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии Павла Герасимовича Хоняка: «Тогда немцы разорвали нашу колонну, и я остался со своим полком. Двое суток мы пробивались через дорогу в разных местах, и к вечеру немцы окончательно загнали нас на высоту. Нас оставалось человек двадцать пять или тридцать. Мы залегли и, отстреливаясь, ждали, когда стемнеет. Я лежал рядом с командиром нашего полка майором Павлом Андреевым. И вдруг на него упала мина. Его — на смерть. Мы прикрыли его шинелью — последняя дань уважения. Стемнело, и мы начали прорываться с этой высоты, а ночью меня ранило, и я остался один. Лежал под густым ельником до 28 апреля. Две недели сосал конское копыто в Шпыревском лесу. Были у меня при себе две пачки грузинского чая: накурюсь чаю и сутки сплю. Наконец меня нашли наши ребята, однополчане. Накормили меня льняным семенем, это ль не счастье?»

П.Г. Хоняк вскоре попал в плен. Прошел несколько концлагерей, в том числе и Рославльский, один из самых страшных. В Белоруссии бежал. Скрывался на хуторе. «В 44-м году местность ту освободили, меня по ранению на передовую не взяли, направили в военкомат и демобилизовали. Орденов и медалей не имел, как не принимавший участия в войне. Даже не имею истории ранения и считаю себя инвалидом с детства (урожденный урод)». Так и не смог П.Г. Хоняк доказать властям, что он воевал и имеет право на военную пенсию и инвалидность по ранению, а не по врожденному уродству.

О господи!

А вы еще рассуждаете: предали или не предали 33-ю армию...

Тут другой вопрос: кто предал? Об этом разговор еще впереди. Хотя и на эту тему уже сказано многое.

Глава 17

РАЗГРОМ

Что писали немцы в своих листовках. Везде — пулеметы. Шумихинский лес. Где же наши? Командарм меняет маршрут. На большаке Кобелево—Климов Завод. 33-я уходит в прорыв самостоятельно. «Братцы, сдавайтесь! Тут кормят!»

А передовой отряд тем временем, преодолев еще несколько пулеметных заслонов, поддерживаемых артиллерийским и минометным огнем, в изнеможении остановился на отдых в Шумихинском лесу.

Утром, еще когда изготовились к маршу, на Шпыревский лес, на расположение полков, на колонны, на обозы с ранеными, как снег упали листовки, в которых немцы писали о том, что судьба армии решена, что командующий бросил их и вылетел самолетом через линию фронта, что для оставшихся благоразумнее будет сложить оружие...

Листовка, видимо, была напечатана раньше. Возможно, она была продуктом работы «боевой группы» некоего Радовского, о котором упоминается в трофейных документах 5-й танковой дивизии вермахта. Именно к «боевой группе Радовского» был прикомандирован накануне этих событий фотограф и фронтовой кинооператор. Очевидно, немцам нужно было запечатлеть для демонстрации в Берлине финал Московской операции русских и результат своих усилий по сдерживанию контрнаступления Красной армии. Итак, отпечатанная заранее листовка оказалась фальшивкой еще в воздухе. Ее отпечатали с расчетом на то, что командующий и его штаб вылетят из окружения на самолетах в самый последний момент. Генерал Ефремов не вылетел.

Но листовку все же разбросали над потоком пытавшихся вырваться из окружения.

Почему? Листовка — это пропаганда. А пропаганда имеет один очень важный принцип: чем невероятнее и наглее ложь, тем больше вероятности, что в нее поверят. Да и не все бойцы и даже командиры 33-й армии были уверены в тот момент, что командующий с ними, выходит в одной из пеших колонн, что он не вылетел из группировки. А поэтому немецкая листовка конечно же частично сработала. Когда колонны идущих на прорыв были разорваны и началось их преследование на уничтожение, в плен сдались или были захвачены многие, И я думаю, что для многих из них, потом, в концлагере в Слободке, в Вязме и Рославле, куда впоследствии попали пленные бойцы и командиры 33-й армии, весть о гибели командарма, рассказы о его похоронах в Слободке были ошеломляющей новостью, которая ломала в их душах многое. Оказывается, командующий их не бросил, а они не смогли драться до конца...

Утром 14 апреля 1942 года после прорыва через дорогу Беляево—Буслава ударная группа 160-й и часть сил 338-й дивизий и основная часть штаба армии остановились на отдых в Шумихинском лесу. По разным источникам, здесь их собралось около 2 тысяч человек.

Но до привала в Шумихинском лесу было еще два боя.

Первый бой на прорыв произошел возле Родни. Здесь, на подходе к лесной опушке в километре северо-западнее этой деревушки, колонну встретило несколько пулеметов. Одновременно, в полной темноте, немцы обстреливали колонну из орудий и минометов. Офицеры 33-й армии тут же создали боевые группы и с ходу бросились на пулеметы. Большинство из них были уничтожены. Часть немцев успела уйти в лес. Их не преследовали. Надо было уходить — дальше, на Пожошки.

Второй бой произошел в полукилометре восточнее Пожошки. Здесь немцы отрыли окопы, соорудили доты для пулеметов. Их огонь поддерживала артиллерия и минометы в закрытых позициях из района Шумихина.

Стало совершенно очевидно следующее: на маршруте, который был определен накануне выхода, их ждут на заранее подготовленных и оборудованных позициях. Ввязываться в

затяжной бой означало то, что немцы спустя некоторое время, необходимое им для непродолжительного марша, подведут сюда танки и мотопехоту, окружат группу и уничтожат ее. Поэтому командарм принял решение: оставить здесь группу прикрытия, а основной колонне свернуть в лес и двигаться параллельным маршрутом. Здесь были брошены сани. Лошадей выпрягали и дальше ввели под уздцы.

Теперь, изучая маршрут движения колонны, сопоставляя факты, приходишь к невольному выводу о том, что группу Ефремова везде встречали на тщательно подготовленных позициях, оборудованных пулеметами, минометами. Ведь не могли же немцы по всей линии фронта наставить столько минометов и пулеметов. Значит, маршрут движения им известен был заранее.

Во время движения по лесу параллельным маршрутом колонна была обстреляна артиллерией и минометами. Немцы разгадали ее местонахождение и перенесли огонь в глубину леса. Снаряды и мины ложились довольно точно. Потери были большими. Утром остановились на привал.

Здесь-то и прошло последнее совещание. Командарм собрал командиров и политработников, чтобы выработать маршрут дальнейшего движения.

Разведка доносила, что на правом берегу Угры, в районах, где, согласно приказу, их должны были ожидать войска пробивающихся навстречу соседних 43-й и 49-й армий, никого нет. Радость оказалась преждевременной. Никто не знал, что ожидает их впереди. Еще один переход, подобный переходу через большак Беляево—Буслава, они вряд ли выдержат. А впереди-то и лежало шоссе на Кобелево.

Как вспоминают очевидцы, в этот момент к Ефемову снова подвели проводников, хорошо знавших здешний лес и окрестности, с предложением выйти в составе небольшой группы. При этом многие называют маршрут — к партизанскому району отряда Владимира Жабо. И снова судьба поставила его, как командарма и как человека, перед выбором: спастись, обманув судьбу, или разделить участь своей гибнущей армии, какой бы она ни оказалась.

Ефремов снова остался с армией.

Поражаешься силе духа генерала Ефремова. Ничто его не сломило. А катастрофа армии его только укрепляла в

твердости однажды принятого решения: «С солдатами пришел, с солдатами и буду выходить».

С солдатами он и выходил.

Он видел, как гибли вокруг него его солдаты и офицеры. Все меньше оставалось вокруг него верных и надежных. Все ближе подходили к ним немецкие автоматчики. Схватки с небольшими группами немцев возникали то справа, то слева, то сзади, то спереди. Они были вокруг.

День 15 апреля генерал Ефремов и штабная группа с пока еще довольно сильной группой охраны провели в Шумихинском лесу.

Немцы были рядом. В Шумихине стоял сильный гарнизон. Пехота и артиллеристы. Орудия стояли неподалеку.

К вечеру, еще только-только начали густеть сумерки, построили колонны и продолжили движение. Теперь построение колонн выглядело следующим порядком: в авангарде шла группа бойцов и командиров 338-й дивизии, за ними основные силы той же 338-й, затем штабная группа. Арьергард составляла сводная боевая группа из различных частей.

И вот вновь двинулись вперед. Как вспоминают выжившие участники этого марша обреченных на смерть, во время движения по Шумихинскому лесу колонну начали интенсивно обстреливать снайперы. Было много убитых. И все свидетели вспоминают, что в этот день, в Шумихинском лесу и во время марша на прорыв, Ефремов был в состоянии крайнего раздражения.

Попробуй сохрани спокойствие и выдержку, когда вдруг понимаешь, очевидно, и самое худшее, что могло произойти: соседи не пришли на помощь, никто в Новой Михайловке его не ждет. А возможно, командарм начал уже чувствовать и что-то большее, что происходило рядом.

Вот почему в это время командарм вдруг меняет маршрут выхода и дальше пытается пробиться уже в направлении позиций своей армии, 33-й.

К утру 16 апреля 1942 года колонны вышли к Новой Михайловке.

Разведка, высланная вперед, сообщила, что дорога Кобелево—Климов Завод контролируется курсирующими немецкими танками, неподалеку расположена казарма, в которой находится неустановленное количество пехоты. Прорывать-

ся по охраняемой дороге означало повторение бойни на большаке при прорыве из Шпыревского леса. И командарм принял решение дождаться темноты.

Оставшиеся в живых свидетельствуют о том, что здесь, у Новой Михайловки, произошел тяжелый бой. Снова колонна наскочила на пулеметы. Снова по прорывающимся прицельно и согласованно била артиллерия и минометы. В результате этого боя колонна была рассеяна на группы, в которых насчитывалось от двух до семисот человек.

Немцы уже знали, что в этой колонне идет генерал Ефремов. Их разведка уже получала необходимую информацию. Источник находился рядом с командармом, в штабной группе. Кто? Кто сдавал командарма немцам? Этому вопросу уже шестьдесят семь лет. Целая человеческая жизнь. Он уже состарился, этот проклятый вопрос.

Дорогу Кобелево—Климов Завод надо было пересекать. И вот вечером, примерно около 22.00, группы начали готовиться к прорыву. И в это время севернее Новой Михайловки загрохотало. Вспыхнули десятки осветительных ракет. Струи трассирующих пуль пронзали пространство ночи, отыскивая цели — бегущих через большак людей. Это начал самостоятельный прорыв с остатками 338-й стрелковой дивизии полковник Кучинев.

Некоторые исследователи склонны полагать, что эту атаку полковник Кучинев не согласовал с командармом, а значит, начал самовольно. Но в любом случае прорыв напролом севернее Новой Михайловки оказался на руку группе генерала Ефремова. Часть сил, контролировавших большак Кобелево—Климов Завод, была отвлечена. Полковник Кучинев, рядом с которым все время шел начальник артиллерии дивизии полковник Панков, с небольшой группой прорвался через большак.

Ринулась через большак и группа командарма. По ней тут же был открыт ураганный огонь из танков и минометов. Артиллерия сделала несколько залпов и замолчала. Прорывающиеся настолько близко подошли к линии немецких заградительных огневых позиций, что возникла угроза поражения своих.

Повторилась история с прорывом на большаке Беляево—Буслава. Часть колонны прорвалась. Часть, гораздо боль-

шая, была отсечена огнем и откатилась назад, в лес. На этот раз командарм оказался во второй группе.

Здесь уже начался хаос. Бойцы и офицеры, видя, что атаки не дают результатов, что немцы их окружили и они уже совсем рядом, повсюду, начали уходить от группы командарма при первой возможности. Не возвращались разведгруппы. Можно предположить, что некоторые из них гибли или попадали в плен. Но можно предположить и то, что некоторые, к сожалению, уходили, фактически бросая своего генерала, чтобы выйти небольшой и неприметной группой где-нибудь на другом, более спокойном участке. Те, кто не мог бросить командарма, особенно раненые, начали стреляться. Особенно офицеры. Они-то знали, что их ждет в плену.

Штабная группа вышла к деревне Косюково, на Угру. Но и здесь не оказалось своих. И здесь — немецкие танки и пулеметы. Некоторые пошли в воду, в Угру, разлившуюся на километры. Поплыли, держась за бревна. Немцы открыли огонь. Никто не доплыл до противоположного берега. Командарм приказал возвращаться. Подошла немецкая радиоустановка. Генералу и его последним солдатам предложили выйти с поднятыми руками. Голос твердый, без акцента, но не родной. И вдруг — усталый, измученный, почти рыдающий:

— Братцы! Тут ничего! Жить можно! Кормят! Братцы!..

Где-то в лесах между Новой Михайловкой, Кобелевом и Жарами оставили раненых, в том числе генерала Офросимова и адъютанта командарма майора Водолазова. И тут снова начали стреляться офицеры. А те, кто не мог себе помочь уже и в этом, стонали, прося добить их,

А живые продолжали идти за своим генералом, который тоже был ранен. Но еще шел. Это придавало сил всем, находящимся рядом: генерал идет, генерал с ними, а значит, есть надежда... И, выходя на очередной заслон, живые бросались на пулеметы. И уцелевшие снова шли дальше.

Впоследствии сын капитана Д.Н. Митягина из 338-й дивизии майор в отставке С.Д. Митягин с поисковиком А.Н. Красновым и ветеранами-ефремовцами не раз пройдет по этому маршруту, составит подробную схему боев, восстановит картину гибели штабной группы и командар-

ма. Они разыщут окопы, из которых вели огонь по прорывающимся ефремовцам немецкие пулеметчики. Обнаружат россыпи гильз, искореженные, видимо, взрывами ручных гранат, запасные стволы МГ, немецкую медаль за боевые действия во Франции. Именно накануне ликвидации котла под Вязьму из Франции были спешно переброшены свежие части. Операция по ликвидации кочующего котла 33-й армии готовилась основательно. В ходе этой операции немцы надеялись захватить самый главный трофей — русского генерала Ефремова. Генерала, которому покровительствовал сам Сталин. И тем самым дать понять не только Красной армии, но и всему воюющему против Германии миру, какую точку вермахт ставит в битве за Москву.

Глава 18

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В сосняке у деревни Жары. Ефремовцы уходят к Угре мелкими группами. Снова под прицелом автоматчиков. Кто руководил последним боем? Последнее право русского офицера

После неудачной попытки переправиться через реку Угру у деревни Костюково группа командарма отошла к деревне Жары. Здесь-то, в сосняке, и произошел тот последний бой, который провел генерал Ефремов с остатками своей армии и который стал финалом трагедии.

До линии фронта оставалось не более 4 километров. Остановились на отдых. Рухнули в рыхлый мокрый снег, чтобы хоть немного отдышаться и прийти в себя перед новым броском. Туда, к Угре. Угра окликала их гулом канонады — там шел непрерывный бой. Гудел плацдарм у деревни Павловки, где батальон одной из дивизий 43-й армии удерживал клочок земли, простреливаемый из винтовки, куда уже просачивались одиночки и мелкие группы бойцов 33-й армии. Орудия гремели справа и слева от плацдарма. Но твердо стояли и немцы. И их оборону наши дивизии, брошенные вперед с целью деблокады кочующего котла, прорвать так и не смогли. Вокруг остатков группы Ефремова сомкнулось железное

кольцо. И эта железная хватка не оставляла обреченным других вариантов, кроме одного.

По различным источникам и свидетельствам, в районе Жары—Хохловка—Новая Михайловка, в лесах и оврагах, было сосредоточено до 2 тысяч человек из числа прорывающихся. Надо заметить, что к ним в это время прибавилось и некоторое количество бойцов и командиров арьергардной 113-й стрелковой дивизии. В штабной группе насчитывалось до 500 человек. Это подтверждает сводка штаба Западного фронта, появившаяся через несколько дней, когда, по рассказам уцелевших, можно было составить более или менее реальную картину финала трагедии: «Со слов майора Третьякова, последнее известное местонахождение генерала Ефремова с отрядом 500 человек 16.04 в лесу сев.-вост. Ключик...»¹

В это время, когда очевидное стало явью, колонна начала распадаться на более малочисленные группы числом до 40 человек и менее. Они уходили в прорыв самостоятельно и каждая своим маршрутом. Очевидцы в один голос свидетельствуют о том, что однажды, в один из дней (или часов) генерал собрал оставшихся вокруг него и сказал примерно такие слова: за все, что он, как командующий армией, для них сделал, он попросил прощения. Он не смог их вывести из окружения, и теперь каждый волен поступить так, как считает нужным. Он никого не винит, никого из них, даже если он пожелает идти в плен, не осуждает. Все дрались достойно, вели себя мужественно и задачу свою выполнили...

Вот тут-то, после некоторой паузы, и началась одиночная пистолетная стрельба. Офицеры уходили подальше от бойцов и стрелялись. Другие сбивались в группы и уходили, одни — к Угре, ведь до своих оставалось рукой подать, другие, напротив, считая, что такой маршрут ведет к гибели, шли на юго-запад, где немецкие заслоны были слабее и где пройти их можно было легче и меньшей кровью.

Но вскоре штабную группу догнало то самое подразделение немецких автоматчиков, о котором упоминали многие из уцелевших. Оно преследовало ее от самого Шпыревского леса. Как будто точно знало, где находится генерал Ефремов.

По одной из версий, последним боем руководил начальник особого отдела армии капитан госбезопасности Камбург. По другой — сам командарм. По третьей — некий капитан, имени которого в памяти никто не удержал.

Что касается Камбурга, то его, опять же по свидетельствам очевидцев, к тому времени в строю уже не было. Одни утверждают, что он погиб еще на рассвете 14 апреля, командуя ротой автоматчиков при прорыве на дороге Беляево—Буслава. Другие — застрелился во время волны ужаса и безысходности, охватившей остатки армии, горстку последних непокорных. Вторая версия наиболее вероятна, так как Камбурга видели живым спустя несколько суток. Да и история с «расстрелом» полковника Ушакова произошла значительно позже. Таким образом, Камбург, скорее всего, застрелился. Кто знает, возможно, в это решение влилась и капля осознанной вины за самосуд над полковником Ушаковым. Ведь выразил же генерал Ефремов свое мнение по поводу его выстрела: «Дурак!» — а значит, были и другие разговоры. Но возможно, выстрел капитана Камбурга обрубал и многие другие нити, которые он, человек по должности своей весьма осведомленный, держал в руках и мало с кем об их существовании делился. Кто знает...

Сам командарм был уже в таком состоянии, что руководить ходом боя не мог физически. Последнее ранение оказалось тяжелым. Пуля попала в седалищную кость. Он не мог передвигаться. Его несли. Он не мог стоять. Сидел за сосной, когда автоматчики и стрелки, последние солдаты его армии, оставшиеся с ним до конца, отбивали атаки немецкого подразделения, блокировавшего их в сосняке.

Так что, скорее всего, последним боем руководил некто третий. Неизвестный капитан. Безвестный герой последнего боя 33-й армии. Он, так же как и капитан Тушин из «Войны и мира», честно и добросовестно исполнял свой долг, держась воинского устава, офицерской чести и человеческого долга. Бой был долгим, упорным. Немцы, не находя возможности приблизиться к окруженным, подтянули минометы и начали обстрел сосняка. Мины сделали свое дело. И вскоре цепь автоматчиков прошла по сосняку уже беспрепятственно. Автоматчики добивали уцелевших и раненых.

Из донесения штаба 4-й полевой армии вермахта: «Несколько безуспешных атак на участке Павлово. Огонь артиллерии (400 залпов) по северному участку 98 ад. С 14 по 16 апреля из состава 33-й русской армии было уничтожено 800 чел. И взято в плен 300 человек, в том числе 25 офицеров и 1 комиссар...»¹

Сам командарм, находясь в середине кольца, прислушиваясь к звукам боя, конечно же понимал, что это — конец. Силы покидали его. Сказывалась тяжесть полученного ранения, потеря крови, общая усталость. Он понимал, что может наступить такая минута, когда он окажется в состоянии полной физической немощи и уже не сможет владеть собой. Нужно было успеть распорядиться последним, на что имеет право каждый офицер. Это он усвоил давно, еще в самом начале своей военной карьеры, в Русской Армии.

Левая рука, которая была, вернее, правой и которая никогда прежде его не подводила, теперь беспомощно висела на перевязи. Правой, еще послушной, он достал из кобуры пистолет и приложил его холодный ствол к виску...

Глава 19

ГИБЕЛЬ ГЕНЕРАЛА ЕФРЕМОВА. НЕСКОЛЬКО ВЕРСИЙ

Рождение легенд о командарме Ефремове. Версия полковника В.М. Мельникова. Версия Толи Сизова. Другие версии. Голушкевин — Голубеву: «Самый верный и лучший способ выручить Ефремова — ваш прорыв». Отважная радистка-разведчица Мария Козлова

Как мною уже замечено, существует несколько версий гибели командарма Ефремова. Некоторые из них носят характерные черты легенд. И это не только от недостатка достоверной информации. Хотя и это, несомненно, стало одной из причин того, что версии гибели генерала Ефремова настолько многочисленны и противоречивы. Но глав-

¹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 124662. Д. 591. Т. 2. Л. 14.

ная причина появления легенд в том, что народ склонен к созданию мифов. Народу нужен был свой герой. И народ его творил. Из того подручного материала, которым владел от первоначальных времен, — памяти и слова.

Из книги военного историка полковника В.М. Мельникова «Трагедия и бессмертие 33-й армии»:

«Проведя весь день в лесу северо-западнее Новой Михайловки, группа с наступлением ночи продолжила движение, обходя деревню с севера на юг лесом. Всю ночь она медленно продвигалась в избранном направлении, выйдя утром в район примерно в 2—2,5 км севернее Горнева. Было принято решение отдохнуть здесь до вечера, а с наступлением темноты продолжить движение.

Однако враг обнаружил местонахождение группы командарма, которая вынуждена была принять бой. Преследуемая немцами, она с боем продолжила свой путь в направлении Горнева. Здесь в лесу, восточнее деревни группа приняла свой последний бой. В ходе ожесточенного боя с врагом, окружившим группу с трех сторон, генерал-лейтенант М.Г. Ефремов получил тяжелое ранение и, уже потеряв возможность двигаться и активно сопротивляться врагу, но не желая даваться в плен, выстрелил себе в правый висок из своего пистолета. Это произошло во второй половине дня 18 апреля 1942 года».

И историк В.М. Мельников, и другие исследователи истории гибели 33-й армии, в том числе и преподаватель Кондровского педагогического училища А.Н. Краснов, выяснили, что рядом с командармом в момент его гибели было несколько человек. Трое из них выжили. Медсестра одного из госпиталей Елена Дмитриевна Снегирева, еще одна девушка,¹ имя которой неизвестно, и Анатолий Николаевич Сизов, Толя Сизов, которому в то время было все-

¹ Сизов Анатолий Николаевич (1927—1987). До начала войны проживал с родителями в деревне Малое Виселево Знаменского района Смоленской области. В настоящее время ни деревни, ни района с таким названием не существует. Во время войны Толя Сизов числился в составе партизанского отряда. После гибели генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова попал в плен. Во время ареста у него был обнаружен пистолет командарма. Угнан в Германию. С 1942 по май 1945 г. работал на различных работах в промышленном районе Эльзас. В 1945 г. депортирован на родину. Жил и работал в Москве.

го 15 лет и которого взяли с собой проводником, потому что он хорошо знал здешние леса, но знаниями которого генерал Ефремов так и не воспользовался. Его воспоминания отчасти дополняют предыдущую главу, а потому я привожу их в наиболее полном виде.

Из воспоминаний А.Н. Сизова, записанных другим исследователем истории погибшей армии майором СД. Митягиным:

«В феврале месяце дан был приказ выйти из леса и присоединиться к 33-й армии всем, кто находился в лесу. Наш отряд — 20 человек. Вася Танькин командовал. Вышли из леса на оборону села Рупасово. Там была школа, церковь, и там мы держали оборону.

3 марта 1942 года немцы начали наступление на Рупасово и отрезали нас. Мой отец погиб. Отряд собрался идти на прорыв через Старую Луку с одной из окруженных частей 160-й стрелковой дивизии. Мы пошли в сторону Беляево, Быково и пробились к своим. Там я попал на кухню. В этом доме стоял особый отдел. Это было в Шпырево. Я туда попал из 160-й дивизии. Нас было двое: Сашка Кузнецов и я¹.

Под вечер с 13 на 14 апреля уходили под горочку в лес на саях вместе с поваром. В лесу завязался бой, и там ранило моего товарища Сашку. Я его здесь и потерял, потому что в этом лесу мы все обозы побросали. Пошли в Шумихинские леса под Ключик. Вышли с левой стороны по ходу. Были бои через большак, когда проходили дорогу Климов Завод — совхоз «Кобелево». Это тракт. В ночь двинулись к Угре.

Угру форсировать не пришлось, много народу потопило. Там стреляло два пулемета трассирующими пулями, били из деревни Костюково. В Покровке немцев не было.

Помню, на склоне было совещание. Пошли в обратную сторону через Антипов овраг. Здесь, откуда ни возьмись, немцы. Там была дорога из Большого Виселева на Хохловку. Пулеметов у немцев не было, только автоматчики. Немцы оттуда стреляли, мы перебежали прогал, метров сто.

¹ Стоит обратить внимание на этот факт: подростков, детей бойцы и командиры голодающей 33-й армии старались спасти любыми способами. Этих двоих, из партизанского отряда, пристроили к кухне, поближе к котлу.

После Хохловки лесом пошли назад к Ключику. Хотели идти на Новую Михайловку, там была речка. Хотели перейти ее, но там у немцев были вкопаны танки, и они начали стрелять. Мы отступили. Вот здесь и говорили, что утопили рацию. По этому лесу между Ключиком и этой речкой нас сильно обстреливали, даже с деревьев макушки летели. Нам пришлось обратно переходить большак. На этом большаке опять был бой, и мы пошли по этой речушке к Заднему Моху. Перешли эту речушку и там вошли в лес. Стали обходить Новую Михайловку.

В лесу переходили большак севернее обелиска¹.

Возле большака, в лесу, где видно Тарасовку, был сильный бой. А после боя плотину перебежали, как — уж не помню. Где перешли Собжу, не помню. Мы ее только по плотине могли перейти. Когда перескочили Собжу, охраны уже не было. Охрану командующего всю перебили. И вот мы вышли к поляне на краю леса.

Командующий там сел с комиссаром, напротив сели еще три человека. То, что командующий был ранен, я не видел. Когда показались немцы, они шли цепью, командующий застрелился сам. А мы полегли вниз головой. Немцы прошли. Кто был жив, всех расстреляли и ничего с убитых не взяли. Они прошли цепью. Когда они уже скрылись, вижу, остался жив я и одна девушка. Может, кто еще был жив, не знаю.

Я взял у убитого комиссара кусок хлеба, соль, планшет с картой, а у командующего взял маленький пистолет и рядом подобрал еще большой. Мы пошли вслед за немцами к Собже.

Когда подошли к Собже, уже смеркалось. Сели там. Я прислонился к дереву и уснул. Там и переночевали. Как только рассвело, мы спустились по крутому берегу к реке. Там было повалено большое дерево. Мы по нему перешли реку. Возле деревни Тарасовки спустились со склона и

¹ А.Н. Сизов имеет в виду обелиск, установленный поисковиками города Ступина после войны, когда здесь, в сосновом бору, на живописной возвышенности, стали производить захоронения останков ефремовцев. Сейчас в этом месте большое воинское кладбище, где лежат уже сотни. Рядом с обелиском могила полкового комиссара А.Ф. Владимирова.

пошли через поле. Пошли, и, только к лесу подходить стали, нас обстреляли немцы. В этом лесу мы остановились. Оказалось, в этом лесу стояла немецкая артиллерия. Нам об этом сказала наша группа, которая наткнулась на нас. «Как вы здесь оказались? — говорят. — Здесь же немецкие артиллеристы недалеко от вас». Мы там с 19 по 25 апреля просидели, а 26-го уже в плен попали.

Мы разделились на две группы, поскольку и у них, и у меня была карта. В той группе были одни младшие командиры. Идти одной большой группой было опасно. И когда мы в плен попали, девушку из ихней группы и ту, с которой я шел, оставили немцы в Климовом Заводе при больнице. А нас погнали мимо больницы в Лужки.

Нас загнали в Лужки, и я там был до 7 мая. Потом немцы погнали нас этапом до самого Рославля. Там был концлагерь для военнопленных возле самого Варшавского шоссе. Там есть ров, туда возили по 500 человек в день. А с этого лагеря нас собрал немец помоложе — и на станцию. Угнали в Германию, как вольнонаемных. В Германии я попал в Эльзас. Там я пробыл, пока нас не освободили французы».

Житель небольшого хутора, который в довоенные годы и во время войны находился неподалеку от соснового бора, Родион Михайлович Коновалов в беседе с писательницей Юлией Борисовной Капусто рассказал такую историю. Цитирую фрагмент документальной книги Ю.Б. Капусто «Последними дорогами генерала Ефремова» (М., 1982): «Он незыблемо стоит на том, что командарм погиб 14 апреля в блиндаже и якобы из блиндажа вышел офицер и сказал: «Батя умирает, ранен в живот, говорит, кто как может, спасайтесь». Коновалов стоит на своем, ни в чем решительно не уступает, совсем как Стопудов, и у меня возникает мысль: а не провокатором ли был тот офицер, что вышел из блиндажа? Не офицером ли полка «Бранденбург», где наверняка были и дети русских эмигрантов...»

В других публикациях можно было прочитать о том, что генерал Ефремов свой последний бой принял в одной из деревень, окруженной немцами. Версии, версии...

Для разгадки тайны гибели командарма стоит внимательно почитать раздел «Приложения», и особенно свиде-

тельства очевидцев. Сравнить их со свидетельствами помощника прокурора 33-й армии А.А. Зельфы и главного хирурга профессора И.С. Жорова. Право, есть о чем подумать. Пока не найдены новые документы, которые могут пролить на этот разноречивый мрак более ясный свет. Потому что, пока нет точных доказательств, никого обвинять нельзя. Говорить и рассуждать можно разве что о малодушии некоторых офицеров и военных специалистов, которые в последние часы были рядом с командармом, а потом вдруг оказались совершенно в другом месте, но не о предательстве. Слишком серьезное и тяжкое обвинение.

Но пепел стучит в груди... И пытливым покоя нет, пока не разгаданы главные загадки истории гибели генерала Ефремова.

Что же происходило в эти дни на фронте в районе Износки—Юхнов?

Вот запись телеграфных переговоров начальника связи Западного фронта генерала Н.Д. Псурцева и комбрига Д.Н. Онуприенко:

«У аппарата Псурцев:

Здравствуйте, тов. Онуприенко. Генерал Голушкевич сейчас у главкома, если у Вас есть что-нибудь новенькое, он просит срочно доложить. Его интересуют сведения о Ефремове, в частности материал, который Вам сообщили красноармейцы, вышедшие из группы Ефремова.

О каких красноармейцах в количестве 4 человек докладывал Голушкевичу майор Кондырев и почему произошла такая путаница? Из Вашего доклада видно, что речь идет о красноармейцах, вышедших до 13 числа. Как понимать это? Скажите, после 13 числа кто-нибудь вышел из группы Ефремова или нет, сколько же вышло человек после 13 числа? Или нет ни одного?»

Прервемся на комментарий. Итак, штаб Западного фронта постоянно требует сведений о выходе окруженных. Как устоявшийся термин фигурирует «группа Ефремова». Тон начальника связи штаба фронта явно раздраженный. Из его вопросов можно понять и следующее: комбриг Онуприенко ситуацией владеет слабо, сведения в вышестоящий штаб направлял противоречивые, видимо невыверенные.

«Онуприенко:

Здралуйте, тов. генерал. Прошу доложить Голушкевичу, что красноармейцы, вышедшие 13 числа, с группой Ефремова связаны не были. Это люди 160-й дивизии, которые были отрезаны от Ефремова в районе высоты 11 числа. Отряд в количестве 400 человек сосредоточился в лесу юго-восточнее Ключики, обошел Мало-Виселево с запада, форсировал р. Угра северо-западнее 200 мтр. Костюково и вышел в лес юго-восточнее высоты 169,3, с южной опушки леса повел наступление 13.04 на Бол. Устье, уничтожил одну минометную батарею, и до 150 чел. ворвалось в Бол. Устье под воздействием артиллерийского огня. По докладу якобы с нашей стороны (восточной) отряд Бол. Устье оставил и разошелся группами в разных направлениях. Дальнейшие судьбы этих отрядов вышедшие красноармейцы и один лейтенант не знают. Вышедший красноармеец 113-й стрелковой дивизии, по данным 43-й армии, еще не прибыл, в 43-й его также нет, есть данные, что он оставлен с группой разведчиков Голубева в районе Жары.

Сегодня ночью в район Ново-Михайловка выбрасываю двух человек с радиостанцией, если удастся установить хотя бы связь с группой Ефремова, вышедшего красноармейца 113 сд на рассвете 18.04 посажу самолет в районе Михайловка. Вот все, что известно о группе Ефремова. Связи с Ефремовым не имею с 18.30 13.04. Все.

Речь идет о четырех человеках: два красноармейца, один лейтенант, другой мл. лейтенант, высланные в разведку от 160 сд, которые с группой Ефремова связи не имели, а вели бой в районе выс. 201,5 и высланы были еще 11 числа. Сейчас же есть данные — вышел красноармеец из 338 сд или 113 сд, но из группы Ефремова. Как только он прибудет в 43-ю армию, положение будет установлено. Почему Кондырев перепутал — не знаю. Сейчас выясню. Все.

После 13 нет ни одного, если не считать того, о котором есть сведения, что он с разведкой Голубева. Все. До свидания»¹.

Да, есть над чем подумать. И речь вовсе не в степени грамотности и речевой культуры комбрига. Монолог Онуприенко оставляет такое впечатление, будто автор его силь-

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 279. Л. 108-109.

но либо перепуган и месит все, что ни попадая, либо не совсем здоров после вчерашнего.

Во-первых: 13 апреля у Костюкова окруженные переправляться вряд ли могли. Выход начался в ночь на 14 апреля. 13 апреля в штаб Западного фронта ушла телефонограмма, в которой о положении 160-й дивизии говорилось буквально следующее: «На участке 160 сд ведется обстрел расположения наших частей. Готовлю прорыв». Весь день 13 апреля подразделения 113-й дивизии, которой определялась роль арьергарда, сменяли части 160-й дивизии по фронту Федотково—Семешково—Лутное. 160-я должна была идти в авангарде. К 21.00 того же, 13-го числа 160-я сосредоточилась в районе Шпыревского леса и изготовилась к маршу-прорыву. Марш начался ровно в 23.00. Комбриг, по всей вероятности, ведет речь все же о группе Ефремова либо об одной из групп, которая двигалась параллельным маршрутом одновременно с ней (район Ключиков и Малого Виселева). Но это происходило не 13, а 15 апреля, поздно вечером. Неудачная же переправа через Угру у Костюкова, когда колонна была обстреляна из деревни сразу несколькими пулеметами, произошла и вовсе 16 апреля. Именно тогда некоторые из бойцов и командиров 33-й армии все же могли переплыть Угру и добраться до своих окопов. Сообщение о том, что в Большом Устье прорывающиеся были обстреляны артиллерийским огнем, который велся из-за Угры, то есть своими же, вообще заслуживает отдельной оценки.

Позже стало известно о том, что радиосвязь штарма в Износках с группой Ефремова поддерживалась вплоть до 16 апреля. Хотя комбриг назвал генералу Псурцеву более раннюю дату — 13 апреля. Из сообщения штарма: «В 16.35 17.42 рация Ефремова вызывала чью-то рацию, но неразборчиво. Свой позывной давала правильно. Слышалась очень слабая работа микрофона. В 18.55 она снова появилась в эфире. Давали только свой позывной и позднее передавали шифровку, но очень неразборчиво. Цифры записать не удалось. Рация «Туриста» работает беспеременно»¹.

Разговор генерала Псурцева с комбригом Онуприенко происходил 18 апреля. Комбриг заверил генерала, что но-

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 177. Л. 44.

чью в район предполагаемого местонахождения группы Ефремова будут заброшены на парашютах разведчики-радисты. Но, как о том свидетельствуют реально происходившие события, радисты через линию фронта были переправлены только утром 20 апреля. Запоздывали днями, когда счет жизни или смерти исчислялся уже не часами, а минутами.

А вот текст донесения Военному совету 43-й армии командира 17-й стрелковой дивизии, которая держала оборону неподалеку, в устьях Рессы и Угры:

«1. Данные опроса группы бойцов и командиров 33-й армии, вышедших на участке фронта 17 сд в 2.00 18.04.42:

На опушке леса вост, 800 метров от Жары произошла встреча наших разведчиков (отдельная разведроты 17 сд) с группой бойцов и командиров из группы войск Ефремова. Всего их было 18 человек, из них 1 раненый без оружия, остальные вооружены.

Указанная группа состояла из двух подгрупп:

а) группа начальника артснабжения 160 сд майора Третьякова Андрея Родионовича, с ним командир артдивизиона 673 ап капитан Голиков Николай Петрович. Всего в группе 20 человек, и вышло 15 человек, в том числе Третьяков и Голиков;

б) группа коменданта особого отдела 160 сд Назарова Ивана Ильича. Группа состояла из 11 человек, и вышло только 3 человека, в том числе и Назаров.

2. Обстоятельства перехода указанной группы линии фронта противника к 2.00 18.04.42:

Разведчиками 17 сд и отдельной разведроты армии на вост. опушке леса 800 метров сев.-вост. дер. Жары было растаскано проволочное ограждение, т. е. ворота для входа туда и обратно были открыты. В этот момент группа майора Третьякова вышла незамеченная противником, т. е. из 20 человек вышло 15, а группа Назарова, которая шла за группой Третьякова, была обнаружена противником и попала под сильный пулеметно-автоматный огонь, понесла потери — 11 человек, осталось 3, в том числе один раненый.

От этого же огня пострадала и группа майора Третьякова. Из 20 человек 5 убито и 5 ранено. Активное действие наших разведчиков оказало большую помощь указанной группе.

В результате завязавшегося сильного боя на вост. опушке леса разведроты понесли потери: ранено 27 человек, убито 23 человека, в том числе командного состава — 2 человека. Противник имел исключительно большое превосходство автоматического огня с применением крупнокалиберного пулемета, автоматических пушек 20 мм калиб. и минометов. Оставшийся состав разведроты вынужден был отойти и окопаться в 50—100 метрах от опушки леса.

3. Данные о противнике: были опрошены майор Третьяков, капитан Голиков и комендант 160 сд Назаров. Показали следующее.

...После боев 14.04.42 в районе Ключик, Нов. Михайловка части 33 армии разбились группами по 40 человек и более. К подобным группам относятся указанные группы товарищей Третьякова и Назарова.

Указанные группы в течение двух суток находились в лесу вост. отм. 186,9 и наблюдали за действиями противника, изучали систему обороны, с тем чтобы определить место для перехода линии фронта. Показания товарищей являются правдоподобными в отношении системы огня противника (количество огневых точек). [Наличие] артиллерийских и минометных батарей подтверждается войсковой и артиллерийской разведкой. В отношении Ефремова майор Третьяков заявил, что 14.04.42 Ефремов имел при себе 500 человек в лесу сев.-зап. Ключик и будто бы намеревался двигаться в направлении Бол. Виселево или Нов. Михайловки, Жары.

Опрос второй группы, вышедшей на участке фронта 1 гв. сд и прибывшей в расположение 17 сд в 8.20 18.04.42 в Красное. В расположение 17 сд прибыла группа командиров и бойцов 33 армии, вышедших из окружения, принадлежащих И3 сд в количестве 49 человек с полковником Бодровым, начальником штаба артиллерии И3 сд. Группа имеет раненых 15 человек, из них тт. Бодров, Смурачев, Гринев (маршрут — см. прилагаемую карту).

Прошли в районе Бочарово в расположение [1] гв. сд. В 2.00 18.04.42 группа разведчиков [1] гв. сд открыла по ним огонь, после уточнения разведка перенесла огонь по огневым точкам противника, тем самым прикрыла выход группы.

4. Весь состав вышел с оружием, за исключением раненых.

5. Группа Бодрова в первое время выходила из окружения совместно с начальником штаба дивизии тов. Сташевским до отм. 176,4 сев.-вост. Стар. Лука. После чего группа с начальником штаба, примерно в составе 25 человек, пошла в направлении Козлы, [а] группа Бодрова направилась в количестве 80 чел. в сев.-вост. направлении; 3-я группа, возглавляемая командиром 113 сд полковником Мироновым в составе 151 человек. После ранения командира дивизии в районе выс. 201,5, что сев.-вост. Буслава, осталась во втором эшелоне группы Бодрова; был выделен личный состав для усиления охраны командира дивизии.

6. По пути движения группа наблюдала движение отдельных танков в Козлы на Прокшино (2). Противник имеет две линии обороны: 1-я линия обороны проходит [в районе] Шеломцы, лес вост. Шеломцы и далее на юг, перед которой стоят наши части; 2-я линия обороны проходит в районе Кобелево, Долженки, Колодези. Противник проводит оборонные работы в районе Гуляево, [отмечена] постройка плотов, заготовка лесоматериала в лесу сев. Шлыково. В 1 км создал опорные пункты: [в] Долженки усовершенствовал оборонительные сооружения, сильно укрепил Шеломцы. Колючая проволока встречена только в районе Бочарово. Сожжены Кобелево, Рудное, Шеломцы. Просматривалось движение по дороге Кобелево—Долженки в период боев за Юхнов и в момент взятия города. Большое движение транспорта по направлению к Вязьме; в середине марта замечалось обратное движение — в направлении Юхнов.

Состояние прибывших: физически сильно утомлены, оказана медицинская помощь, просмотрено состояние всей группы, размещены на отдых и дано питание, имеется один тяжелораненый врач (заражение крови), требуется немедленная эвакуация. Принимаются меры для отправки в медсанбат в Извольск».

Что ж, 43-я армия делала все, что могла. Противник к тому времени порядком укрепился и вперед дивизию Голубева не пустил. Момент для прорубания коридора был упущен.

17 апреля вечером состоялся телефонный разговор командарма-43 с начальником штаба Западного фронта:

«Голушкевич:

Здравствуйте. Прошу доложить генералу армии тов. Жукову результаты опроса двух командиров, которые с группой в 20 человек вышли сегодня из окружения в районе юго-восточнее Городец.

Голубев:

Говорили с ним я и тов. Боголюбов. Один — начальник арт. снабжения 160-й сд майор Третьяков, а второй — комендант особого отдела 160-й сд мл. лейтенант Назаров. Докладываю самую суть:

1. По их словам, Ефремов с группой в 2 тыс. человек с утра 14.04.1942 года шел от Песковского (Шпыревского) леса в направлении деревни Жары. Имели бой, после чего Ефремов повернул с группой (с группой в 500 человек) в сторону Малого Виселева.

Не доходя Малого Виселева, в лесу также был бой, где принимали участие и танки противника. Младший лейтенант Назаров доложил, что он видел Ефремова в последний раз в 3.00 16.04.1942 года. Оба этих командира по своей инициативе организовали группу, с которой вышли в этот район, о котором я доложил.

2. Они подтверждают, что в районе Городец и к югу — сплошная оборона и наличие проволоки.

3. Они высказывают предположение, что в лесах южнее и юго-западнее Малого Виселева находится значительная группа и, возможно, сам товарищ Ефремов.

4. Наши мероприятия:

в 21.00 18.04.1942 года назначена еще раз общая атака с категорическим требованием бросить в бой все, что имеем, с целью прорвать оборону и выручить части товарища Ефремова. Кроме действующих трех разведывательных групп, о которых мы донесли, приказываю наряду с ними организовать серию мелких атак.

Голушкевич:

Получается странная вещь: небольшие группы голодных, изможденных людей без всякой артиллерии с боями проходят всю глубину оборонительной полосы противника, в то же время как Ваша целая армия не может прорвать

эту оборону, имея при этом большое насыщение артиллерией?

В расположении противника есть промежутки, и эти группы проходят через них, встречая, возможно, небольшое сопротивление немцев, которое и преодолевают. Самый верный и лучший способ выручить Ефремова — Ваш прорыв. Вы должны понять тяжелейшее положение Ефремова и с продовольствием, и с боеприпасами и не должны надеяться на то, что Ефремов сам прорвется, а должны сами очистить для него дорогу.

Такая задача поставлена перед Вами Главкомом, и Военный совет армии головой отвечает за ее выполнение. Необходимо как можно скорее уточнить район нахождения основной массы сил Ефремова, с тем чтобы можно было сбросить продовольствие и патроны с воздуха. Организуйте опрос вышедших из окружения людей и немедленно донесите результаты»¹.

Немецкие документы свидетельствуют о том, что оборона перед 43-й армией имела характер опорных пунктов, то есть была не сплошной, а очаговой. В нужный момент на угрожающие участки перебрасывались мобильные группы или, по мере необходимости, более крупные подразделения. 5-я танковая дивизия и вовсе пришла в район Климова Завода в те дни, когда здесь все уже было конечно и оставалось зачистить местность от мелких групп и одиночек, не желавших выходить на дороги с поднятыми руками.

Из сводки штаба немецкой 4-й полевой армии: «В результате боев с разрозненными группами из состава 33-й русской армии за 18.4 убито 44 человека, взято в плен 111 человек, в т. ч. 25 офицеров. Трофеи: 8 орудий, 30 тягачей, 3 ПТР...»

Спустя два дня: «12 ак: 98 пд в ходе прочесывания тылового района корпуса захватила в плен 37 человек.

268 пд: оживленные действия разведрумп и артиллерии. Огнем артиллерии разрушена вражеская переправа. В результате операций по прочесыванию убито 35 человек, взято в плен 48 человек, в том числе много офицеров.

¹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 197.

Части 5 тд и 15 тд, предоставленные в распоряжение штаба 12 ак, прибыли в район Ломы—Буслава...»

Невелики трофеи у немецких дивизий, занимавшихся ликвидацией остатков 33-й армии и прочесыванием лесов, когда стадия организованного прорыва уже прошла и когда продолжалось просачивание на восток, за Угру отдельных, разрозненных групп ефремовцев.

Небольшие группы проходили через оборону противника. С потерями, но пробивались. Возможно, вышел бы и Ефремов, если бы в его группе не было предателя и если бы она оторвалась от постоянного преследования. Голушкевич требует от Голубева «как можно скорее уточнить район нахождения основной массы сил Ефремова, с тем чтобы можно было сбросить продовольствие и патроны с воздуха». То же требование, как мы знаем, было поставлено и перед штабом Восточной группировки. И что же?

Из оперативной сводки штаба Западного фронта:

«Положение выходящих с боем из окружения частей Западной группировки и местонахождение командарма-33 генерала Ефремова точно не установлено.

Утром 20.04 в полосе выхода частей Западной группировки к фронту 43 армии сброшены с самолетов два радиста: один в районе Буслава, второй — район леса сев.-зап. Нов. Михайловка. С обоими установлена связь. Первый радист (радистка) в районе Мал. Буславка встретила группу бойцов и командиров из состава 33 армии. Обстоятельства уточняются. В полосе 43 армии вышли три человека из состава 160 сд...»

Первым радистом, о котором говорится в сводке, была двадцатилетняя Мария Козлова. Имя второго неизвестно.

Есть легенда, по которой группа радистов должна быть переправлена через линию фронта сутками или даже двумя раньше. И самолет действительно поднимался с Мятлевского полевого аэродрома, но выброски радистов не произошло. Существует легенда, что напарник Марии Козловой, некий капитан, не выдержав нервной нагрузки, отказался прыгать, когда самолет пролетал над заданным районом. Внизу, в лесах, все пылало, шла непрерывная стрельба, и нервы капитана не выдержали. Самолет вернулся назад. А на следующий день Мария Козлова вылетела уже без напарника, одна.

Парашют отважной радистки-разведчицы зацепился на большую ель, и она повисла в нескольких метрах от земли. Обрезала стропы и плюхнулась в талый снег. Прислушалась. Вокруг шла стрельба. Но звуки боя были далекими. Девушка попыталась сориентироваться. Но только что пережитый страх был настолько сильным, что она вдруг почувствовала, что не может идти. Отошла от своего парашюта на несколько десятков шагов, присела под деревом и мгновенно уснула. Здесь, на восточной опушке Шумихинского леса, ее и обнаружили разведчики одной из групп 1292-го стрелкового полка 113-й стрелковой дивизии. Разведгруппой командовал лейтенант-особист. И первое, что он предложил, когда Марию привели в расположение отряда, — расстрелять ее. Но комиссар полка П.Ф. Мусланов остановил лейтенанта и приказал Марии выйти на связь с командующим фронтом. Перед вылетом на задание с радисткой разговаривал Г.К. Жуков. Он лично ставил ей задачу — разыскать штабную группу командарма Ефремова. 21 апреля в 9.45 Мария Козлова вышла на связь и сообщила о том, что обнаружила многочисленную группу бойцов и командиров 33-й армии, что командарма среди них нет. В шифровке, тут же полученной из штаба фронта, был получен приказ: всей группе выходить в южном направлении, в район действия партизанского полка под командованием майора Жабо. Одновременно в штаб Жабо ушла шифровка с приказом о необходимости организовать встречный поиск выходящих ефремовцев силами разведподразделений. После полудня в штаб фронта ушло новое сообщение: «Нахожусь Координаты Карты 8 эш Шифром. Сбросьте продукты 500 человек и медикаментов. Двигаюсь на Юхнов. Установила — командующий 19.4 находился лес 82-22. Командиры 1292, 1288»¹. В расшифровке «8 эш» значит как район Новой Михайловки, а «лес 82-22» — район Дегтянки и Тарасовки.

В лесу к группе комиссара Мусланова присоединился отряд прорвавшихся бойцов и командиров из 160-й стрелковой дивизии. Командовал им подполковник И.К. Кириллов. Чуть позже подошла группа под командованием комиссара 113-й стрелковой дивизии Н.И. Коншина. Они

несли раненого командира 160-й стрелковой дивизии полковника Н.Н. Якимова. Все, собравшиеся в этом лесу, тут же объединились в одну группу. Возглавил ее подполковник Кириллов. Все они выйдут к своим.

Подполковник Кириллов войну закончил генералом, командиром стрелковой дивизии. Батальонный комиссар Мусланов станет Героем Советского Союза и в день Победы в 1967 году вместе с летчиком Алексеем Маресьевым зажжет Вечный огонь у памятника Неизвестному Солдату у Кремлевской стены. До победы доживут комиссар Коншин и многие другие офицеры и солдаты той счастливой группы.

Это были те, кто уцелел в Шпыревском лесу, кто добежал до леса, когда немцы обрушили шквал огня на большак Беляево—Буслава, кто выжил во время изнурительного марша к Угре и кого пощадила пуля в сосняке близ Жаров, где командарм принял свой последний бой.

Штаб Западного фронта в оперативной сводке от 22 апреля 1942 года сообщал: «О положении группы частей генерала Ефремова, пробивающихся с запада к линии фронта 43 армии, из донесения по радио к 15.00 22.04 известно: в лесу 3 км зап. и южн. Слободка находился отряд численностью в 600 человек под командованием капитана Степченко. Ночью 22.04 отряду сброшены с самолета продовольствие, боеприпасы и медикаменты, радиোগраммой подтверждено получение сброшенных грузов, а также сообщено, что отряд Степченко соединился с группами Коншина — комиссара 113 сд и Молчкова — нач. подива 113. В ночь на 22.04 в полосу 43 армии в распоряжение своих войск вошли 19 человек из разных соединений группы генерала Ефремова. Подробности уточняются»¹.

Но при уточнении подробностей так и не была выяснена подлинная картина гибели командарма Ефремова. Можно предположить, что среди прибывших к группе Степченко—Мусланова были те, кто до последней минуты был рядом с генералом. Почему они промолчали об этом? Причины могли быть разными. Ведь я уже говорил о том, что, когда в группе Ефремова поняли, что он, командарм, при-

¹ ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 174. Л. 93.

тягивает все несчастья в виде новых и новых заградзастав, мобильных групп автоматчиков, многие стали уходить в лес. Кто шел в разведку и не возвращался. Кто ложился на снег и уползал в лес, когда колонна проходила вперед. Кто отбивался во время очередного боя. Кто... Впрочем, что теперь гадать. В разделе «Приложения» даны несколько свидетельств того, как это происходило.

В расположение партизанского полка особого назначения майора Жабо, по различным сведениям, вышли 670 человек.

Выход отдельных групп ефремовцев продолжался до самого мая. Известно, что 3 мая 1942 года в расположение 222-й стрелковой дивизии, которая все эти месяцы держала оборону под Износками, находясь в составе Восточной группировки 33-й армии, вышли 7 человек.

Если проанализировать статистику, то можно сделать следующие выводы, свидетельствующие о количестве погибших и выживших во время операции по выходу из окружения. На начало апреля в 33-й армии, включая и госпитали, числилось 11 500 человек. В партизанский район майора Жабо вышли 670 человек. Еще 230 прорвались через линию фронта и вышли в расположение 43-й и 33-й армий. Осталось в лесу, таким образом, примерно 10 600 человек. Многие впоследствии оказались в партизанских отрядах. Кого-то спрятали местные жители. Кто-то пробрался на родину, как Владимир Петрович Гуд, запись воспоминаний которого я привожу в приложениях. Таким образом, как отмечали это генералы той поры и как рассуждают некоторые из нынешних военных историков, трагедия Западной группировки 33-й армии по своим, арифметическим, масштабам не так уж и велика. Вот почему некоторых людей сейчас смущает тот факт, что о командарме М.Г. Ефреме и его погибшей армии (Западной группировке) пишут больше, чем о более героических и заслуженных генералах и маршалах.

Дело-то тут в другом. Заслуженность, память в сердцах людей, теперь уже — поколений, не достигается количеством наград, полученных при жизни. Память нельзя закрепить, как оказывается, и количеством памятников (генералу М.Г. Ефремову поставлен только один памятник).

По прошествии определенного времени с памятью о том или ином человеке происходит нечто такое, что не поддается логике рассуждений первого ряда, которая обычно и служит основным орудием историков и историков-идеологов. Начинают действовать внутренние силы и законы. Накипь условностей опадает. Остается, как после паводка, самая суть пейзажа, рельефа, прежде скрытого под водой. Проступают и все подводные камни, и все мели, и ямы, и заповедные родники, и порванные верши, которыми пытались уловить ту или иную рыбу... Остается самая суть. Она выпукла, очевидна.

Суть командарма Ефремова — его человечность, помноженная на высокую офицерскую честь и солдатскую стойкость. Вот это теперь и влечет к нему пытливые души. Среди пытливых всегда преобладает молодежь. И образ командарма Ефремова, любимого солдатского генерала, с годами становится любимым образом в пантеоне героев Великой Отечественной войны. Это правильно. И это — хорошо.

Глава 20

ГЕНЕРАЛ ЕФРЕМОВ И ДРУГИЕ

Два генерала: Ефремов и Власов. Кто же хоронил командарма? Генералы Модель и Шмидт

Генерала Ефремова часто сравнивают с другим генералом. Особенно в последнее время. На телевидении в последние два-три года прошло несколько документальных фильмов и передач. Одна из них буквально так и построена: Ефремов—Власов. Так сложились их судьбы. Вначале очень похоже: оба командовали армиями, и 2-я Ударная, и 33-я ушли в глубокий отчаянный прорыв, и та и другая при этом были отрезаны и окружены. Но дальше судьбы двух генералов сложились совершенно по-разному. Один поднял руки, передал личное оружие врагу, а затем изменил присяге и служил вермахту. Герой же нашей книги оружие не сложил и последний патрон истратил по назна-

чению, следуя древней заповеди русского воина: мертвые сраму не имут.

И этим своим поступком, этим выстрелом, последней жертвой — так сложилось — искупил многое, в чем можно было его упрекнуть. И одновременно выкупил жизнь многих своих солдат и офицеров.

Вышедшие из окружения под Спасской Политью и Мясным Бором вскоре оказались в фильтрационных лагерях. И многие вскоре оказались под дулами расстрельных взводов Смерша. На 2-ю Ударную смотрели через призму предательства командующего. Власов бросил грязную тень измены на всех своих солдат и офицеров. И они, не виновные ни в чем, более того, герои, ценою невероятных усилий и жертв вырвавшиеся из окружения, они, вынесшие знамена своих полков, платили за малодушие своего генерала. Для многих платой стала жизнь. Для других — долгие годы послевоенного позора, непонимания, забвения.

Ефремов же своей смертью обелил даже тех малодушных, которые в трудную минуту дрогнули и бросили своего командующего, чтобы спастись в одиночку. И, как показывает история, так спаслись многие. Командарм был как магнит, за которым неотступно следовала группа спецназначения из полка «Бранденбург-800». И многие это вскоре поняли.

Генерал Ефремов предпочел плену пулю в висок. Тем самым он подтвердил неписанный кодекс русского офицера: когда судьба ставит перед выбором — жизнь или честь, — выбор остается за последним.

Власов сдался немецкому патрулю. Произошло это через три месяца после вяземских событий. Власов имел перед собой пример поступка человека равного ему и по званию, и по должности. Но выбор сделал иной — жизнь.

Каждый выбирает свое.

Справедливости ради нужно сказать, что в различных коллаборационистских формированиях, созданных вермахтом из бывших советских бойцов и офицеров и воевавших на стороне Германии в 1942—1945 годах, были и взятые в плен и перешедшие на ту сторону из рядов Западной группировки 33-й армии. Но это уже иная тема. Каждый, ока-

завшись в обстоятельствах выбора между жизнью и смертью, свою судьбу определял сам.

Нелегко складывались и судьбы бывших ефремовцев. Особенно тех, кто вернулся из плена. Но все же их миновала чаша солдат 2-й Ударной. Они были солдатами генерала, выполнившего свой долг до конца.

Как известно, тело командарма Ефремова было похоронено немцами с отданием всех воинских почестей. Могилу копали военнопленные, которые в это время содержались в церкви села Слободка. Церемонией похорон руководил некий чин в немецкой форме, который хорошо говорил по-русски и переводил присутствовавшему на похоронах генералу. Местные жители называли его «господин Соломон». Кто это был, неизвестно. Возможно, бывший белогвардейский офицер и эмигрант Соломоновский¹. Деревенские жители всегда сокращают и упрощают имена и названия до удобопроизносимого минимума. Вот и получился из Соломоновского «господин Соломон».

Генерал, который, как можно предположить, и отдал распоряжение о торжественных похоронах, произнес речь перед своими солдатами, которые были выстроены тут же, у могилы. Говорят, он сказал следующее: «Вы должны сражаться за Германию так же храбро и мужественно, как этот генерал за свою Россию!»

Затем, через переводчика, немецкий генерал предложил сказать слово пленным. Пленных выгнали из церкви и тоже выстроили напротив. Вышел некий комиссар, или командир, и сказал, что это поражение Красной армии временное, что рано или поздно победа будет нашей. И стал в строй.

Немцы назначили человека из местных жителей, который ухаживал за могилой командарма.

Как известно, Вязьма и окрестности наступающими войсками Западного фронта были освобождены в сентябре 1943 года. Лет десять тому назад я разыскал бывшего дивизионного разведчика, в то время лейтенанта, П.Г. Кузнецова. И он рассказал, что в августе 1943 года он со своей раз-

¹ Соломоновский И.К. — русский офицер, участник Белого движения, эмигрант, майор вермахта.

ведгруппой, имея задание произвести разведку местности в районе шоссе Юхнов—Вязьма, вышел к селу Слободка. Немцев в селе уже не было. Они ушли на восток, к Лосьмину. Местные жители рассказали, что в селе долгое время был концлагерь, и указали на здание церкви, обнесенное колючей проволокой. Рядом с церковью разведчики увидели могилу, убранную еловыми лапками. Местные жители сказали, что здесь лежит генерал Ефремов, командующий 33-й армией, который погиб прошлой весной в лесу неподалеку от Слободки, и что немцы его похоронили со всеми воинскими почестями.

Кто же был тот немецкий генерал, хоронивший тело командарма?

Дело в том, что Западная группировка 33-й армии действовала на стыке 4-й полевой и 9-й полевой армий группы армий «Центр». Обороной Вязьмы руководил командующий 9-й армией генерал Модель. В период активных наступательных действий группировок Западного и Калининского фронтов полевое управление 9-й армии находилось в Вязьме. Модель был из тех генералов, которые основное время проводили на передовой, непосредственно в воюющих частях. И его приезд в Слободку вполне мог совпасть с похоронами погибшего русского генерала. Район Слободки относился к зоне действий 4-й полевой армии. Но в этот период войска были так перемешаны, что одна из дивизий 9-й полевой вполне могла находиться в стороне от своего фронта. Шла операция по преследованию и уничтожению кочующего котла 33-й армии.

Вторая версия. Исследователи истории гибели 33-й армии утверждают, что чином, отдавшим распоряжение похоронить тело командарма Ефремова, был некий генерал Шмидт. А затем уточняют, что это был полковник Артур Шмидт, в то время начальник штаба 5-го армейского корпуса, а затем генерал-лейтенант, начальник штаба 6-й полевой армии фельдмаршала Паулюса. Однако, скорее всего, Артура Шмидта в тот период под Вязьмой уже не было. Но был здесь другой генерал Шмидт — Рудольф Шмидт, генерал-майор, командир 19-й танковой дивизии, которая как раз действовала в этот период против окруженной группировки 33-й армии.

Любопытно следующее. И Вальтер Модель, впоследствии фельдмаршал, и генерал-лейтенант Рудольф Шмидт покончили с собой так же, как и генерал Ефремов. Окруженные противником (Модель в Рурском районе — союзниками, а Шмидт под Белгородом — нашими танкистами), они застрелились из личного оружия.

Невольно вспоминается фрагмент из «Войны и мира» Л.Н. Толстого, когда Наполеон увидел лежащего среди своих солдат смертельно раненного Андрея Болконского и восхитился красотой его смерти...

Когда все средства были уже исчерпаны, когда командарм почувствовал, что силы могут оставить его и он уже не сможет распорядиться тем, чем еще имел волю распоряжаться, он вытащил из кобуры свой ТТ и приложил к виску...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Как известно, архив Западной группировки 33-й армии до сих пор не найден. Железные ящики с донесениями из штабов дивизий и боевыми приказами до сих пор лежат где-то в Шпыревском или Шумихинском лесу. И пока документы не найдены, последние дни Западной группировки, судьба штабной группы 33-й армии и командующего генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова до конца неизвестны. Новые и новые публикации не столько проясняют обстоятельства гибели командарма и штабной группы, сколько увеличивают количество возникающих вопросов, усугубляют их сложность. Не все вышедшие оставили свои воспоминания. Некоторые не сделали этого осознанно. Многие вообще не хотели вспоминать о том, что зимой—весной 1942 года они были в окружении под Вязьмой. Другие теряли самообладание и контроль над собой, когда им напоминали об этом. Психика у людей разная. Другие же оставили воспоминания. Кроме них, здесь публикуются также донесения, написанные бойцами и командирами в те апрельские дни, по выходе их из окружения. Стилистика документов сохранена.

Здесь свидетельства, в которые трудно поверить. В продолжение начатой в книге темы автор счел необходимым дать некоторые комментарии.

Из воспоминаний В.С. БОДРОВА, бывшего начальника артиллерии 113-й стрелковой дивизии

33-я армия наступала от Наро-Фоминского направления, овладела Боровском и Малоярославцем и преследовала противника в западном направлении. Примерно в конце

января армия фронта вышла на рубеж Мосоловка—Ореховня—Износки.

Директивой фронта было приказано: привести войска в порядок, подтянуть тылы и быть готовыми перейти в дальнейшее наступление в общем направлении на Вязьму.

В первых числах февраля наша 33-я армия перешла в наступление, форсировала реку Угру и подошла на подступы к Вязьме. Соседним армиям нашего фронта этого сделать не удалось. Воспользовавшись этим, гитлеровцы подтянули свежие резервы, предприняли контратаки по обоим флангам нашей армии и, соединившись, отрезали нас от остальных армий фронта. Наши тылы были отрезаны, и мы оказались в окружении.

Но командующий 33-й армией генерал Ефремов не привык оглядываться назад, и армия продолжала наступать на Вязьму. Противник подтянул свежие силы и приостановил наше дальнейшее наступление. Перерезав железную дорогу Вязьма—Лосьмино, армия заняла круговую оборону на подступах к городу Вязьме на линии ст. Колотовка—Лосьмино—Волоста—Знаменка—Дмитровка—Казенки—Рыжково, то есть в треугольнике: железная дорога Вязьма—Москва, Вязьма—Брянск и западный рукав реки Угры.

Ставка Верховного Главнокомандования нам приказала удерживать занимаемое положение, привлечь на себя большие силы противника с тем, чтобы облегчить остальным армиям переход в наступление и одновременно вызволить нас из окружения.

33-я армия под Вязьмой в полном окружении вела ожесточенные бои в течение двух с половиной месяцев. Противник решил уничтожить части нашей армии. Подтягивая все новые силы, он каждый день, как правило утром и вечером, предпринимал атаки с различных направлений.

Все важнейшие направления артиллерией были пристрелены, атаки отбивались успешно. Но трудно было частям армии выдержать десятикратное превосходство противника, он непрерывно подтягивал свежие силы. Кольцо нашего окружения начало все более сжиматься, наши тылы отрезаны. Мы испытывали голод и большой недостаток в боеприпасах; снарядов еле хватало на два дивизиона всей артиллерии армии. Остальную артиллерию сосредоточили

парком в центре окружения армии. Средств связи было недостаточно, для связи с войсками использовались все имеющиеся средства. Кольцо нашего окружения с каждым днем все больше и больше сжималось, и в начале апреля вся наша группировка простреливалась артиллерийским, а в некоторых направлениях и пулеметным огнем противника. Армия продолжала упорно сопротивляться, отвлекая на себя резервы противника, сковывая эти резервы и предотвращая переход немцев в общее наступление.

Усмотрев безнадежность положения в быстрой ликвидации нашей группировки, гитлеровское командование решило предъявить нам «ультиматум», но этот «ультиматум» был скорее похож на просьбу. Командующий гитлеровскими войсками этого направления написал воззвание к командующему армией генералу Ефремову, которое они сбросили с самолета в центр нашего окружения. В этом воззвании они слезно просили нас о прекращении «героического» сопротивления и высылке нашего парламентаря в Лосьмино для переговоров. Получив этот ультиматум, генерал Ефремов вызвал меня и спрашивает мое мнение. Мы тут же решили на их ультиматум ответить мощным огневым налетом артиллерии по штабу гитлеровского командования, который был расположен в Лосьмине.

После этого наступило затишье, а затишье, как говорят, всегда бывает перед бурей. Мы были уверены, что противник предпримет новые атаки. Так и оказалось. Через несколько дней гитлеровцы подтянули свежие силы и примерно двадцатикратным превосходством нанесли нам концентрический удар: один в направлении Тякино—Желтовка—Аракчево; второй — Тетерино—Аракчево. Таким образом, наша группировка была расчленена на две части: северную, в составе 113-й стрелковой дивизии и нескольких отдельных отрядов, и южную, основную. Штаб дивизии — Стуколово. Я оказался в Северной группировке. 11 апреля эта группировка заняла круговую оборону на рубеже Манулино—Горбы — высота севернее Тетерино—Аракчево—Колотовка. Таким образом, мы оказались в двойном окружении: одно внутреннее, между 113-й стрелковой дивизией и главными силами армии, другое — внешнее, глубокое, между нами и основными силами фронта до реки Вори.

Выход из окружения

Командарм генерал Ефремов принял решение основными силами выходить в направлении Буслава—Слободка и далее на восток за реку Ворю, при этом все тяжелые средства артиллерии, автотранспорт и т. д. привести в негодное состояние и оставить. С главными силами следовало много больных и раненых, эвакуация их заранее была невозможна.

Прикрывать выход армии должна была 113-я стрелковая дивизия, как более боеспособная. Мне лично М.Г. Ефремов поручил руководить прикрытием выхода из окружения главных сил армии. Выход совершался в разгаре весны (апрель), все реки начали вскрываться. Прикрытие главных сил армии нами осуществлялся до рубежа Буслава—Песково—Федотково.

Противник в направлении Слободки сосредоточил крупные силы, где и завязались сильные бои, в которых генерал Ефремов с оружием в руках героически погиб. Связь арьергарда с основными силами армии была потеряна, и в ночь на 14 апреля 113-я сд с отрядами при ней начала осуществлять выход из окружения самостоятельно.

Организацию и руководство выходом мне пришлось взять на себя, ибо командир 113-й сд полковник Миронов был ранен, а потом убит в этих боях. Я с передовым отрядом начал пробиваться вперед, а комиссар дивизии Коншин остался возглавлять тыловую часть; но вскоре эта тыловая группа была отрезана противником, и Коншину с небольшой группой удалось пробиться к нашим партизанам Смоленщины.

13—14 апреля мы получили радиоперехват, в котором сообщалось, что наши войска обороняются по реке Воре, в нескольких районах, в частности в Бочарове, имеют плацдарм на западном берегу реки Вори. Имея эти данные, мы решили выходить в направлении Абрамово—Кобелево—Бочарово, где и присоединились к нашим войскам, оборонявшимся на реке Воре.

Начали переправляться через Угру южнее Федоткова. Ледяной покров был настолько слаб, что подламывался под людьми. Противник со стороны Федотково—Прудки—Абрамово открыл сильный ружейно-пулеметный и артилле-

рийский огонь. Мы несли большие потери. Начальник штаба 113-й стр. дивизии подполковник Сташевский возглавлял одну из колонн, в горячах дезориентировался излучиной реки южнее Абрамова и вместо движения на восток повернул обратно на запад, к противнику, где и погиб.

16 апреля, используя лесные массивы, мы вышли в район Кобелева, километров пять не доходя до реки Вори. Я помню нашу переправу через овраг юго-восточнее Абрамова: бушевала вода, противник из Абрамова и восточнее леса вел сильный ружейно-пулеметный огонь, а из района Дубровки его гаубичная батарея открыла огонь по оврагу и реки Угре; некоторые в одиночку бросались через бушующий овраг, но они потоком воды были вынесены в реку Угру, под огонь батареи противника. Пришлось вмешаться в это дело и организовать коллективный переход через овраг, гуськом держась друг за друга. В дальнейшем мы считали целесообразным выходить из окружения только ночью. Днем в лесном массиве мы привели себя в порядок, ночью по компасу возобновили выход и к утру 17 апреля сосредоточились в лесу, что в 3 километрах западнее Бочарова. Наше состояние было неважное. Усталые, голодные, холодные, мокрые и — в тылу вражеской группировки. Но мы чувствовали близость своих. Во время отдыха мы подверглись нападению резервного фашистского батальона. Завязался сильный бой. Дело было ночью, немцы, в лесу и ночью, смертельно боялись принимать бой нашей Советской армии, и особенно партизан, а поэтому они в панике и с криком разбежались. В этом бою со мной случилось большое несчастье: я дважды был ранен, причем в обе ноги. Конечно, эти ранения я скрыл от отрядов, знали только двое близких моих товарищей: капитан Байдалов и старшина Величко, которые и помогли мне в дальнейшем управлять отрядами и совершать движение. О перевязке и думать было нечего, хотя врачи были при мне. В этом бою, как и в прочих, особенно отличились своей храбростью капитан Гринев (ныне командир артполка), капитан Байдалов и старшина Величко (ныне старший лейтенант запаса, живет на Украине).

И вот наступил для нас решающий, короткий, но самый тяжелый переход. Надо было перейти линию фронта обо-

роны главных сил противника и соединиться с нашими войсками у Бочарова, хотя у меня полной уверенности о наличии наших войск в Бочарове не было. Войска фронта знали о нашем выходе, но точно района выхода не знали. Связь отсутствовала.

Переходя линию фронта фашистских позиций, мы открыли стрельбу из всех видов оружия, чтобы создать панику; немцы растерялись и тоже в панике открыли беспорядочный огонь и начали освещать местность ракетами. Наши войска в Бочарове приняли нас за наступающих немцев и тоже открыли по нас ружейно-пулеметный огонь. Делая перебежки, мы натолкнулись на проволочный забор между нашими и немецкими позициями. Личный состав отрядов преодолевал его через расстеленные шинели, а меня перекатывали «котом». Наши войска, услышав русский крик, прекратили ведение огня. В этот последний и решающий момент нашего выхода из окружения потери были велики.

С преодолением проволочного забора мы в расчлененных строях вышли к берегу реки Вори. Она широко разлилась, и мы увидели плавающие льдины — это река Воря освобождалась от ледяного покрова. Мы все, измученные, легли за укрытиями на берегу. Наших войск не было видно. Отдохнув, тт. Байдалов и Величко повели меня для осмотра реки. После осмотра я решил набрать длинных шестов и при помощи их на льдинах переправить всех на противоположный берег реки Вори. Придя в расположение нашего отряда, я хотел отдать приказание искать шесты, но все люди спали крепким сном, их невозможно было разбудить; говоря откровенно, я дошел до истерики. Но тут радость — до нас донесся отдаленный голос: «Товарищ Бодров?» Все люди встали как по команде и в один голос закричали: «Здесь!» Оказалось, что за нами пришли из батальона 5-й гв. стрелковой дивизии, который занимал этот плацдарм. Радости не было конца, все обнимались и целовались друг с другом. Мне доложили, что по землянкам разместили более 400 человек, остальной личный состав отрядов по переправам батальона переехал на восточный берег реки Вори.

Итак, мы у своих. Нас приняли очень хорошо. Дали выпить водки и немного покормили (много было нельзя — мы были сильно истощены) и расположили в землянках спать.

Мои ноги отекали, и только здесь я в первый раз получил медицинскую помощь.

Наши страдания закончены, мы в кругу своей родной советской семьи.

Но каково было огорчение: через час меня будят и докладывают, что немцы готовят наступление и начальство приказало отправить нас на восточный берег реки Вори, в глубь расположения наших войск. Так и не удалось отдохнуть.

Чем характерна эта Вяземская операция.

Мы два с половиной месяца ведем бои в окружении. Тылы отрезаны. Несем большие потери, пополнения нет. Испытываем голод. Питание возможно только по воздуху, но время года лишало авиацию посадочных площадок. Боеприпасов нет. Самолеты У-2 не могли обеспечить нас хотя бы минимально. Летали только ночью и доставляли минимальное количество продовольствия и 10—15 снарядов за рейс. У населения этих районов тоже все запасы иссякли.

Жертвы были велики, но задача Родины выполнена!

Мы в течение двух с половиной месяцев сковывали все резервы немцев. Все события Западной группировки 33-й армии я восстановил в памяти. Кроме того, у меня сохранилась карта этого района, которую я вынес из окружения.

Мне по долгу службы приходилось следить за нашей периодической печатью, в частности за журналом «Военная мысль». Я не встречал, чтобы эта важнейшая операция была где-либо описана, хотя бы по типу Демянской группировки немцев (Военная мысль. 1947. № 9).

Эта операция 33-й армии более поучительна, чем операция 16-й армии немцев, по многим причинам.

Во-первых: силы 16-й армии немцев в три раза превышали силы 33-й армии.

Во-вторых: немцы имели Рамушевский коридор, коммуникации немцев не были полностью нарушены, в то время как 33-я армия такого коридора не имела, была в полном окружении и всякое сообщение было парализовано.

В-третьих: они имели возможность беспрепятственно применять все силы авиации, мы этой возможности не имели; у нас применялись только самолеты У-2, и то в ограниченном количестве.

Героизм, проявленный солдатами, сержантами, офицерами, политработниками, генералами Красной армии, входившими в то время в состав 33-й армии, героем-генералом М.Г. Ефремовым, будет долго помнить советский народ и его вооруженные силы.

Видимо, эти воспоминания были написаны генерал-лейтенантом артиллерии Василием Семеновичем Бодровым уже много лет после войны. Но в архивах сохранился другой документ, написанный тогда еще полковником В.С. Бодровым в апреле 1942 года. Сразу по выходе из окружения он составил следующее донесение:

1. Доношу, что я с отрядом командиров и бойцов частей 33-й армии в количестве 80 чел., в том числе штаб и штабная батарея 113-й сд, 18.04.42 из окружения вышел. Общие потери выражаются примерно 60—70 чел.

2. 113-я сд к исходу 9.04 имела в своем составе: 1288 сп, отряды — подполковника Карилова, подполковника Гладченко, майора Гуртовенко, капитана Бриг, капитана т. Климова. Оборонялась на фронте: Медведево, Никитинки, Морозово, Кузнецовка, Сталино, Тякино, Манулино, сев.-западная опушка леса, что южнее Ломовка, Горбы и лес южнее и Дале на Аракчеево; граница с другими частями проходила Безымянное, выс. 228,8, Молодены и Семешково.

КП 113 сд был в лесу полтора км вост. Стуколово.

3. 10.04.42 г. 5.30 противник после артиллерийской подготовки при поддержке танков повел наступление с двух направлений:

а) Бесово, Мелихово — на Манулино, Тякино, Жулино, Ново-Жулино и Неонилово; его силы 1300—1500 чел. при 4-х танках;

б) Цинеево, выс. 228,8 — на Аракчеево, Желтовка; его сила, ориентировочно, до 700 чел. при 4-х танках.

После упорных боев, несмотря на большие потери со стороны противника (было подбито 5 танков), ввиду превосходства в силах, противнику удалось к 15.00 10.04.42 г. завершить кольцо окружения 113 сд (кроме группы Гуртовенко).

4. Согласно шифротелеграмме т. Ефремова, 113 сд в ночь на 11.04 прорвалась на фронте между Желтовкой и

Жулино и двинулась на ю.-в. лесами южнее ю.-в. Неонилово. В лесу 1,5 км зап. Дмитровка установили связь с т. Ефремовым, получили ориентировку, которая сводилась к тому, что мы оказались во втором кольце окружения: противник занял Дрожжино, Молодены и Дмитровку.

113 сд 12.04 овладела Молодены.

5. 12.04 приказано КП 113 сд перейти Семешково. Там нас встретили работники штаба — майор Толстик и ст. батальонный комиссар Давыдов, вручили приказ по армии на отход: 113 сд удерживает Федотково, Медведево, Молодены и Лутное, прикрывая отход частей 33 армии. Ночью 12.04 полковник Миронов был вызван к т. Ефремову в Науменки для уточнения задач.

6. До утра 13.04 все распоряжения по дивизиям были отданы, и утром КП 113 перешел в Науменки.

На указанном рубеже 113 сд с переменным успехом сдерживала противника до 15.00 14.04; противник подтянул новые силы и при поддержке артиллерии и танков начал теснить 113 сд, КП перешел лес южнее Шпырево. Связь с армией с утра 14.04 была потеряна.

7. Во время перехода на новое КП в Жолобово нас встретил военком 160 сд (ст. батальонный комиссар — фамилию не знаю) и ориентировал нас в следующей обстановке: 338 сд во главе с т. Ефремовым, преодолев сопротивление противника, прорвалась в ночь на 15.04; а 160 сд утром 15.04, встретив упорное сопротивление противника на дороге Буслава—Родня, успеха не имела, он же доложил, что находившийся при 160 сд полковник Самсонов был убит, в заключение просил командование 113 сд о совместных действиях.

Вечером 15.04 на совещании командования 113 и 160 сд было принято решение: вывод живой силы, применяя ночные марши лесами по следующему маршруту: исходное положение лес-1,5 км южн. Шпырево, по р. Семезга, лес 1 км сев. Песково — форсировать р. Угра с.-в. Пескове, лес с отметкой 177,8, лес между Кобелево—Гуляево с выходом Бол. Устье.

8. Движение совершалось одной колонной, и к утру 16.04 колонны достигли примерно линии отметки 157,8; после 3—4 часов отдыха колонны двинулись на юго-вост.,

но, встретив упорное сопротивление, вернулись обратно, для форсирования р. Угра между Абрамово и Федотково; в этом бою ранен в ногу полковник Миронов и я.

9. Сломив сопротивление противника, отряд примерно в 300 чел. форсировал р. Угра, овладел лесами зап. Абрамово; действием этого отряда руководил я и НШ 113 сд подполковник Сташевский с командирами штаба; остальные части и подразделения дивизии двигались с полковником Мироновым.

10. Приведя подразделения в порядок, двинулись с боями двумя колоннами дальше, противник со стороны Прудки и Абрамово применил танки и артиллерию, которые непрерывно преследовали наше движение. Под действием арт. огня противника колонна подполковника Сташевского двинулась через р. Угра на юг, а я со своей колонной, приняв бой под Абрамово, обошел ее с юга и двинулся в лес южнее отметки 177,8, где сделал 4-х часовой привал, привел отряд в порядок и с наступлением темноты 16.04 перешел лес Кобелево; в ночь с 16 на 17.04 возобновил движение в направлении Гуляево, на линии Кобелево—Долженки мы встретили упорную оборону противника, под пулеметным огнем переправились через р. Канава; здесь я был ранен в другую ногу, утром 17.04 сосредоточились в лесу сев. Шлыково, весь день наводили переправу через р. Уйка, до наступления темноты форсировали ее и двинулись лесами на Бочарово; в лесу сев. Вауленки были окружены противником, предлагавшим нам сдаться; допустив его 60—70 метров, огнем 11 автоматов уничтожили западную группу противника, остальные бежали.

С 23.00 17.04.42 г. до 1.00 18.04 был совершен проход фронта под сильным пулеметным, минометным и артиллерийским огнем противника и своих войск, особенно было тяжело преодолевать линию проволочных заграждений.

В 1.30 мы установили связь со своими войсками в Бочарово.

Мы нанесли противнику большие поражения, особенно в бою Абрамово и лес зап., в лесу сев. Вауленки.

Вся материальная часть артиллерии ИЗ сд в разное время приведена в негодное состояние.

Из воспоминаний А. ТЕРЕШИНА, бывшего связиста 1134-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии

Числа 20 января 1942 года после тяжелых наступательных боев под Москвой из г. Боровска наши части перебросили к месту прорыва (не помню населенный пункт). 20 января мы уже за линией фронта, взяли многие населенные пункты, в том числе и Савинки¹, в которых освободили наших пленных — 700 человек.

Ко 2 февраля наш полк взял Кобелево на р. Угре, Старые и Новые Луки², Буслаево³, Беляево, Тетерино, Бугря⁴, Кошелево, Дашково⁵, Ястребово⁶, Юрьево⁷ и часть других пунктов и подошел к линии железной дороги Брянск-Вязьма. Наступление проходило очень быстро, немецкие войска или были уничтожены, или взяты в плен.

2 февраля мы уничтожили всю связь на линии железной дороги. Немец бросил на нас крупные воинские соединения и 4 февраля перешел в контратаку. К тому времени наша армия была уже отрезана от основного фронта, и мы вынуждены были оставить д. Юрьево и Ястребы, а 5 февраля — д. Дашково, отошли в лес к Кошелеву, где уже стояли в обороне. Наступательные бои наши кончились после попытки взять Красные Татарки, где стоял сильный немецкий отряд и несколько танков. После того как мы оставили Кошелево и Бугрю, отступили в Тетерино. Из Тетерина наш 1134-й полк отправили в Федотово (или Федотки)⁸, где через несколько дней мы заняли оборону под Чертановом. С этих пор до конца, до гибели армии я находился в самых страшных боях. Мое подразделение занимало оборону на опушке леса, метрах в 500-х от Чертанова. Однажды ночью наш небольшой отряд был отрезан с тыла немецкими тан-

¹ Правильно — Савино. Расположено на реке Воре на границе нынешних Смоленской и Калужской областей.

² Правильно — Лука и Новая Лука.

³ Правильно — Буслава.

⁴ Скорее всего, имеется в виду деревня Горбы.

⁵ Правильно — Дашковка.

⁶ Правильно — Ястребы.

⁷ Правильно — Юрино.

⁸ Правильно — Федотково.

ками и пехотой, которые взяли деревню (не помню название).

Из деревни весь резерв примкнул к нам в лесу, и у нас создалось очень тяжелое положение, но благодаря одному майору¹, фамилию которого я не помню, знаю, что он до нас был в этих местах партизаном, нас вывели той же ночью лесом в д. Пески². Под Чертановом погибло много наших товарищей, взорвали пушку нашего полка. Положение создалось безвыходное: нет питания, нет или очень мало боеприпасов, и командование нашего полка решает прорываться мелкими группами через линию фронта. Когда мы прибыли в Кобелево, нам предложили встать в оборону, где уже стоял один полк не нашей дивизии, и мы расположились в д. Бабинки³. Здесь мы долго стояли и вели оборонительные бои. В совхозе «Кобелево» постройки были кирпичные, что очень нам помогало: когда немец пошел в наступление, то танки его взрывались от мин, которые ставили наши саперы, а пехоту крошили из пулеметов и винтовок. Пулеметы у нас еще были четырехствольные. Иногда немец ходил в день по шесть атак, и все же Кобелево взять не удалось.

И вот однажды с правого фланга он взял две деревни и с тыла через д. Луки ворвался в Бабинки и совхоз. Здесь завязался последний бой за Кобелево. Нам поручили во что бы то ни стало спасти рацию и полковые документы, и вот мы бросились с пушкой к мельнице. Несколько немецких автоматчиков преградили нам путь. Мы их уничтожили. наших тоже много полегло. И все же в бою (есть чудо) какими-то судьбами

¹ Некоторое время партизанские отряды и группы действовали самостоятельно. Затем командарм принял решение влить их в полки Западной группировки 33-й армии. В 1134-й стрелковый полк влился партизанский отряд «Народный мститель», командовал которым В.И. Ляпин. Отряд насчитывал 489 человек, из них 38 партизан были награждены к тому времени правительственными наградами. (Из воспоминаний бывшего командира партизанского отряда «Народный мститель» батальонного комиссара В.И. Ляпина.)

² Правильно — Песьково.

³ Возможно, имеется в виду деревня Борисенки. Именно сюда к исходу 16 марта 1942 г. вышли остатки несколько дней дравшихся в окружении 1134-го стрелкового полка и 364-го корпусного артполка. Командовал отрядом стрелкового полка капитан Логвинов — 54 человека. Артиллеристов вел майор Маштаков — 76 человек, в основном офицеры.

мы очутились вне сектора обстрела. Немцы были заняты боем в самом Кобелеве и не погнались за нами. Мы пробились и пошли лесом у Лук, пробрались в Беляево. От двух полков нас пробралось 5 человек: старший писарь полка, я, радист мой Бонасов, Горюнов и лейтенант Коношиец, а утром, на второй день еще к нам пришел повар полка, фамилию которого не помню (днем он укрылся на сеновале, а ночью выбрался из Кобелева и пришел к нам в Беляево). До нашего прихода в Беляево стоял взвод боепитания. Всего с нами насчитывалось 18 человек. В то время в Беляево стал другой полк нашей дивизии. Нам предложили влиться в этот полк.

Но мы решили послать гонца в штаб нашей дивизии, который находился в Тетерине. Наш посыльный возвратился и привез приказ, чтобы полк не расформировывать, а пополнить из санбатов. Командиром полка назначили того самого майора, который вывел нас из Чертанова в Пески и который в Беляево в то время находился на излечении. Вскоре он был убит и мы его похоронили в с. Науменки. После оставления Беляева мы отошли в Желтовку. Я с рацией дней семь жил в Науменках, после чего обратно прибыл в Желтовку и в ней находился до последнего дня, то есть до 13 апреля 1942 года. В ночь на 14 апреля мы оставили все три деревни: Желтовку, Науменки и еще населенный пункт, название которого я не помню.

Желтовку я почему-то долго считал Жлобином. Клянусь моими погибшими товарищами, здесь нет ни одного вымышленного слова.

Конечно, у меня нет доказательств моей правоты, но, думаю, и то достаточно, что я в 33-й армии находился с первого дня рейда и до последнего и что от десятков тысяч ее состава в плен немец забрал всего около 5 тысяч с небольшим. А что я остался жив, то на войне все бывает: кто-то погибает первым, а кто-то пройдет все невзгоды и испытания и гибнет последним. Я же 14 апреля 1942 года, раненный в левую ногу и контуженный, очнулся в плену с пустым уже наганом в окоченевшей руке¹.

¹ Бывшего связиста 1134-го стрелкового полка всю жизнь терзала совесть, что он попал в плен. О том, как попадали в плен раненые и как они гибли, см. воспоминания А.П. Ахромкина, И.В. Якимова.

Я не помню связистов в Желтовке, кроме нас. Мы за время пребывания в Желтовке стояли на трех квартирах, первый раз почти на краю деревни у одинокой старухи, потом в середине деревни, где мы по радио принимали сводки Совинформбюро, которые затем распространялись по частям. Этот дом стоял недалеко от мостика. А потом уже на последней, третьей квартире, где закопали рацию. Еще связисты были в лесу, в землянках, где мы перед прорывом брали одну рацию. Немцев пленных не видел или забыл. Профессора Жорова не помню, может, и приходилось видеть.

Из воспоминаний А.П. АХРОМКИНА, офицера связи штаба 33-й армии

В состав 113-й стрелковой дивизии прибыл в составе ОБС, в котором был до октябрьского вземского прорыва немцев. 644-й ОЛБС обслуживал штаб фронта. 113-я сд была правофланговой дивизией 43-й армии.

При отходе к Наре нашу 113-ю сд передали в состав 33-й армии (октябрь 1941 года), где мы до конца декабря находились в обороне по реке Наре на левом фланге 33-й армии. Командиром дивизии был полковник Миронов, начальником штаба — майор (позднее подполковник) Сташевский.

В 113-й дивизии я был начальником узла связи, а в начале ноября меня откомандировали в штаб 33-й армии офицером связи, где я находился при штабе до 15 апреля 1942 года.

С 9 февраля по 1—3 апреля штаб 33-й армии находился в д. Желтовке, в доме председателя колхоза, а 3 апреля переехал в с. Дрожжино, в дом напротив старой церкви. Числа 10 апреля на село Дрожжино немцы бросили более 10 танков. Весь состав штаба армии под обстрелом перешел через речку в лес по направлению Шпырево—Науменки—Семешково. Части 113-й стрелковой дивизии были отрезаны от штаба армии, дивизия находилась в деревне Стуково и в лесу около деревни в землянках.

С 12 на 13 апреля командующим армией принято решение выходить тремя группами на прорыв через занятую вра-

гом территорию на основную линию фронта. В центральной группе находились: командарм М.Г. Ефремов, начальник артиллерии генерал-майор Офросимов, главный хирург армии Жоров, пом. прокурора армии¹, зам. начальника политотдела армии Владимиров, председатель ревтрибунала, начальник узла связи армии полковник Ушаков, начальник особого отдела Камбург, я и другие работники штаба.

Разведчикам была поставлена задача: в Шпыревском лесу снять посты охранения немцев и без боя пройти до своих расстояние 18 километров через Ключики над. Жары. Но незамеченными (без яростного боя) пройти эту позицию немцев в Шпыревском лесу не удалось.

Позиция немцев здесь, в лесу, проходила по противопожарной просеке, где у немцев было построено много дзотов. Вынуждены были около 700 раненых оставить в Шпыревском лесу и с боем прорываться через эту просеку.

Перед штурмом просеки командующий армией дал команду: «Вперед!» — и личным примером увлек за собой всю группу. Прорвались, от просеки отошли километра 2—3. Стало светать. Немцы прекратили преследование. На одной из лесных полян был построен весь личный состав прорвавшейся группы. Перед строем выступил генерал-майор Офросимов, который сказал: «Немцы в листовках пишут, что наш командующий нас бросил, улетел на самолете, но вы сами видите, что командарм с нами». И дальше поставил нам задачу. В группе находилось около 700 человек, из них около 300 бойцов-автоматчиков. Много было командного состава, вооруженного только личным оружием, то есть пистолетами да трофейными «парабеллумами».

Группа шла по намеченному маршруту. При подходе к д. Ключик (деревушка в лесу домов пять-шесть) решили уничтожить этот гарнизон, но деревню взять не смогли, так как она была сильно укреплена. У немцев было много минометов и противотанковых пушек. Немцы открыли ураганный пулеметный огонь, сделали несколько выстрелов из мино-

¹ Помощником прокурора 33-й армии был военюрист 1-го ранга Александр Александрович Зельфа. Из окружения вышел при странных обстоятельствах. См. его объяснения, которые он дал сразу по выходе на позиции 43-й армии.

метов и орудий. Мы понесли большие потери. Отступили. Считаю необходимым сообщить такой случай: перед деревней Ключик нас снова стала преследовать большая группа автоматчиков¹, когда мы все перешли через большую (длинную) поляну в лесу. Все залегли и повели ответный огонь. Здесь командующий дал команду зарываться в снег и сказал еще: «Головы ниже, а то пули — дыры, могут и задеть!» А сам встал на колени за небольшим деревом.

До линии фронта оставалось около 4-х километров. Был явно слышен бой, который вели наши дивизии, находящиеся на реке Угре. При подходе к большой дороге, идущей из села Слободка, нас встретили три танка противника. Группа была вынуждена вернуться обратно в лес через речку Ключики. Когда подошли к речке (это было уже около 10-ти часов утра), вода поднялась и мы переходили речку вброд. Мы предложили командарму перенести его через речку, но он отказался и вместе с нами переходил по груди в ледяной воде, под обстрелом танков, находившихся на берегу. В этот период погибли радисты вместе с рацией. Штаб армии (группа командарма) остался без связи. Почти целый день группа ходила по лесу, чтобы затерять свои следы и оторваться от немцев, что удалось сделать только к вечеру. Была команда сделать привал для отдыха. Командование армии приняло решение изменить маршрут и выходить в распоряжение 43-й армии. Проводником был местный председатель колхоза, хорошо знавший местность². В группе осталось 300 человек, из них 200 автоматчиков.

Я получил лично от командира задание: с началом движения проверить, все ли пойдут с группой. Пошли в один след все до единого, о чем, когда догнал командарма, я и

¹ Заметьте, А.П. Ахромкин акцентирует внимание на «большой группе автоматчиков». При этом говорит: «...нас снова стала преследовать...» Значит, эта группа автоматчиков уже не раз подступалась к штабной группе. По всей вероятности, это и было спецподразделение из полка особого назначения «Бранденбург-800», которое целенаправленно преследовало именно этот отряд, в котором выходил командарм М.Г. Ефремов.

² Как о том свидетельствует командир партизанского отряда «Народный мститель» В.И. Ляпин, проводником штабной группы по здешним лесам был рекомендованный им председатель колхоза из деревни Лытьево Яков Алексеевич Сорокин.

доложил ему. Вечером, когда стали на отдых, профессор Жорев дал командарму фляжку со спиртом, чтоб он выпил¹. Михаил Григорьевич сделал несколько глотков (выпил очень мало), ему подали два сухаря и кусок вяленой колбасы. Он один сухарь отдал мне и отломил кусок колбасы, сказав при этом: «Бери и кушай, офицер связи. Ты ведь со мной также не ел целый день». У меня, действительно, вторые сутки как кончились продукты, и я ничего не ел.

После вечернего привала группа пошла в юго-восточном направлении. Ночью по одному переходили большую дорогу (вероятно, Кобелево—Климов Завод) очень осторожно. На дороге патрулировали немецкие танки и бронетранспортеры. Проходили мимо артпозиций, была слышна немецкая речь, но шли очень тихо и прошли благополучно. Двигались напрямик по лесу 1,5—2 километра, потом вышли на тропку. Группа вышла на опушку леса. На опушке леса пересекли небольшой овраг, южный склон которого был уже без снега. Разрешили сделать привал. Категорически было запрещено разговаривать и особенно курить. Командарм, накрывшись плащ-палаткой, при свете карманного фонарика стал, ориентируясь по карте, искать наше местонахождение.

Не прошло и пяти минут, как по отдыхающей группе с расстояния 50—70 шагов ударил немецкий пулемет. Крик раненых. Оказалось, что рядом было пулеметное гнездо. С криком «Ура!» и с мощным автоматным огнем наши бойцы бросились вперед, но попали под перекрестный огонь пулеметов, находившихся в дзотах. Вероятно, пройти никому не удалось.

Группа старшего командного состава спустилась в овражек — решили пройти несколько левее. Но в это время стало уже светать, группа была обнаружена, и нас стали преследовать. Группа стала отходить в глубь леса. До реки Уфы, где проходила линия обороны, оставалось немногим более 1 километра. В лесу вдали стоял двухэтажный деревянный рубленый дом. Было видно, как из него выбегало все больше и больше немцев. Это была казарма. Примерно в 300 метрах

¹ Не могу отделаться от мысли: не была ли эта фляжка со спиртом своего рода поцелуем Иуды?

от казармы в западном направлении, с севера на юг, проходила облесившаяся вырубка — густой ивняк возрастом около 15 лет. На краю ее наша группа в 35—40 человек, многие из которых были ранены, приняла бой. Кончились патроны. Группа отошла к густому подлеску и вела огонь.

Около командующего были его адъютант майор Водолазов, начальник особого отдела Камбург, я и еще один офицер связи — Никаноров Иван, врач Иван Иванович Хомяков. Я находился рядом с командующим, когда к нам подошел адъютант командующего майор Водолазов и предложил мне, Ивану Никанорову и личному врачу командующего Ивану Ивановичу Хомякову проминать тропку в лес по чаще для отхода группы. Командующий, присев на колени, стоял за сосенкой, стрелял, а рядом с ним вел огонь начальник особого отдела, которому я отдал последнюю коробку патронов от имеющегося у меня «парабеллума».

Когда мы втроем прошли метров 200—300, между нами и основной группой появились немецкие автоматчики. Ицан Иванович был ранен и приказал мне с Ванюшкой Никаноровым отходить. Под автоматным огнем пересекли небольшую поляну и залегли в кустах. Немцы побоялись выходить на открытое место и не стали нас больше преследовать¹. Они начали заходить с тыла к нашим оставшимся товарищам. Это были последние минуты, когда я видел живым и здоровым своего командарма. Потом постепенно бой стал затихать.

Мне кажется, что Михаил Григорьевич погиб именно в то самое утро — 15 апреля. Подтверждается это тем, что минут через 40 или через час стрельба уже прекратилась.

Когда мы с Никаноровым стали пробиваться по лесу к группе, нас встретили председатель ревтрибунала и пом. прокурора армии Зельфа². Они посоветовали собирать раз-

¹ Как вспоминают выжившие, немцы преследовали даже одиночек. Таким образом, этот случай по меньшей мере нетипичный. Если же посмотреть на него несколько иначе, через призму того, что автоматчики знали, кого они преследуют и где в данном случае находится главная цель их преследования, то все становится на свои места.

² На этот эпизод обратили внимание исследователи темы гибели 33-й армии и командарма М.Г. Ефремова С.Д. Митягин и В.М. Мельников. Оба офицеры. Подробно исследовали события того периода. И тот и другой выпустили почти в один год книги: С.Д. Митягин — «Тайна Шпыревского леса»; В.М. Мельников — «Трагедия и бессмертие

розненных бойцов и выводить их на запад, под Дорогобуж, где находилась конная группа генерала Белова. Когда я спросил их, где нам найти командующего, то они ответили: «Искать его нет необходимости»¹.

Нас собралась группа из 4-х человек. Мы вновь сделали попытку перейти реку Угру, чтоб пробиться к своим, но перейти ее было невозможно, так как Угра сильно разлилась². Тогда мы решили продвигаться всей группой к г. Юхнову, чтобы выйти из подковы Угры.

Утром, недалеко от того места, где сейчас стоит обелиск погибшему командарму М.Г. Ефремову (близ деревни Гор-

33-й армии». Осторожный В.М. Мельников, ссылаясь на СД. Митягина, который, без сомнения, конечно же более глубоко изучил историю трагедии 33-й армии, в своем капитальном двухтомном труде пишет: «СД. Митягин считает, что многое из написанного Зельфой — выдумка. На протяжении многих десятилетий восстанавливая картину происшедшего в те апрельские дни 1942 года и разыскивая следы пропавшего без вести отца, в ходе многочисленных встреч с ветеранами 33-й армии, которым удалось тогда выйти из окружения, и в частности в беседах с бывшим старшим лейтенантом Владимиром Владимировичем Титковым (жил в Москве), ему удалось проверить многое из того, что описал Зельфа. Однако мало что из этого описания соответствовало действительности». И к этой проблеме мы еще вернемся в комментариях к отчету и воспоминаниям самого А.А. Зельфы.

¹ Почему-то никто из исследователей не обратил внимание на этот эпизод, а именно на ответ Зельфы о том, что: а) командующего искать не надо, буквально: «Искать его нет необходимости»; б) пробиваться надо на запад, к Дорогобужу, где находится конный корпус Белова. Откуда родилась эта идея? Разве направление выхода из окружения 33-й армии обсуждалось в штабах или войсках? А.П. Ахромкин был не один. А.А. Зельфа тоже был не один. Я читал две редакции воспоминаний А.П. Ахромкина, которые, возможно, были написаны в разное время. В одной из них написано: «... они были оба одеты в хромовые пальто». Причем в этой редакции А.П. Ахромкин пишет, что фамилий председателя трибунала и прокурора армии он не помнит. Можно предположить, что эта редакция воспоминаний — первая. Он запомнил только, что оба были одеты в хромовые пальто и что шли они навстречу, то есть на запад. Вроде как к Дорогобужу, «где находилась конная группа генерала Белова». Можно предположить, что двое в хромовых пальто прекрасно знали о том, что произошло там, откуда они шли. Куда же они шли, если в конце концов оказались совершенно в другой стороне. См. объяснения А.А. Зельфы. К этой теме мы еще вернемся. Вынуждены вернуться.

² А вот А.А. Зельфа реку Угру переплыл благополучно. На плоту. См. описание выхода из окружения А.А. Зельфы.

нево), мы зашли в расположение артиллерийской части противника. У нас ни у кого уже не было патронов. Нас окружили более сотни немцев, и мы оказались в плену.

К обеду нас привели в церковь села Слободки, а к вечеру туда же принесли и тело командарма. Он был захоронен с юго-восточной стороны церкви.

Убитых и раненых оставалось на пути много. Вспоминаются более близкие товарищи: ст. лейтенант Иван Зигун, зам. нач. шифровального отдела штаба армии, застрелился в 300 метрах от дер. Ключик в западном направлении. После потери радиостанции вечером на привале начальник особого отдела армии Камбург застрелил начальника связи армии полковника Ушакова. Действия начальника особого отдела командарм не одобрил, но было уже поздно¹. Мне неизвестна судьба командира 113-й стрелковой дивизии полковника Миронова и начальника штаба 113-й стрелковой дивизии подполковника Сташевского. Одни говорили, что они оба убиты при выходе из землянки около деревни Стуколово. Другие говорили, что Миронов командовал южной группой. В плену я видел полковника Дубинчика, начальника отдела кадров 113-й стрелковой дивизии и полковника Капустяна — нач. оперативного отдела штаба армии. В деревне Желтовке, где стоял штаб армии, в 1968 году была жива еще Ефросинья Емельяновна с сыном Мишей, которая рассказывала, что ей присылали письма еще два офицера связи. Ведь мы все 6 человек жили у нее. Букин приезжал с группой учеников из Москвы.

Из писем А.П. АХРОМКИНА

...По вопросу гибели командарма — я считаю, что он погиб в то самое утро, то есть 15 апреля 1942 года, когда я с ним расстался, то есть когда мы трое отошли, чтоб про-

¹ Странно выглядит и этот поступок Камбурга. Ведь не было причины так скоропалительно приговаривать полковника Ушакова и приводить приговор в исполнение. Подтверждений какой-либо вины полковника Ушакова никто из исследователей не обнаружил. Если Камбург застрелил начальника связи 33-й армии в приступе ярости или истерики, то это одно. А если Камбург искал только повод, чтобы уничтожить человека, профессионально разбирающегося в средствах связи?

таптывать дорогу для отхода всей группы. Подтверждается это тем, что минут через сорок или час стрельба прекратилась и часов в 17.00—18.00, то есть через 1,5—2 часа, мы с Никаноровым встретили председателя ревтрибунала и зам. прокурора армии Зельфа. Оба были одеты в хромовые пальто. Когда я спросил их: «Где нам искать командующего?», то они ответили: «Искать его нет необходимости» — и посоветовали мне собрать разрозненных бойцов и пробиваться на запад, где находился кавкорпус генерала Белова...

...К деревне Ключик наша группа подходила с юго-запада. От леса через деревню Ключик по лугам была изгородь, из которой сделана была переправа, по которой вся группа перешла через речку.

Была команда взять Ключик, но взять не смогли, потому что немцы повели сильный пулеметный огонь, несколько выстрелов дали из минометов и орудий.

...Группа западнее Ключик направилась на северо-восток на деревню Жары, где был уже слышен бой наших дивизий 33-й армии, которые должны были оказать нам помощь в выходе. Когда мы прошли 600—700 метров, то вышли на поле и, пройдя по нему метров 200—300, увидели на дороге три танка, которые стали преследовать группу. Мы стали срочно отходить обратно к реке, но уже восточнее деревни Ключик.

Танки вели огонь с бугра, и когда группа переходила речку, то многие погибли, а также остались трупы на поляне от речки до леса. Кажется, тогда погибли 20—25 человек. Когда зашли в лес, то обнаружили, что в группе пропал радист с рацией. С этого момента группа осталась без связи...

...Последний раз я видел генерал-майора Офросимова 14-го апреля вечером, уже после отхода от деревни Ключик. Был ли он с нами утром 15 апреля, сказать не могу. Вели

бой. Я был с командующим. Рядом был майор Водолазов и начальник особого отдела Камбург.

После вечернего привала наша группа пошла на прорыв в юго-восточном направлении, переходили большак очень осторожно. По дороге (это, очевидно, дорога Кобелево—Горнево) патрулировали танки и бронетранспортеры. Категорически было запрещено разговаривать и курить. От дороги шли все напрямиком по лесу 1,5—2 километра, потом вышли на тропку. При движении с левой стороны была уже слышна немецкая речь, но все обошлось благополучно. Когда группа вышла из леса, был небольшой овраг. Командующий разрешил сделать привал, а сам стал ориентироваться по карте. На опушке леса снега уже не было, тогда как в лесу его было больше чем полметра толщиной. Вся группа села отдыхать, кто-то даже прилег, а командующий, закрывшись плащ-палаткой, стал рассматривать карту, освещая ее карманным фонариком. Прошло менее 10-ти минут отдыха, когда по группе был дан огонь из пулемета с расстояния не более 50-ти метров. Крики раненых и мощное «Ура!», а при этом сплошной огонь группы нарушил утреннюю тишину. На северо-востоке был чуть-чуть замечен рассвет. Большая часть группы перескочила через овраг и пошла на прорыв. До реки Собжи, где проходила линия обороны, было немногим более 10 метров. С нашей стороны повели огонь, но, боясь поразить нас, стреляли выше, по лесу.

Группа человек около 35 осталась в овраге, пытаюсь обойти огневую точку противника, но куда бы ни пошли — всюду огонь. Было принято решение командующим — отходить обратно в лес на запад. Стало уже светло, когда мы отходили, то был виден тот самый дом, о котором я уже писал. Определить, двух- или одноэтажное здание это было, ночью я не смог. Было видно через лес, но мне кажется, что дом был высоким. Когда мы проходили по крупному сосновому лесу, то видно было, как из этого дома бежали к нам немецкие солдаты. Примерно метрах в 300 от этого здания в западном направлении с севера на юг проходила облесевшая вырубка густым сосняком возраста около 15-ти лет, на краю которой наша оставшаяся группа приняла бой. Около командующего нас было: адъютант коман-

дарма майор Водолазов, врач Иван Иванович, начальник особого отдела Камбург, я и Иван Никаноров — офицер связи 338-й стрелковой дивизии.

Когда майор Михаил Водолазов приказал нам протапывать дорогу, тогда мы, трое, от них отошли и видим, что там, у них, командующий за сосенкой присел на колени, а рядом с ним вел огонь из маузера начальник особого отдела, которому я отдал последнюю коробку патронов от имевшегося у меня пистолета. Когда мы отошли метров на 150—170, по нас с юга ударили из автоматов. Иван Иванович был ранен и приказал нам с Ванюшкой Никаноровым отходить. Метров через 20—25 оказалась поляна, которую мы успели перебежать и залечь в кусты. По нас было дано несколько очередей, но немцы побоялись выходить на открытое место, и нас не стали больше преследовать, а пошли обходить с тыла оставшихся товарищей. Это были последние минуты, когда я видел живым своего командарма...

...Смерть полковника Ушакова произошла на моих глазах вечером 14 апреля, перед тем как идти на последний прорыв к своим. Что его застрелил начальник особого отдела армии Камбург — да, это верно. Дело было так: когда стало темнеть, группа оторвалась от преследования немцев и решила сделать привал — все очень устали¹. Камбург пригласил Ушакова отойти в сторону, потом слышим слова: «Вот тебе за потерю радисвязи...» — и прозвучал выстрел. Командующий этим был недоволен. Я не могу судить, прав

¹ Выстрел Камбурга прозвучал в тот момент, когда группа наконец-то оторвалась от тех самых автоматчиков из подразделения «Бранденбург-800», которые неотступно следовали за штабной группой. Формально же — после потери радиации. Но разве полковник Ушаков потерял радиацию? Радиация ушла под воду вместе с погибшим связистом. И зачем Камбургу было отводить полковника Ушакова в сторону? О чем они в это время разговаривали? Если Камбург хотел разоблачить предателя, то не лучше ли это было сделать в присутствии других офицеров? Или Камбург опасался, что ему могут помешать свершить самосуд? В душу Камбурга теперь конечно же не заглянешь. И полковника Ушакова не спросишь. И кто-то, возможно, на это и рассчитывал.

был или не прав Камбург и достоин ли был такой расправы Ушаков¹, но как и при каких обстоятельствах был убит Ушаков, я могу всегда подтвердить...

Из воспоминаний В.П. ГУДА, бывшего связиста 1138-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии

Штатная численность роты связи была 42 человека. Но было у нас в роте и по 45 человек. Например, числился у нас, видимо, чтобы получать довольствие, начальник связи полка капитан Кузовков.

Когда прошли Боровск, у нас в роте было и двадцать, и восемнадцать человек. Потери были большие. Кто ранен, кто убит. Каждый вечер в штаб полка относили строевую записку, где отмечали наличие списочного состава и потери за истекший день.

Сколько может солдат выдержать без сна? Двенадцать? Шестнадцать? Двадцать четыре часа? А если это изо дня в день?

А знаете, как на посту спали? Спали... Когда не поспишь двое-трое суток, уснешь и на посту. Но, если командир заметит или начальник караула, все, могут расстрелять как изменника. Так вот, на ходу, как известно, спать можно. Ноги двигаются, а ты — спишь. Но тут самое главное — что? Винтовку

¹ А профессор И.С. Жоров не сомневался в виновности полковника Ушакова. Откуда у невоенного человека, у профессора медицины, такая уверенность? И почему не было никакого разбирательства? Почему о предательстве Ушакова не знал никто, кроме Камбурга и Жорова? Да и тела Камбурга, о котором говорят, что он погиб рядом с командармом, никто не видел. Никто из пленных, кто участвовал в похоронах генерала М.Г. Ефремова, не помнит его среди убитых. Почему же так занервничал Камбург, когда штабная группа снова оторвалась от автоматчиков?.. Почему именно в это время профессор Жоров потерял сознание, а когда, как он пишет в своих воспоминаниях, очнулся, то узнал, что командарм уже мертв? Почему Зельфа сказал Ахромкину, чтобы он не искал командующего? Темная какая-то троица... Прикончили полковника Ушакова, а потом и от командарма разбежались в разные стороны. А может, Ушаков что-то знал?

не выронить. Так вот ее, винтовку, в этом случае пристегивали поясным ремнем, чтобы она на снег под ноги не упала. Пристегнул винтовку, руками ее обнял и идешь, спишь. Минут пять, глядишь, и поспал таким образом, пока в сугроб не ткнешься и не завалишься вместе с пристегнутой винтовкой.

До середины апреля мы просидели в обороне. С одной стороны — Знаменка, с другой — Вязьма.

Я помогал старшине роты возить солдатам еду. Доставлять на передовую кашу надо было рано-рано, чтобы успеть до обстрела.

На нашем участке у них стоял закопанный в землю танк. Стрелял очень метко. Зазеваешься и — только котелки летят в стороны.

Кормили нас на первых порах, даже в окружении, хорошо. Мы даже получали свои сто грамм. Но потом, во второй половине марта, начались тяжелейшие дни. Все как-то начало обрываться. Сначала поели всех лошадей. Убитых тоже из-под снега откапывали... А потом и хомуты поварили. За самовольное убийство лошади — трибунал. Начали опухать от голода. А как было? Ляжешь вечером спать, а утром встанешь, нажмешь на мышцу, а ямка — остается. Искали в полях снопы необмолоченной ржи. Однажды нашли мешок льняного семени. Варили его. Получалась такая тягучая масса, вроде киселя. Где что попадалось, то и ели.

Я сам не пил и не курил. И свою пайку отдавал всем. По очереди. Может, за это меня так и любили. Вот вроде молодой был, голова еще неразумная была — семнадцать лет! — а не додумался ж кому-то из друзей отдавать то, что мне не нужно было. А — всем, по очереди.

Сидим в землянке, командир говорит: «Налей, сынок, сто грамм. А то убьют, там не нальют».

Хороший был командир. А выжил он или нет, не знаю. Почти все погибли.

Кузовков раньше, до войны, работал на радиостанции им. Коминтерна. В Москве. Однажды вечером приходит. Маршальские сто грамм. Он меня называл как попало. А в

этот раз вдруг назвал Володей, по имени. Это было зимой. Перед взятием Наро-Фоминска. Река Нара. Наверное, Нара. На реке олешник. Баню колхоз строил. И не успел двери поставить. Там — мы давно заметили — немцы пост выставили. В той бане. Баня — с той стороны реки. Так вот пришел Кузовков и говорит: «Мы, Володя, должны с тобой взять языка. Я дал слово командиру полка, что возьмем».

Как же, думаю, мы возьмем языка, когда его уже неделю вся полковая разведка взять не может? Сколько ребят из разведроты погибло...

А Кузовков уже заранее все спланировал. Присмотрел все дороги и стежки.

Мы к тому часовому должны были так подойти, чтобы он не поднял шума.

Пошли. Кузовков — впереди. Я — за ним. Замерли. У немца карабин. Глядим, поставил он свой карабин к стене, присел. Видать, хорошенько перед сменой макарон покушал... Мы его в этот момент и схватили. А как было дело. Я первый выскочил. Шустрый был, быстрый. Выскочил и схватил карабин. Тут и Кузовков подбежал. Когда я схватил его карабин, он, немец тот, даже не встал. Не сообразил даже, что произошло. Не сопротивлялся. Отвели его. Я хорошо понимал по-немецки. В школе у нас преподавала немецкий немка из Поволжья.

Немец тот много дал хороших сведений.

Я получил орден Красной Звезды.

Когда нас отрезали, сообщили об этом командиры. Сказали, что ничего страшного нет, соседние 43-я и 49-я армии скоро пробьются к нам. И правда, уже слышна была канонада. К нам пробивались.

Я так думаю, что, если бы пошли на прорыв раньше, вышли бы. Хотя бы половина, но — пробилась бы. Было нас десять тысяч, может, чуть больше. Пять тысяч бы вышли! Вышли. А тут три месяца нас держали в окружении. Дождались, пока все дороги распустило, когда все переправы залило паводком, когда немец подтянул танки и окружил основательно. Иные подразделения — даже двойным

кольцом. Когда мы от недоедания обессилели. А ведь во время прорыва идти надо, день и ночь идти. Иногда бежать по нескольку километров. Вот почему раненых бросали. Раненого товарища нести — сила нужна.

В Тетерине, когда начался отход, я бросил в колодец два замка от 76-мм дивизионных пушек. Пушки оставляли. Патронов не было. Менялись. За шинель — пять патронов. Обойма. За закрутку табаку — патрон.

Генерал Ефремов — отец солдатский. Не оставил бойцов.

Он же был ранен не в последние дни. Когда штабная группа была отбита от основных сил, он уже был ранен. Надо было идти любыми силами — на Темкино.

Зря Ефремов пошел на восток. Белов пошел на Киров и — вышел! Сталин его потом на армию поставил. И Ефремов бы вверх пошел. Может, фронт бы дали.

Еду нам сбрасывали по воздуху. Брикетсы с кашей и концентратами.

На войне отступать — не позор. Можно отступить, а потом контратаковать и свое взять. И с лихвой.

Десант. Какую он роль сыграл, не знаю. Был какой-то батальон. Может, в марте они и высадились. На нашем участке выброски десанта не было. Не почувствовали мы, что прибыл десант, что нам легче стало. Как в яму прыгнули эти парашютисты. Как в яму.

Командиром нашего 1138-го стрелкового полка был майор Московский. Потом был другой. Фамилии его не помню.

На выходе. Никакого приказа на выход мы не слышали. Командиры до нас этого приказа не донесли. А он был. Движение нашего полка началось 17 апреля. Бой начался. Из Горбов мы отступили в Тетерино. Через поле.

Тетерино — большая деревня. Немцы уничтожали ее из орудий. Бах! — и дома нет.

17 апреля. Пошли и госпиталя. Раненые на санях, в розвальнях. Обозы пошли, а танки — по саням!

Мне казалось, что и генерал застрелился 17 апреля. А теперь думаю — 18-го, утром. Потому что 17-го к вечеру мы сидели с начальником финчасти нашего полка. Он меня потом бросил. Ну, пусть. На его совести. Утром немцы подогнали громкоговорители. И — по-русски. Кричали: «Генерал, сдавайся!» И дальше говорили, что, мол, вот такой-то командир батальона сдался, живой теперь, невредимый, сытый и в тепле... «Сдавайтесь!» Мишка Кошель и говорит мне: «Смотри, Володька, генерал!» И мы побежали смотреть. Мишка был нашим связным. Ему около 18 лет. Я — за ним.

Охрана. Солдаты, офицеры. Все с автоматами.

Генерал сидел на пне. Шинель наброшена на плечи, не в рукавах. В шапке. Или в папахе. Не помню. «Сынки, — говорит, — я виноват перед вами. Не вывел. Идите самостоятельно. Пробивайтесь. В партизанские отряды. Оружие не бросайте, вы еще нужны Родине. Не бросайте оружие».

18 апреля, часов в 12.00, он и застрелился. Тогда еще лед шел. С верховьев Угры.

С ним была всегда женщина. Она была в шинели. Среднего роста. Стройная. Красивая. Звала его по имени и отчеству — Михаилом Григорьевичем. Лет тридцати.

Мне кажется, что генерал застрелился в Шпыревском лесу. Был бой в Шпыревском лесу. Бой... Боже, какой там был бой! Нам уже нечем было отбиваться. Нечем.

Старшину моего убило в Тетерине. Подольский. Петя Никулкин. Рассказывал мне, что в Подольске где-то возле мельницы жил. Было ему тогда года двадцать три. Может, двадцать два. Бывало: «Володя, давай споем». И:

— А в терем тот высокий нет хода никому!..

Где он погиб, там был переулочек. Ночевали. Из Горбов мы отошли 13-го числа апреля. Поселились в Тетерине в одном доме. Там Настя и Галя. Две девочки, сестры. Настя влюбилась в Петю.

Шпырево и Тетерино рядом.

Похоронил я его. Как там похоронишь? Так, прикрыл сверху.

Ему точно в лоб пуля ударила. Затылок так и вырвало. Я заплакал. Забрал у него документы. Так положено. Всегда у убитых документы забирали. Куда их потом дел, не помню.

Лет двадцать назад я встретил своего однополчанина. Поехал в гости в Борисов. Я был тогда заведомом Брестского райисполкома. Директор Борисовского лесхоза. Потом он переехал в Червень. Он постарше меня.

Сидели в компании, слово за слово начали разговор о войне. Говорят, слышу, о знакомых местах. Я ему одно слово сказал, что он даже вздрогнул. А какое слово... Название одной деревни за ним поправил. Мы — одного полка. Договорились встретиться — и не встретились. Не судьба.

Я прочитал в газете ваше объявление: «33-я генерала Ефремова...» — так сразу и подскочил.

Как я выжил.

Пошли в лес. Нас было двое. Я и начальник финчасти полка капитан Беззубко, из Донецка. Ходили мы по траншеям, по землянкам. Так скитались примерно дня три. Ночевали в землянках. Угра разлилась. Не перейти ее, не переправиться. Угра в том месте все время крутится. Ты ее перешел, а она — опять перед тобою.

Из воспоминаний В.В. СМЕРНОВА, бывшего разведчика 160-й стрелковой дивизии

В ночь на 14 апреля 1942 года, мокрые и голодные, мы остановились на боевой привал под Вязьмой во вражеском окружении. Немцы к тому времени заняли деревни На-

уменки, Морозово, Шпырево и, конечно, боялись нас преследовать в Шпыревском лесу. По звукам артиллерийской канонады было ясно, что наш соседний полк, 1128-й, продвигается на восток¹.

Стояла непроглядная темень, от порывистого ветра шумел лес. То тут, то там в кострах потрескивали смолистые поленья, и искры летели в мутное небо. Прижимаясь к огню, полуголые люди сушили свою истрепанную одежду.

— Вот это правильно! — раздался голос недалеко от костра. — Так мы и холод победим!

Я повернулся. На меня смотрел человек с усталым лицом, с отеками под глазами, с раненой, на перевязи из бинта, рукой. Командующий, мелькнуло в моих мыслях, и я вытянулся в струнку, затаив дыхание.

— Вольно. Здорово, орлы! — произнес он и вошел в круг бойцов.

— Здравия желаем!

— Это — по-солдатски, — глубоко вздохнул Михаил Григорьевич. — Я очень доволен вами. Не теряйте солдатской смекалки. Не бойтесь врага.

У костра Ефремов пристально вглядывался в наши заросшие щетиной грязные лица. И вдруг, глядя на пожилого старшину, сидевшего с нами, сказал:

— Где-то я вас встречал, старшина. Кажется, до войны. Но где — никак не припомню.

Тот сперва немного растерялся, но потом напомнил ему какой-то эпизод.

¹ Воспоминания написаны примерно в 70-х гг. прошлого века. Не принято в те годы было писать о поражениях. Выходили воспоминания и размышления маршалов. Тема победы заполняла все, что касалось Великой Отечественной войны. О 33-й помалкивали. И не просто помалкивали, а замалкивали ту незначительную операцию, в ходе которой погибла 33-я армия, воздушно-десантная бригада и 39-я армия Калининского фронта. Вот отсюда и эта стилистика: не отступает на восток, а «продвигается на восток». Какой полк имеет в виду В.В. Смирнов, неясно. В 160-ю стрелковую дивизию входили три полка: 1293, 1295 и 1297-й стрелковые. В ночь на 14 апреля состоялся прорыв колонн 33-й армии через дорогу Беляево—Буслава. Часть войск прорвалась, а часть немцы отсекли. В.В. Смирнову, видимо, удалось вырваться из Шпыревского леса. Эпизод, который он вспоминает, относится к кануну прорыва. Это была ночь прорыва через дорогу Беляево—Буслава.

Это было в 1920 году. Тогда Ефремов командовал отрядом бронепоездов. Он получил приказ из штаба 11-й армии атаковать Баку. На реке Самур ударная рота атаковала землянки мусаватистов. К Ефремову привели офицера, высокого роста, с усами. Держался он с достоинством. Отрекомендовался поручиком. Ефремов, разглядывая документы, спросил его:

— Вашего отца, случайно, не Потапом Никитиным зовут? Он не из-под Армавира ли?

— Так точно-с! — ответил удивленный офицер.

Год назад полк, которым командовал М.Г. Ефремов, занял станицу Урюпинскую. Комполка квартировал в доме Потапа Никитина.

— Значит, вы Никитин?

— Так точно-с, он самый!

— Вот мы и встретились. Двадцать лет прошло... Сами на войну пошли или по призыву?

— По своему желанию. За свое Отечество стою.

— Верное решение, Никитин. — Генерал все время с интересом разглядывал старшину. — Ради такой встречи и по маленькой пропустить не мешало бы.

— Не велика беда, — сказал Никитин и тут же предложил: — Для полноты удовольствия давайте, товарищ генерал, чайку горяченького попьем — все приятнее на душе будет.

Пока чай грелся, генерал рассказал нам историю взятия Баку и то, как ему член Реввоенсовета Кавказского фронта Орджоникидзе вручил орден Боевого Красного Знамени. Рассказал он об этом без всякой рисовки, простецки, как солдат солдату.

В час ночи в лесу неожиданно загрохотало — рвались взрывос снаряды и мины.

— Значит, с утра немец начнет прочесывание леса, коль бьет из артиллерии, — заключил генерал. — Пора, товарищи, в путь.

По бездорожью, через овраги, минуя болото, по кустам, описав полукруг километра в два, главная колонна приблизилась к дороге Буслава—Беляево.

— Немецкие танки впереди! — закричали в голове колонны.

— Ложись! — прозвучала команда.

Прошли минуты напряженного ожидания. Оказалось, что танковый десант немцев вновь замкнул кольцо вокруг наших подразделений. Нас отсекали от части прорвавшихся войск.

Ефремов сидел на пне и говорил комдиву 160-й стрелковой дивизии:

— Мы сильно оплошали. Отстали от 338-й. Комдив, ведите группу прорыва напролом! Другого выхода нет.

Атака была неожиданной. От взрывов и ружейно-пулеметного огня вздрогнул воздух. Немецкие танки загорелись, а солдаты, бросив вездеход, кинулись наутек. Они стреляли нам во фланги.

— Бегом! Бегом! — торопили нас командиры.

Тяжело было бежать по полю. Небольшому, выпуклому, покрытому глубоким снегом. Много там нашего брата осталось.

Пот с меня лил градом. Душа изнемогала от усталости. Но я летел через поле, а потом прыгнул в кусты на той стороне. Пули так и стригли ветки. Казалось, автоматчик стреляет рядом. Я схватился за автомат и гранату — все оказалось при мне, ничего не потерял. Подумал: что будет, то и будет. И побежал дальше, через кусты к большому лесу. Крик, стоны, стрельба...

Сколько я так бежал, не помню. Упал от изнеможения. Может, даже уснул. И сколько проспал, не знаю. Встал, пошел дальше. Вскоре примкнул к группе старшины Васильева. Старшина хорошо знал Темкинский район. Он и повел нас.

Переползая через реку Истру, уже на нейтральной полосе я был тяжело ранен в голову. Утром меня подобрали стрелки лыжного батальона, которые стояли в обороне под Угрюмовскими высотами.

Как дальше развивались события, мы узнали из письма, спрятанного в дупле дерева на месте последнего боя рядовым Александром Ивановичем Сиротиным: «Наша группа, в которой находился командующий, была небольшая: около двух взводов. Командовал сам генерал Ефремов. Рано утром на опушке леса группу атаквали немцы. Боеприпасов у нас почти не было, имели по несколько патронов на винтовку. Мы оказывали сопротивление врагу как могли. Оторвались

от противника и ушли в глубь леса. Командарм Ефремов в этом бою вторично и тяжело ранен в тазовую кость»¹.

В неравном бою ефремовцы гибли, но врагу не сдавались. С командармом осталось всего семеро: адъютант Иванов, снайпер Арефьев, старшина Апанасенко, рядовой Яремчук, одесский рабочий Балобан, вестовой Колтушев и студент-медик Зильберштейн. С раненым генералом они пробирались через овраги в дальний лес. Два дня лежали на морозе лицом к Ефремову, согревая командарма своим дыханием. На третью ночь подошли к селу Слободка и забрались в церковную пристройку.

На рассвете цепи фашистов окружили отважную восьмерку. Превозмогая боль, упираясь рукой в бревенчатую стену, генерал выговорил:

— Ребята, бьемся до последнего.

Эсэсовцы упорно стремились овладеть пристроем, но всякий раз их встречал меткий огонь отважных. Когда в стволе остался один патрон, Ефремов собрал остатки сил и сказал своему адъютанту:

— Иванов, останешься живым, расскажешь нашим. Фашистам нужен генерал Ефремов. Но этому не бывать!

Из воспоминаний И. В. ЯКИМОВА, бывшего шифровальщика штаба 33-й армии

С августа 1941 года по апрель 1942 года мне посчастливилось служить помощником начальника шифровального отдела штаба 33-й армии.

¹ Как показала впоследствии во время эксгумации медицинская экспертиза, М.Г. Ефремов был тяжело ранен в седалищную кость и практически потерял возможность передвигаться. Версия гибели командарма, которую повторяет автор этих воспоминаний, является одной из многих. К сожалению, В.В. Смирнов обошел молчанием очень важный период своих злоключений — выход из окружения в группе старшины Васильева. Скромный русский солдат, он и не предполагал, что настанет время и воспоминания того, что пережил он сам во время выхода из окружения, станут бесценными. Пересказ В.В. Смирновым одной из версий гибели командарма подтверждает тот факт, что, когда умирает герой, его последние дни и часы жизни становятся легендой.

После двухмесячного наступления армии от Москвы в конце января 1942 года для освобождения города Вязьмы была создана ударная группа в составе трех дивизий¹ и ряда спецчастей. Для руководства ударной группой была создана оперативная группа во главе с командующим армией генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым. В состав группы входили почти все начальники служб армии, в том числе группа офицеров 8-го отдела армии в составе пяти человек, куда вошел и я.

В феврале 1942 года в тылу врага уже действовал 1-й кавкорпус Белова. Кроме того, в марте нам на помощь был высажен воздушный десант на парашютах — 4-й ВДК Канкина. Всего в окружении оказалось тысяч 40—50. Это была громадная сила, но через небольшое время мы оказались без боеприпасов и продовольствия. Зима, все вокруг сожжено, масса раненых. Но бои не прекращались ни днем ни ночью. Как правило, воевали только ночью. С криками «Ура!» бросались на врага.

К началу марта на каждую винтовку выдавалось по 5 патронов в день², а на орудие — один снаряд. Попытки сбросить нам боеприпасы на парашютах были малоэффективными, иногда сбрасывали на парашютах сухари, концентраты, но, как правило, большая их часть оказывалась у врага. В марте почти вся техника была выведена из строя, так как не было горючего, снарядов и т. п. Практически мы оказались совсем безоружными.

Весь период нахождения армии в окружении связь с нашим вторым эшелоном, Западным фронтом и Ставкой осуществлялась только шифром, проводной связи не было. Мы, работники 8-го отдела, были настолько перегружены

¹ В ударную группировку 33-й армии, которую вскоре назовут Западной, вошли: 113, 160, 338 и 329-я стрелковые дивизии, а также 131-й стрелковый полк 9-й гвардейской стрелковой дивизии.

² А в это время, согласно январскому приказу по 4-й полевой армии генерал-лейтенанта Хейнрици, немцы получали следующее количество боеприпасов: на каждую винтовку — 120 патронов; на каждый пулемет — 3 тысячи патронов. Невольно задумаешься о смысле затянувшегося пребывания под Вязьмой окруженной группировки. Командование Западного фронта не давало разрешения на выход, приказывало держаться и одновременно практически ничем не обеспечивало 33-ю.

работой, что приходилось спать за столом, сидя в землянке. Работали по 20 часов, кроме того, редкую ночь или день не приходилось отбивать немцев, прорвавшихся к штабу армии. К концу марта нас из пяти человек осталось трое: старший лейтенант Зигун Иван, младший лейтенант Кузнецов и я. Кузнецов погиб при прорыве из окружения, судьбу Зигуна Ивана не знал я до последнего момента¹.

У меня нет слов, чтобы выразить всю меру мужества, отваги и патриотизма наших бойцов и командиров в этой ужасной обстановке. Был случай, когда на одном из участков, не помню, какой дивизии, немцы перешли в наступление. Один станковый пулеметчик, сибиряк, отразил эту атаку. После боя перед позицией этого пулемета было около 200 немецких трупов. Этот пулеметчик награжден орденом Ленина, хотя в то время наградами нас не баловали². Этот случай произошел тогда, когда у нас еще было немного боеприпасов. В последнее время у нас, кроме стрелкового оружия, ничего не было, да и то без боеприпасов. Немцы в это время поливали нас свинцовым дождем, снарядами, бомбами. Но, несмотря на это, моральный дух в основном был очень высок. Потом, не надо забывать обстановку в это время в стране, на фронтах.

Наступила весна, но мы все одеты были по-зимнему: валенки, ватные брюки и фуфайки, а сверху шинели, шапки. Вот в такой форме мы бродили по весенним ручьям и болотам. В такой же форме были и генералы, в том числе и Ефремов, но, помню, у него были сапоги на ногах.

¹ О судьбе старшего лейтенанта И. Зигуна в своих воспоминаниях рассказал офицер связи штаба армии А.П. Ахромкин: «Ст. лейтенант Иван Зигун, зам. нач. шифровального отдела штаба армии, застрелился в 300 метрах от дер. Ключик в западном направлении». Таким образом, из всего 8-го отдела в живых остался один И.В. Якимов.

² Должно быть, И.В. Якимов имеет в виду подвиг пулеметчика Григория Петровича Воротилина. 27 марта немцы до 300 человек при поддержке артиллерии и минометов повели атаку на Манулино. Дело доходило до рукопашной. Особенно отличился пулеметный расчет красноармейца Г.П. Воротилина. Он уничтожил более 40 солдат и офицеров противника. При осмотре трупов выяснили, что они относились к 455-му пехотному полку 255-й пехотной дивизии. Г.П. Воротилин за этот подвиг был награжден орденом Ленина. 29 марта 1942 г. ему было присвоено звание младшего сержанта.

Кстати, о воспоминаниях и размышлениях Жукова о 33-й армии. Во многом я с ним не согласен. Вся исходящая и входящая информация в адрес Ефремова шла через мои руки и из первых рук. Кроме того, я находился около Ефремова, а не в Москве.

Опишу коротко замысел Ставки и Западного фронта. После неудачной попытки штурмовать Вязьму от Жукова был приказ закрепиться на занятых рубежах, принять меры по очистке наших тылов от немцев. Эти попытки продолжались весь период нашего окружения. Сначала это делали наши вторые эшелоны, им на помощь в разное время выделялось несколько танковых бригад. Потом для помощи нам подключили справа — 5-ю армию Говорова, слева — 43-ю армию Голубева. Но все эти попытки ни к чему не приводили, кольцо нашего окружения сжималось. Если вначале наш «пяточок» по окружности составлял более 200 километров, то к концу он простреливался пулеметным огнем.

Где-то в середине марта Ефремов стал предлагать Жукову вывести войска из окружения, но последний категорически отверг это предложение, заявил, что любой ценой необходимо удержать плацдарм на западной стороне реки Угры¹. Тогда Ефремов обратился к Сталину, последний дал указание Жукову решить этот вопрос, но Жуков был неумолим. Помню, что первые указания и распоряжения Жукова в адрес Ефремова были с указанием полного титула командарма, но в последнее время были почти просьбы: «Михаил Григорьевич, держитесь, нам нужен плацдарм».

В первой декаде апреля 1942 года немцы на штаб армии с самолета сбросили пакет с ультиматумом о капитуляции, через час меня вызвал генерал Ефремов, вручил мне пакет ультиматума и спросил, сколько потребуется времени, чтобы зашифровать и передать по радиции на имя Жукова и в Ставку. Я назвал время, и Ефремов приказал доложить о выполнении этого дела. Ультиматум был отклонен. Жуков дал указание подготовить войска к выходу из окружения, произвести тщательную разведку и сообщить маршрут выхода, чтобы поддержать нас огнем. Посланная разведка не вернулась, а ровно через 24 часа, как было указано в ультиматуме, немцы,

¹ Ценою стала 33-я армия.

после ожесточенной артподготовки и бомбежки, пошли на штурм — мотопехота с танками. Началось физическое истребление почти безоружных людей. Через несколько часов немцы расчленили наши дивизии, взаимосвязь была нарушена, управление дивизиями потеряно. К концу первого дня штурма все три радиостанции были выведены из строя, радисты погибли. Прервалась шифросвязь с фронтом и Ставкой. По распоряжению Ефремова нами были уничтожены шифродокументы, и мы перешли в его личное подчинение. Меня и Зигуна командарм использовал в самых крайних случаях для ведения разведки.

После потери управления войсками оперативная группа штаба армии присоединилась к одной из дивизий, какой — не помню, мы стали пытаться пробиваться из окружения, но немцы были не дураки, они следили за каждым нашим шагом. Наши попытки прорваться в любом направлении были неудачными и с большими потерями. Помню, одна атака удалась, мы прорвали кольцо окружения, но до фронта оставалось еще километров 15—20, насыщенных немецкими войсками.

В этой атаке погибло почти все командование армии, да и почти вся наша группа, которая насчитывала вначале 250—300 человек. Возможно, не все погибли, но с нами не вышли. Раненые не подбирались, помощь им, как правило, не оказывали, некому было, да и нечем. По лесам и болотам немцы гоняли нас, как зайцев. Винтовки наши использовались как дубинки. Было великим счастьем, если нам удавалось отбить оружие у противника.

Примерно в половине апреля в группе Ефремова оставалось человек 50. В одно раннее утро с криками «Ура!» мы из небольшого леса через поляну бросились в атаку, но были встречены мощным огнем немцев, понесли большие потери и отошли назад. В этой атаке я был ранен в левую ногу осколком снаряда. Был тяжело ранен в грудь генерал-майор Офросимов, тяжело ранен адъютант Ефремова, майор (фамилии не помню), ему пуля раздробила переносицу. В это время за неудачную организацию разведки начальник особого отдела Камбург застрелил у всех на глазах начальника связи армии полковника Ушакова выстрелом в лоб. Помню, Ефремов сказал Камбургу: «Дурак!»

В этот же день, с наступлением темноты, вся наша «процессия» во главе с командующим выступила в поход. На самодельных носилках несли Офросимова, адъютанта и еще кого-то, вели тех, кто с трудом, но еще мог сам передвигаться. В том числе и я плелся где-то в хвосте. Куда шли — не знаю, но где-то в полночь напоролись на заранее подготовленную немецкую засаду¹, и нас стали расстреливать в упор. Кто остался жив, стали расползаться кто куда и как мог. В этот раз генерал Ефремов был тяжело ранен и через некоторое время застрелился. Я был вторично ранен, легко, в левую руку. С группой бойцов и сержантов (4 человека) мы стали продвигаться на восток, дошли до Угры, но она разлилась — было половодье². Все, кто остался в живых, были измождены до предела, из них процентов 90 были ранены. На протяжении многих дней питались почти одним снегом. Самоубийство стало «модой», особенно среди комсостава. Примерно 25 апреля, на рассвете, на берегу реки Угры мы, спящие, были взяты в плен, а через месяц я с группой командиров бежал из вагона при отправке куда-то на запад.

С мая 1942 года по август 1944 года я был командиром партизанского отряда в Белоруссии. В армии служил до 1954 года, уволился в звании майора. В настоящее время

¹ «Заранее подготовленная немецкая засада» — это засада, подготовленная заранее. Время, когда писались эти воспоминания, было непростое. Всего не скажешь. И.В. Якимов — человек умный. Воспоминания его отличаются лаконизмом и точностью формулировок. Написаны с расчетом на то, что тот, кто будет искать, найдет в его словах именно тот смысл, который в них заложен. «Предатель» полковник Ушаков убит, «казнен» «разоблачившим» его начальником особого отдела армии. После этого конечно же все маршруты меняются. Иначе и быть не может. И вдруг группа командарма наткнется на «заранее подготовленную немецкую засаду». Если в штабной группе был предатель, а все ветераны и исследователи в один голос твердят, что был, то, выходит, он продолжал вести по тому маршруту, на котором ефремовцев и подстерегала та самая, «заранее подготовленная»... Кого же тогда убил Камбург? Не того ли, кто слишком много знал и мог в любую минуту поделиться этими своими знаниями с командующим? К сожалению, никто не знает, о чем разговаривали Ефремов и Камбург после расстрела полковника Ушакова. Ведь разговор между ними наверняка был. Какой?

² Вот и И.В. Якимов со своими товарищами не смог переправиться через разлившуюся Угру. А Зельфа — смог...

являюсь персональным пенсионером республиканского значения, продолжаю трудиться.

Несколько слов о без вести пропавших. Когда мы прорывались на восток, это почти от Вязьмы до реки Угры, то видели ужасную картину: все леса и поля были завалены трупами наших бойцов и командиров. На протяжении осени 1941 года и зимы 1942 года трупы немцами не убирались. В армейском полевом госпитале и в дивизиях было очень много раненых, и все они были оставлены (брошены) на расправу врагу... Из этого ада было только два выхода: плен или гибель...

Так вот вся эта многочисленная масса погибших, брошенных и безоружных людей оказалась в списках пропавших без вести. Мои родители получили тогда извещение, что я погиб в районе города Вязьмы при выполнении боевого задания, а жена — извещение, что я пропал без вести.

За сорок один год из памяти выветрилось почти все: и люди, и события, и места. Не помню ни одного населенного пункта. В то время эти населенные пункты назывались таковыми относительно, в них имелось по несколько полуразрушенных домов, местного населения оставалось очень мало. Я не помню населенные пункты, где размещался штаб ударной группы. За все эти годы у меня не было нужды вспоминать их.

Совершенно не помню маршрута выхода из окружения, карты в то время у меня не было. До ранения я находился вблизи командующего, после ранения, как правило, в хвосте колонны. В группе Ефремова я находился до последнего момента. Помню, двигались мы по опушке леса: слева был лес, справа — поляна с кустарником. Немецкая засада была впереди и слева, в лесу. Вторично я был ранен из засады, слева из леса. Я находился в хвосте колонны. Ефремов — впереди. Когда нас немцы расстреливали почти в упор — помню крики и стоны, живые побрели кто куда смог. Вот тут-то, наверное, и погибли генерал Офросимов, адъютант командующего и многие другие. Ефремов был тяжело ранен, но об этом я узнал от наших командиров, будучи в плену. Кто остался жив из этой группы, кто погиб, не знаю. Видеть это было невозможно, так как была темная апрельская ночь.

Командиров дивизий помню смутно или совершенно не помню. Запомнился мне разговор с командующим. Сколь-

ко за сутки поступало в адрес Ефремова шифровок, столько раз мы были у него с докладами. В один из таких докладов Ефремов спросил у меня, не является ли мне родственником командир дивизии Якимов (он назвал его «интеллигентик Якимов»). Я ответил, что нет, просто я его однофамилец.

Назову несколько товарищей из командования армии: начальник оперативного отдела полковник Киносян, начальник артиллерии армии генерал-майор Офросимов, начальник ВВС армии генерал-майор Клецков — Герой Советского Союза за бои в Испании, начальник связи армии полковник Ушаков, начальник политотдела армии полковник Яковлев, начальник особого отдела капитан 1-го ранга Камбург.

Я мог бы много написать и рассказать, но, как мне кажется, теперь это никому не нужно. Живых свидетелей того времени почти не осталось.

Вся переписка Ефремова с Жуковым и Сталиным проходила через мои руки. После ознакомления с ними Ефремова документы возвращались к нам в отдел тут же. Примерно в неделю раз мы все свои шифродокументы, входящие и исходящие, самолетом отправляли в 8-е управление штаба Западного фронта и в штаб 33-й армии (было такое указание). Все секретные документы штабов дивизий, по указанию оперативного отдела штаба армии, должны были также высылаться в штаб 33-й армии.

Должен признаться, что для меня нелегко об этом писать, будоражить свою память, царапать давно зажившие душевные раны.

Мне кажется, что для каждого, кто сумел пережить эту трагедию, это были самые мрачные дни в жизни.

Представьте себе, что эта небольшая группа наших войск в течение трех месяцев в окружении, изможденная холодом и голодом, почти безоружная, сдерживала, сковывала несколько немецких дивизий, нанося врагу ощутимый урон.

Иногда становится обидно, что вместо благодарности за подвиг каждого солдата кое-где получается наоборот. Надеюсь, что вы правильно меня поймете...

1983 год

**Из объяснения майора А.Р. ТРЕТЬЯКОВА,
начальника артснабжения 160-й стрелковой дивизии**

1. Части Западной группировки армии по приказу командарма т. Ефремова двигались тремя колоннами.

В авангарде — 338 сд, подразделения 9 гв. сд и 973 ап.

В центре — штаб армии во главе с генералом Ефремовым, 160 сд и большое число раненых, которых было, по рассказам командиров, до 500 чел. тяжелораненых на повозках, легкораненые шли с винтовками как бойцы.

В арьергарде — колонна 113 сд.

Наша колонна начала движение в ночь с 13 на 14 апреля.

2. Маршрут нашего движения: Шпырево, лесом на Родня; пересекли дорогу Буслава, Белево; Буслава, Родня; вошли в Шумихинский лес; пересекли дорогу Борисенки, Шумихино; Староселье, Мал. Бославка; пересекли шоссе Нов. Михайловка, Ключики и вошли в лес, что сев. Жары.

3. После боя колонна 338 сд в районе Ключики противником была разбита на три группы. В этом бою нами была потеряна связь с командармом т. Ефремовым. Вся система организации и руководства отдельными группами была нарушена. Я с 12 ранеными остался в лесу вост. Ключики, пытался связаться с командованием, но не успел. По рассказам отдельных командиров, пройти в район леса, занимаемого группой командарма, было нельзя, так как нужно было пересечь дорогу, находившуюся под сильным обстрелом немцев.

Тогда я решил пройти линию обороны противника, но где она была — я не знал. Причины, побудившие меня самостоятельно, с группой в 16 человек, искать пути перехода через линию обороны, были следующие: я имел отмороженные и опухшие ноги, двигался с трудом, догнать другие части не смог.

Дойдя со своей группой до восточной опушки леса сев.-вост. Жары, я обнаружил передний край обороны противника и в течение 16 апреля изучал систему обороны. Решил перейти рано утром 17.04 передний край обороны противника в пункте 800 метров сев.-вост. Жары. В 1.00 18.04 подошел вплотную к линии обороны. Она проходила по вост. опушке леса сев.-вост. Жары и Красный Октябрь, по дороге

в Бол. Устье и далее на север к реке Угре. Окопы противника вырыты в одну линию по всей опушке леса. Некоторые участки дороги Бол. Устье, Жары имеют проволочные заграждения, наставлены рогатки, МЗП; через каждые 150—200 метров стоит пулемет и по два немецких часовых. В 50 метрах от опушки леса стояла мин. батарея противника, а в глубине леса, примерно в 800—1000 метрах, находились две пушечные батареи; километрах в двух были две гаубичные батареи.

Резервов в глубине обороны противника не видел¹. В лесу и на дорогах сидят автоматчики и отдельные «кукушки».

Обследовав линию обороны, я решил пройти ее через проволочные заграждения. Так и сделал. Перешел проволочные заграждения, а по ту сторону их в кустах был встречен бойцами разведгруппы 43-й армии.

4. Из материальной части артиллерии 160 сд: 4 гаубицы закопаны в Александровском лесу, 4 зенитных орудия закопаны в лесу у Дмитровка.

Вместе с ними закопаны и боевые машины, а остальная материальная часть, т. е. 8 полевых пушек, вышли из строя в период боя с противником. Отдельные орудия, которые мы не смогли захватить с собой и не успели закопать, были подорваны нами.

Места, где были закопаны орудия, нанесены на схему, которая была сдана начальником артиллерии дивизии на КП командарма.

¹ Трудно теперь обвинять кого бы то ни было в том, что произошло с 33-й армией. Бессмысленно винить штаб Западного фронта и лично Г.К. Жукова. Жуков мыслил масштабами фронта, и судьба одной армии, четырех дивизий, в той ситуации действительно могла стать вопросом тактики, но не стратегии. Надо понимать то время. Бессмысленно винить и генерала Голубева. Хотя, как видим, оборона немцев была неглубокой, а разведгруппы, высланные 43-й армией на поиски группы М.Г. Ефремова, бродили по ту сторону проволочных заграждений... Приказы исполнялись по-разному. Потому что их исполняли не запрограммированные машины, а люди. Человеческий фактор. Страх. Усталость. Все это нужно учитывать. Уставали не только солдаты, но и генералы. Известен случай, когда генерал Жуков, проведя за картой и на передовой несколько бессонных ночей, уснул на целые сутки и его не могли разбудить, даже когда ему позвонил Сталин.

5. В районе леса Жары, Нов. Михайловка, Ключики, Мал. Виселево находится до 2000 человек частей 338 сд, 160 сд, 113 сд и подразделений 9 гв. сд.

6. Командарма т. Ефремова последний раз видел в ночь с 14 на 15.04 в лесу Ключики, Нов. Михайловка. По разговорам отдельных командиров, он организовал через проводников переправу раненых через переднюю линию обороны противника.

15—16.04 я видел командиров 113 сд, 338 сд и 973 артполка.

7. На дороге Буслава—Беляево при встрече с противником убит ст. бат. комиссар Давыдов¹. Я лично видел, как был тяжело ранен полковник Ушаков². Кроме того, по рассказам командиров, убиты нач. РО Гладченко³ и другие командиры, фамилий многих я не знаю.

8. Я видел, как группа командиров, после того как они уснули, была захвачена в плен немцами. Помочь я им не мог ничем. Фамилий этих командиров я не помню, но знаю, что они были: отсекр. КСМ бюро, ветврач, зав. делопроизводством 973 артполка.

ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 177. Л. 57-59.

Из объяснения ст. батальонного комиссара КРИВОШЕЯ, ответственного секретаря дивизионной партийной организации 160-й стрелковой дивизии

Я получил задание возглавить отряд в лесу между Лутное и Молодены для прикрытия тылового рубежа. По прибытии в указанный район я получил задачу: отряд перекинуть в р-н Медведево и прочно удерживать этот пункт.

¹ На самом деле старший батальонный комиссар Давыдов на дороге Беляево—Буслава убит не был.

² Не был тяжело ранен полковник Н.К. Ушаков. Возможно, он имел легкое ранение, но об этом тоже нет свидетельств. Видимо, майор Третьяков видел кого-то другого.

³ Также не был убит начальник разведотдела 33-й армии подполковник П.А. Гладченко. Он был ранен, из окружения вышел. Погиб в 1943 г. во время Смоленской наступательной операции.

В ночь с 12 на 13.4 отряд занял оборону южнее Никитинки в лесу.

13.04.1942 года немцы начали наступление силою до 500 чел. из Никитинки на Медведево. В течение дня отбито 4 атаки, за что личный состав отряда получил благодарность от генерал-лейтенанта Ефремова (по телефону из Науменки)¹.

В этот день немцы выбрасывали листовки, в которых они писали: «Ваше командование во главе с Ефремовым улетело на самолетах, а вы героически защищаетесь. У нас превосходство в силах и технике. Сдавайтесь...» Личная благодарность по телефону командарма сыграла исключительную роль в разоблачении фашистов и поднятии боевого духа наших бойцов и командиров. За день боя убито 98 немцев, взято 4 немецких пулемета.

Вечером 13.4 был получен приказ на прорыв. К этому времени штарм находился в лесу южнее Шпырево. Утром 14.04 на дороге Беляево—Буслава был сильный бой. К 12.00 в этот день стало известно, что генерал Ефремов с группой прорвался через эту дорогу. К 15.00—15.30 14.4 немцы из Беляево и Буслава подбросили автоматчиков и несколько танков и закрыли выход остальным частям.

По докладу майора Гуртовенко, батальонного комиссара Горбачевского (подив 113 сд) мне было известно, что при прорыве утром 14.04 был ранен Ефремов.

В середине дня немцы начали наступать на Федотково и Шпырево с севера и востока. К утру 15.04 части 113 сд, наступавшие севернее Песково, с боем переправились через р. Угра.

На восточный берег перешла группа под командованием полковника Бодрова, Сташевского. Наша группа в это время прикрывала бой севернее Шпырево в лесу. К вечеру 15.04 в нашем лесу набралось до 500 человек. В лесу южнее Шпырево находился госпиталь с ранеными.

¹ Этот эпизод свидетельствует о том, что командарм М.Г. Ефремов до последнего владел ситуацией, имел связь с подразделениями, в том числе и с немногочисленными отрядами, которым были поручены важные участки. Командиры и солдаты это чувствовали, потому так стойко сражались и с такой волей шли на прорыв. В 33-й, как я уже сказал, не было случаев коллективной сдачи в плен.

Противник подтянул танки, вечером 15.04 огнем артиллерии, минометов и танками уничтожил раненых и обозы в лесу южн. Шпырево. Все остатки этих людей к утру 16.04 собрались также в нашем лесу.

Батальонный комиссар Горбачевский организовал партизанский отряд и ушел в направлении Ново-Жулино. Остальные бойцы также изъявили желание пойти в партизаны. Тут же организовались мелкие группы для выхода на восток. Одна группа решила остаться в лесу восточнее Лутное. Я организовал отряд в 60 чел. и пошел по маршруту: лес южнее Ступенка, лес севернее Барановка, лес западнее Колодези.

По пути движения группа два раза вела бой и рассеялась.

В лесу южнее Колодези встретил батальонного комиссара Новикова и ст. л-та Бадаева с группой в 11 чел., присоединился к ним. Группу возглавил ст. л-т Бадаев и вывел ее на Бочарово.

В лесу между Молодены и Лутное были сложены в штабелях более 1000 шт. парашютов, которые мною и тов. Бронштейн (инструктор ПУРМа) сожжены. Машины частично испорчены, там же закопан в землю типографский шрифт 881 дивизиона зенитной батареи и оружие 9 гв. сд закопано в Науменки и возле Дмитриевка. С 14.04 сведений о генерале Ефремове не получал.

ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 177. Л. 151-153.

**Из доклада старшего лейтенанта БАДАЕВА,
помощника командира разведывательной роты
113-й стрелковой дивизии**

Маршрут — лес южн. Шпырево, р. Семезга, юго-западный берег р. Угра, лес юго-западнее Абрамово, севернее Дубровка, лес восточнее и далее на Кобелево, лес западнее Долженки, Колодези, Дорофеево, лес сев. Дорофеево, далее на юг, лес сев. Долженки, сев. окр. Замытское, далее на юго-запад через отм. 173,2, роща западнее Рудное, Шеломцы и далее по лесу на отм. 170,4, юго-западнее Бочарово и обратно на Шеломцы, Бочарово.

Вели бой в ночь на 15.04 и днем 15.04. Бой в районе Песково вели части 113 сд до 1000 чел. под командованием полковника Миронова. С боем форсировали р. Угра в 1,2 км южн. Федотково. В этот же вечер вели бой в лесу зап. Абрамово. Противник имел три танка и отдельные группы с автоматами, легкими пулеметами, которые старались окружить нас в лесу.

В результате боя группе удалось прорваться в лес сев. Абрамово, где вновь противник преследовал нас танками. Позже на Дубровку и Прокшино в направлении Абрамово вышли еще несколько танков и отрезали дорогу на восток.

Из леса сев. Абрамово часть группы во главе с полковником Бодровым начала прорываться в лес зап. Абрамово. Достигнув леса, группа была рассеяна. Полковника Миронова и подполковника Сташевского 15.04 видел лично в лесу сев. Абрамово; позднее слышал, что полковник Мионов ранен, а Сташевский убит. В ночь на 16.04 я возглавил группу в количестве 4 чел. Группа начала движение по упомянутому маршруту. За время движения наблюдали: в лесу сев.-зап. Кобелево обнаружены окопы и 3 дзота фронтом на юго-восток; Долженки: окопы и дзоты; Колодези, Дорофеево: окопы и дзоты; Замытское, Шеломцы — гарнизоны немцев, организованная круговая оборона.

Артиллерия в роще зап. Долженки — две батареи. Сев.-зап. Колодези — батарея, сев. Дорофеево — батарея, лес зап. и сев.-зап. Замытское — две батареи. Между Долженки и Рудное — батарея, там же радиостанция, лес сев. Рудное — батарея, лес вост. Шеломцы — батарея, лес вост. Гуляево — батарея. Танки курсируют по дорогам: Шеломцы—Березки, Кобелево—Гуляево—Шеломцы, Рудное—Замытское, Кобелево—Долженки—Замытское, Кобелево—Шеломцы. На переднем крае обороны противника много пулеметов, дзоты. Вырыты землянки с перекрытиями, подготовлены колья и колючая проволока. На опушке леса завалы и пни выс. 1—1,5 м, немцы строят улучшенную дорогу от Шеломцы на юг.

О Ефремове точных сведений не имею. От работника особого отдела армии тов. Редник слышали, что Ефремов застрелился.

**Из объяснения техника-интенданта 2-го ранга
Т.Д. ЖЕЛУДКОВА 1292-го стрелкового полка
113-й стрелковой дивизии**

Утром 13.04 группа с тов. Ефремовым взяла направление южнее Буслава на Шумихино, Ключик, но в это время дорога Беляево—Буслава была перехвачена противником. Поэтому повернули в лес западнее Буслава, где был убит полковник Самсонов. Группа, которую он возглавлял, потеряв руководство, распалась.

113 сд к исходу 13.04 главными силами сосредоточилась в лесу 3 км западнее. Полковник Миронов, после детальной разведки Беляево, Буслава, решил со своей группой двигаться вдоль южного берега р. Семезга, по лесам в направлении на Березки.

Утром 14.04 сев. Песково части вели бой и с боем вплавь форсировали р. Уфа, но, попав под огонь, чел. 130—140 успели перебраться, а остатки группы с полковником Мироновым и Коншиным были отрезаны и остались на западном берегу р. Угра. В бою участвовало 3 танка противника.

Группу, перешедшую реку, возглавил полковник Бодров и Шашевский. Около д. Козлы к исходу 14.04 группа вела бой, в котором действовали 5—6 танков противника. В бою был убит Шашевский. Группа была рассеяна.

12 чел., пройдя по лесу сев. надписи «р. Угра», перешли через мост и огородами Замыцкое вошли в лес, и затем эта группа вышла южнее Валухово.

О Ефремове с 13.04 ничего не знаю.

В лесу западнее Стукалово подорвали матчасть артиллерии, а зенитные орудия зарыли в землю.

ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 177. Л. 124.

**Из объяснения старшего лейтенанта
П.В. АРХИПОВА, командира отдельного минометного
дивизиона 160-й стрелковой дивизии**

Я со своим дивизионом в количестве 50 чел. занимал оборону в Горбы до 11.04.42.

11.04.42 мне дан приказ подполковником Кирилловым (нач. 1-го отд. дивизии) отойти на соединение со 113 сд, которая сосредоточилась в лесу сев.-вост. Стукалово. Приказ был выполнен. Здесь, в Стукаловском лесу, находилось около 800 чел.

Из состава здесь были: подполковник Кириллов, полковник Миронов, ст. политрук Бизяев, политрук Решковский, лейтенант Талочко, ст. лейтенант Устинов.

Сборной группой командовал полковник Миронов.

В Стукаловском лесу дан приказ идти на прорыв по маршруту Нов. Жулино—Жулино.

Во время прорыва противник вел сильный минометный, пулеметный и автоматный огонь.

Из Желтовки, Жулино, Колодези линия обороны противника была прорвана, наши потери — небольшие.

Подполковник Кириллов был ранен. Дальнейший маршрут группа совершила лесом на Красное.

При форсировании р. Угра у Красное противник окружил нашу группу в лесу. Выбыло из строя до 50% состава¹. Был убит полковник Миронов.

Я видел, когда командира 113 сд несли раненого на носилках. При переноске он был убит пулей врага.

Командование принял комиссар 113 сд полковой комиссар (фамилии не помню), который дал распоряжение выходить отдельными группами в Шпыревский лес, для сосредоточения.

Я пошел с группой комиссара. В Шпыревском лесу остановились на привал — все уснули. После привала нас осталось 2 чел. — я и политрук Рожковский, остальные ушли. После этого я соединился с группой ст. лейтенанта Антоненко (9 гв. сд) и продолжали движение на восток.

26 и 27.04 услышали большую арт. канонаду. Определив, что артиллерия наша, по выстрелам которой мы ориентировались, вышли к р. Угра в направлении Косая Гора. Здесь были обстреляны пулеметным огнем (при переправе).

¹ Доклад старшего лейтенанта П.В. Архипова очень лаконичен, по-военному скуп — самая суть: прорвались, не прорвались, кто убит, кто ранен. О том, как во время форсирования реки Угры их обстреливали из орудий и минометов и в это самое время пошел лед, он не написал. Не написал и о том, как переворачивались под ранеными набрякшие кровью льдины... Все это они пережили.

Здесь по течению реки на плоту уплыли ст. лейтенант Антоненко и политрук Рожковский. Я с группой в 6 чел. ждал до рассвета. Нам подали лодку.

Генерала Ефремова не видел.

Вышел с группой 28.04 в 49 армию.

ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 177. Л. 177-178.

**Из свидетельств красноармейцев А.Т. ЧЕТВЕРГОВА,
артиллериста 978-го артполка 160-й стрелковой
дивизии, Н.В. РУЗАКОВА, связиста 113-й стрелковой
дивизии, М.Г. МЯЧЕНКОВА, бойца
1136-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии**

Для выхода из окружения наша группа в количестве 50 человек под командованием бат. комиссара Кернса (обе 113 сд) собрались в Шпыревском лесу. Из комсостава здесь были ст. лейтенант Марок (адъютант), других фамилий не помним.

Отсюда наша группа под действием превосходящих сил противника вынуждена была пойти на Красное, по дороге часть группы растерялась (особенно при посылке в разведку).

Из Красновского леса пошли на восток. У д. Пожошка сделали засаду, в результате убили 2-х немцев и освободили 8 пленных красноармейцев, которые присоединились к нам. Мы ушли в лес Пожошка.

Отсюда мы пошли по направлению Косая Гора для переправы через р. Угра.

При попытке форсировать реку нашу группу обстреляли — наши, не узнав нас¹, и немцы.

Вся группа с комсоставом, за исключением нас троих, ушла в лес по направлению — обратно.

¹ Группу полковника В.С. Бодрова тоже наполовину выбили на колючей проволоке свои. Какие-либо выводы из этого делать бессмысленно. Так встречали выходящих. Да, так встречали. Бойцы, возможно, были предупреждены, проинструктированы. Но — так встречали. Единственное, о чем хочется сказать: каково было умереть от своей пули, когда позади все мучения, холод и голод окружения, страх попасть в плен и умереть от ран и обморожений...

Мы втроем выждали прекращения огня на берегу реки, где и переправились (район Косая Гора, 49 армия — полк или дивизион) 27.04.42 г. Судьба остальных неизвестна.

Местонахождение генерала Ефремова нам неизвестно.

При обстреле нашей группы — бат. комиссар (комиссар обе) попал в глубокий разлив, видна была только голова. Поэтому мы не знаем, жив ли он.

Заграждений и дзотов не видели.

Слышали несколько раз гул моторов танков у большака Нов. Михайловка и скопление (по гулу моторов) у Ключики.

Пояснение к свидетельствам красноармейцев офицера штаба 33-й армии по розыску генерала М.Г. Ефремова майора Турантаева.

В 4.00 27.04 на левом фланге 5 гсд вышли из окружения санинструктор 1136 сп 338 сд Мария Григорьевна Мояченко, боец обе 113 сд Н.В. Рузаков, боец 973 ап 160 сд А.Т. Четвергов, которые докладывают следующее.

1136 полк до 12.04.42 был в обороне в районе Высокое. 12.04 полк снялся и начал выход в восточном направлении под командованием командира полка майора Андреева по маршруту Красное, Жолобово. 14.04, достигнув леса сев. Шпырево, группа во главе с адъютантом командира полка лейтенантом Марок оторвалась от полка и в составе 30 человек начала движение в направлении Песково, Впереди этой группы двигалась еще какая-то группа красноармейцев, которая, не доходя Песково, встретила автоматчиков и танки противника, завязала бой, понесла большие потери и к р. Угра подойти не могла. Группа Марок в бой не вступала и повернула обратно в лес в направлении Беляево, Высокое. Несколько дней ходили в лесах около населенных пунктов Щелоки, Реутово, Родня, Пожощка и далее начали выходить по маршруту Ключик, Мосеенки, Косая Гора. В лесу южн. Борисенки группа встретила одну женщину из местных жителей дер. Борисенки, которая им сообщила, что у нее на квартире живет немецкий офицер, который хорошо говорит по-русски, и она слышала, что немцы готовят наступление с рубежа Мал. Веселово, Бол. Веселово на Юхнов с ближайшей задачей перезать большак Юхнов—Гжатск.

Для этой цели на зап. берегу р. Угра в районе Нов. Михайловка, Ключик, Мосеенки, Жары сосредоточиваются танки (сведения требуют проверки).

Вышедшие из окружения докладывают, что лично они танков не видели, но в деревнях Ключик, Нов. Михайловка, Мосеенки, Жары слышится шум моторов (по звуку определяют, что в этих деревнях имеется большое количество танков). 25—26.04.42 наблюдали несколько парашютных десантов по 10—15 человек, сброшенных в районе Борисенки. Проходя по лесу зап. Косая Гора, установили, что в этом лесу противника очень немного, но на вост. опушке леса имеются завалы, проволока, пулеметы и автоматчики. При подходе к р. Угра группа была обстреляна пулеметным огнем со стороны немцев и позже — с нашей стороны, под воздействием чего большая часть группы вернулась обратно в лес, а три человека во главе с тов. Моряченко осталась на зап. берегу реки, куда им была подана лодка с вост. берега.

Находясь в обороне в районе Высокое 8—9.04.42, 1136 сп имел данные, что с направления Вязьма в Знаменка сосредотачивается до 150 танков противника. Кроме того, было известно, что в Знаменка имеются сильные укрепления и оборонительные сооружения по зап. берегу р. Угра на север от Знаменка.

О генерал-лейтенанте М.Г. Ефремове никто из вышедших сведений не имеет.

ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 177. Л. 177-182.

**Из объяснения сержанта А.И. КОНОНОВА,
командира отделения 973-го артполка
160-й стрелковой дивизии**

13 апреля 1942 года двинулись из-под дер. Желобково в составе армии, во главе с командующим генерал-лейтенантом тов. Ефремовым.

Первую линию обороны, Беляево—Буслава, проходили с боем, где были убитые и раненые. Следуя дальше, к Пожошке, были обстреляны автоматным и минометным огнем: тоже были убитые и раненые. После отхода от деревни

Пожошки был привал, где я видел генерал-лейтенанта. Когда к утру подошли к реке (название не знаю), генерал-лейтенанта с нами не было; он ушел с группой вперед. Я находился в составе группы, начитывавшей 400—500 человек, руководил которой батальонный комиссар 338-й дивизии. Были два майора, фамилии которых не знаю.

Мы пошли правее группы генерал-лейтенанта. 14-го днем у деревни Мосеенки (вблизи Жары) наша группа захватила немецкую кухню. Были убитые с обеих сторон. Здесь мы набрали продуктов и заняли оборону, но были окружены автоматчиками и вынуждены были отступить. Я попал с группой 7 человек во главе со старшим лейтенантом (фамилии не знаю), который нас повел. В лесу нас обстреляли автоматчики — одного бойца ранили, но он шел с нами. К вечеру мы углубились в лес и сделали привал. После привала я идти за той группой не смог (при переходе через речку я упал в воду и был мокрый). Я решил переночевать на месте привала и утром ушел дальше; со мной остался один красноармеец. Утром мы присоединились к группе 9 чел., с которыми ходили 3 дня. Дальше эта группа разошлась. Я и сержант Добротворский, с которым я был вместе до перехода последней линии обороны, зашли в деревню Красный Холм¹, немцев в ней не было. Жители были. Сведений никаких не получили. От деревни Красный Холм мы пошли на юг, группа примерно в 30 чел. Обойдя 3 км, встретили водную преграду, откуда вся группа вернулась обратно. Я и сержант Добротворский остались здесь. Вечером к нам подошла группа в составе 11 чел. во главе с майором — командиром полка 338 дивизии (фамилии не знаю). Я узнал от него, что ни одна наша группа еще не вышла и что генерал-лейтенант ранен.

Утром (на второй день) эта группа от нас опять ушла и нас осталось опять двое. Решили идти прямо на восток. Перейдя последнюю линию обороны, зашли в лес, где прожили два дня. Вокруг нас были зенитные установки и тяжелая артиллерия, которые все время вели огонь в сторону наших войск. Здесь к нам утром подошла группа 11 чело-

¹ Очевидно, имеется в виду деревня Красный Октябрь или Красная Горка.

век. Днем двигаться не было возможности, мы решили дождаться до вечера. Вечером нас атаковали автоматчики: некоторых взяли в плен. Ст. лейтенанта ранили. Он вышел 26 апреля и сейчас находится в госпитале 49 армии. Я опять остался с сержантом Добротворским. Подходя к реке Угре, мы зашли в расположение немцев, где я потерял сержанта. Я пошел поляной. Встретив траншею, только перешел ее, был окликнут немцем, который дал пять выстрелов по мне; я убежал в сторону реки. Подошел к берегу, где было разбитое здание школы Роляки¹, из обломков которого я сделал плот и переправился через реку. Был обстрелян нашими автоматчиками.

Когда переплыл, пошел лесом, не зная, что здесь расположены наши части. В лесу был остановлен 102 батальоном 49 армии — 2 часа ночи 26 апреля.

Немцы прокладывают на дорогах подвоза деревянный настил — в тылу и на линии фронта.

ЦАМО. Ф. 338. Оп. 8712. Д. 177. Л. 185.

Из объяснения красноармейца Я.И. СЕМЕНОВА, повара военторга 33-й армии

12 апреля 1942 года я вместе с работниками военторга (Косой и другие) находился в Шпыревском лесу. Генерал-лейтенант Ефремов в это время находился в деревне Шпырево, для которого вечером 12.04 был приготовлен ужин. 12.04.1942 года деревня Буслава была занята войсками генерал-лейтенанта Ефремова, и этого числа тов. Косой отдал приказание двигаться на деревню Буслава. 13.04 утром, не доходя до дер. Буслава, на опушке леса северо-западнее я лично видел техника-интенданта 1-го ранга Николая Бунина, раненного в плечо и ногу. Его вели под руки майор Водолазов, тов. Косой. Шли и другие командиры, фамилий их я не знаю. Направление они взяли обратно в Шпырев-

¹ Очевидно, имеется в виду деревня Рыляки близ Юхнова. В таком случае А.И. Кононов переправлялся не через реку Угру, а через реку Рессу.

ский лес к месту, где располагался медсанбат. С тех пор нигде я больше указанных товарищей не встречал.

Я вместе с л-том Торопыгиным, политруком Кузнецовым, майором Гуртовенко и другими товарищами повернули обратно в Шпыревский лес, так как немцы сильно обстреливали опушку леса. К этому времени деревня Шпырево уже" была занята немцами. 14—15.04.1942 года наша группа пробивалась к своим на восток. Пробриться нам не удалось, и мы вынуждены были повернуть обратно в дер. Шпырево. Не доходя полкилометра до дер. Шпырево, заняли оборону и оборонялись до 17 апреля, после чего наша группа разбилась на мелкие группы. Я вместе с товарищами Кузнецовым, Торопыгиным и их бойцами направился лесами на восток, к реке Угре, где были обстреляны и снова повернули в направлении на дер. Шпырево. По пути движения ночью под 18.04 я отстал от товарищей, остался один и с того времени никого из них не встречал.

Утром 18 апреля 1942 года я встретил лейтенанта, старшего сержанта и шофера 160 сд (фамилии их не помню), и тогда нас стало четверо. Решили двигаться на юг по компасу. Двигались все время исключительно лесами. В населенные пункты не заходили, ввиду чего местность не могу назвать. По пути нашего движения на юг нас непрерывно обстреливали немцы. В бой с немцами мы не вступали. Вышли к своим 26 апреля 1942 года в районе 49 армии за городом Юхновом (в 15 км). Вместе со мной вышли л-т, ст. сержант, шофер. Все с оружием, последнее было отобрано в 49 армии.

**Из объяснения майора П.Ф. ТОЛСТИКОВА,
старшего помощника начальника оперативного отдела
33-й армии**

Согласно приказу командарма № 027 для соединения с Восточной группировкой части ударной Западной группы 33 армии должны были к исходу дня 12.04.1942 года занять исходное положение в районе Шпырево, Жолобово. Но 338 сд, выступив в ночь на 12.04.1942 года, к сроку на исходное положение не вышла, в результате чего наступление было

отложено на 13.04.1942 года. В ночь в 13.04 на 14.04 части 160 и 338 сд начали марш в своих направлениях (по приказу № 027).

Командарм, Офросимов, Владимиров, Камбург, Ушаков, Олехвер, Жоров, Водолазов и я шли в голове колонны главных сил 160 сд. Легкораненые двигались в колонне, а тяжелораненые — на подводах в хвосте колонны главных сил. Обозы раненых охранялись арьергардами дивизий. Ответственность за раненых была возложена на полковника Самсонова, выполнявшего обязанности зам. командующего по тылу. Я цифры раненых не помню, приблизительно тяжелораненых было человек 300. Арьергард Западной группировки составляла 113 сд, усиленная подразделениями 160 и 338 сд. Материальная часть и спецмашины были разобраны и закопаны на участках дивизий. При подходе к дороге Беляево—Буслава авангард колонны был встречен пулеметным и автоматным огнем из окопов у дороги. В результате боя противник был уничтожен и колонна продолжила движение в направлении Родня, отм. 191,5.

Противник, подтянув силы из Беляево и Буслава, на рассвете 14.04 обрушился огнем на обозы, идущие за главными силами. В завязавшемся бою с арьергардами колонны противник уничтожил много состава. 14.04.1942 года днем в лесу восточнее Родня на поляне авангард был встречен огнем пулеметов и автоматов. Главные силы развернулись, сбили противника, после чего продолжали движение. В лесу севернее Шумихино в ночь с 14 на 15.04 боем уничтожили засады противника на дороге Малая Буслава—Староселье и продолжили движение лесом на Ключик. 16.04 утром вышли к высоте 191,6 (северо-западнее Нов. Михайловка).

Командарм с группой старшего ком. состава штарма был в середине колонны главных сил. Здесь командующий приказал мне выйти в голову колонны. Выйдя в голову колонны, перебежали вместе с ней дорогу Кобелево—Климов Завод. Сосредоточились в лесу восточнее Нов. Михайловка, не встретив сопротивления противника. Всего перешло дорогу около 60 человек. Посланная назад для связи разведка сообщила, что колонна главных сил прошла по лесу севернее Ключик. Я с группой пошел по лесу, вышел на свежую тропу и услышал стрельбу в направлении высоты 179,5 (на

Жары). Рассчитывая, что там ведет бой колонна главных сил, пошел туда. Подойдя к высоте с севера, встретил наших красноармейцев, сообщивших мне, что Ефремов здесь и наши ведут бой. Наша группа развернулась и начала наступать на высоту. В районе высоты был лагерь противника. В результате боя на высоте уничтожено до 60 солдат и офицеров противника. Далее наступали на Мосеенки. Западнее Мосеенки встретил начальника разведотдела штаба Гладченко и батальонного комиссара Фетисова и выяснил, что здесь не главные силы Западной группировки армии, а часть сил авангарда (подразделения 160 и 338 сд) с полковником Кучиным.

Часам к 16.00 16.04 мы овладели Мосеенки, группа человек 15 наших бойцов ворвалась в Жары, разогнала находившихся там немецких обозников, а потом была из Жары выбита. В Мосеенки нами сожжен склад с боеприпасами. Под нажимом противника на Мосеенки с запада наша группа пошла в лес восточнее, с наступлением темноты перешла поле и вошла в большой лес. Попытки в ночь с 16 на 17.04 перейти в направлении Красный Октябрь, Красная Горка отражались сильным пулеметным и автоматным огнем противника с берега реки Собжа. В ночь с 17 на 18.04 мы пошли по восточному скату высоты 180,5, лес южнее и вышли на южную окраину Павлово. Вышло со мной 10 человек. С высоты 180,5 мне помогали идти красноармейцы. В Павлово бойцы 238 сд 49 армии по распоряжению командира полка положили меня в землянку, где я пролежал день 18.04.1942 года.

Связь с Ефремовым потерял в лесу восточнее Нов. Михайловка 16.04.1942 года. Командарм и перечисленная выше группа командиров были здоровы. Больше о них сведений не имею. Представителю 49 армии и оперуполномоченному 238 сд я сообщил о положении Западной группировки 33 армии и данные о противнике, наблюдаемые мною на пути. Мною доставлены документы: подлинник боевого приказа № 027, боевая характеристика 160 сд, ключи и кодировки карты, прогноз погоды, карта, личное оружие и автомат.

ЦАМО. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 177. Л. 70-72.

**Из объяснения военюриста 1-го ранга А.А. ЗЕЛЬФЫ,
заместителя военного прокурора 33-й армии**

С получением приказа главкома Западного направления о выходе из окружения путем прорыва вражеского кольца, 11.04.1942 года командармом-33 была поставлена боевая задача: войскам Западной группировки прорвать вражеское кольцо окружения и соединиться с частями 43 армии. В это время командарм Ефремов со штабной группировкой численностью до 400 человек находился в деревне Науменки. В этой группе были товарищи Ефремов, Камбург, Олехвер, Толстиков, Водолазов, Кузнецов, комендант со своим помощником, фамилию которого не помню, главный хирург Жоров, полковой комиссар Владимиров, генерал-майор Офросимов, полковник Ушаков, интендант группы Скловвер¹, начальник авиации п/п-к Гончаров, вет. врач Ходанович, я и другие командиры. Вооружение нашей группы — винтовки и около 10 шт. автоматов.

Из деревни Науменки мы вышли 11.04, а 12.04.1942 года были в Шпырево. 13.04 дали первый бой противнику около дер. Буслава, прорвались и по лесам мимо деревень Родня, Пожощка ночью 14.04.1942 года вышли в лес северо-западнее Шумихино. В бою около дер. Буслава убиты 14.04.1942 года интендант Цкловвер и п/п-к Гончаров. О Цкловвере официально докладывали командующему, а Гончарова я лично видел убитым 16.04.1942 года. На рассвете в Шумихинском лесу нашу группу атаковала большая группа автоматчиков противника, которая рассеяла нашу группу. Здесь я с пятью красноармейцами и ст. лейтенантом 160 сд Титковым расстались с группой командарма Ефремова и больше с людьми командарма не встречались, за исключением профессора Жорова. Я с пятью товарищами после боя в Шумихинском лесу пошли по лесам мимо деревень: Борисенки, Староселье, Новая Лука и добрались до реки Угра южнее Козлы. В реке Угра наловили бревен, связали плот и по реке Угра на этом плоту поплыли вниз по течению мимо деревень: Старая Лука, Бабинки, Кобелево,

¹ С к л о в е р Абрам Яковлевич — интендант 2-го ранга 338-й стрелковой дивизии.

Синяково, Костюково¹, где нас ружейно-пулеметным огнем обстреляли, в результате был ранен один красноармеец. 23.04 на рассвете мы доплыли до дер. Малое Устье и высадились к частям 53-й сд 43 армии, где сдали раненого в ПМП 53 сд. Питались мы до боя под Буславой продуктами, сброшенными нашей авиацией. До района Буслава шли за нами и обозы, и везли раненых. После боя под Буславой обозы отстали, а вместе с ними и продукты. Питаться приходилось где что найдет, кониной убитых лошадей и т. д.

Из слов других товарищей, убиты: п-к Самсонов, п-к Ушаков. Докладывали, что убит полковой комиссар Владимир².

В архиве майора Советской армии С. Д. Митягин а, который всю свою жизнь посвятил поискам погибшего во время выхода из окружения 33-й армии отца, капитана 338-й стрелковой дивизии Д. Н. Митягина, сохранилось письмо АЛ. Зельфы. В нем бывший заместитель военного прокурора 33-й армии дает описание своего пребывания в окруженной группировке и выхода из окружения. Вот фрагмент этого письма, датированного 1964 годом.

Приступая к описанию печальной повести двадцатидвухлетней давности, прежде всего хочу извиниться... за мой дубовый, казенный язык. Сорок лет военной службы, многолетняя работа над судебными-следственными документами наложили отпечаток на стиль моего письма.

¹ Возникает естественный вопрос: каким образом А.А. Зельфа запомнил деревни, мимо которых проплывал? Спрашивал, что ли, жителей: какая это деревня?.. Или потом, когда писал рапорт, создавал легенду, глядя на карту?

² Станным выглядит то, что А.А. Зельфа о смерти полковника Ушакова говорит «со слов других товарищей». Да, смерть полковника была необычной, и ставить ее в ряд с другими было просто нельзя. Тем более ему, прокурорскому работнику. И если он действительно встречался с Жоровым на Угре, то неужели же профессор не рассказал ему того, кто застрелил полковника Ушакова и за что. Из всего этого можно сделать вывод: Зельфа всячески пытается дистанцироваться от этой истории, которая — он это хорошо понимал — весьма и весьма темна.

Понимаю задачу так: дать канву, основанную на известных мне правдивых фактах, а вы эту канву украсите золотыми узорами, которые расскажут потомкам о последних днях жизни и деятельности командарма-33 генерал-лейтенанта тов. Ефремова Михаила Григорьевича.

В начале февраля 1942 года, по приказу свыше, «для руководства работой военных прокуратур», на самолете У-2 под аккомпанемент трассирующих автоматных очередей я перелетел вражеские коммуникации и приземлился на снежном аэродроме в расположении Западной группировки 33 армии, окруженной в районе города Вязьмы.

Командующий армией генерал-лейтенант тов. Ефремов М.Г. информировал меня о состоянии войск, которое было весьма тяжелым и бесперспективным¹.

Войска занимали около 40 населенных пунктов, солдатский паек — на грани голодного; артиллерия, за неимением снарядов, бездействовала, автомашины не работали (не было горючего); не было танков и авиации.

Спустя некоторое время стало совершенно ясно, что, если не будет оказана помощь продовольствием, боеприпасами и людьми, окруженная² группировка перестанет существовать как боевая единица.

¹ Можно себе представить «радость» командарма, когда очередной самолет с Большой земли доставил в окруженную группировку, остро нуждавшуюся в подкреплении, в медикаментах для раненых и больных, в снарядах для орудий, не эти необходимые грузы, а прокурора военюриста 1-го ранга А.А. Зельфу. Задачей группы было, в том числе, и расследование причин окружения Западной группировки 33-й армии и того положения, в которое она попала в результате окружения.

² В 1964 г., когда писалось это письмо, тов. Зельфа А.А. расставляет очень правильные, объективно верные акценты. Но откуда же на столе у командующего Западным фронтом Г.К. Жукова появился документ, в котором — черным по белому: «Как показало следствие, никто, кроме командующего 33-й армией, не виновен в том, что его коммуникации противник перехватил. *Жуков*». С чьей компетентной подачи Жуков подписал этот текст, которого, видимо, и сам устыдился, потому и не отослал ни Ефремову, ни Сталину. Потому как не его это было убеждение. А теперь эту неотосланную телеграмму все кому не лень ставят в укор Маршалу Победы. Тут снова уместно вспомнить тон и смысл разговоров с командармом-33 тогдашнего начальника штаба Западного фронта генерала Соколовского. Нет, тут интрига более глубокая. Я думаю, что историки со временем растолкуют ее суть. Все тайное в конце концов становится явным.

Шло время, помощь не поступала. Изнуренные непрерывными боями войска, находившиеся в снежных окопах, едва сдерживали натиск вражеских войск. Положение с каждым днем ухудшалось. Поедали последних лошадей, павших от истощения. Поступали больные и раненые, остро нуждавшиеся в самом необходимом. В такой обстановке мы жили, дрались и стояли насмерть.

Приближалась весна. Противник начал проявлять более активные действия. Снежные окопы перестали быть укрытием для войск. Положение становилось весьма критическим.

И вот в начале апреля (возможно, в конце марта) 1942 года поступил приказ: пробиваться на восток собственными силами. И мы двинулись на прорыв.

...Возможно, вас не интересует обстановка, сложившаяся к моменту попытки к прорыву, но мне кажется, что декорация поможет вам украсить и приблизить к естественным условиям действующих лиц, в частности главное действующее лицо — генерала тов. Ефремова М.Г.

Люди проявляют героизм в беде, и, в зависимости от тяжести обстановки, оценивается поведение людей, принимавших участие в ликвидации опасности.

Пригревало апрельское скупое солнышко, подтаивал наш снежный аэродром. Отлетал последний самолет в тыл армии.

Числа 7—8 апреля 1942 года, перед самым выходом в прорыв, армейский хирург профессор тов. Жоров И.С. заболел гриппом. Я высказал соображения командующему тов. Ефремову о том, что в медицинском мире профессор Жоров является ценным ученым и будет более целесообразно отправить его в тыл, тем более что он болен¹. Михаил

¹ Странное письмо написал А.А. Зельфа. И ухватиться-то не за что. Что и говорить, написано профессионально, отпечаток долголетней работы над судебными документами действительно чувствуется. В самом начале собирался «дать канву», потом пространно заговорил о «декорациях», о том, как «люди проявляют героизм в беде», и о том, как «пригревало апрельское скупое солнышко...», а когда, наконец, память натывается на живой эпизод, нить рассказа рвется о «забыл название» или просто «забыл». Десять раз автор письма называет имя профессора И.С. Жорова. Слишком обильно для такого небольшого текста. Даже сообщил такую подробность, что ува-

Григорьевич как-то нехотя, но все же с моими доводами согласился. Об этом решении командующего передали Жорову, который отказался от предложенной перспективы и заявил: «Я армейский хирург и не имею права оставить войска в таком тяжелом состоянии, тем более при наличии около двух тысяч больных и раненых»¹.

На вторичное предложение отправиться в тыл профессор Жоров категорически отказался. Решение Жорова не покидать войска явно понравилось Михаилу Григорьевичу. Он как-то мягко улыбнулся и сказал: «Молодец, профессор!»²

Числа 9—10 апреля 1942 года вся Западная группировка двинулась на прорыв. Дивизии пошли самостоятельным путем, а наша штабная группа, укомплектованная из остат-

жаемый профессор перед самым выходом, то есть перед маршем на прорыв, заболел гриппом. Или это такой литературный прием — ввести в текст героя, который потом будет играть, возможно, главную роль? Есть такой литературный прием.

Только вот какая странность: в 1942 г., когда А.А. Зельфа писал рапорт об обстоятельствах выхода, имя профессора Жорова он упомянул лишь дважды. И о гриппе ни слова. А ведь можно было бы и о гриппе профессора. Момент-то героический. Ради войск отказался вылететь... Но промолчал. Не потому ли промолчал, что любой особист тогда, в апреле 1942 г., мог ухватиться за этот любопытный факт? Что и сам А.А. Зельфа еще не знал толком, где гуляет его товарищ «в хромовом пальто»? Как много все же любопытного в истории Зельфы—Жорова!..

С точки зрения А.А. Зельфы, профессор И.С. Жоров конечно же представляет собой в окруженной группировке наибольшую ценность. Гораздо большую, чем ценность, к примеру, любого из генералов (их в Западной группировке было несколько) и даже самого командующего. Если же отстраниться от обстоятельств войны, то как можно решить, что жизнь рядового пехотного Петра Иванова или лейтенанта Ивана Якимова стоит дешевле? На каких аптекарских весах все это взвешивал уважаемый прокурор? Или здесь действовали какой-то иной стандарт и иная шкала ценностей, о которой не знали ни Петр Иванов, ни Иван Якимов, ни сам командарм?

¹ Если же взглянуть на отказ профессора И.С. Жорова вылететь из окруженной группировки с несколько иной стороны, то логика его поведения — остаться во что бы то ни стало — становится вполне понятной и последовательной. Его главная миссия только-только начиналась, и он должен был находиться тенью неотлучно при командарме. И сразу меркнут «золотые узоры» этой «канвы», сотканной двадцать два года спустя...

² Все, дело сделано. С этого момента командарм начинает доверять профессору больше.

ков батальонов (связи, саперного, команды автоматчиков особого отдела и др. разрозненных подразделений) во главе с командующим двинулась своей дорогой¹.

Всем было ясно, что эта малочисленная группа только с ручным оружием была не способна к активным боевым действиям, поэтому наша задача сводилась к тому, чтобы в плотном кольце противника нащупать щель, через которую просочиться к своим². Шли лесами, где еще лежал глубокий, тяжелый снег, затруднявший движение.

¹ Ложь. Командарм шел в общей колонне. Штабную группу отбили в сторону впоследствии. Первый вопрос: почему Зельфа явно намеренно свидетельствует против фактов? При этом смещает число начала прорыва. Можно сразу заметить, насколько его свидетельства разительно отличаются от свидетельств остальных вышедших из окружения, в том числе офицеров штаба, которые имели доступ к полной информации.

² Снова ложь! Зельфа упорно развивает идею особого пути штабной группы. Давайте поразмышляем на эту тему. Вначале я решил, что личное желание «малочисленной группой» выскочить в «щель», бросив на произвол судьбы дивизии и раненых, огромный обоз, бывший военюрист 1-го ранга выдает за решение штаба, а значит, за решение командующего. Тем самым он, волюн или неволюн, бросает на генерала скверную тень. Сам при этом, понятное дело, остается в стороне. Для него, в конце концов, плот нашелся. Что касается этого посыла Зельфы, то документы свидетельствуют об ином. Согласно приказу командующего № 027 Западная группировка марш на прорыв должна была совершать следующим порядком: несколькими колоннами, в одном направлении, в авангарде 338-я и подразделения 9-й гвардейской стрелковой дивизии, 873-й арtpолк; в центре штаб армии, 160-я стрелковая дивизия и до 500 человек тяжелораненых на подводах, здесь же шли с оружием в руках легкораненые; в арьергарде 113-я стрелковая дивизия.

Манера говорить о самом главном вскользь. Ну что ж, тогда будем читать это письмо между строк более внимательно.

Исключаю стилистическую небрежность человека, сорок лет лставшего и создававшего судебнo-следственные документы и прекрасно усвоившего истину: за каждой бумажкой, за каждой фразой, за каждым умозаключением — судьба человека, очень часто жизнь или смерть, позор или слава. В каждой фразе Зельфы, за исключением «литературных» пассажей, — четко сформулированная мысль очевидца, делающего совершенно определенные акценты и отступающего на обочину, в заросли общих фраз именно там и тогда, когда говорить о виденном и пережитом ему по неким соображениям не хочется.

Но вернемся все же к идее Зельфы об *особом пути* штабной группы. А может, он существовал, этот *особый путь*? Но — чья воля стояла за тем, что в конце концов штабная группа действительно оказалась

В ночь на 14 апреля 1942 года в лесу нас встретили пулеметным огнем. Мы отбивались от невидимого противника до рассвета.

В этом бою была тяжело ранена девочка 16—17 лет по имени Валя — работница столовой военторга. Михаил Григорьевич лично распорядился об оказании ей медицинской помощи (она очень кричала и плакала) и приказал на носилках сопровождать ее с войсками.

16 апреля на рассвете разгорелся бой у одной деревни (забыл название), которую мы пытались захватить в поисках продовольствия.

Не знаю, что случилось: или я потерял сознание, или просто забылся, но, когда пришел в себя, группы командующего не оказалось¹. Наверное, они решили, что я убит. Больше Михаила Григорьевича я не видел.

изолированной и особо преследуемой автоматчиками из «Бранденбург-800»? Из штабной группы постепенно выбывали люди, которые были особо преданы командарму. Кого-то ранило, как лейтенанта Якимова. Кто-то, выполняя особое задание командующего, не смог вернуться назад, как майор Толстиков. Генерал Офросимов погиб. Полковник Ушаков убит Камбургом. Остались немногие. И — люди «в хромовых пальто», один из которых потом благополучно переплыл на плоту Угру, а другой остался на оккупированной территории и под чужим именем (!), тоже успешно, выжил в одной из деревень при госпитале. Правда, впоследствии поисковики, побывавшие в той деревне, ничего подобного, о чем тот расскажет в своей одиссее, не обнаружат.

Таким образом, возможно, этот *особый путь*, а точнее, *особый маршрут* для остатков группы командарма создавался. Кто его создавал? Кому это было нужно? Кому выгодно? Нужно это было понятно кому — немцам. Возможно, и скорее всего, их разведке. Такая работа — не для частей простых пехотных подразделений. Остается последний вопрос: кому это было выгодно? Из него вытекает и еще один вопрос: в чем заключалась выгода? Что покупало лицо, заинтересованное в смерти или плене командарма? Жизнь? Возможно. Жизнь — это немало. Если учесть, что даже грипп представлялся настолько сильной угрозой, что вошел в мемуары...

¹ Как много комментариев требуют свидетельства Зельфы. Иногда создается впечатление, что он намеренно все запутывает. Другие очевидцы атаку на деревню Жары, где была отбита немецкая кухня, описывают иначе. И дату атаки называют другую. И среди убитых Зельфу не упоминают. А уж если бы увидели якобы убитым его, то обязательно доложили бы командарму. К тому же в своих объяснениях обстоятельств выхода из окружения, данных в апреле 1942 г., Зельфа свой

Как держал себя в бою Михаил Григорьевич, можно подтвердить таким фактом.

Числа 14—15 апреля нас внезапно встретили сильным пулеметным огнем из вражеских танков, вкопанных в землю. Бойцы залегли, отстреливались, но не поднимались. Тогда Михаил Григорьевич поднялся во весь свой внушительный рост, с пистолетом в руках, впереди цепи, с выкриком «Товарищи! Бей фашистов!» пошел спокойным шагом вперед. За ним поднялись бойцы, и мы одолели простреливаемый со всех сторон участок боя сравнительно с небольшими потерями.

Мы намекнули Михаилу Григорьевичу, что он, как командующий, не имеет права так безрассудно рисковать. Позже, возвращаясь к этому вопросу, Михаил Григорьевич

отрыв от группы командарма описывает несколько иначе: «На рассвете в Шумихинском лесу нашу группу атаковала большая группа автоматчиков противника, которая рассеяла нашу группу. Здесь я с пятью красноармейцами и ст. лейтенантом 160 сд Титковым расстались с группой командарма Ефремова и больше с людьми командарма не встречались, за исключением профессора Жорова». Ох этот Жоров! Опять — он. И опять — как исключение. Но запомним эту фразу. К ней мы еще вернемся. А пока зададимся вторым вопросом: почему Зельфа «потерял сознание, или просто забылся» в своем письме, когда описывал момент отрыва от группы командарма?

Есть версия, основанная на свидетельствах очевидцев, что, когда стало ясно, что немцы знают о местонахождении командующего, что штабную группу цепко и жестко преследуют именно потому, что немцам нужен генерал М.Г. Ефремов, некоторые, в попытке выжить любой ценой, начали покидать группу под всякими предлогами, а попросту — разбежаться кто куда. Нет оснований предполагать, что военюрист 1-го ранга поступил в трудный момент подобным образом. Но и на факты глаза не закроешь. Помните, что рассказал офицер связи А.П. Ахромкин: «Когда мы с Никаноровым стали пробиваться по лесу к группе, нас встретили председатель ревтрибунала и пом. прокурора армии Зельфа. Они посоветовали собирать разрозненных бойцов и выводить их на запад, под Дорогобуж, где находилась конная группа генерала Белова».

И тут возникает третий вопрос: почему Зельфа умолчал о встрече с офицерами связи штаба 33-й армии Ахромкиным и Никаноровым?

И сразу четвертый вопрос: кто был вместе с Зельфой, когда они возвращались из леса, где только что затих бой и где, по предположениям Ахромкина, только что погиб командарм? И следующий вопрос, который задают многие исследователи, пятый: куда направлялся Зельфа со своим напарником, который тоже был одет в хромовое пальто?

сказал: «А что мне остается делать, как командующему? Пулю в рот!» Тогда я не придавал значения этим роковым словам, но мне казалось, что в боях он искал смерть.

Могу привести еще такой эпизод. Михаилу Григорьевичу стало известно, что командир дивизии (кажется, 113 Забайкальской) ранен в руку с повреждением кости и находится в лазарете. Он обратился ко мне и сказал: «Прокурор, разыщи комдива и передай, чтобы он командовал дивизией, в противном случае будет расстрелян»¹.

Я заметил, что при наличии костного ранения вряд ли целесообразно вступать в командование дивизией. На это замечание Михаил Григорьевич ответил так: «Командиру дивизии не нужны руки, ему нужна голова». Через несколько дней этот комдив в бою был убит².

Сопоставляя отношение Михаила Григорьевича к девочке Вале и требование к командиру дивизии, можно понять, что в его сердце вмещались отеческая забота о людях и неумолимые требования, вытекающие из жестоких законов войны.

Когда я отбился от группы командующего, мое одиночество стало особенно тяжелым. И тут я набрел на носилки, на которых лежала мертвая девочка Валя. Окропив слезами труп Вали, я заковылял куда глаза глядят, влившись в общий поток людей, идущих в никуда.

Числа 18—19 апреля 1942 года подошел к реке Угре, на противоположном берегу которой расположена деревня Козлы, занятая немецкими войсками.

¹ Некоторые исследователи и военные историки упрекают командарма-33 в мягкотелости. Этот эпизод свидетельствует о том, что генерал М.Г. Ефремов мог быть и жестким, и по-жуковски бескомпромиссным.

² Командиром 113-й стрелковой дивизии был полковник Константин Иванович Миронов. Полковник Миронов был ранен в Шпыревском лесу во время прорыва, а затем, при попытке перевести остатки дивизии и примкнувшие к ней отряды через реку Угру, убит. Судя по действиям 113-й дивизии, донесениям штаба дивизии, это был хороший командир. Исполнительный, требовательный к подчиненным. Всегда быстро налаживал связь со штабом. Оказавшись во время выхода в двойном окружении, прорвал блокаду и выполнил приказ, выйдя в район сосредоточения. Судя по спискам вышедших из окружения, больше всех вышло именно из 113-й стрелковой дивизии.

Маленькая речушка в результате весеннего паводка превратилась в непреодолимое препятствие, и перед нами встал мучительный вопрос: что делать? Как вырваться из вражеского железного кольца?

В тот день с небольшой группой офицеров (3—4 чел.) подошел профессор Жоров, которому я несказанно обрадовался. Обсуждая вместе план прорыва, мы приняли решение, которое, казалось бы, не имело никаких перспектив на спасение.

Мы решили прорваться по реке Угре в сторону Юхнова, на пути к которому в 15—20 километрах, по нашим предположениям, должны быть наши войска. Но на чем прорываться? Необходимы плавсредства. И тут родилась идея: соорудить плот. Такой «плот» был сооружен из 6—8 бревен, связан веревками, свитыми из кальсон и рубах, и поясными ремнями. В 24 часа 20—21 апреля 1942 года проф. Жоров И.С. с 3—4 офицерами разместились на этом «плоту» и поплыли по течению в сторону города Юхнова. Операция не удалась. Вся группа была захвачена немцами. Как все это произошло, что было после — лучше расскажет сам тов. Жоров.

На следующий день я, три солдата и один офицер, на таком же точно «плоту», по тому же маршруту, с теми же надеждами поплыли по реке Угре в сторону города Юхнова.

На середине реки наш неуправляемый, без руля и ветрил «плот» закружило, завертело и понесло по своеобразным законам течения разбушевавшейся реки. Стало как-то жутковато: справа и слева враги, впереди неизвестность. Шансы на спасение сузились до размеров едва заметных даже под микроскопом большой мощности.

Приходили мысли, что мы попали между Сциллой и Харибдой, но положение уже нельзя было изменить. Плот несло независимо от нашего желания.

Продолжаем плыть. Над водой торчат одни лишь головы. Холодная вода давала себя чувствовать, коченели пальцы. Плыдем вдоль высокого берега, покрытого мелким кустарником, слышим немецкую речь, очевидно наблюдательных постов. Что стоило фрицам глянуть вниз, и нам пришлось бы в лучшем случае разделить участь профессора Жорова.

Но темная ночь скрывала нас от вражеских глаз, и мы благополучно миновали особо опасные места. Путешествие про-

должалось, наступил предательский рассвет. Вдруг раздался крик: «Хальт!» — и вслед автоматная очередь, в результате которой наш один солдат был ранен. Во время обстрела «плот» по изгибу реки резко повернул в сторону и мы скрылись.

Становилось светлее. Тревожили мысли, что ожидает нас впереди: враги? — все кончено. Свои? — спасение. Показалось солнышко, и вдруг раздался спокойный, четкий голос: «Стой! Кто идет?» Это оказались части не 43 армии, как об этом вспоминает тов. Жоров, а 50 армии, которой командовал генерал Болдин. Но как причалить к берегу, ведь «плот» неуправляемый. Но тут нам повезло: на пути следования показались кроны затопленных паводком деревьев, которые помогли нам, с помощью брошенной веревки, причалить к родным берегам. Спаслись и все остальные люди, испытавшие эту редкую по замыслу «прогулку».

Вот так и окончилось наше шестичасовое путешествие по реке Угре, которая нашла щель во вражеском кольце и спасла нас от смертельной опасности.

После месячного пребывания в госпитале — снова служба в рядах армии, длившаяся до 1953 года. В 1953 году я был уволен в запас, как говорится, с мундиром и пенсией, в звании полковника юстиции.

Насколько мне известно, с тов. Ефремовым оставались до конца: начальник артиллерии армии генерал-майор тов. Офросимов Петр Николаевич и начальник особого отдела армии тов. Камбург. Оба они погибли, но как и при каких обстоятельствах — данных не имею.

Версия Вершигора П.П. о том, что, перед тем как застрелиться, Ефремов помог покончить жизнь самоубийством ряду своих воинов, по меньшей мере абсурдна.

Командарм Ефремов не был похож на того трагика, который уговаривал Федю Протасова покончить жизнь самоубийством. Нет, он не мог агитировать товарищей на такой сложный психологический акт, который, кстати сказать, не всегда расценивается положительно.

Помню случай, когда на моих глазах два офицера покончили жизнь самоубийством, и, когда об этом стало известно тов. Ефремову, он как-то угрюмо прошептал: «Глу-

по». То, что впоследствии он сам разделил участь этих офицеров, это оправдывалось создавшейся обстановкой, которая поставила перед ним альтернативу: пленение или смерть, третьего не дано. Естественно, он принял последнее. Другого, оправдываемого, выхода, очевидно, не было. (Такая альтернатива стояла перед нами.)

В быту Михаил Григорьевич был прост и доступен. Не пил, не курил, и, когда за обедом намекнули на его скромность, он ответил примерно так: было время, когда он увлекался такой процедурой, но затем дал партийное слово не пить и не нарушал его до конца.

Однажды он рассказал нам, как перед отъездом на фронт его поучала теща: «Мишенька, береги себя, не подставляй голову под пули», — говорил иронически, с большим юмором. О других членах семьи при мне не вспоминал.

Часто слушал музыку, затем объяснял нам ее смысл. Чувствовалось, что он понимал и любил музыку.

Каким он был и остался в моей памяти: олимпийское спокойствие в бою; человек с непоколебимой, железной волей. Опытный военачальник. В быту скромнен, прост в общении. В общем, он был человеком, заслуживающим, чтобы о нем сказали доброе слово...

¹ В своей книге «Трагедия и бессмертие 33-й армии» (М., 2006) полковник и историк В.М. Мельников так комментирует объяснение Зельфы 1942 г.: «С.Д. Митягин считает, что многое из написанного Зельфой — выдумка. На протяжении многих десятилетий, восстанавливая картину происшедшего в те апрельские дни 1942 года и разыскивая следы пропавшего без вести отца, в ходе многочисленных встреч с ветеранами 33-й армии, которым удалось выйти из окружения, и в частности в беседах с бывшим старшим лейтенантом Владимиром Владимировичем Титковым (жил в Москве), ему удалось проверить многое из того, что описал Зельфа. Однако мало что из этого описания соответствовало действительности. С.Д. Митягин в своем письме сообщал: «Ст. л-т В.В. Титков в Шумихинском лесу вовсе не «отбивался» от группы командарма. Он продолжал идти в этой группе до самого момента гибели Ефремова. А в тот момент, и лишь тогда, его «отсекли» от группы командарма. Очевидно, до этого же момента был в группе Ефремова и А.А. Зельфа, хотя он и отрицает это. [...] Тогда возникают вопросы: 1. Почему Зельфа отрицает, что находился в группе командарма вплоть до его гибели? Почему? 2. Куда делся второй армейский чин в кожаном пальто, попутчик Зельфы? А может, это был главный хирург 33-й армии профессор И.С. Жоров? Он, говорят, тоже шеголял в хромовом пальто тогда там, в окружении. 3. Где

Из воспоминаний профессора И.С. ЖОРОВА, главного хирурга 33-й армии

15 марта в штаб армии на Большой земле была получена радиограмма от генерала Ефремова, в которой он приказал, чтобы начанарм Л.И. Лялин, главный хирург армии И.С. Жоров, главный эпидемиолог профессор М.Л. Капусто и главный терапевт А.А. Калачев вылетели к нему.

В ночь с 15 на 16 марта автор этих строк и профессор Капусто вылетели на самолете из Износок, но из-за сильного обстрела и снегопада летчик не смог обнаружить посадочных сигналов, и нам пришлось вернуться обратно. На следующую ночь мы опять вылетели и благополучно приземлились. Часов в 6 утра нас доставили к командующему армией. У него в это время находились начальник артиллерии армии генерал-майор П.Н. Офросимов и начальник оперативного отдела полковник И.С. Киносян. Командующего наш приезд обрадовал. Он тут же сказал мне: «Профессор, вы должны нам помочь. У нас имеются большие потери. Бойцы падают от истощения, много раненых, пополнения нет. В медсанбатах находится около 2700 человек. Надо быстро поставить на ноги по крайней мере 700—800 человек». Я попросил дать мне время для осмотра раненых.

мог встречаться Зельфа с Жоровым (как заявляет прокурор, они были автоматчиками отсечены еще в Шумихинском лесу от группы командарма) после 14.04.42? Жоров был с Ефремовым почти до конца. 4. В.В. Титков хорошо знал И.С. Жорова и отрицает, что удер. Козлы при подготовке их вояжа на плотях в их группе находился и профессор Жоров, а вот сам Жоров настаивает на этом в своих воспоминаниях. 5. Что за секретный союз соединял Жорова и Зельфу? 6. Главный вопрос и главная тайна: какую роль сыграли Жоров и Зельфа в неудавшемся прорыве генерала М.Г. Ефремова из окружения?»

На все эти вопросы рано или поздно придется отвечать. Уже, разумеется, не Зельфе и не Жорову. Но если они не дают покоя уже третьему поколению исследователей и поисковиков, если упорно кочуют из издания в издание, из публикации в публикацию, то тайна должна быть раскрыта. Потому что с этим очень тяжело жить. В душе формируется ощущение, что 33-я армия во главе со своим командармом генерал-лейтенантом М.Г. Ефремовым все еще там, в холодных белых снегах под Вязьмой; она все пытается пробиться к нам и не может, и мы не можем ей помочь, не можем или уже не осмеливаемся ударить навстречу. А нам очень надо выручить их. Увидеть их глаза и лица. Нам нельзя предавать их.

Объездив и обойдя пешком все медсанбаты¹, я смог через два дня доложить командующему, что в течение 7—10 дней в строй можно будет вернуть минимум 1000 человек. Через две недели, благодаря напряженному труду медсанбатов, свое место в строю заняли 1100 человек, правда с не совсем зажившими ранами, но вполне боеспособных². Следует подчеркнуть, что многие раненые настоятельно требовали выписки из медсанбатов в свои части. 1600 раненых и больных у нас осталось. Число их с каждым днем увеличивалось. Приближалась весна, которая могла помешать приему самолетов, и мы оказались бы в еще более тяжелых условиях. Генерал Ефремов попросил командование фронта с помощью транспортной авиации по возможности скорее вывезти раненых на Большую землю. Вскоре началась их эвакуация, но все же около 1000 человек раненых у нас осталось. Из них, правда, тяжелораненых, неспособных к самостоятельному передвижению, было немного. Кроме того, у нас имелось около 150 больных сыпным тифом. С ними находился армейский эпидемиолог профессор Капусто. Некоторое время спустя немцы перехватили конный транспорт, перевозивший сыпнотифозных больных, и всех их уничтожили. Был убит и профессор Капусто.

¹ Из книги Ю.Б. Капусто «Последними дорогами генерала Ефремова»: «Зачем из Желтовки, где располагался командарм, все время подаваться на Комаровку? Зачем вышагивать то и дело эти пятнадцать километров, что за прогулка? На пятом десятке?.. Городской человек, холерный, не привыкший к таким переходам. Какие дела у него в Комаровке? Митягин все время повторяет, что недалеко от Комаровки, в ельнике дом лесника-полицая, что там и проживал какое-то время фальшивый партизан под кличкой Майор с «фифочкой», сидящей на рации. Уж не связано ли все это вместе?»

Служебное положение профессора конечно же позволяло ему достаточно свободно передвигаться от одного населенного пункта к другому. Какие встречи происходили на тех дорогах, узнать теперь трудно.

² Как это «вполне боеспособным» может быть человек «с не совсем зажившими ранами»? Более тридцати лет записываю воспоминания фронтовиков. И они не раз рассказывали, как их «выписывали» из медсанбатов такие вот профессора. Вытряхивали в окопы, зачастую не выдав на руки даже справки о ранении. Не хочу сказать этого о нашем профессоре, нет. Возможно, он действительно «в течение 7—10 дней» вылечил половину всех раненых и больных в Западной группировке 33-й армии. Ведь в строй они действительно встали.

В селениях, которые раньше занимали немцы, продовольствия было очень мало. В боеприпасах мы тоже нуждались. Правда, авиация эпизодически сбрасывала нам хлеб, сухари, патроны и винтовки, но продовольствия далеко не хватало. Людям выдавали в сутки по 100—200 граммов сухарей. Лошадей кормили соломой с деревенских крыш. Вспоминаются тяжелые картины голода. Через деревню, где размещался медсанбат, проходил наш обоз. Лошади еле волочили ноги. Вдруг одна из них упала и не могла уже встать. Ее выпрягли и оставили посреди деревенской улицы. Тотчас из всех хат к лошади бросились раненые, прирезали ее, и через 30—40 минут от нее остались одни лишь кости: мясо пошло в котел.

Против наших бойцов, вооруженных автоматами, винтовками и пулеметами, противник использовал авиацию, артиллерию, минометы, несколько танков. И все же советские воины долго и очень упорно противостояли врагу.

Немцы наступали со всех сторон, и территория, занимаемая нами, все больше уменьшалась. Почти ежедневно, даже по два раза в день, в определенные часы вражеская авиация бомбила деревни, а там находились раненые и больные. Мы решили вывести их в леса. Разместились в палатках, землянках, шалашах. Продовольственное положение наше все ухудшалось. Вскоре стало известно, что нам приказано выходить на Большую землю к своим и что на помощь будет двинута часть сил 43-й армии. Предстояло пробиваться к ним навстречу.

7 апреля был дан приказ всем выйти в Желобовский лес. Днем уже основательно подтаивало, и ноги глубоко проваливались в снег. Особенно трудно было везти раненых и больных тифом. Истощенные лошади часто падали, их приходилось постоянно менять. Все, что нельзя было взять с собой, зарыли в землю или уничтожили. К 10 апреля мы были готовы к выходу. Раненых разместили на подводах.

11 апреля в последний раз выдали продовольствие — каждому около 200 граммов сухарей и немного сахара. Около 2 часов ночи 12 апреля начали движение. Я шел рядом с командующим и не знал, что делается впереди с войсками. В группе командующего имелись автоматчики. Были еще пограничники во главе с начальником отдела контрразвед-

ки Гамбургом. Не могу сказать точно о распределении воинских сил. Но мне было известно следующее: впереди шел авангард, затем следовали командующий с группой штабных офицеров, за ними раненые. За ранеными двигался арьергард, защищавший хвост нашей колонны. Вначале в распоряжении командующего имелась лошадь с санями. Но так как продвигаться по глубокому снегу было очень трудно, ее пришлось бросить, и командующему, у которого было больное сердце¹, пришлось пробираться пешком.

Примерно в 5—6 часов утра мы подошли к полянке шириной всего 50—75 метров. Уже чуть начало светать. Здесь оказалась немецкая засада, которая с двух сторон открыла огонь из пулеметов по колонне. В один миг на наших глазах полегло около 50 человек. Мы все были прижаты к земле. Но в эти минуты острой опасности командующий не растерялся. Высокий, широкоплечий, он не пригибаясь ходил под огнем противника. Через некоторое время его ранило в спину. Помню серую генеральскую шинель командующего и красное пятно у левой лопатки. Я сказал Михаилу Григорьевичу, что он ранен, но в ответ услышал: «Черт с ним, главное — перевести людей через поляну». Трассирующие пули, как рой светлячков, вились среди нас. Несмотря на это, генерал Ефремов ходил со своим автоматом, не наклоня даже головы. Он совершенно спокойно подымал ползущих и заставлял быстро двигаться вперед, говоря при этом: «Братцы, вперед, здесь вы погибнете». В этом походе солдаты звали М.Г. Ефремова отцом.

Столь же мужественно держал себя генерал-майор Офросимов. Это был человек очень скромный, большой культуры и исключительно храбрый. Он ходил за командующим, поднимал бойцов и командовал им: «Налево, снять пулеметчиков», «Направо, снять пулеметчиков». С ними вместе шел подполковник Гончаров Малах (отчество забыл)². Он был заместителем начальника военно-воздушных сил армии, тоже замечательный человек. Когда поблизости от нас

¹ Это первая информация о больном сердце М.Г. Ефремова. Профессору, как доктору, следует верить. Возможно, поэтому штабная группа шла с частыми привалами и не столь быстро.

² Правильно — Гончаров-Малах.

упал замертво боец, Гончаров, имевший только револьвер, немедленно взял его винтовку и, крикнув «За мной!», побежал к немецкому пулемету, но, тяжело раненный в живот, сразу упал. Винтовка выпала из рук. Медсестре Чистяковой он отдал свои документы со словами: «Умираю за Родину».

Наконец преодолели эту злосчастную полянку. Немцы отошли, и в лесу стало тихо. Отдохнув, начали подводить итоги нашим потерям. Выяснилось, что погибли полковник Самсонов, начсандив 160-й дивизии товарищ Клейн и интендант, фамилию которого не помню. Героической смертью пал член Военного совета окруженной группы войск полковой комиссар А.Ф. Владимиров. Очевидцы его гибели рассказывали следующее: когда товарищ Владимиров был ранен, он, упав, выронил свой автомат. К нему бросились немецкие автоматчики, но он успел вынуть пистолет и, собрав последние силы, выстрелил и убил двух немцев. В окружении и в этом походе А.Ф. Владимиров проявил исключительную отвагу, пренебрежение к смерти. Он всегда был на тех участках, где приходилось особенно тяжело, и буквально не щадил себя. Не раз я говорил ему: «Товарищ Владимиров, зачем вы так поступаете, ведь вас убьют». — «Что же делать, положение наше такое тяжелое, что надо постоянно подбадривать людей». Когда вспоминаешь этого человека, невольно сравниваешь его с большевиками периода Гражданской войны, с теми горячими революционерами, которые в боях защищали советскую власть. Товарищ Владимиров был комиссаром-большевиком в лучшем смысле этого слова.

Пошли дальше. Шли днем и ночью. К сожалению, начало сильно оттаивать, а мы почти все были обуты в валенки. Некоторые реки (Угра, Воря) переходили по пояс в воде. В это время радиостанция вышла из строя, связь с командующим фронтом и соседней армией прекратилась. Мы шли по лесу, стараясь боев не принимать. Наша задача была выйти из окружения, а не драться немецкими войсками. Для этого не было ни сил, ни средств.

15 апреля генерал-лейтенант Ефремов мне говорил: «Товарищ профессор, сегодня будем пить чай с вареньем в штабе армии в Износах». Конечно, подобная перспектива

при полном почти голодании уже в течение 7—8 суток казалась очень заманчивой, и мы были уверены в том, что это так и будет. «По прибытии в Износки нас ждет вознаграждение за все пережитое, — продолжал он, — хорошо отдохнем. Но после этого предпримем попытку взять Вязьму, уже с учетом допущенных ошибок»¹.

К вечеру 17 апреля мы сконцентрировались в лесу, по мнению командующего, километрах в трех-четырех от 43-й армии.

Примерно в час ночи был дан приказ двигаться тихо, колонной по одному в направлении шоссе. Но когда мы туда пошли, то попали под интенсивный обстрел. Все залегли. Нас начали освещать ракетами, обстреливать из минометов, слышались крики приближавшихся немцев².

Героизм, проявленный бойцами в те минуты, был исключительный. Автоматчики, окружив командующего, отстреливались от наступающего врага. Когда кто-либо из них выбывал из строя, его место сразу же без всякой команды

¹ Мог ли командарм говорить профессору такие слова? О новой попытке взять Вязьму, о новом наступлении? Конечно, мог. Но разве что в шутку. Чтобы поднять настроение профессора. Ведь генерал отвечал за жизнь всех вверенных ему людей, в том числе и за такую особо ценную жизнь, каковой, несомненно, являлась жизнь профессора. И вот вопрос: а что было бы, если бы М.Г. Ефремов внял совету А.А. Зельфы и отправил профессора на самолете через фронт вместе с ранеными? Что было бы с остатками армии? Со штабом? С командующим? Не сложилась бы их судьба по-иному?

Писательница Юлия Борисовна Капусто в своей книге «Последними дорогами генерала Ефремова» вывела профессора под вымышленным именем Бездымный. Очень точный псевдоним: его обладатель действовал тонко, осторожно, абсолютно без дыма... Ю.Б. Капусто о нем, в частности, пишет: «Специалист он был хороший, и командарм его привлекал: не мальчик был командарм и наивностью не отличался, но у Бездымного был особый талант располагать к себе». Так что отношения у профессора с командармом действительно были близкие и говорить они могли обо всем. И профессор конечно же знал многое. Очень многое.

² Не правда ли, даже под пером профессора медицины все очень отчетливо напоминает описание западни? Как будто немцы заранее знали о том, что именно здесь нужно ждать прорывающихся. Здесь и стрелковое оружие, и минометы, и осветительные ракеты для более уверенного действия в ночное время. Все приготовлено заранее. И не только обстрел на уничтожение, а — охват, окружение на захват.

занимал другой. Непосредственной зашитой группы командующего руководил Гамбург, погибший в ту ночь¹.

Ночь на 18 апреля была трагической для окруженной части нашей армии. Она понесла огромные потери и перестала существовать как организованное целое. Взрывом мины или снаряда меня контузило, и я потерял сознание. Очнувшись, пошел искать командующего. Кругом лежали убитые и тяжело раненные, брели в одиночку и группами солдаты и командиры. Одна из групп, к которой я присоединился, направилась лесами на восток. Через несколько дней нам встретилась группа бойцов и командиров. Они рассказали, что были свидетелями, как генерал-лейтенанта Ефремова ранило в область таза. Так как самостоятельно двигаться он не мог, то его переносили на примитивно устроенных носилках, что причиняло ему тяжелые муки. Состояние Ефремова быстро ухудшалось. Чувствуя, что он уже ничем не может помочь своим войскам, и не желая попасть тяжелораненым в плен, генерал Ефремов сказал: «Ребята, мое дело кончено, а вы продолжайте драться». После этого он выстрелил себе в висок². Как мне стало известно впоследствии, труп командующего по приказу немцев перенесли в деревню Слободку и там похоронили. После освобождения этого района от фашистов останки генерала перевезли в Вязьму, где ему поставлен памятник.

¹ Обстоятельства гибели начальника особого отдела 33-й армии капитана госбезопасности Камбурга неизвестны. Никто не видел его смерти, никто не видел его мертвым. Существует версия, что он застрелился. Мог и застрелиться. Мог и попасть в плен. Хотя среди пленных его тоже не видели. Правда, то, что не видели, — это уже другая история. Профессора тоже в плену не видели. Тот же профессор о Камбурге свидетельствует совершенно определенно: «Гамбург, погибший в ту ночь...» Хотя о том, что видел его в момент гибели или мертвым, тоже не говорит.

² То, чего профессор не видел, описывает удивительно точно, с подробностями, свидетельствующими в пользу действительной достоверности описания реально происходивших событий. Командарм действительно скончался в результате пулевого ранения в область правого виска. Но тут возникает еще один вопрос: почему рана у командарма оказалась в области правого виска, тогда как он был левша? Во время боя в лесу он стрелял из автомата и винтовки с левого плеча. Как же еще может стрелять левша? Только с левой руки. Однако же последняя пуля, выпущенная из его личного ТТ, ударила ему в правый висок.

Нашу группу, состоявшую из пяти человек, возглавлял комиссар отдельного минометного батальона тов. Лобастов. Мы подошли к реке Угре, которая уже разлилась. Начался ледоход. Решили использовать реку, чтобы по ней доплыть до города Юхнова, где находились наши войска. Стали строить плот. Для этого мы сняли с себя нижнее белье и, разорвав его на полосы, свили веревки. Ими связали бревна. В 11 часов вечера плот столкнули в реку, но, когда на него влезли, он погрузился, и мы оказались в ледяной воде, но все же поплыли. В пять часов утра плот перестал двигаться. Он застрял среди льда, и нельзя было его сдвинуть с места. Пришлось выбраться на большую льдину, но тут нас заметили с берега немцы и начали интенсивный обстрел. Все бросились в воду. Мы приложили огромные усилия, чтобы не утонуть. Это удалось, но мы остались без оружия, только в верхней одежде, насквозь промокшие. На нас были гимнастерки, шапки-ушанки, брюки и валенки.

В дальнейшем с нами произошло следующее. После обстрела мы поплыли туда, где находился наш плот, то есть где было мелко. Скоро нащупали под ногами почву, начали выбираться и, к счастью, нашли островок, метров 15 в диаметре. Там заметили воронку от снаряда и залезли в нее. Обстрел прекратился. Пять суток без всякой еды провели мы в этой воронке. По ночам собирали с нашего плота бревна, доски, соорудили маленький плот и по двое переплыли на другой берег Угры, где находился большой лес. Там собралась солидная группа бойцов. Наши многократные попытки перейти фронт были безуспешными, каждый раз мы теряли при этом людей. Стало ясно, что перейти через линию фронта не удастся и что надо двигаться в тыл на соединение с партизанами. Так как от недоедания мы продвигались очень медленно (делали километр или два в час), я предложил не останавливаться и ночью, но товарищи были настолько истощены, что решили отдохнуть еще и ночью.

И это было роковой ошибкой. Ночью нас, почти безоружных, окружили около 100 немецких автоматчиков, захватили и повели в лагерь военнопленных, который находился примерно в 5 километрах. В лагере скопилось около

500 раненых наших бойцов и командиров. Они были очень рады приходу русского доктора. Ведь их никто не перевязывал, раны гноились, все были в лохмотьях. На наших глазах были расстреляны два русских лейтенанта только за то, что они были политруками рот. Нам рассказали, что в лагере есть провокатор: «Бойтесь его, он высокий, в резиновых сапогах». Немцы не всех коммунистов расстреливали, но политработников и евреев уничтожали немедленно. Документы наши были уничтожены, но я не мог назваться под другой фамилией, так как мою многие знали, и изменил только имя и отчество. Я назвался Иваном Семеновичем. Жители Темкинского района до сих пор в письмах называют меня так.

Спустя два дня всех пленных из лагеря отправляли в Вязьму через станцию Темкино. Двигаться пешком я не мог: ноги опухли так, что валенки нельзя было снять, и их пришлось разрезать. Меня примостили на крестьянскую телегу. Когда колонна проходила в поселке Темкино мимо дома с надписью «Русский лазарет», меня сбросили с подводы и сказали, чтобы я остался в этой больнице. С помощью крестьянина (хозяина лошади) я пошел в больницу, а остальных погнали в вяземский лагерь. По-видимому, все мои товарищи там погибли.

Итак, я оказался в темкинской больнице, которая обслуживала русское население, в основном больных тифом. Главным врачом этой больницы состоял случайно попавший сюда советский патриот профессор Эдуард Львович Ромель, по национальности латыш (в настоящее время он работает в Москве). Прележав в больнице два с половиной месяца, я физически окреп, подлечился¹.

Оставил профессор И.С. Жоров и другую редакцию своих воспоминаний. И эти, другие его воспоминания вызывают еще больше вопросов. Вот как, к примеру, профессор описывает эпизод гибели подполковника Гончарова-Малаха:

¹ Умер Исаак Соломонович Жоров в 1976 г. Можно не обратить на этот факт никакого внимания. Случайность. А можно и бесконечно задуматься...

«Он был ранен в брюшную полость. Сразу упал. Винтовка выпала из рук. К нему подбежала медсестра Чистякова. Он отдал ей свои документы, отстегнул кобуру, вынул пистолет и сказал:

— Ребята, я выбит из строя. Вперед! Не задерживайтесь! — и тут же кончил жизнь самоубийством.

Это было у нас первое самоубийство. Когда я рассказал об этом командующему М.Г. Ефремову, он произнес: «Подполковник Гончаров-Малах умер как большевик».

Но самым «потрясающим» эпизодом выглядит описание профессором Жоровым смерти начальника связи 33-й армии полковника Ушакова:

«В ночь на 17 апреля стала известна потрясающая новость, а именно что мы преданы начальником связи полковником Ушаковым и группой так называемых «партизан». Мне лично, со слов командующего, стало известно следующее. Нас должна была выводить через лес тропинками группа партизан в восемь человек. В группе этих «партизан» был и начальник связи полковник Ушаков¹. Эти «партизаны» вели нас туда, где отряд могли бы легче уничтожить немцы. Эти «партизаны» были предателями во главе с полковником Ушаковым. Он имел задание передать командующего живым в руки немцев². Один из предателей

¹ Ни о какой группе партизан никто из выживших не свидетельствует. Никто. Но известно, по нескольким свидетельствам, в том числе и батальонного комиссара В.И. Ляпина, бывшего командира партизанского отряда «Народный мститель», что проводником по местным лесам при командующем был Яков Алексеевич Сорокин, председатель колхоза из деревни Лытьево. Скорее всего, это выдумка профессора Жорова. Но не просто же так профессор фантазировал спустя десятилетия после событий апреля 1942 г. Можно предположить, он создавал версию виновности полковника Ушакова. И тут следующий вопрос: зачем профессору Жорову нужен в качестве предателя полковник Ушаков? Или полковник Ушаков стал козлом отпущения? И таким образом было отведено подозрение от истинных изменников и их умысла? Вопросы, вопросы...

² Профессор Жоров, конечно же утверждая виновность полковника Ушакова, отдавал себе отчет в том, что выступает и от имени Камбурга, и от имени командующего 33-й армией. Никто больше не

покаялся в своих проступках и сообщил об этом предательском плане Камбургу¹. Когда об этом стало известно начальнику особого отдела капитану Д.Е. Камбургу, то он принял меры к ликвидации этих «партизан» и Ушакова, отправившихся якобы «разведать» последний участок дороги. Этим предателям поджидали наши бойцы².

подтвердил его умозаключений. Да и вообще эта информация о передаче «живым в руки немцев» генерала М.Г. Ефремова — первая во всем множестве документов и свидетельств. И тут я с профессором согласен, но снова на уровне гипотезы; возможно, такое намерение кто-то из штабной группы имел, более того, возможно, рядом с командармом действовала целая группа, которая действительно имела задание взять генерала М.Г. Ефремова и передать его немцам.

А теперь давайте подумаем: под Вязьмой действовали не просто немецкие разведчики, а группа полковника Гелена, шпиона века. Стад бы поручать опытнейший разведчик столь сложное задание «партизанам»? Вряд ли. Он бы постарался сделать своими сообщниками самых преданных командарму людей. На такую роль полковник Ушаков конечно же вполне подходил. Но одному полковнику с таким заданием не справиться. Жоров пишет о «партизанах», которые якобы и составляли группу захвата под руководством начальника связи. Чуть. Кто бы поверил незнакомым «партизанам»?

¹ Характерно, что в этой редакции воспоминаний профессор Жоров правильно пишет фамилию начальника особого отдела 33-й армии.

² Не верю я в это. Не верю. некогда им было заниматься оперативной работой подобного характера. Надо было пробиваться к своим, уходить с контролируемой немцами территории, а не устраивать засады и поднимать стрельбу в своем лагере. Ведь сам Жоров говорит о том, что приказано было соблюдать особые меры безопасности, запрещено было даже разговаривать. Не верю. Никто из очевидцев последних часов жизни командарма и действий штабной группы не свидетельствует об этом эпизоде. Никто. Более того, офицер связи А.П. Ахромкин дважды повторил иную версию убийства полковника Ушакова. Ее подтвердил, независимо от А.П. Ахромкина, шифровальщик И.В. Якимов. Согласно версии Ахромкина—Якимова, напоминая: начальник связи 33-й армии был убит при следующих обстоятельствах. Перед тем как идти в последний прорыв, вечером, когда уже стало темнеть, штабная группа, оторвавшись от преследования, сделала привал. По словам Якимова и Ахромкина, Камбург отозвал полковника Ушакова в сторону и со словами «Вот тебе за потерю связи!» выстрелил тому в лоб. Командующий был возмущен действиями капитана госбезопасности. Тут возникает сразу несколько вопросов: почему Камбург произвел расстрел без согласования с командармом? Почему поднял стрельбу, когда было запрещено даже разговаривать? О чем разговаривали Камбург и Ушаков? Какая тайна ушла вместе с выстрелом Камбурга? Вот почему я не верю профессору Жорову.

В очень тревожном состоянии мы ждали, и вдруг все внезапно услышали возглас: «Смерть предателям Родины! Нет им места на земле!» — и тут же услышали выстрел один, а затем ряд выстрелов. Командующий, которому Камбург доложил о происшествии, рассказал мне, что в Ушакова выстрелил один из раскаявшихся предателей, но промахнулся. Когда Ушаков понял, что разоблачен и окружен, он застрелился. Часть партизан-провокаторов была уничтожена, часть убежала...»¹

¹ Здесь профессор рисует картину, которая может отдаленно напоминать революционный суд или приговор в условиях военного времени. Повторяю: все очевидцы утверждают иное. Стрельбы, как свидетельствуют Ахромкин и Якимов, не было. Был один выстрел. Ушакова застрелил Камбург. И тут еще один вопрос: зачем профессору понадобилась ложь о самоубийстве полковника Ушакова? Попытаюсь пофантазировать и я. Легенда о самоубийстве полковника Ушакова — гениальная выдумка! Во-первых: если начсвязи стреляется, значит, он предатель, который уличен, «разоблачен» и загнан в угол. Во-вторых: Камбург не совершал ни самосуда, ни чего-либо другого, потому что не стрелял, он просто выполнял свои обязанности. А теперь давайте поверим свидетельствам офицеров связи Якимова и Ахромкина, из которых явствует, что профессор вдобавок ко всем многим его талантам еще и талантливый выдумщик. И здесь я задаю последний свой вопрос: какова же истинная роль в трагедии 33-й армии и ее командующего генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова уважаемого профессора медицины И.С. Жорова?

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Российский государственный военный архив (РГВА).

Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1048.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Ф. 558. Оп. 11. Д. 59.

Центр документации Новейшей истории Смоленской области (ЦДНИСО).

Ф. 8. Оп. 2. Д. 80.

Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО).

Личное дело М.Г. Ефремова (дело № 1780368).

Ф. 8. Оп. 11627. Д. 60, 76.

Ф. 33. Оп. 682524. Д. 241.

Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5.

Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 101.

Ф. 208. Оп. 2511. Д. 24, 222, 1029, 1435; Оп. 2513. Д. 157, 159; Оп. 2524. Д. 101.

Ф. 226. Оп. 648. Д. 24.

Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13, 15, 26, 27, 33, 41, 56, 57, 59, 77, 78, 82, 98, 125, 131, 132, 141, 157, 174, 177, 279.

Ф. 500. Оп. 124662. Д. 591. Т. 2.

Ф. 1143. Оп. 1. Д. 20.

Ф. 1494. Оп. 1. Д. 6.

Ф. 3391. Оп. 1. Д. 2, 3.

Ф. 25887. Оп. 39. Д. 1372.

Байков Б. Воспоминания о революции в Закавказье (1917—1920 гг.). М.: Терра; Политиздат, 1991.

Барнет К. Военная элита рейха. Смоленск: Русич, 1999.

- Бешанов В.В.* Год 1942 — «Учебный». Минск: Харвест, 2002.
- Великая* Отечественная война 1941 — 1945: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985.
- Виноградов А.П., Игнатова А.А.* Герой-командарм. М.: Воениздат, 1967.
- Брейтвейт Р.* Москва 1941. Город и его люди на войне. М.: Голден-Би, 2006.
- Гальдер Ф.* Военный дневник 1941—1942. М.: АСТ, 2003.
- Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Ростов на/Д: Феникс, 1998.
- Гунченков И.Ф.* Солдатский подвиг командарма. Калуга: Золотая аллея, 2005.
- Карел П.* Восточный фронт. М.: Изографус; Эксмо, 2003.
- Кнышевский П.Н., Васильева О.Ю., Высоцкий В.В., Соломатин С.А.* Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М.: Русская книга, 1992.
- Комаров Д. Е.* Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Смядынь, 2004.
- Мельников В.М.* Трагедия и бессмертие 33-й армии. М.: Патриот, 2006.
- Митчем СВ.* Мюллер Д. Командиры Третьего рейха. Смоленск: Русич, 1997.
- Мухин Ю.И.* Война и мы: В 2 т. М.: Библиотека газеты «Дуэль», 2000.
- Мягков М.Ю.* Вермахт у ворот Москвы. 1941 — 1942. М., 1999.
- Пальчиков П.А.* Взятый меч. Жизнь и судьба Дыбенко // Москва. 2007. № 11.
- Разгром* немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1971.
- Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Голос, 2000.
- Сандалов Л.М.* На московском направлении. М., 1970.
- Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой. М., 2000.
- Чуев С.* Власовцы — пасынки Третьего рейха. М.: Яуза; Эксмо, 2006.

А — армия

ад — артиллерийская дивизия, авиационная дивизия

АДД — авиация дальнего действия

адн — артиллерийский дивизион

ак — армейский корпус

ап — артиллерийский полк

арм. — армейский(ая)

арт. — артиллерийский(ая)

артминп — артиллерийско-минометный полк

аз — авиационная эскадрилья

бад — бомбардировочная авиационная дивизия

бап — бомбардировочный авиационный полк

бат. — батарея

бепо — бронепоезд(а)

б-н — батальон

бр. — бригада

бс — батальон связи

ВА — воздушная армия

ВГК — Верховный главнокомандующий

вдд — воздушно-десантная дивизия

вдк — воздушно-десантный корпус

вкл. — включительно

выс. — высота

гап — гаубичный артиллерийский полк

гв. — гвардейский(ая)

д. — деревня

див. — дивизион, дивизия

ДНО (дно) — дивизия народного ополчения

зенадн — зенитный артиллерийский дивизион

зенап — зенитный артиллерийский полк

зсп — запасный стрелковый полк

иад — истребительная авиационная дивизия

иап — истребительный авиационный полк

инжб — инженерный батальон

иптап — истребительно-противотанковый артиллерийский полк

исб — инженерно-саперный батальон

иск. — исключительно

кап — конноартиллерийский полк
кд — кавалерийская дивизия
кк — кавалерийский корпус
кп — кавалерийский полк
лап — легкий артиллерийский полк
лбп — легкий бомбардировочный полк
лбр — лыжная бригада
мд — моторизованная дивизия
хмедсб — медико-санитарный батальон
мин. — минометный (ая)
минбр — минометная бригада
минп — минометный полк
мк — механизированный корпус
мсб — мотострелковый батальон
мсбр — мотострелковая бригада
мед — мотострелковая дивизия
мсп — мотострелковый полк
мтр. — метров
нбад — ночная бомбардировочная авиационная дивизия
нбап — ночной бомбардировочный авиационный полк
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НКО — народный комиссар обороны
нлбап — ночной легкомобомбардировочный авиационный полк
обе — отдельный батальон связи
осбр — отдельная стрелковая бригада
отм. — отметка
пд — пехотная дивизия
ПО — передовой отряд
пп — пехотный полк
ПТО — противотанковое орудие
ПТР — противотанковое ружье
р. — река
развед. — разведывательный
ро — разведывательный отряд
сапб — саперный батальон
сб — стрелковый батальон
сбр — стрелковая бригада
св. — сводный
сд — стрелковая дивизия
ск — стрелковый корпус
сп — стрелковый полк
ТА — танковая армия
тб — танковый батальон
тбр — танковая бригада
тд — танковая дивизия
тк — танковый корпус
тп — танковый полк
Уд. А — ударная армия
укреп. — укрепленный
УР — укрепленный район

СОДЕРЖАНИЕ

Кто не боится угрозы гибелью.....	5
<i>Глава 1.</i> М.Г. Ефремов. Прапорщик, комдив, командарм.....	9
<i>Глава 2.</i> Под Гомелем и Брянском.....	37
<i>Глава 3.</i> Подмосковная «битва на Марне».....	49
<i>Глава 4.</i> Наро-Фоминское сражение.....	56
<i>Глава 5.</i> Последняя атака фон Клюге.....	91
<i>Глава 6.</i> Вперед!.....	108
<i>Глава 7.</i> Полк капитана Лобачева.....	117
<i>Глава 8.</i> Взятие Боровска.....	127
<i>Глава 9.</i> «В то время, когда весь советский народ...».....	135
<i>Глава 10.</i> Верейская операция.....	140
<i>Глава 11.</i> «Нажимайте. Можете отличиться...».....	154
<i>Глава 12.</i> Почему не состоялся штурм Вязьмы.....	166
<i>Глава 13.</i> Окружение.....	178
<i>Глава 14.</i> Конники генерала Белова.....	207
<i>Глава 15.</i> Десантники полковника Казанкина.....	215
<i>Глава 16.</i> Шпыревский лес.....	217
<i>Глава 17.</i> Разгром.....	236
<i>Глава 18.</i> Последний бой.....	242
<i>Глава 19.</i> Гибель генерала Ефремова. Несколько версий.....	245
<i>Глава 20.</i> Генерал Ефремов и другие.....	262
Приложения.....	267
Источники и литература.....	347
Список принятых сокращений.....	349

Михеенков Сергей Егорович
АРМИЯ, КОТОРУЮ ПРЕДАЛИ
Трагедия 33-й армии
генерала М.Г. Ефремова
1941-1942

Ответственный редактор *А.Ю. Безугольный*

Художественный редактор *И.Л. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.04.2009.
Формат 84^х1087,2- Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Уч.-изд. л. 17,95 + вклейка = 18,82.

Тираж 4 000 экз. Заказ № 2380.

ЗАО «Центрополиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

e-mail: cnpol@dol.ru

www.centropoligraf.ru

Отпечатано в ООО «Спектр-П»
305025, г. Курск, ул. Строительная, 8

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Сергей Михеенков

АРМИЯ, КОТОРУЮ ПРЕДАЛИ

**ТРАГЕДИЯ 33-Й АРМИИ
ГЕНЕРАЛА М.Г. ЕФРЕМОВА**

1941—1942

Трагедия 33-й армии все еще покрыта завесой мрачных тайн и недомолвок. Командарм М.Г. Ефремов не стал маршалом Победы, он погиб под Вязьмой в тяжелом 1942 году. Защитник Москвы, освободитель Наро-Фоминска, Вереи и Боровска, сотен сел и деревень Московской, Калужской и Смоленской областей, он со своей армией дальше всех продвинулся на запад в ходе контрнаступления советских войск под Москвой, но, когда был окружен и возникла угроза плена, застрелился.

Историк и писатель Сергей Михеенков, долгие годы изучающий причины и обстоятельства гибели генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова и его армии, проливает свет на эти события. В своей книге, основанной на обширной архивной базе, он открывает неизвестные страницы истории второго вязьмского окружения, рассказывает о непростых взаимоотношениях, которые сложились у генералов М.Г. Ефремова и Г.К. Жукова.

ISBN 978-5-9524-4344-0

9 785952 443440

ЦЕНТРОЛИГРАФ®